

Регина Грез

Мой нежный хищник

Глава 1. Бегство на Мохово болото

Есть такие дороги, назад не ведут...

Свой первый в жизни трудовой отпуск Екатерина Смирнова получила в сентябре. Но вовсе не расстроилась. Она любила осень — время подведения итогов, пора изобилия. Кате даже казалось, что и новый год следует начинать тоже с первого сентября, как было в России до Петра Первого. По крайней мере для себя Катя всегда считала сентябрь месяцем особым, свой личный год ей волею неволей приходилось начинать именно с него, ведь первое сентября было Катиным днем рождения.

В этот день Катюша и приехала к родителям, в маленькую деревеньку с добрым названием «Березовка», за семьдесят километров от города. Планов на три недели отпуска у девушки было много. Помочь родным со сбором урожая, например, и его переработкой. Катюшина мама на всю округу славилась своими домашними заготовками а, благодаря недавно проведенному Интернету, список рецептов консервирования ягод и овощей в их семье значительно расширился.

В подполье Смирновых к зиме собирался огромный запас всевозможных баночек и кадушек с различными соленьями и вареньями, баки с квашеной капустной, кадушки с грибами. И в этом году Катя собиралась принять непосредственное участие в подготовке запасов на всю долгую сибирскую зиму. А на кого же еще надеяться-то родителям? Катюша была единственным ребенком в семье — поздним ребенком и, потому, особенно любимым.

Катя выросла в Березовке, отлично закончила местную школу, и за пять лет проживания в городе выучилась на Инженера-технолога хлебопекарного производства. К несказанной гордости всей небольшой родни. Попутно Катюша успешно прошла несколько курсов поварского и кондитерского искусства и даже успела немного поработать помощником кондитера в небольшом кафе.

— Мужа голодным точно не оставишь, — удовлетворенно восклицал Катин папа, — вот же кому-то сокровище наше достанется. Смотри, дочка, не прогадай, главное, чтобы муж тебя уважал как человека, а не только кухарку у плиты видел, да няньку для своего потомства.

По сердцу выбирай суженого, а уж городской ли — деревенский, по нынешним временам — все равно. «Из грязи в князи» сейчас никого не удивишь. Вот Васька Мякишев недавно еще флягами воду на огород таскал, а теперь на большущей иномарке по проспектам разъезжает, кралю свою Маринку куда только не возил, на какие моря.

Бизнес у него, видишь ли, в городе хорошо идет! А здесь у леса коттедж себе отгрохал, прямо-таки дворец! Ты, Катюша, за дворцами-то не гонись, главное, чтобы человек был душевный и тебя любил...

С любовью у Кати было все очень непросто. Еще со школьных лет она дружила с милым мальчиком Витей, что жил на соседней улице. В пятом классе они сели за одну парту и не расставались до самого выпускного. Виктор Кудрявцев стал ее первым мужчиной.

Они вместе уехали в город на учебу, поступили в один Вуз и даже поселились в одном общежитии, планируя чуть позже снять какое-нибудь жилье, да и, наконец, пожениться. Витя нравился Катиным родителям, а Катя вроде бы устраивала Витину маму. Она была в доме Кудрявцевых главной.

И все постепенно двигалось к свадьбе, да на втором курсе обучения Виктор совершенно случайно на каком-то мальчишнике познакомился с Эвелиной. Познакомился и пропал, вообще съехав из общежития. И ведь было отчего пропасть-то. Мама Эвелины владела сетью продуктовых магазинов, разбросанных по всему городу. Дочери своей любимой ни в чем не отказывала. В свои неполные двадцать лет малышка Эви уверенно каталась по городу на личной «Субару Легаси», а также имела отдельную квартиру — студию, где с размахом проводила шумные пьяные вечеринки с друзьями.

Избалованная, пресыщенная светскими удовольствиями Эвелина откровенно скучала, к тому же она недавно рассталась с очередным «плейбоем». А тут в поле ее зрения оказался тихий деревенский парнишка под два метра ростом, с шапкой волнистых русых волос и застенчивой улыбкой на загорелом лице. Витя был таким неискушенным, таким искренним, что отчего-то показался Эви пришельцем с другой планеты.

Оттуда, где не знают ничего про ночные клубы, бары и рестораны, тусовки до утра, электронные сигареты и «травку». Девушка немедленно взяла парня в оборот и за пару недель открыла ему глаза на такую жизнь, что Виктору показалось, что все его предыдущие двадцать лет были лишь прологом, лишь подготовкой к этой настоящей, яркой, насыщенной развлечениями жизни.

А что могла ему сейчас предложить Катя? Тарелку борща, кусок пирога с капустой в общей кухне общежития, да немного торопливой ласки, пока в комнате нет никого из подруг. Обиднее всего Кате было, что «Витенька» с ней так и не объяснился толком.

Он видно и сам понимал, что поступает скверно, оттого и пытался как мог избегать бывшую любимую. Катя недолго ждала чистосердечного признания, а потом «выловила» Витюшу в коридоре Института и прижала к стене:

— Другую полюбил? А молчишь чего... От меня-то чего прячешься, как таракан за печку? Тапком ведь не пришибу, хотя стоило бы, пожалуй! Приди, да скажи, как человек: любовь у нас, Котенок, прошла, завяли помидоры... Я за тобой бегать не буду, сам знаешь. Только и ты меня забудь, обратно не вздумай проситься. Ты мне больше никто, так и знай!

Отвернулась Катя и пошла по коридору, гордо расправив плечи, а перед глазами долго еще стояли васьиловы глаза и пухлые Витькины губы, столько раз ею сладко целованные. Весь вечер девушка проревела в подушку. Соседки по комнате успокаивали, конечно, девчонки хорошие подобрались. А мудрая старшекурсница Елена, не отрываясь от своего маникюра, только бросила в своей обычной грубоватой манере:

— Катрин, не реви... Поиграет с ним его «ляля» и бросит. К тебе приползет на брюхе как щенок побитый. Вот тогда и оторвешься! Да разве таких как ты бросают... Эх, Катрин, Катрин, цены ты себе не знаешь...

Одеть бы тебя получше, да немного подкрасить, за тобой бы такие мальчишки увивались. И все, что за хочешь тогда, и шубку, и колечки, и отдых на море. Ты бы только пальчиком показывала, да ножкой топала.

— Это с чего бы так...

Елена только усмехнулась, глянув пронизательно на зареванную Катю.

— Первый был, да? Первого-то всегда жалко, а со второго уже легче пойдет. Расслабься, Кэти, все у тебя только начинается.

Напутствие такого рода девушке совершенно не понравилось. Катя решительно взяла себя, что называется «в руки», целиком погрузилась в учебу, нашла подработку в кафе. Готовила пиццу, бутерброды, разливала чай. Посетители-мужчины, конечно, замечали красивую девушку с золотистой косой, обернутой вокруг головы наподобие короны.

Катя обслуживала быстро и с улыбкой, отчего даже уставшие, раздраженные клиенты вдруг успокаивались и приглашали на свидание — «погулять по городу вечером, посидеть в баре, отдохнуть на даче, покататься на лыжах...».

Катя всем заученно отвечала, что дома ее ждет ревнивый муж и маленький сын. Действовало безотказно. Девушка категорически не желала вступать в новые отношения, сосредоточившись на учебе и работе. А душа ныла, в памяти проплывали порой светлые деревенские ночи на сеновале, жаркие Витины ласки, да сердечные признания-обещания... Ничего уже не вернуть.

В начале последнего курса Катя сняла комнату у бабушки Степаниды Андреевны и переехала из общежития. Как раз вовремя, потому что туда вернулся изрядно потрепанный гламуром Витек Кудрявцев.

Правда прожил он в «общаге» недолго, бросил Институт и был призван в армию, благо подошло время. На новом месте Катюше жилось отлично, хозяйка ее была старушка бойкая, но не назойливая. В свои восемьдесят лет баба Стеша еще частенько забегала в гости к знакомым одиноким старичкам, собирала посиделки с чаепитием у себя дома, приглашая пожилых соседок. На таких встречах обсуждались последние новости из жизни «звезд» отечественной эстрады и политическая обстановка в мире.

А еще баба Стеша ловко умела гадать на картах и кофейной гуще, подрабатывала снятием «порчи» и сглаза. Оттого к ней навевались очень даже интеллигентные дамы неопределенного возраста, но весьма солидного достатка. Незадолго до получения диплома Катя тоже попросила бабушку погадать, то бишь узнать судьбу девичью.

Степанида Андреевна важно разложила на столе карты, пока Катя, морщась, пила крепкий кофе. Правду сказать, кофейный напиток девушка больше предпочитала сладким и наполовину с молоком, желательно недавно из-под матушкиной коровки. Но ведь на таком-то кофе не погадаешь о судьбе...

Разглядывая осевшую в чашке гущу, баба Стеша собрала в складочки и без того сморщенный лоб, а потом долго изучала карточный расклад.

— Ох, девка, чудное тебе чего-то выходит... Жить будешь на чужой стороне, далеким далеко от дома, зато муж будет очень уж богат и при власти. Сына ему сперва родишь, а потом и дочь. Любить тебя будет шибко, и ни в чем тебе не знать отказу. Сам он мужик суровый, но с тобой ласков будет,

в доме его будешь, как сыр в масле кататься, как яблочко наливное на золотом блюдечке...

— Красиво вы говорите, баба Стеша, — не удержала Катя улыбки, думая про себя, что хозяйка просто желает подбодрить приветливую жиличку. В подобные методы предсказания Катюша совершенно не верила.

— Да, только вот не пойму при чем же здесь зверь-то нарисовался...

— Какой зверь? — удивилась девушка.

— Да вот сама глянь, рисунок видишь, голова и морда не то собака, не то волка...

— И правда, — рассмеялась Катя, — у мужа моего верно псарня будет, охотник, видать, мне достанется.

— А по мне, так это все ж таки волк! Мне-то их на своем веку видать доводилось. После войны, знаешь, сколько их развелось? У-ух, а завоют-то за селом зимой... аж душа вон, как страшно! Я маленькая была, видала раз ночью, мы с тяткой на телеге ехали по дороге, а они, волки-то вдоль пути нашего по горке цепью шли, один за другим, и так много их было... Лошаденка наша тут понеслась, бедная, в мыле вся домой пришла. Да и мы с тятенькой, ни живы, ни мертвы. Видать сытые были, черти, не напали тогда на нас.

— А тебе, Катя, я так скажу... В лес одна — ни ногой. Опасность тебе в лесу вижу. Такую опасность, что все жизнь тебе разом переменит. Я уж стара, девка, да из ума еще пока что не выжила, слова мои помни, не ходи далеко в лес, кто бы ни звал. Хоть брат, хоть сват, хоть мамка родная.

Загадочные слова бабушки Катю изрядно позабавили, но не относиться же к ним серьезно? А уж по поводу богатого мужа... Чем его привлечь? Катя себя считала девушкой симпатичной, но ничем особо не примечательной. Рост средний, примерно сто шестьдесят пять сантиметров, глаза светло-карие «медовые», как говаривал отец, волосы темно-русые, отливающие золотом на свету. Фигурка, конечно, что надо — ладная, аккуратная, напоминает песочные часы.

Правда, Катя еще с детства стеснялась такого сравнения, даже старалась скрыть за свободной одеждой свою вовсе не маленькую грудь, сгладить крутизну бедер, никогда не подчеркивала тонкую талию. А расставшись с Витей и вовсе махнула на себя рукой, косметикой перестала пользоваться совсем, не покупала новой одежды, донашивая чуть ли не школьные платья и брюки.

Конечно, устроившись после учебы технологом на главный городской Хлебокомбинат Кате пришлось приобрести пару приличных вещей, но опять же девушка выбирала что-то строгое и неброское. Привлекать мужские взоры совершенно не хотелось. Да и работа на пищевом производстве требовала обязательного ношение белого халата.

В общем, девушка даже и не мечтала очаровать какого-то, вероятно избалованного светскими красотками, богача. Пусть олигархи достаются Эвелинам, а Катюше бы оставили таких как Витенька. Вот только и Витеньку девушка простить не могла, несмотря на все его попытки встретиться и поговорить по душам.

Парень забрасывал ее сообщениями на телефон, через общих знакомых передавал письма и цветы. Катя была непреклонна. А потом Виктор будто бы смирился и оставил девушку в покое. Не беспокоил уже пару лет, «наверно, новую королеву себе нашел», грустно усмехалась Катя.

Первые дни первого в жизни отпуска девушка наслаждалась тишиной размеренной деревенской жизни. Родители окружили заботой, вкусно кормили, не будили рано. Отдыхай, доченька, заслужила! Но Катя активно включилась в осеннюю огородную круговерть.

Вскоре на поле Смирновых высились курганчики желтой и розовой картошки, на крыльце старого деревянного домика стояли ведра с помидорами и перцами, корзинки с опятами и груздями. В лес Катя пару раз ходила с отцом, тот был мастером по грибным делам. Через неделю после Катиного приезда, у местного магазинчика девушку неожиданно остановила пожилая соседка — тетя Нюра.

— Катюш, а поехали-ка с нами завтра за клюквой. Матушка твоя завсегда эту ягодку любила, а у самой спина болит, собирать уж не может. Отец твой нам тоже не товарищ, не мужское, говорит это занятие, каждой «бусинке» кланяться, то ли дело грибы... Поехали, Кать! Ватагой-то оно веселее!

Немного растерявшись, девушка согласно кивнула. «Клюква дело хорошее, наш сибирский виноград, мама с ней таких пирожков напечет... ммм... пальчики сладкие оближешь!»

— А кого еще с собой берете?

— Ну... Люся Басова собиралась, Нинка Кудрявцева вроде... — уклончиво сообщила тетя Нюра, почему-то не глядя на Катю.

Ехать в лес с мамой Виктора девушке не очень-то и хотелось, но что теперь всю жизнь от их семьи прятаться? Кате нечего стыдиться, не она же от их сыночка хвостом вильнула!

— А кто нас повезет?

— Да мы со Степанычем договорились, на «уазике» его старом.

— А войдем в машину, все-то вместе? — засомневалась Катя, с трудом припоминая транспорт старичка-соседа. Возраст машины и дедушки кажется был совершенно одинаков.

— Ты махонькая, на коленки мне сядешь, — хихикнула пышнотелая тетя Нюра.

Забрать Катю в эту поездку должны были рано утром следующего дня. Мама Катина была только рада.

— По лесочку прогуляешься, погода-то нынче в сентябре чудная стоит: тепло, солнечно, прямо бабье лето на дворе.

Но ровно к шести утра вместо дряхлого Степанычева «Уазика» к воротам Смирновых подкатил роскошный перламутровый внедорожник. Услышав короткий нетерпеливый сигнал, Катя медленно вышла из ограды, сжимая в руке красное пластиковое ведро для ягод. Из большой красивой машины навстречу тут же выскочил Виктор Кудрявцев.

— А вы случайно не заблудились, молодой человек? — насмешливо спросила Катя, пытаясь улыбнуться дрожащими губами.

— Садись, садись скорее, соседка, — затараторила сбоку тетя Нюра. — Дед-то наш захворал малость, вот пришлось Виктора просить, он как раз вчера из города прикатил, будто по заказу.

— «Ах, ты старая сводня!» — возмутилась про себя девушка, вдруг понимая, что ее приглашение подстроено специально для встречи с бывшим возлюбленным. Но отступить было бы некрасиво. Катя в жизни своей никогда ни от кого не бегала, и впредь не собиралась. Ни за кем, ни от кого.

Поэтому девушка спокойно уселась на переднее сиденье, игнорируя протянутую для помощи руку водителя. Сзади восседали, тесно прижавшись друг к другу: тетя Нюра, мать Виктора — Нина и главная деревенская сплетница, пенсионерка Люся Басова. Половину дороги в сторону Мохова болота ехали молча.

Машина у Виктора и впрямь была, что называется, «Зверь». На таких Кате ездить еще не приходилось. Девушка очень бы хотела узнать марку джипа, но начинать разговор первой не собиралась. Виктор то и дело бросал на девушку быстрые, испытующие взгляды, а потом прямо спросил:

— Как живешь-то, Катюша?

— Справляюсь, — тихо ответила девушка, не глядя на мужчину.

— Может, тебе помощь нужна? Ты квартиру снимаешь?

— Аты разве не все справки обо мне навел? У тебя же две улицы осведомителей...

— Да твои-то скрытничают. Тоже обижаются на меня, я понимаю. Катя, я очень перед тобой виноват. У нас все так начиналось хорошо, прости, это я все испортил. Но ведь и мне потом плохо было. Так плохо без тебя... Я себя сам наказал, Катя.

«Заднее сиденье», кажется, всю прислушивалось к негромкому разговору на переднем. Катя молчала, пытаясь справиться с комком в горле. «А ведь думала у меня все переболело уже в душе, все выгорело. Стоило Вите появиться и снова тяжело. Что же мне теперь, всю жизнь из-за него страдать и мучиться? А, вот не дождетесь!»

— Мы с тобой уже давно все обсудили. У тебя своя жизнь, у меня своя!

И тут вдруг в разговор вмешалась мать Виктора:

— Знаешь, милая, ты меня, конечно, извини, но так нельзя. Парень высох по тебе весь, измаялся, а ты его гонишь. Ну, оступился разок, с кем не бывает, мужики они... доверчивые, как телята. Так что же теперь, из-за старого греха обоим вам жизнь ломать?

— «Да уж, — подумала Катя, — из меня бы вы за такой грех до последнего вздоха кровь пили».

— Простила бы ты его, девонька, у вас ведь любовь была. Сошлись бы опять, деток мне народили. Не пришлось бы Витюшке на богатой старухе жениться...

— Мама, перестань уже говорить ерунду! Ни на ком я жениться сейчас не собираюсь, — с досадой поморщился Виктор.

— Ага, как же... она спит и видит тебя к рукам прибрать. А тебе оно надо? Ей же за сорок, она тебе рожать не будет!

«Вот оно что! — догадалась Катя, — Ясно, отчего у тети Нины ко мне вдруг такая симпатия возникла. У Вити еще одна «спонсорша» нарисовалась... только теперь уже возрастная».

— Мама! Я тебе сто раз все объяснял. Дина мне помогла устроиться на работу, а теперь у нас совместное дело. Вот накоплю на хорошую квартиру, выкуплю свою долю и расстанемся с ней спокойно.

— Да она вцепилась в тебя как клещ, ни за что не отпустит! Где еще такого красавца взять, на все согласного и глупого? Пропадешь ты с ней, Ви-тя... — в голосе тети Нины послышались слезы.

Кате вдруг стало противно и тошно.

— Останови машину, я выйти хочу! Я одна доберусь до дома, мне что-то здесь нехорошо.

— Ага, доберешься... к вечеру, — грубовато бросил Виктор, даже не думая притормозить.

— А ты, Катенька, все одна? — приторно ласково спросила тетя Люся.

Девушку охватила внезапная злость, захотелось немедленно совершить что-то неожиданное, чтобы все ахнули и прекратили свои дурацкие расспросы. «Угораздило же меня согласиться на эту ягуду... в змеиной компании!»

— Да, сватается ко мне один человек, правда старше меня лет на пятнадцать, вот я и сомневаюсь. Он солидный, состоятельный, у него фирма своя строительная.

— Так чего же тут думать-то? Надо брать! — с охотничьим азартом воскликнула тетя Нюра.

— Я пока присматриваюсь... Он торопит, конечно, сразу замуж зовет, у него загородный дом у озера, сам строил, то есть по его чертежам. В виде средневекового замка, с башенками. Очень впечатляет!

Никогда прежде Катя не врала столь вдохновенно.

— Катюша, это же сказка просто, смотри не прозевай!

— А сам-то он разведенный али вдовец? — сгорая от любопытства поинтересовалась тетя Люся.

— Ни разу даже женат не был, говорит, сначала собирался на ноги крепко встать, чтобы любимая ни в чем не нуждалась. Детей у него тоже, понятно, нет.

— Ух, ты! — восхитились соседки, за исключением мамы Виктора, — алиментов мужик не платит. Катюша, а что ж ты его сюда-то не привезешь, с родителями своими не познакомишь?

— Так вот я же говорю, сомневаюсь пока... Уж очень он настойчивый и ревнивый. Кажется, любит меня безумно. Сюда-то одну еле отпустил, говорит скоро не вернешься, я тебя украду и увезу в сказочное место, где никто не найдет. Будешь жить как королева, на золоте есть, бархатом укрываться!

Знать бы тогда Кате, что именно эти ее слова потом будут многократно повторены соседками перед ее огорченными родителями... Но сейчас девушке вдруг стало смешно от собственной выдумки, похоже, это почувствовал и Виктор.

— Для меня, поди, все выдумываешь? Очень уж складно получается у тебя.

— А разве не заслуживаю я сказки, а Витюш? — озорно спросила Катя, а у самой сердце вдруг застучало, будто у резвой лошадки перед забегом. Витька был такой же милый, родной, как и три года назад. Только сейчас возмужал после армии, взгляд стал серьезным, взрослым. Но те же синие глаза, манящие губы...

Машину вдруг тряхнуло на ухабе, водитель, похоже, плохо следил за проселочной дорогой. Катя неловко завалилась в сторону Виктора и он поймал ее за локоть, близко заглянув в глаза. «Пропаду ни за грош!» — вдруг поняла Катя. «Бежать мне от него надо за тридевять земель, верить ему больше не могу, да хватит ли сил оттолкнуть...»

— Кать... ты насчет мужика-то соврала, скажи? — раздался в ухе горячий шепот Виктора.

— «Да, что же он себе возомнил, кроме него я что ли больше понравиться никому не могу!»

— Все правда, врать мне ни к чему! Сам скоро за мной приедет и заберет в свой замок, только человек он занятой, много у него людей под началом, долго свататься ему некогда. Приедет, заберет меня, и поминай как звали!

Руку Катину парень медленно отпустил. А вскоре и остановил машину в небольшой березовой рощице. Дальше дорога была для серьезного транспорта непроезжей. Впереди разбежались тропки, поскольку начиналась неподалеку зыбкая и мокрая болотистая местность.

К слову сказать, о Моховом болоте по округе ходила недобрая слава. Вроде как местные лешие тут сильно балуются, людей морочат. Многие опытные ягодники порой часами блуждали, прежде чем выйти на знакомые места. Так ведь и клюква здесь попадалась царская, брусники было навалом, встречались кочки с голубикой. Потому-то и старались бабоньки приезжать сюда гурьбой, ходили рядышком друг к другу и домой возвращались с полнехонькими ведрами ягод.

Пока женщины разбирали свои вещи из багажника, да заправляли штаны в сапоги, остерегаясь змей, Катя стояла в сторонке со своим ведерком и думала, кого бы попросить сыграть роль сорокалетнего ухажера. Соседки так дела не оставляют, родителей допрашивать начнут, что за жених у Катерины появился. Как назло на работе у девушки были в основном женщины, директор хлебокомбината был предпенсионного возраста, да и с такой просьбой ведь к нему не подойдешь.

«Эх, заварила я кашу...» И тут Катя поймала на себе жадный взгляд Виктора, что курил чуть поодаль от машины.

— «А ведь когда мы вместе были, даже в рот не брал сигарет, и выпить мог только пиво с друзьями. Изменился, соколик... Кудри свои остриг подчистую, вон только «ежик» на голове остался, и правда, похудел, осунулся, словно бродячий пес. А ростом словно бы даже выше стал, и плечи шире...»

Катя вдруг спохватилась, что спутницы ее уже разбрелись по тропкам, а у машины остались только она да Виктор.

— «Что же я тут с ним одна-то стою! Бежать надо, немедленно бежать!» — мелькнуло в голове у девушки.

— Катюш, подожди, я с тобой... Катя, давай поговорим...

Катя бросилась в ближайший чахлый лесок, слыша за собой взволнованный хрипловатый голос Виктора.

— «Если догонит, то я точно пропала. Сразу же разрежусь перед ним, скажу, что сил больше нет так жить, не получается у меня забыть все, что между нами было».

Но раненая когда-то гордость гнала девушку все дальше и дальше от машины. А еще на Катину счастье или на ее беду у Виктора в кармане зазвенел телефон. Не оборачиваясь, девушка успела расслышать как вдруг изменившимся, противно томным голосом мужчина что-то объясняет невидимому собеседнику.

Говорит, как будто оправдывается. «Наверно, Диана его дивная!» У Кати словно открылось второе дыхание, мысль о том, что можно вернуть прежние отношения с Виктором рассеялись, как дым от сожженной осенней листвы.

— «Сейчас главное, где-нибудь на болоте укрыться, успокоиться, а потом набрать ягод и, как ни в чем не бывало, вернуться к машине. И пусть только попробует еще на меня глазеть и вздыхать, пусть только прикоснется... Женихом-архитектором пригрожу... и всей его псарней!»

Катя, наконец, остановилась и шумно перевела дыхание. Вокруг стояла зловещая мертвая тишина, на болоте обычно бывает тихо, но уж не настолько...

Хоть бы ворона какая-нибудь подала голос, ветка бы скрипнула, качнувшись от ветра. Деревца вокруг стояли корявые, низенькие, а впереди расстилалась усеянная кочками ложбина. Катя хотела покликать своих спутников, но испугалась, что на голос к ней выйдет Виктор. Встречаться с ним сейчас девушке совершенно не хотелось.

Катя прошла вперед еще несколько шагов, чувствуя как под ногами хлюпает вода. Потом взгляд девушки остановился на невысоком пригорке, заросшем густым мхом и серебристым лишайником.

— «Здесь отдохну и пойду искать своих, да и ягодами бы надо уже заняться, зря что ли ведро взяла».

Катя расстелила на мхе свою куртку и присела сверху, подставив лицо неяркому сентябрьскому солнышку. Глаза девушка крепко зажмурила, но вдруг ей послышался неподалеку какой-то тихий звук, словно жалобное щенячье поскуливание. Распахнув глаза, Катя остолбенела — прямо перед ней на пригорке стояла странная большая собака. Серая, обросшая лохматой шерстью, с умными желто-коричневыми глазами.

— Ты-то здесь откуда? — быстро опомнилась от испуга девушка, — «подумаешь, собака, значит люди где-то рядом».

— Чего стоишь, хозяина зови скорее! — чуть ли не со смехом бросила девушка в сторону зверя. А потом огляделась уже с нешуточным страхом. Воздух вокруг пригорка странным образом дрожал, будто над пламенем костра, окружающий ложбину лес теперь казался подернутым белесой дымкой.

Катя нервно глотнула и попыталась подняться, но ноги почему-то совершенно ее не слушались, руки тоже ослабели. Чудная собака между тем осторожно приблизилась и принялась обнюхивать Катини сапожки, водя носом до колен и поднимаясь по бедрам выше... Девушка словно оцепенев, в замешательстве наблюдала за действиями животного. Однако дара речи она при этом вовсе не лишилась.

— Эй, тебе чего надо... А ну, кыш...

«Собака» вздрогнула и тут же потянулась длинной мордой к самому Катиному лицу. И когда на девушку в упор глянули внимательные желтоватые глаза хищника, Катя мгновенно вспомнила все предостережения бабы Стеши насчет лесных прогулок. Девушка сдавленно всхлипнула и пробормотала:

— Милый волчок... хороший волчок, пожалуйста, не надо меня кусать, я знаю, ты добрый, славный. Ты меня не обидишь... пожалуйста... умоляю...

Катя с трудом повернула голову в сторону и, сделав волевое усилие над скованным телом, кубарем скатилась с пригорка, словно провалившись в какую-то яму. Катя зажмурилась и задержала дыхание, потеряла счет времени, словно оказавшись в невесомости. А потом вдруг снова почувствовала под руками твердую землю и медленно открыла глаза.

— «Вроде болото было... как же я в лесу-то оказалась?»

Вокруг росли высокие деревья с густой зеленой листвой, а сама девушка лежала на ровной поляне, заросшей ярко-зеленой травкой. Сквозь кроны деревьев пробивались яркие солнечные лучи, воздух был свежим, летним, настоящим на сочных травах и луговых цветах.

Катя недоуменно озиралась вокруг, пытаясь понять, где же она сейчас находится. Мысли ее путались в беспорядке, когда девушка поднялась с колен и пошла в сторону просвета между деревьями. Проходя под одним особенно высоким раскидистым стволом, Катя вдруг узнала по форме листьев, что стоит, задрав голову, перед самым настоящим дубом.

— Прямо Лукоморье какое-то! Только кота ученого не хватает... и русалки на ветвях.

— А ты сама видно не из этих мест, девушка?

Услышав из-за дерева чей-то старческий голос Катя вздрогнула, но тут же обрадовалась, наконец-то, люди! Сейчас все прояснится и ей подскажут дорогу домой.

— «Но откуда же в Сибири на болоте взялась дубовой роще, чудеса просто...» Катерина обогнула широкий ствол и увидела маленькую старушку, что сидела, прислонившись к дереву. У ног пожилой женщины стоял плетеный из лозы короб.

— Я Катя. Здравствуйтесь, я, кажется, здесь заблудилась немного, ничего не понимаю, закружилась голова... а до Березовки далеко идти, не подскажете?

Старушка смотрела на девушку с доброй улыбкой на сморщенном лице:

— Не слыхала даже о таком поселении, видно, ты, и впрямь, не из наших мест, милая. Присядь-ка со мной рядом, расскажи, какая у тебя беда приключилась, раз пришла сюда просить помощи у спящих Богов.

— Каких еще Богов? — удивилась Катя, опускаясь на колени перед старушкой.

— Мне домой нужно, меня родители ждут! Меня, наверно, уже все ищут давно. Я на болото убежала, а потом увидела волка, испугалась, упала и... очнулась здесь. А что это за странное место?

— Заповедная роща Локмора, неужели не знала? Сюда никто не приходит просто так, милая. С Богами не шутят, Их не беспокоят по пустякам. Ты говоришь, тебя испугал волк, он гнался за тобой

и угрожал напасть?

— Нет, кажется... но, он меня обнюхал, это было так жутко... Скажите, а до города далеко, а у вас нет случайно телефона, интересно здесь связь ловит?

Старушка удивленно покачала головой.

— Ты говоришь странные слова, милая. Я тебя не понимаю. Город в двух днях пути на быстрой лошади, а я живу в Лосте — торговом селе за озером. Куда же ты держишь путь?

Катя почувствовала странное беспокойство, на глаза накатились слезы, недоброе предчувствие сдавило грудь.

— А... а... где же Мохово болото? Где же моя Березовка? Где мама...?

— Тише, тише, моя хорошая, не плачь. С тобой видно и впрямь случилось несчастье, поведай мне о нем, а я расскажу Богам и они пошлют утешение, помогут советом. Я умею говорить с Богами Локмора и они давно знают меня. Может, и ты сможешь в чем-то мне помочь. Ты же здесь тоже не случайно, Ката... как говоришь твое имя?

В глазах старушки светилось участие и доброта.

— Я Катерина...

— О, Катарина — прекрасное, благородное имя! Его обычно дают настоящей леди, ты верно из знатной семьи, так?

— Нет, нет, что вы, мои родители простые люди... А почему вы сказали — леди? Мы что в Англии? В Европе? Это же Россия, не так ли? Вы в какой стране живете-то, бабушка?

— В Дэриландии, конечно! А ты откуда?

— Я сошла с ума! Я ударилась головой! Такого не может быть на самом деле, или это какая-то ужасная шутка. Дубы-колдуны... откуда?!

Катя обхватила голову ладонями и застонала, покачиваясь из стороны в сторону. Женщина мягко обняла девушку и усадила рядом с собой.

— Успокойся, милая, все будет хорошо. Ты потеряла память, такое бывает из-за очень большого горя или ты случайно заснула здесь и твою душу похитили для забавы местные духи, такое случилось и впрямь.

— Что же мне теперь делать? Я хочу вернуться домой! — всхлипывала Катя, с мольбой глядя на старушку.

— Пойдем со мной, я отведу тебя в Посту, остановишься у нас, а потом за тобой приедут родные, не может быть, чтобы такую чудесную девушку не стали искать. Если ты, конечно, хочешь, чтобы тебя нашли. Ты ведь не сбежала из дома? Зачем ты пряталась на болоте?

— Я не хотела, чтобы меня догнал Витька, я его ненавижу, он предал меня, променял на другую, на машины и бары, я никогда его не прощу!

— Ах, вот оно что! Тебя оставил мужчина... он был твоим женихом?

— Да, мы хотели пожениться, но он... — Катя даже говорить не могла из-а нахлынувших слез.

— Теперь я понимаю, зачем ты оказалась в священной дубраве, ты хотела принести в дар душу и вернуть любимого... или отомстить сопернице. Тебе повезло, что осталась жива, Богов нельзя тревожить такими просьбами. Здесь нужно лишь благодарить и возносить песни благоденствия. Священная роща не любит жалобы и слезы, тебя могли здорово наказать, для того верно и был послан волк.

— Помогите вернуться... — прошептала Катя, — я никогда не жаловалась, немного поплакала и только, никому зла не желаю, я даже про Витю и думать-то забыла уже, он сам ко мне подъехал, сердце только разбередил, гад такой. Скажите, что сделать, чтобы попасть домой, бабушка... можно ваше имя узнать?

— Я Арита, мой сын пекарь в Лосте, а невестка ему помогает. Моя внучка Грейта немного младше тебя и почти такая же красавица. Нашу семью уважают. Поживешь с нами, может, придумаем, как тебе помочь, не оставлять же тебя здесь одну.

— Здесь, наверно, дикие звери водятся, да? Волки бродят по лесу?

— Боги милостивы и звери давно не причиняли людям вреда. Не то, что в прежние годы... При
прежнем-то Господине бывало всякое. Пойдем, скоро заведереет, а путь нам еще неблизкий.

— Может, вам помочь нести коробку?

— Лучше помоги одеть ее мне на плечи. Вот так, дай еще обопрись о твою руку, а где же посох?

Катя подала старушке толстую черную палку, что лежала на траве рядом с деревом и, тяжело
опираясь на нее, чуть пригнувшись, женщина пошла вперед, увлекая за собой девушку.

Глава 2. Знакомство с Дэрланд

Над болотом туман, волчий вой замечает следы... Я бы думал, что пьян, но испил лишь студеной воды. Из кувшина, что ты мне подала, провозжая в дороге...

Несколько дней прошли для Кати словно во сне. Она с превеликим трудом привыкала к новой реальности, к деревушке Лост неподалеку от озера, к странной обстановке небольшого двухэтажного домика, что примыкал к пекарне.

В этом доме Катя теперь и жила, деля комнату с симпатичной молодой девушкой по имени Грейта. Причем, Кате постоянно хотелось назвать соседку Гретель, она даже несколько раз ошибалась и смущенно просила ее простить. Дело в том, что это самое новое окружение — одежда селян и домики в стиле фахверк, очень уж напоминало Екатерине времена западного средневековья.

И в довершение картины, самое-то главное, что буквально повергло девушку в шок во время первого же знакомства с поселком: никаких тебе следов развитой современной цивилизации, никаких телефонов, никакого электричества в принципе, ни машин, ни велосипедов даже. Жители Лоста передвигались пешком или на телегах, запряженных весьма милыми добродушными на вид лошадками. Поселение было довольно большим и богатым, в нем развивались всяческие ремесла, хорошо было поставлено гончарное и кузнечное дело. А как же иначе с натуральным хозяйством?

Всем необходимым эти люди обеспечивали себя сами — от еды до одежды и крова. Первые дни Катя только таращила глаза и слова не могла вымолвить, прогуливаясь по округе в сопровождении Грейты или Ариты, настолько все вокруг было невероятным. Немного помогало лишь то, что девушка и сама выросла в деревенской обстановке и некоторые нюансы вроде всех «удобств» во дворе и крики петухов с раннего утра ей были отлично знакомы.

А еще Катя разбиралась во всех тонкостях хлебопечения и немедленно предложила свои услуги пекарю Баргу. Девушка очень хотела быть полезной семье, что ее приютила, и самой не даром есть их хлеб. Уже через пару дней после прибытия в Лост, Катюша азартно разделявала из приготовленного ею же теста булочки, смазывала их маслом или сладкой водичкой и сажала в печь. О сахаре и привычном чае здесь ничего не знали, зато в почете были различные травяные сборы и мед.

Прошла неделя, пробежала вторая, Катя потихоньку привыкала к новой жизни. В доме пекаря к ней относились тепло и по-дружески, тем более, что умелые Катины руки и ряд предложений по разнообразию ассортимента выпечки, привлекал внимание покупателей. Бездельничать Катя никогда не любила, целыми днями сновала по пекарне или жилой части дома, предлагала свою помощь, которая оказалась весьма кстати.

Жена пекаря и невестка старушки Ариты была, что называется «на сносях» и это вызывало особое беспокойство у всей семьи. Дело в том, что после рождения Грейты, все новые беременности Миры заканчивались плохо, Барг уже и не надеялся снова стать отцом, тем более жена была немолода, но вот теперь снова ждала ребенка.

Именно эта причина и привела старую Ариту в заповедную рощу Локмора, испросить помощи Спящих Богов. И словно в ответ на ее молитвы и просьбы появилась Катя. Может, потому незнакомую девушку так хорошо и приняли в семье пекаря, словно знак свыше.

Катю такие надежды весьма смущали, потому как она совершенно не знала, чем могла быть помочь будущей роженице. Оставалось только надеяться на то, что на сей раз все разрешится благополучно и Кате не придется присутствовать при всеобщем горе, если Мира снова потеряет малыша.

Будучи человеком деятельным и энергичным, Катя быстро освоилась в поселении и постаралась навести справки о той стране, куда ее занесло неизвестными чарами. В первую очередь, девушка попыталась выяснить что-то о культурной жизни и уровне образования местного населения. Оказалось, в селении есть что-то вроде школы и Катя в свободное от работы время туда наведлась.

Пожилой хмурый мужчина с неестественно прямой ногой встретил ее не очень ласково и Кате пришлось пустить в ход все свое обаяние и некоторое знание психологии. Ведь недаром же когда-то Карнеги читала, люди — они же везде одинаковы, в любом мире. Если они люди...

Катя активно поддерживала легенду о своем появлении в Посто, мол жених обманул и не выдержав позора, решила гордая девушка перебраться подальше от более удачливой соперницы и строгих родичей. Такие случаи бывают в каждой стране, при самых разных социальных строях — от первобытного до феодального, не говоря уже о капиталистическом, и даже в сверхдемократических державах.

Но, возможно, Катина история как раз была и не по душе многим жителям Лоста, что

придерживались строгих взглядов на отношения между молодыми людьми и их родителями. Катя даже не раз замечала, как любопытные соседки пристально поглядывают на ее животик, уж не округлился ли свех обычного, не оттого ли девица незамужняя прячется на чужой сторонке.

Похоже, что местный «учитель» был как раз из таких людей, для которых Катина появление было скорее поводом для порицания, чем сочувствия. И тем не менее, немного растопить холодный прием девушке удалось.

Вероятно, большую роль в этом нелегком деле сыграли пирожки с овечьим сыром, наподобие знакомых Кате «хачапури», которые сама же Катя с утра и приготовила. И, конечно же, спокойная и грамотная Катина речь, полная достоинства и уважения к святому делу обучения местной ребятни азам грамоты.

Седовласого «педагога» звали Карам, он снисходительно показал Кате глиняные дощечки с буквицами принятого здесь алфавита. Катя с удивлением уставилась на чехарду русских и английских письменных знаков и вскоре поняла, что вполне сносно может читать простой текст.

Почему-то Катины навыки чтения и письма произвели на Карам неожиданный эффект. Он вдруг раскланялся и стал держаться с девушкой более почтительно, а вскоре по селению поползли слухи, что Катарина, а именно так здесь называли Катюшу, и в самом деле из благородной семьи. Этому способствовали поведение и манеры «чужестранки», и ее, по мнению селян, несколько вычурная речь.

В первый же вечер знакомства Катя попыталась расспросить учителя Карам о стране с завораживающим названием Дэриландия. Почему-то это слово невольно ассоциировалось у Катюши с выдуманной «Нетландией», где обитали потерянные мальчишки во главе с их неустрашимым лидером Питером Пэном. А, может быть, история про детей, которые не хотели взрослеть, не только фантазия Джеймса Барри и эта удивительная страна действительно существует... где-то в другом мире...

«Хорошо хоть я в сказку попала, а не в настоящее Средневековье! — думала Катюша, тяжело вздыхая, — уж там бы точно хлопот не обернуться, еще за ведьму бы приняли, потащили на костер, вот ужас-то где...!»

Из описаний Карам девушка потихоньку разобралась, что Дэриландия или попросту Дэриланд — страна довольно обширная и населенная самым разнообразным людом, да и не только людом...

Селение Лост, где теперь вынуждена была обитать Катя, располагалось в самом центре владений баронов де Лостан, извечных хозяев здешних земель.

«Ясно, местные феодалы!» — определила Катя, напрягая память, чтобы хоть что-то припомнить из школьного учебника про средневековый период истории.

На ум сразу же пришла информация о том, как бесправные крестьяне поставляли местным олигархам девственниц-невест на первую брачную ночь. Катя поморщилась и почти загрустила, но тут же осознала, что подобная перспектива ей уже не грозит. Сразу стало веселей!

Карам также рассказал, что сейчас родовым поместьем де Лостанов управляет еще не старый барон Веймар, под боком у которого вполне можно жить сытно и безопасно, не в пример бывшему владельцу замка — грозному Хоргану, которому Веймар приходился единственным сыном.

Но, этот самый суровый правитель Хорган, о котором не одно семейство до сих пор вспоминает с содроганием, уже много лет как скончался и по всей округе наступили мирные и спокойные дни. При этой новости Катя тоже выдохнула с облегчением. Все-таки, как приятно знать, что тобой управляет не какой-нибудь там древний тиран и самодур, а просто угрюмый, нелюдимый тип, который все никак не может сыскать себе подходящую жену и, наконец, обзавестись потомством.

Еще Катя выяснила, что южнее земель де Лостанов, находится богатый торговый город, где в изобилии процветают всяческие ремесла и промыслы. Так большое поселение это и называют — Город Мастеров.

Находится он в ведомстве Короля, а управлять им должен Наместник из Королевских Рыцарей, некто де Маликор, но сей господин уже давненько пребывает в военном походе во славу Его Величества, а городом в его отсутствие заведует почтенный Бургомистр, избранный на городском совете.

Сам же Король проживает еще южнее и довольно далеко от Лоста, к величайшей радости жителей села и лично пожилого Карам, поскольку вокруг этих королей всегда плетутся разнообразные интриги и заварушки. Карам знает это все лично, поскольку и сам когда-то был на войне и едва не потерял ногу.

Городишки помельче и богатые села также обильно разбросаны в округе «земель Лостанов», местные жители не голодают, эпидемий и неурожаяв давно не случалось, вообще, Катя осталась весьма довольна экономической и политической обстановкой в регионе собственного «попадания».

Девушка начала расспрашивать дальше... И чем словоохотливее становился ее собеседник, отведав свежей ароматной стряпни, тем более интересные вопросы задавала ему любопытная девушка. Некоторые из них приводили Карама в полнейшее замешательство.

— А водятся ли у вас драконы?

— О таких тварях не слышал, но вот в низовьях Роси... там, говорят, обитают люди, что могут превращаться в крылатых змеев и летать по небу, у них там большое поселение, так и называется — Гнездовье, и очень уж воинственный Правитель. Его даже Король на помощь приглашал, когда эти чудовища на нас напали...

— Какие еще чудовища? — обомлела Катя.

— Да-а... я сам мало слышал, может, и слухи... — с явной неохотой продолжил Карам, — на самом юге, на границах Дэриланд раскинулся непроезжий дремучий лес. И кто там только не обитает, всяких гадов полно... даже говорить тебе не стоит... уж такое тварье, упасите Милостивые Боги, век их не видеть, не слышать!

— Но, теперь-то там все тихо? — уточнила девушка. — Победили вы... мы тех гадов?

— Да, похоже что так... Затихли в чаще своей, а то девиц наших им подавай... своих-то напрочь замучили...

— Это как же? — округлила глаза Катерина.

— Вот уж не знаю... а если и знал чего, так достойной Госпоже и вовсе о том говорить не следует!

Катя поморгала немного, смущенно потупившись. Конечно-конечно, пусть местные ее считают приличной Леди, каковой она собственно и является, ну... может только не совсем Леди, а уж лучше по-русски Барышней, но это уже частности.

Разговор плавно перешел на соседей «Лостанов» с востока. И там, оказывается, хватало своих сюрпризов с явным мистическим оттенком.

Так, например, на северо-восток от Посты начинаются пологие горные хребты, что окружают спрятанную за перевалами Долину. И это одно из самых мрачных и загадочных мест в Дэриланд. Никто из многочисленных знакомых Катиного рассказчика, как и он сам, никогда не бывали в тех краях.

Сумрачная долина — это владения Кейласа, а он никто иной как Демон Мрака или еще иначе его называют Господин Скрещенных дорог... И это весьма непредсказуемая и опасная личность.

Катюша слушала «учителя» Карама и постепенно приходила в тихий ужас.

— «Как бы мне поскорее отсюда выбраться, как бы вернуться домой подобру-поздорову... Родители, наверно, поседели с горя, ищут меня с полицией, прочесывают леса и болота... Mamочka, бедная, переживает!»

Катины глаза наполнились слезами, она быстро поблагодарила собеседника и распрощавшись с ним, побежала к своей пекарне.

А уж дел-то в деревенском домике всегда было невпроворот. Тем более, что хозяйку Миру все берегли, с тревогой следя за состоянием будущей роженицы. Вернувшись к своим домашним заботам, Катя обнаружила, что единственный наемный работник — пожилой мужчина занят ремонтом телеги, а хозяин месит тесто для вечерней выпечки.

Арита обучала внучку Грейту рукоделию и Катя, чтобы избежать скучного сидения за иглой, схватила ведро и помчалась к колодцу, что располагался на небольшой площади с другой стороны улицы.

Полдень стоял довольно жаркий и вокруг не было ни души, все жители по своим усадебкам, кто от работы отдыхает, а кто и наоборот, только за нее взялся.

Приложив некоторые усилия, Катюша зачерпнула воду и поставила тяжелое ведро на каменную кладку колодца. Не успела девушка и дух перевести, как позади послышалось четкое цоканье копыт и легкий посвист всадника.

Катя с недоумением оглянулась — за две недели, что она проживала в Лосте, ей еще не

приходилось видеть человека верхом на лошади, местные обычно ездили в простеньких надежных телегах, а то все больше пешком передвигались.

Вскоре рядом с девушкой приостановился абсолютно белый конь с богатой сбруей. А на нем восседал темноволосый смуглый мужчина в черно-зеленом одеянии. Катя во все глаза смотрела на незнакомца, да и животное явно заслуживало внимания. А уж как контрастно смотрелись они вместе — черное на белом...

— Не дашь ли ты мне напиток, девица?

Этот простой вопрос, заданный глуховатым голосом почему-то заставил Катю вздрогнуть.

— А-а-а... да, да, конечно, сейчас!

Катя даже улыбнулась, досаду на свою нерасторопность и смущение.

— «Ну, надо же! На лошадку засмотрелась и на дяденьку в сапогах до колена... посреди лета... накидка еще, и как только ему не жарко в этой амуниции?»

Катя зачерпнула из ведра воду деревянным ковшом, что висел на балке колодца специально для подобных целей, и попыталась передать ковш всаднику.

Едва девушка приблизилась к «милрой лошадке», как вздорное животное как-то диковато всхрапнуло и Катя тут же отпрянула назад. Хотя девушка и сама выросла в деревне, но опыт общения с лошадыми у нее был, что называется «нулевой».

Мужчина усмехнулся, прищурившись:

— Не бойся, Кор тебя не укусит. Он понимает, что ты подходишь с добрыми намерениями.

— Зачем тогда так пугать?

— Это было всего лишь приветствие!

— Простите, сэр, но лошадиный язык мне не знаком!

— Как ты меня назвала?

— Ммм... Господин? Так будет правильно?

Конь нетерпеливо переступал передними ногами, явно скучая. А вот его владелец, кажется, был всерьез заинтригован. Он, не торопясь, спешился и придержав коня под уздцы, приблизился к девушке. Катя с облегчением передала ему воду. Но мужчина не торопился...

— Ты здесь недавно. Ты вообще не из этих мест. Выглядишь иначе, да и говоришь чудно. Но, мне кажется, я тебя уже где-то встречал прежде. И даже совсем недавно.

Мужчина все-таки отхлебнул из ковша, а затем с самым невозмутимым видом сунул его прямо к морде собственного коня.

— Что вы делаете, это же не гигиенично! — тут же не сдержалась Катя.

— А что я такого делаю? — искренне удивился мужчина, переведя на нее взгляд своих серых глаз.

— Вообще-то, из этой бадейки люди пьют... а не животные, и по санитарным нормам... «кому я это все объясняю... что он может знать о вредоносных бактериях... темнота и мракобесие... а еще сказочный мир!»

— По твоим словам выходит, что и мне отсюда пить нельзя. Жаль... хороша студеная водица, да уж очень строгая девица!

Мужчина пренебрежительно хмыкнул, сунул ковш обратно в руки девушке и вскочил на коня, напоследок так сурово глянув на Катю, что у той даже мороз по спине прошел.

— «Точно местный воротила... аграрного сектора! Крестьян эксплуатирует, землями владеет, наверно, наложниц в доме целый гарем из служаночек пригожих».

— «И ведь даже не молод и не красив... лицо хмурое, холодное, глаза словно льдинки, а под коркой льда пляшут искорки золотистые... И когда же я это все рассмотреть-то успела, вот ведь досада! Не хватало мне еще на местных олигархов пялиться!»

Встречей этой Катя была весьма недовольна, но и без нее хватало забот. Вот, например, надо помочь Баргу с хлебом, да Катя еще вызвалась пирожков напечь по маминому рецепту — просто

объединение. Грейта хоть и была дочкой пекаря, но больше любила шить, чем стоять у жаркой печи.

— Сынка бы мне даровали Боги под старость, — вздыхал Барг, с надеждой глядя на объемный животик супруги. Через месяца два — полтора Мира должна будет разрешиться от тяжелого бремени. Как оно будет на сей раз...

Не успела Катя закончить свою стряпню, как к ней обратилась бабушка Арита:

— Милая наша, Катрин, попрошу тебя об одной услуге. Самой бы надо это совершить, да сил вовсе нет для прогулки. Не сбегаешь ли в рощу? Я приготовила амулеты, особые травы, добавь еще свои пирожки и будет доброе кушанье для Богов Локмора. Нужно лишь оставить подношение у самого высокого старого дуба на поляне, там, где мы встретились с тобой, помнишь?

Катино сердечко затрепетало. Еще бы ей не помнить первый день своего появления в Дэриланд. Первые минуты растерянности и страха... полнейшего непонимания, где она находится, и как ей вернуться домой.

— Конечно, я все сделаю, бабушка!

Вскоре Катюша собрала узелок с дарами и направилась в сторону заповедной дубравы. Теперь девушка мало чем отличалась от прочих молодых сельянок, ведь одевалась Катя в простое домотканое платье, что предложила ей Грейта из своих немудрящих запасов.

Правда, благодаря тому, что новая подруга любила вышивать, то и серое Катюшино платье в виде длинной рубахи по рукавам и у ворота было украшено причудливыми узорами из красных ниток. Катерина никогда особо не была привередлива в одежде, было бы чем прикрыться. На мужское внимание девушка и вовсе здесь не рассчитывала, живой бы остаться, в отсутствии самых необходимых средства гигиены и лекарств.

Но, хотя сама девушка на мужчин и не смотрела, некоторые молодые парни в Посте на нее поглядывали с большим интересом. Как бы Катя не куталась и не пряталась в мрачные одежки, как бы не заплетала туго свои золотистые косы — истинный бриллиант и в грязи заблестит.

Особенно приглянулась новая поселянка каменщику Сарху. Жил парень пока в доме родителей, но уже готов был отделяться, потому как сам был с довольно неглупой головой и крепкими руками. Да и возраст пришел свое гнездо вить. Однако Сарх жениться не спешил, хотя девиц достойных ему в невесты готовых было хоть отбавляй.

— Семейной жизнью я еще наживусь вдоволь, надо бы погулять напоследок!

И тут появилась в поле его острого зрения «чужеземка Катарина»... по всему видать девка — перестарка, уже не первой свежести, видать потрепанная, раз от своей родни сбежала. Уж не от великого ли позора...

Который день присматривался Сарх к девушке. Вот к местному грамотею побежала, не иначе как будет просить составить его письмо с просьбой о прощении перед родичами.

Потом замечал Сарх девушку у колодца, на общем дворе и в пекарне. Местные жители сначала держались с ней настороженно, но Катя всем приветливо улыбалась и вела себя так скромно, и с таким достоинством, что слухи и сплетни постепенно пошли на убыль.

Но ведь Сарха не проведешь... Что-то не то было с этой девкой простоволосой, уж больно свободно она себя вела, даже дерзко. Ходила прямо, ни перед кем спины не гнула и очей не опускала, даже говор у нее был другой — быстрый и уверенный. А уж взгляд... раз поймал его Сарх и на себе, как и дружелюбную улыбку. Поймал, да и сам попался — забыть уже не мог.

— «Да кто она такая? Откуда взялась? Была бы и впрямь благородного рода, так разве жила бы среди простолудинов... У пекаря хоть и сытно пристроилась, так ведь прислуживать-то ей некому, да и сама целыми днями в работе. Вон вчера пока шла к колодцу, все на пальцы дула, говорит о противень раскаленный обожглась... тоже мне, благородная Дама!

Не-ет, видать, есть в ней какой-то изъян, раз такая красавица до сих пор никому в жены не подошла! Мне за ней бегать, конечно, не пристало, но вот позабавиться на травке луговой вдаль от чужих глаз, может быть, она и сама не прочь...»

Обо всем этом раздумывал про себя Сарх, возвращаясь из каменоломни обратно в поселок, как вдруг увидел на тропинке перед собой ту самую девушку, что уже начинала ему сниться.

Катя тоже увидела знакомое симпатичное лицо сельянина, приветливо помахала парню рукой еще издалека.

— Куда это ты направляешься? Не боишься бродить по нашим местам одна?

— Так чего бояться, бабушка сказала — разбойники здесь не водятся, дикие звери не нападают...

— Люди тоже разные бывают... — уклончиво пробормотал Сарх, едва скрывая восхищение. Сейчас, вблизи, освещенная солнечными лучами Катарина показалась ему совершенной красоткой.

— Давай-ка, я тебя провожу!

— Что ты, не нужно! Я иду в Локмор, мне нужно передать угощение Спящим Богам.

Катя чуть было не сказала — «вашим Богам», да вовремя опомнилась. К тонкому миру Духов здесь относились серьезно, помимо Больших и Грозных Богов в каждом доме чтили также «маленьких хозяев».

— Ну, совсем, как домовых на Руси-матушке! — умилилась Катя, слушая таинственный шепот Грейты во время их обычных бесед перед сном.

— Я могу тебя проводить, я никуда не спешу! — торопливо пробормотал Сарх.

Его кровь просто вскипела при мысли о том, что скоро они останутся наедине под густым пологом дубравы. Уж тогда-то парень сможет убедить ее раскрыть все свои тайны... А потом ничто не помешает им встречаться, и если Катрин будет с ним ласкова, Сарх даже готов дарить ей маленькие безделушки в подарок. Правда, о женитьбе не может быть и речи! Родители никогда не позволят ему взять в жены бесприданницу с темным прошлым, да еще одного возраста с ним, когда вокруг немало молоденьких невинных девчушек, чьи родичи скопили полные сундуки добра для будущего зятя.

Кате вовсе не нужны были сейчас провожатые, девушка всерьез хотела очень тщательно изучить поляну возле дуба на предмет наличия какого-нибудь «портала» в двадцать первый век, в родимую Березовку.

Свидетели из Поста ей в этом кропотливом деле уж точно не были нужны, но мускулистый каменщик не отставал. Сарх на полном серьезе начал вдруг расписывать свою великую щедрость и доброту, готовность всегда прийти на помощь всем обиженным и угнетенным.

Катя его почти не слушала, раздумывая, как бы половчее отделаться от надоедливого кавалера. Тем временем они уже вступили в дубраву. Катя даже замерла в священном трепете, а вот Сарха, напротив, обуревали весьма земные интересы.

Не успела девушка благоговейно выложить перед Старым Дубом свои немудрящие подношения, мысленно изложить просьбы и чаяния всей семьи пекаря Барга, как молодой провожатый взял ее за руку.

— Вот мы, наконец, и одни! И в укромном месте! Никто нам не помешает...

Такое простодушное заявление сперва Катю даже позабавило, а потом она немного расстроилась, решив, что парень будет объясняться ей в любви, и придется подыскивать вежливые слова для отказа. Святая простота! Каменщик даже и не думал начинать цветистых речей, краснея от волнения и заикаясь, при виде Катиных прелестей.

Сарх просто прижал «чужеземку» к себе и попытался сразу же поцеловать в губы. Девушка опешила на долю секунды, а потом начала царапаться и вырываться из держащих ее крепких рук с решимостью лесной кошки.

— Дурочка, прекрати биться! Если не я, так другой возьмет, и вовсе с тобой церемониться не станет. Всем у нас ясно, что ты уже испорчена, тебя даже вдовец с кучей детей не примет. Ты здесь чужая, неужели не ясно?

От такой откровенной грубости, Катя едва не разрыдалась, сил сопротивляться у нее почти не осталось. Да и где ей было совладать с мужчиной, что каждый день ворочает тяжеленные каменные глыбы.

Сарх яростно целовал ее лицо и шею, а девушка только пыталась увернуться и не позволить ему коснуться своих губ. Катю отчаянно мучило от запахов лука и терпкого мужского пота, что исходили от парня. А тот, наконец, почувствовав, что девушка полностью в его власти, едва ли не бросил Катю на поляну и навалился сверху, задирая подол женского платья.

— Милые Боги Локмора, защитите! — едва успела выдохнуть девушка, даже не осознавая, что выкрикнула эти слова вслух.

Где-то наверху, в кроне развесистого могучего дерева зашелестела листва, потом раздалось

надсадное карканье ворон. Катя из последних сил пыталась оттолкнуть от себя тяжелое тело каменщика, но вдруг за его спиной раздалось грозное рычание.

Сарх немедленно перекатился в сторону и поднялся на колени. Катя со слезами на глазах поправила платье и с размаху залепила парню оплеуху, тут же отбив себе руку о его железную скулу. Это новое огорчение заставило девушку просто взвыть.

Катя прижала ушибленную ладошку к груди и разревелась, как маленькая, сидя на поляне под дубом. Она даже не обратила внимание, что Сарх на четвереньках сначала, а потом выпрямившись в полный рост побежал куда-то прочь. Катя даже не видела серую тень, что метнулась за ним следом.

Девушке было очень обидно и больно. Она-то искренне думала, что в деревне ее хотя бы немного уважают, относятся к ней дружелюбно, а оказалось, гадости за спиной говорят. А в чем же она виновата? Что замуж не вышла в пятнадцать лет и не нарожала еще кучу детей? Теперь бы точно сидела в Березовке своей, младшенького нянчила, пока старшие делают уроки.

А, может, в этом-то и есть самое настоящее женское счастье? Семья, дом и дети... Так, ведь надо сначала будущим деткам папу хорошего найти. А это уже не так просто. Вот хотя бы, как у нее с Витенькой все получилось... Из-за него Катя и на болото сбежала. Всю жизнь ей этот Витяка поломал! Так хотя бы сам счастлив был... И все-таки девушка желала ему добра. Пусть даже с другой...

И вот Катя немного успокоилась, вытерла слезы и тут же обратила внимание на зловещую тишину вокруг. Девушка огляделась и невольно задержала дыхание — в двух шагах сбоку от нее лежал волк. Настоящий огромный волк, теперь-то Катя ни за что бы его с собакой не спутала.

Девушка медленно поднялась на колени и попыталась трезво оценить масштаб новой опасности. А этот самый «масштаб» лежал себе довольно смирно, положив голову на лапы, и внимательно разглядывал Катю.

Осознав, что хищник не собирается нападать, Катя снова погладила свою руку и даже на нее подула, утишая боль. И тогда Волк тихо поднялся с явным намерением приблизиться к девушке.

— Нет, нет, нет, уж будь добр лежать там, где лежишь, — срывающимся голосом проговорила Катерина.

— Ко мне подходить не надо, мне и так уже весело, с самого утра... У вас тут не страна, а, судя по разговорам, какое-то убежище всяких Фантастических тварей, прямо как в книжке Джоан Роулинг — демоны и змеи крылатые, вампиры и оборотни, я уже ничему не удивлюсь. Приличного человека-то встретить, раз — два и обчелся, зато уроды всякие — просто на каждом шагу!

Потом девушка кое-чего тоже сообразила и продолжила, обращаясь к Зверю, что теперь уже стоял почти перед ней, чутко поводя ушами и зачем-то принюхиваясь:

— Ты его прогнал? Вот же молодец! Не иначе тебя здешние Боги послали! Наконец-то проснулись! Пора уже было вмешаться, когда в их священной роще такое хамство происходит!

Катя была возмущена до глубины души и сейчас была способна даже на критику в адрес Высших сил. Волк подошел совсем близко и прикоснулся прохладным влажным носом к Катиной руке, а потом вдруг лизнул ее, то самое ушибленное место, что все еще немного горело.

Девушка совсем растерялась и расчувствовалась.

— Ну, ладно, хороший, хороший! Я не буду ворчать, ты вовремя пришел. Еще бы подсказал мне, как домой вернуться, нашел бы мне лазейку обратно. Ну, поищи, пожалуйста, сам же видишь, мне здесь не место, я для них — чужая и испорченная, меня любой обидеть может.

Катя снова приготовилась плакать, уж очень она испугалась предстоящего насилия, которого едва удалось избежать, и так она сейчас заскучала по родным. В деревню ей возвращаться совершенно не хотелось, а больше идти было некуда. Солнце уже оседало к горизонту, не ночевать же Кате в лесу, хоть и заповедном. И девушка тяжело вздыхая, подобрала брошенную корзинку и потихоньку направилась в сторону селения. Волк издали проводил ее до границ Локмора и не последовал дальше, долго-долго наблюдая за ней из дубравы.

Глава 3. Избранница зверя

...Только сталь твоих глаз не забыть никогда, а в груди ледяная морская вода...

Веймар вернулся в замок глубокой ночью. Старая Наридида, как обычно, не спала, ожидая его возвращения, и опять принялась ворчать.

— Снова бродил по лесу голодный, одежда вся грязная, я сама приготовила тебе ванну, но она уж давно остыла. Я ожидала тебя раньше сегодня, ты же не любишь такую жару. Что тебя задержало?

Веймар ничего не отвечая, небрежно скинул одежду на руки кормилице, а потом, так же молча, опустился в глубокую мраморную ванну. Казалось, барон сосредоточенно о чем-то размышлял.

Наридида продолжала сыпать упреками, подливая из кувшина горячую воду:

— У Торма захромала лошадь, пришлось вызывать лекаря из поселка. Торговцы из Карста составили прошение на твоё имя, просят позволить им проехать на Торжище через Лост, так как пустоши у реки кишат змеями... В замке куча других забот, а тебя нет целыми днями. В конце концов, кто здесь хозяин, ты или я?

Веймар, наконец, слабо улыбнулся, вытягиваясь почти в полный рост в своей огромной ванной. Глаза барона были закрыты, он отдыхал.

— Ничего Наридида, скоро тебе прибавится хлопот... Я её нашел!

— О чём это ты, никак не могу взять в толк?

— Я нашел твою будущую хозяйку, Наридида. Свадьба состоится через полтора месяца, в период Зрелой Луны.

Пожилая женщина ахнула и опустила руки с кувшином, горячая вода выплеснулась ей под ноги и едва их не обожгла.

— Что ты говоришь, Веймар! О, мой мальчик, хвала Богам! Кто же она? Из города? Отвечай же, чудовище, как ты смел ничего мне не рассказать раньше! Ну же, не молчи! Веймар!

— Я привезу её сюда через пару дней, до заключения брака Катарина будет жить в замке. Тебе предстоит многое подготовить. Ей нужна лучшая комната, красивая обстановка, одежда и что-нибудь ещё... что любят женщины... может, какие-нибудь безделушки.

— Ну, да, конечно же, чего ждать... Это чудесная новость! А её родные? Ты уже с ними говорил? Они рады? А девушка... Катарина — прелестное имя! Она, верно, дивная красавица, нежна и тиха, словно дикая серна. Какая радость, Веймар! Скоро в нашем замке зазвучат детские голоса! О! Я так и знала, что не умру, пока не познакомлюсь с твоими детками.

— Надеюсь, всё так и будет...

— Но, ты словно вовсе не рад? Что-то не так, скажи... девушка всё про тебя знает?

— Ей даже неизвестно моё имя! И я не уверен, что она, вообще, захочет стать моей женой.

— Но, как же так, Веймар... она... она посмела тебе отказать?

Мужчина криво усмехнулся и скрылся под водой, словно избегая дальнейших расспросов любопытной старой кормилицы. Наридиду было уже не остановить, она сыпала все новыми вопросами, но теперь барон не обращал на старуху никакого внимания. Он думал о том, как воспримет Катарина новость о предстоящем замужестве с совершенно незнакомым человеком, сколько времени понадобится девушке, чтобы к нему привыкнуть.

Отца Веймара это бы не волновало, Хорган забрал к себе Лею в тот же вечер, как увидел юную красавицу на торжестве в честь приезда Наместника. Старого барона не тронули ни слезы, ни мольбы невинной девушки. Он овладел ею ещё по дороге в замок, прямо в лесу, не стесняясь вооружённых всадников охраны. И лишь через пару месяцев издевательств, когда понял, что «новая игрушка» в ожидании «приплода» грубо постановил:

— Родишь мне сына — станешь Хозяйкой Ульфенхолл! Будет девчонка — прогоню обоих...

Сына Хорган назвал Веймаром, в честь прапрадеда, что однажды прибыл в Дэриланд с побережья Закрытого моря. Предок был славным воином, но, не выдержав распри со сводным братом — законным ярлом Атли, вынужден был покинуть родные фьорды, чтобы вместе с отрядом воинов обосноваться на плодородных равнинах Дэриландии.

Однако, кроме богатой утвари и оружия, первый де Лостан привез в новые земли и свое проклятие. Ради победы в суровом военном походе, морской разбойник обменял душу на способность принимать звериное обличье, что приводило в трепет не только врагов, но и самых верных соратников воина.

Даже на смертном одре тот, первый Веймар грезил морскими просторами и вольной жизнью пирата.

— У меня вместо сердца — кусок гранита в ледяной крови, его я и передам потомкам... И пусть одного из них непременно назовут моим именем, чтобы он взял мою силу, мою ловкость и быстроту. Чтобы он превзошел меня в доблести и мощи. И стал счастливее меня... даже в своей серой шкуре.

Не оттого ли Хорган возлагал на маленького сына Леи большие надежды. Однако, мальчик вовсе не торопился их оправдывать. Веймар рос крепким и сильным, как и все в роду Лостанов, но Хоргану этого было мало. Однажды, поставив высокого худощавого юношу перед собой, барон заорал так, что долго еще дрожали стеклышки цветных витражей в огромных окнах Большого Зала:

— Тебе скоро пятнадцать, а ты еще ни разу не обращался. Позор! Ты не мой сын! Твоя мать — блудливая сука, я так и знал, что она зачала тебя от метельщика! Я отправлю тебя в Долину и выживай как хочешь, ублюдок. Сдохнешь на снегу или вернешься на четырех лапах, ты понял? А убогую дрянь, что породила мне это отродье я скормлю псам Ульфенхолл. Хоть какая-то польза от этой потаскухи.

... Веймар с удовольствием натянул на влажное тело чистую льняную рубашку, что приготовила Нариды. Давнишние воспоминания заставили снова почувствовать на клыках кровь отца.

Как будто это было вчера... перекошенное бешенством, дурно выбритое, морщинистое лицо Хоргана, его разинутый черный рот и безумная нечеловеческая ярость, что заставила кости Веймара расплавиться, изменяя форму... Потом дикая боль, пронзающая суставы и осознание собственного превосходства над старым седым Волком. Он это смог... Ради Леи, не ради себя... Сам бы он выдержал не только холод и мрак Долины, но не боялся даже гнева ее Хозяина.

Мать не надолго пережила грозного супруга, скончалась в ту же весну, оставив юношу на попечение кормилицы Нариды и старого Торма, что служил еще при молодом Хоргане.

В дверь спальни робко постучали и она немедленно отворилась, пропуская Нариду.

— Прости, старуху, но ведь я остаток ночи не сомкну глаз. Все буду думать про вас... Скажи честно, Веймар, она тебе хоть немного нравится? Тебе... самому, а не твоему Серому... Лично тебе, как мужчине, а?

— Это совсем не важно! Она станет Госпожой в моем доме, слуги будут ей подчиняться, у нее будет все, что она пожелает — деньги, наряды, уважение и почет — все подобающее Хозяйке Ульфенхолл.

И я буду ее беречь и ценить, как Избранную моего Зверя! Разве не понятно? Он должен был давно взять себе пару. Из нас двоих решает Он. И Он выбрал эту Женщину. Она продолжит наш род — это судьба. Мы будем вынуждены ее принять.

— Все это так, но... скажи хоть, какая она? Ей уже исполнилось шестнадцать?

— На вид ей около двадцати лет... кажется.

— Двадцать лет! И у нее еще нет мужа? Что с ней такое? Почему ее никто не взял прежде? Или... ох, нет... ты хочешь забрать ее от семьи, а как же дети? А, если у нее дети? О, Веймар!

— Насколько я знаю, у нее нет ни мужа, ни детей! По крайней мере, сейчас!

В голосе барона начинало звучать раздражение. Ему хотелось остаться одному и выспаться до обеда, завтра предстоял длинный день. Нариды присела на краешек постели, сморщенными пальцами разглаживая кончик роскошного одеяла.

— Ну, хоть еще что-нибудь про нее расскажи... мне так интересно. В кои-то веки ты задумал жениться, эта такая новость, Веймар!

Терпению барона пришел конец и он пригрозил, правда, слегка усмехаясь в душе над вероятными страхами старой служанки:

— Одно я понял точно, что нрав у нее такой же непокорный и вздорный, как и у тебя! Вот погоди, погоди... привезу ее в замок и она живо наведет здесь свои порядки, а твоя власть ограничится уборной. Вот тогда запоешь!

Как он и полагал, Нариды ахнула, прижимая к все еще пышной груди, свои костлявые руки.

— Да, неужто она такая... Мальчик мой, зачем тебе нужна эта ведьма! Может, другую найдешь...

Веймар даже не успел себя успокоить, как Зверь внутри яростно зарычал:

— Мне не нужна другая, запомни это! Катарина предназначена мне Богами! Эта Женщина будет моей, даже если растает лед вокруг Сумрачной Долины и наша Рось выйдет из берегов и затопит Локмор!

Нарида метнулась к двери, но Веймар опередил ее и, схватив руками за плечи, приподнял над полом. Голос мужчины звучал немного тише, хотя лишь старая кормилица могла расслышать в этом глухом рокоте человеческие слова:

— Я тебе давно не мальчик... забудь это слово! У меня уже седеют лапы... Если ты еще раз посмеешь так обратиться ко мне в присутствии Катарины, то... впредь будешь служить на конюшне! Ты поняла меня? Ты все поняла, Нарίδα?

— Да, да, мой Господин! Ну, конечно... я все поняла, — едва пролепетала старая женщина, часто-часто мигая слезящимися глазами, воспаленными от печного дыма.

Веймар медленно опустил кормилицу на пол, а потом крепко обнял ее и тут же вытолкнул за дверь. Нарίδα заковыляла по лестнице в сторону кухни, даже забыв прикрикнуть на нерасторопную служанку, что попалась ей навстречу с кучей скомканного белья.

— «Что же теперь со мной будет, Великие Боги! Молодая Хозяйка непременно велит прогнать меня вон, у нее будут свои привычные слуги, зачем ей терпеть немощную старуху. И ведь Веймар даже не вступится за меня, Она для него теперь Избранная и весь Ульфенхолл будет обязан ей подчиняться. Я кончу свои дни на гнилой соломе в заброшенном хлеву, это точно...»

Свои горькие размышления Нарίδα поспешила разделить с Тормом — одноруким пожилым воином, что был прямым потомком одного из тех рослых, могучих Храбрецов, что некогда составляли дружину первого Веймара — Веймара Покорителя Пустоши, Веймара основавшего Ульфенхолл.

Правда, свою левую руку Торм потерял отнюдь не в славном бою, что являлось причиной его давнего стыда и горя. Хотя, в тот печальный день он мог потерять что-то поважнее руки...

Глава 4. Праздник в Посте

Что ни вечер, то мне, молодцу, Ненавистен княжий терем,
И кручина, злее половца, Грязный пол шагами мерит.
Завихрился над осиною Жгучий дым истлевающим стягом;
Я тоску свою звериную заливаю пенной брагой...

Вернувшись из дубравы в расстроенных чувствах, Катя долго не могла прийти в хорошее расположение духа. О нападении каменщика и неожиданной помощи Волка девушка предпочла умолчать в семье пекаря. «У них и своих забот полно, и я еще тут со своими несдержанными поклонниками... Еще знать бы, что с парнем-то случилось, выбрался хоть из леса живым...».

За семейным ужином Барг объявил, что завтра в Посте будет что-то вроде ярмарки, а вечером пышный праздник, который устраивают торговцы из Карста, которым было разрешено проехать через земли Постанов к большому Торжку у подножия горных склонов, окружающих Долину.

Грейта заметно оживилась от этой новости, и Катя прекрасно поняла подругу, обычная жизнь в деревушке была не очень-то веселой, а тут что-то вроде всеобщей вечеринки намечается — сначала обновки и лакомства, затем музыка и танцы.

Катя даже попыталась выведать, нет ли у девушки кого-то из молодых мужчин на примете, но Грейта лишь покраснела, опуская глаза.

— Скоро, скоро улетит наша пташка из родного гнезда, — вздыхала Арита, сматывая в клубок шерстяные нитки.

— Давно обещана внучка в Хортам, еще муж мой ладил обручение с семьей Громли.

Губы Грейты начинали дрожать, щеки побледнели.

— Я не хочу уезжать так далеко от вас, до Хортама пара дней пути! Не хочу жить в чужом доме, они... они будут меня обижать, я знаю...

Когда девушка залилась слезами, Катя совершенно растерялась:

— «Да, что же это такое! Уже с малых лет все за девчонку решили, она жениха и в глаза-то не видела, а вдруг он косой и рябой, и вообще, злыдень... Как с ним... детей-то делать... Им же всем сразу потомство подавай, продолжение рода!

Нет уж, пусть лучше меня непорченной считают, зато никто с замужеством не полезет, как-нибудь одна перебыюсь, местных кавалеров надо за километр обегать. Двух слов связать не могут, ухаживать даже не пытаются, а сразу юбку задирают... Настоящее Средневековье... Рыцари галантные только в сказках для маленьких девочек остались... Или всех Драконы сожрали, не иначе.»

Ночью Катя долго не могла уснуть, прислушивалась к тому, как Грейта ворочается на своей постельке, что-то беспокойно бормочет и даже всхлипывает. А перед глазами Кати стоял ее странный спаситель в мохнатой шкуре. «Неужели это все тот же Волк с Мохова болота... Может, и мое появление здесь как-то с ним связано, а ведь он мне здорово помог, заступился... что бы я делала, если бы Сарх... как бы потом жила здесь...»

Дальше думать на эту тему девушке резко расхотелось, Катя зажмурилась и принялась считать в уме белых овец, что видела днем во дворе у соседа, правда, наяву они выглядели не особенно белоснежными и чистыми, но на процессе засыпания это явно не сказалось.

А следующий день представлял собой настоящую карусель из сменяющих одно другое дел и хлопот. С самого утра Катя встала к разделочному столу в пекарне и занялась стряпней. Барг садил хлеба и булочки в печь, следил за огнем, заказов сегодня было много, еще надо было к вечеру выпечь пирогов с особенными для Поста узорами в виде острых зубчиков по краям.

— Это клыки Волка — древний оберег наших земель. Мы всегда подаем гостям такое угощение, чтобы все знали — край Постанов защищает Могучий Зверь, и Он никому не позволит обидеть тех, кто ему предан.

— Это такая легенда? Очень красиво звучит! — похвалила Катя, смазывая верхушку пышного пирога растопленным маслицем.

Барг замялся отчего-то и смущенно улыбнулся, вытирая руки полотенцем.

— Ну, да... может и легенда. Только ведь, знаешь, все предания когда-то были правдой, многие в них верят до сих пор. И Волк тоже бродил по нашим лесам, охраняя и преследуя врагов. В последние годы о нем, правда, ничего не слышно. Только вот хорошо ли это... старики, говорят — не очень.

Может, прежний-то Хозяин и бывал крут, но его все же видели, хотя... лучше бы и не видеть.

Барг надолго замолчал и Катя притихла, формируя в муке замысловатые постряпушки. Очень уж хотелось девушке удивить селян и гостей новым «печивом» по своим фирменным рецептам. А еще девушка задумала приготовить настоящий торт с великолепным бело-розовым кремом, почти что свадебный, лучший из всех, что вообще могла сотворить Катерина, а могла она, и впрямь, немало.

— Пусть все увидят и ахнут! И чтобы потом закрыли рты и даже думать обо мне плохо не смели! И пусть я не «молоденькая скромница» по их древним понятиям, пусть у меня «темный лес» за спиной, но все должны будут согласиться, что Барг не зря меня кормит, кое-что я могу и сама, да такое, что тут никому и не снилось. А тортик я сейчас такой «забабахую», что и королю «ихнему» будет подать не стыдно!

Медленно, но упорно день катился к вечеру... Работа в пекарне кипела вовсю. Мира с бабушкой Аритой готовили девушкам наряды на предстоящее торжество, а Грейту отправили помогать отцу. Вот уже были готовы и традиционные «волчьи» пироги и булочки, политые медом. Уже остывали на блюдах горки румяных пирожков с ягодной и с мясной начинкой.

Катя устала, даже мысли о предстоящей «вечеринке» больше не вдохновляли.

— «Да и чего мне там делать, — уныло размышляла девушка, — говорят, пиво будет и еще что-то спиртное, пристанет ко мне какой-нибудь новый подвыпивший Сарх, бегай от него потом, а Волк вряд ли явится в деревню меня спасать... Одним глазком только гляну, как они на мой тортик отреагируют и вернусь в дом».

Надо еще добавить, что зря Катя волновалась о своем незадачливом ухажере. Зверь каменщика не тронул... почти. В тот злополучный вечер, в родительский дом мужчина вернулся даже раньше Катюши, изрядно помятый и до смерти перепуганный, что, правда, не помешало ему затаить в душе великую злобу.

Но, девушке о том ведомо не было — она, наконец, с помощью Грейты вытащила из печи свой кондитерский шедевр и была немного разочарована.

— «Дома он у меня больше поднимался — пышнее был, воздушнее, а тут с жаром, что ли мы перестарались, так ведь всего и не предусмотритишь, что поделат, каждый торт уникален».

Но, несмотря на Катины профессиональные самобичевания, творение ее ручек привело в полный восторг старосту Борто, которого заранее пригласил пекарь.

— Вот это красота, никогда не видал такого, даже когда был в городе! Будет чем удивить Господина! Он передал, что явится сегодня на наше торжество... Наконец-то почтит своим вниманием Пост, давно не бывало такого... Эта большая честь для поселения! Мы должны приготовить все самое лучшее, я зарезу собственного барана, Миртель запечет гусей. Угостим барона на славу! Если он, конечно, не побрезгует угощением.

Катя с раздражением брякнула тяжелый противень в угол. Этот барон-феодал ей определенно начинал не нравится. Нет, чего ему еще надо? Сказочка, а не жизнь...

Сиди себе в замке, палец о палец не ударив, а местное крепостное население само тебе все принесет и притом лучшее: молочко и яички, курочек и теляток, овощи и муку.

А сам-то, наверно, плешивый и толстый, да еще молодушек безропотных пощипать не прочь, старый потаскун! Такие только под старость и женятся, когда опомнятся, что наследников пора оставлять, передавать кому-то свои райские уголья!

Надо же... осчастливит народ своим внимание! Как бы праздник не испортил... и чего все его так ждут?

Катиному возмущению не было предела. «А жену его будущую, конечно, жаль... Он себе, обязательно, молоденькую красавицу возьмет... Запрет в замке своем и будет всяко приставать... старый черт... похотливый!»

Катя и сама толком не понимала, откуда у нее в голове сложился четкий образ барона в виде хромого кривобокого старика, толстого, словно пивная бочка.

«А с чего ж ему быть худым-то, если пища сама в рот идет, винища, пожалуй, целые погребса самого марочного, хоть залейся... И делать ничего не надо, про турниры рыцарские тут не слышать. Карам говорил, что все королевские всадники сейчас в Главном городе или в походе».

Честно сказать, к мужчинам, грозно восседающим на коне с мечом и в латах, Катерина была неравнодушна... В детстве еще, посмотрев иностранный фильм «Айвенго», долго грезила девушка

суровыми воинами, что мчатся друг на друга с копьями наперевес, а после один из них падает ниц, а другой сходит с коня и преклоняет колено перед прекрасной дамой.

А дама благосклонно машет ему белым платочком, посылая условный сигнал о тайной встрече. Нет, в Посто точно такого не увидишь. Скучно живете, господа обыватели!

Приближался вечер. Катя и Грейта, вместе с помощником — слугой доставили свою мучную продукцию под большой навес на главной площади, здесь должно было состояться что-то вроде основной церемонии: приветствие торговцев Карста и ответное слово старосты Поста, ну, как водится, совместное преломление хлебов в залог уважения и вечной дружбы, обмен подарками. Наверно, и барон до Лостан речь «толкнет», если он, вообще, на такое способен. На этом официальная часть должна закончиться, а потом люди будут кушать и веселиться.

Катя еще даже не переделалась в нарядное платье, выбранное для нее Грейтой и Мирой специально для «мероприятия». Девушка хотела из любопытства поглазеть немного на приезжих торговцев, сильно ли они отличаются от знакомых селян.

К приятному удивлению Кати — торговые гости из города Карст оказались очень похожи на старых русских купцов, такие же бородатые и осанистые крепкие мужики. Девушка подошла поближе, почти с восхищением глядя на лица, что будто были ей знакомы по фильму «Александр Невский».

На одной из повозок сидела юная, очень симпатичная девушка с длинными золотистыми волосами, заплетенными в две косы, что вились по плечам. Она улыбнулась Кате и Катя сразу же направилась к ней, чтобы познакомиться.

— «А чего стесняться и робеть... может, меня завтра уже обратно в Березовку родную выкинет, надо хотя бы узнать побольше про местные нравы, столько здесь всего интересного».

— Я — Катарина, я работаю в пекарне, а ты тоже торговлей занимаешься или здесь с родственниками?

Девушка отрицательно покачала головой, ее хорошенькое личико помрачнело.

— Мир тебе и твоему дому! Пусть хранят вас Щедрые Боги! Я путешествую с торговцами до склонов Драконьего хребта, а потом хочу пойти дальше... вверх и... вниз. Если найду провожатого, конечно.

— Ты в долину собираешься попасть? — догадалась Катя, изрядно удивившись. — А мне говорили, там очень опасно и холодно, и вообще, царит вечная ночь. И что ты там забыла?

Девушка грустно улыбнулась, опустила васильковые очи.

— Кажется, это Она меня здесь забыла. А теперь вот зовет обратно, и послушаться я не могу.

— А твои родные... Откуда ты?

— Я родилась в селении Хортам, это на берегу озера, у излучины Роси. Моя мать тяжело больна и ей нужно особое лекарство, которое можно достать лишь в Долине. Мой отец едет со мной, он сейчас пошел узнать насчет ночлега, наверно, скоро вернется. У вас здесь собирается большой праздник? Все ходят нарядные и смеются... Неужели в честь приезда городских торговцев? У нас не бывало такого...

— Да, да... в том числе, — рассеянно отвечала Катя, — слушай, вы можете остаться на ночь у нас, думаю, Барг не будет против. Наш дом рядом с пекарней, вон смотри, высокая красная крыша! Это же здорово, что вы из Хортама, мою подругу как раз просватали за вашего парня, может, ты его знаешь, он из семьи Громли?

Светлокосая девушка ненадолго задумалась, а потом с улыбкой кивнула:

— Да, конечно, знаю! А мы-то все гадали, почему это самый видный парень в поселке на наших девушек не глядит — он суженую ждет, оказывается.

Новая знакомая звонко рассмеялась, глаза ее заблестели, а Катя с некоторым замешательством поняла, что собеседница ее — просто очаровательное создание: мила в беседе, кажется, не глупа и на редкость красива. И вроде бы совсем не кичится этими достоинствами.

— Так, ты мне, все-таки, скажи — он хороший человек, это ваш Громли? Я за подругу беспокоюсь, она славная, не хочу чтобы дураку в жены досталась!

Девушка на повозке сразу стала серьезной.

— Глен Громли будет ей замечательным мужем, это тебе любой житель Хортама подтвердит.

Трудолюбивый, честный, добрый, не боится никого. В кузнице с отцом работал, наверно, сейчас будет его заменять, пока мы... не вернемся.

Катя заметила, как девушка, словно вспомнив о какой-то далекой беде, враз загрустила. В то время как сама Катюша была весьма успокоена насчет будущего замужества Грейты.

— Я ведь даже твое имя не знаю...

— Я — Тали... а мой отец — Арем. Вот он уже идет сюда, улыбается, значит, с хорошими новостями.

К повозке действительно приближался высокий мужчина мощного телосложения, и тоже с густой чуть вьющейся бородкой.

— «Настоящий великан! Сразу видно — средневековый кузнец!» — постановила в душе Катюша, весьма впечатлившись увиденным.

Мужчина слегка поклонился Кате и вполголоса сообщил дочери, что их приютит на ночь одна пожилая бездетная семья на окраине Поста.

— А ты, я смотрю, здесь уже подруг завела?

— Почему бы нет... Можно, я Тали в гости приглашу, до мероприятия еще время есть, чая попьем с пирожками, побеседуем...

О том, что следовало бы и ее отца — кузнеца пригласить Катя как-то не догадалась, немного оробев при виде его колоритной внешности. Но, кажется, мужчина и сам понял ее смущение и тут же ответил:

— Конечно, погуляйте, только одну девочку не оставляй, здесь все нам чужие... Я тебе ее поручаю, смотри у меня... Сам я тогда пока посижу с мужчинами, выпью немного пива, встретимся на празднике у общего стола.

После такого строгого напутствия Катя сразу почувствовала на себе некую ответственность и уже относилась покровительственно к девушке, что явно была моложе. Вместе с Тали они вернулись в дом Барга, чтобы немного отдохнуть и начать готовиться к празднику.

Надо еще сказать, что Тали захватила с собой из повозки небольшой музыкальный инструмент, не то старинная гитара, не то арфа...

— Ты на этом играть умеешь? — изрядно удивилась Катя, сама-то она была скорее в рядах восхищенных слушателей, чем уверенных пользователей.

— Да, меня с детства обучала мама... Она знала много-много прекрасных песен, я выучила их все.

В доме пекаря новую знакомую встретили очень хорошо, от угощения, правда Тали отказалась, но увидев Миру долго не отводила от нее взгляда. Старая Арита даже забеспокоилась.

— И чего уставилась, девчонка, ишь глазищи-то растопырила... Как бы ничего худого не вышло...

— Бабушка, успокойтесь, я вреда не принесу, просто... вижу иногда больше, чем другие. Эта женщина ждет сына, но малыш очень слаб. Я могла бы немного помочь. Я это умею... если позволите. И тогда он будет жить... не как прежние сыновья.

После этих слов Мира залилась слезами, а старая женщина тяжело опустилась на колени, склонив голову чуть ли не до пола. Катя только изумленно глазами хлопала, разглядывая странную гостью:

— Ты умеешь лечить?

— Я немного знаю травы и... разные слова, тоже как песни, особенные... но, они часто помогают. А «видеть» я могу с детства, точнее... — девушка покраснела, — когда начала ронять кровь.

Катя ее поняла, конечно. Тали попросила Миру лечь на постель поудобнее, а сама села рядом, поглаживая ладонями обнаженный живот беременной женщины.

— Мне еще нужен уголек из печки и красная шерстяная нить, и свежее куриное яйцо!

Катя немедленно кинулась выполнять поручения. Арита сидела на скамеечке в углу, вытирая слезы, что-то тихо про себя шептала, наверно, тоже молилась Добрым Богам.

Барг и Грейта сейчас были на главной площади, наверно, не хотели пропустить «официальное открытие» праздничного вечера, да еще собирались приветствовать этого Феодала.

Тали уже около получаса «колдовала» на Мирой, а потом устало выдохнула:

— Теперь все будет хорошо... Он родится в срок и очень легко... Он послушный мальчуган, сам перевернулся, а то бы ножками шел, было бы труднее...

Катя обняла Тали, смахивая слезы с собственных глаз, Арита привстала со скамьи и снова чуть было не упала в ноги смущенной «целительнице».

— Мы так тебе благодарны, доченька... Вот вернется Барг, он тебя наградит...

— Мне ничего не нужно, что вы... Я же просто помочь хотела... я поняла, что смогу.

Мира крепко спала. Бабушка осталась возле нее, поглаживала выбившиеся из-под платка волосы невестки, целовала ее натруженные руки. Катя вместе с новой подругой вышли на небольшую веранду, пристроенную к пекарне, присели на лавку отдохнуть.

— А, может, и вовсе на вечеринку не ходить? — всерьез размышляла Катюша, — наверно, праздник в самом разгаре, а у меня уже нет сил, ни петь ни плясать не хочется. Вечер-то какой дивный, так спокойно, тепло. Вот и солнышко почти село. Останусь-ка я дома... Хочешь, тебя отведу на вечеринку, тебе, наверно, любопытно посмотреть, еще отец беспокоиться начнет, если задержишься?

Тали задумчиво тряхнула косами, положила на колени свой музыкальный инструмент:

— Я тоже не хочу куда-то идти... А спеть я могу тебе и здесь. Вот послушай:

— Закат раскинулся крестом поверх долин вершины грез; Ты травы завязал узлом и вплел в них прядь моих волос. Ты слал в чужие сны то сумасшедшее видение страны, Где дни светлы от света звезд. Господином Горных Дорог назову тебя; Кто сказал, что холоден снег? Перевал пройду и порог, перепутье, Перекрестье каменных рек...

— Дивная песня, только немного грустная. Тебе обязательно идти в эту Долину? Я бы с тобой отправилась, честное слово, но... здесь надо тоже помогать.

— Ничего... Я же не одна. Со мной Арем.

— А мама твоя... Что-то очень серьезное, да? Сама ты ее вылечить не можешь?

Девушка опустила золотистую головку, рассеянно провела пальчиками по струнам, рождая тонкий звенящий звук — стон.

— Ему нужна именно я. И Он своего не упустит.

— О ком ты говоришь?

Но, Тали не успела ответить, потому что к веранде подбежала запыхавшаяся Грейта.

— Ну, что же вы тут сидите, вы же все-все пропустите! Такого больше никогда не будет! Барон привез бочку вина... «ну еще бы! У него их, наверно, сотни» и множество других подарков, он старосте цепь золотую одел на шею и был милостив к приезжим.

Он прежде и носа к нам не совал, а сегодня просто монеты швырял в толпу... все его так восхваляют... «почему я не удивлена...»

Катрин, немедленно одевай то красное платье и... повяжи волосы лентой, и еще мои бусы, мы идем на праздник. Умоляю, ты должна это видеть! А вы? Милая девушка! Вы ведь тоже идете с нами?

Катя только переглянулась с Тали и... побежала переодеваться.

Уже почти стемнело, когда втроем девушки смешались с праздничной толпой селян, что окружала небольшую площадку в центре Лоста. На краю этого мощенного каменной плиткой «пятка» возвышалась огромная бочка с замысловатым вензелем на железном ободе. Катя фыркнула, понимая, что приличная очередь развеселых людей выстроилась за кружкой вина из «коллекции барона».

Рядом с бочкой стоял и Барг, а потому Грейта потащила подругу прямо к отцу. Изрядно захмелевший пекарь вдруг бесцеремонно стиснул талию Кати, прижимая девушку к себе и закричал ей в самое ухо:

— Два кусочка! Он съел два твоих кусочка и до сих пор пальцы себе облизывает. Ему все понравилось!

Катя возмущенно вырвалась из цепких ручищ Барга, с трудом понимая о ком он сейчас говорит. Но пекарь уже кинулся обнимать Тали, хорошо, что к ней вовремя подошел Арем. Под его строгим взглядом, Барг с извинениями немедленно отпустил юную красавицу.

Грейта уже тащила Катю куда-то вперед, и девушка едва успела взглядом попрощаться с Тали. Они расстанутся в это вечер надолго... У каждой впереди своя дорога и свой суровый перевал. Однажды, подруги встретятся снова. Это случится весной, когда Тали будет возвращаться домой через Лост... правда, уже не одна... Но, историю этой отважной и доброй девушки поведаст следующее предание Дэриланд.

А Катя сейчас, взявшись за руки с вместе с другими девушками, от души пританцовывала в большом хороводе, пыталась подпевать деревенским песенкам, посмеивалась над выкрутасами изрядно «поднабравшихся» мужчин, что вздумали на потеху публике помериться силой, стоя на двух гладко оструганных бревнах.

Катя даже попробовала местный алкогольный напиток, очень напоминающий «медовуху». Катюша впервые оценила эту традиционную русскую настойку в городке Ялуторовске, на прошлую Масленицу, когда приезжала на выходные в гости к однокурснице. Ялуторовчане тогда хотели побить все известные рекорды по выпеканию самого большого блина.

Но, то ли кулинары намудрили с тестом, то ли плохо нагрели специально установленную на улице гигантскую сковороду — блин, что называется, «вышел комом». Правда, гости праздника «Проводы Русской Зимы» горевали тогда недолго и под вышеупомянутую «медовуху» смачно закусили неудачным «рекордом» под шумные аплодисменты. Кате тоже тогда достался маленький кусочек...

Эти домашние воспоминания так разволновали девушку, что она вышла из общей толпы и, желая поскорее покинуть площадь всеобщего развлечения, стала пробираться мимо накрытых столов в сторону пекарни. Вокруг стоял невероятный шум и гвалт, звучала какая-то совершенно невообразимая музыка, со всех сторон раздавались вопли и хохот. Совсем стемнело, ориентироваться помогали только факелы, зажженные по всей площади и вокруг нее.

Видимо, крепкий напиток все же давал о себе знать... Катя чувствовала легкое головокружение и неловко наткнулась на широкую спину мужчины, что стоял возле стола с особенно богатым угощением.

— Простите, извините... я немного спешу...

Катя постаралась вежливо извиниться и, отодвигаясь назад, снова чуть было не упала, зацепившись ногой за скамью. Хмурый пожилой мужчина со шрамом на лице ловко подхватил девушку и помог ей удержать равновесие.

— А, не пора ли тебе домой, красавица, или ты здесь мужа караулишь? Э-э-э... а мужа-то у тебя и нет...

— Скоро будет!

Катя даже вмиг протрезвела при этом заявлении. А потом вдруг обнаружила, что седоусый мужчина, что поддерживает ее за плечи, имеет только правую руку. Катя испуганно дернулась от него в сторону и... остановилась, оказавшись прямо перед высоким широкоплечим мужчиной, что буквально вчера попросил у нее напиток, а потом и коня своего хотел из этого же ковша напоить.

— Добрый вечер... сэр! Какая встреча.

Катя искренне попробовала сделать что-то вроде реверанса, но ноги ее слушались неважно, а потому, чтобы совсем не опозориться, девушка ограничилась легким поклоном. Катюша и сама не понимала, зачем она его дразнит, что он ей сделал плохого? Какое-то странное раздражение и досада охватили девушку...

— «Наверно, прислужник старого барона, кто-нибудь из охраны, сам-то он, наверно, упился вусмерть, где-нибудь уже дрыхнет на сеновале...»

А Веймар тоже словно оцепенел, явно расслышав в глубине своего сознания удовлетворенное ворчание Зверя.

— «МОЯ! Забери... Забери сейчас! ОНА МНЕ НУЖНА!»

Веймар только усмехнулся. Он уступил Ему в главном, позволив сделать выбор Избранницы, но вот исполнять все прихоти Волка он не намерен. Ему даже нравилось перечить и побеждать своего Зверя, хотя тот потом частенько брал реванш, словно в отместку, но сейчас Веймар был расположен рискнуть.

— Я тоже рад нашей встрече, Катарина! Правда, хотелось бы видеть вас более устойчивой...

— Простите, но мне пора домой... Это точно...

Катя еще раз неуверенно поклонилась и, стараясь сконцентрироваться на ближайшем факеле, направилась по окраине площади к пекарне. Глаза Веймара сузились, ладони сжались в кулаки, а ногти вдруг заострились, до крови впиваясь в кожу.

— «Сейчас же — за Ней! Иди и возьми Ее... Верни Ее мне-е...»

Едва сдерживая неистовое бешенство Зверя, барон успел отдать распоряжение Торму:

— Ступай следом и проводи девушку до ее дома, с ней ничего не должно случиться. Заодно узнаешь, где она живет... Вы приедете за ней завтра!

Глубоко вдыхая в себя свежий ночной воздух, перемешанный со смолистым чадом факелов, Веймар быстрым шагом направился к лошади, чтобы покинуть деревню. А там, у леса, отпустил своих людей и скрылся один в чаще. Его воины вернулись в замок, ведя за собой великолепного белого коня Господина. Ему он сейчас был ни к чему...

Глава 5. Ульфенхолл

А ко мне посватался ветер, Бился в окна, в резные ставни. Поднималась я на рассвете, мама, Нареченною ветру стала. Для чего такому жена — Он играет шелковой плетью, Где-то всадник, привстав в стременах, Летит в погоне за смертью... Ой да на что, на что сдалась я ему — Словно нож, он остер и резок...

У Веймара была очень беспокойная ночь. Одна из самых тяжелых, что выпадали на его еще не слишком долгом веку. Зверь безжалостно терзал его, заставляя вернуться за Самой Желанной Добычей. Это было бы очень легко осуществить... Он мог бы получить Свою Женщину уже сейчас, до исхода темноты. Он унес бы ее в лес и заставил подчиниться.

Так всегда поступают Звери, так Хорган когда-то взял Лею... Но, не память ли о матери заставляла Веймара бежать все дальше и дальше от Лоста, от дурманящего аромата Единственной, от Ее блестящих глаз, ее влекущих губ...

С величайшим трудом Веймар убедил Волка подождать до утра... А утром собрал всех своих людей и сделал самое строжайшее распоряжение:

— ...Катарина ничего не должна знать обо мне, как о Волке! Ослушание — смерть! Невесте барона должно все понравиться в поместье, а через полтора месяца она станет госпожой де Лостан и хозяйкой Ульфенхолл. Потому что так хочет Зверь...

Надо еще добавить, что собственно прислуги в замке было не так уж много. Веймар никогда не желал видеть толпу народа, снующего по его территории. Всеми мелкими, да и крупными бытовыми делами, будь то поставка продуктов, приготовление еды, уборка или стирка занималась Нарида. Она же нанимала новых слуг обою пола и уже много лет чувствовала себя настоящей смотрительницей Ульфенхолл.

Ей во многом помогал Торм — они давно знали друг друга, даже ходили слухи, что воин пытался когда-то затащить женщину в свои покои, да кому интересно спустя много лет, что из этого вышло... Одно время они почти открыто ругались, словно оспаривая право присматривать за юным Веймаром. Но, лишившись родителей, барон быстро повзрослел и живо положил конец всяческой междоусобице в замке.

Вся немногочисленная челядь быстренько убедилась, что Молодой Волк умеет рычать не хуже Старого, а зубы у него не в пример крепче... Хорошо, хоть норы были немного спокойнее, чем у отца, да и на расправу Веймар никогда не был скор, предпочитая лично разобраться в ситуации, а потом уж миловать или карать. А карал он строго...

Уже в первый год его вынужденного сиротства весь Ульфенхолл знал, что надо остерегаться не столько грозного голоса Хозяина, сколько этакого чересчур спокойного и холодного взгляда, за которым могла скрываться Нечеловеческая Ярость, способная одним точно рассчитанным ударом уничтожить самого Свирепого Врага.

Лишь один случай стоит описать тому в подтверждение... После смерти Хоргана некоторые из его вассалов задумали прибрать к рукам часть земель исконного владения де Лостан. Соседская «свора» не раз нападала на пограничные селения, воруя скот, губя посевы, обижая крестьян. Когда жалобы населения достигли ушей молодого Веймара, он выслушал их совершенно безо всяких эмоций и пообещал разобраться.

Старосты разоренных деревень покинули тогда Ульфенхолл, пряча в душе досаду и разочарование. Их прежний Хозяин сначала бы распалил себя бранными словесами в адрес зарвавшихся соседей, а после вскочил на коня, собрал отряд верных воинов и немедленно отправился проучить наглецов, что осмелились посягнуть на то, что принадлежит Хоргану.

Веймар же просто обещал помочь доверившимся ему земледельцам...

— Молод еще... — ворчал старый Гайли, оказавшись за пределами замка, — еще не отрастил клыки... не оброс шерстью... куда ему тягаться с матерыми Господами... как бы самого-то не прогнали с насиженных земель...

А на следующий день в охотничьем домике соседских лесных угодий нашли тело рыцаря Одринтона с перегрызенным горлом. А через несколько дней странным образом погиб по дороге из города наместник Форчин, тот, что особенно рьяно претендовал на кусок плодородной земли на границах с де Лостан.

После этих печальных происшествий, претензии соседей мгновенно прекратились. Все поняли, что новый Хозяин Ульфенхолл не будет тратить время на угрозы и ругань, а просто накажет того, кого сочтет виновным.

Примерно через месяц после этих событий молодого Веймара вызвал к себе Король. Замок пробыл без хозяина пару недель, а потом де Лостан вернулся с великолепным перстнем на пальце в знак того, что барон присягнул на верность правящей династии Гальборо и отныне пользуется всеми Рыцарскими привилегиями.

Такие новости и вовсе заставили притихнуть самых недовольных родовитых соседей, а люди под «лапой Лостанов» воспрянули духом, осознав, что никто более не потревожит их земли.

Таким образом, новому Господину Ульфенхолла не требовалась большая свита и при замке находилась лишь дюжина проверенных воинов во главе с Тормом. Остальные «дюжие ребята» были распущены «по семейным поместьям» и регулярно собирались вместе только на периодические военные учения, охоту и прочие мужские мероприятия и развлечения.

Что же непосредственно до мужских развлечений самого барона... Примерно пару раз в неделю Веймар посещал ближайший городок, где справлял свои взрослые потребности при помощи благосклонных девиц, любящих богатых и щедрых посетителей.

Особого значения таким встречам барон никогда не придавал, считая подобные занятия чем-то вроде отправления самых естественных надобностей человеческой природы. Он и лиц-то этих благосклонных дам совершенно не запоминал, поскольку пользовался их услугами в определенных позах, при которых видеть яркую внешность девицы было совершенно не обязательно. Волк все это сносил равнодушно и снисходительно, но вот этой весной...

Веймар уже которую ночь не мог найти себе покоя, Зверь рвался наружу, заставляя бежать в лес, искать кого-то еще неведомого, но необыкновенно Желанного... Самку... Подругу... Спутницу — Одну и Навсегда! Избранную...

Для Веймара это поведение его второй Сути было более чем странно, за все свои сорок с небольшим лет подобными выходками ранее Зверь его не беспокоил. Так что же теперь...

Может, и впрямь, барону следует жениться? Он уже не так молод, время идет, Ульфенхолл, конечно, требуется наследник, и род де Лостан не может прекратиться по странной прихоти Веймара не связываться с женщинами серьезно. Веймар даже в замке никогда не держал любовниц, его бы это жутко раздражало.

Даже придя к мысли о неизбежности женитьбы, барон поморщился. Неужели это необходимо, чтобы в его доме должно когда-то поселиться маленькое пугливое или, наоборот, капризное существо, которое он должен будет кормить, одевать, выслушивать... Б-р-р... не проще ли завести котенка? Но, кошек Веймар почти ненавидел.

А Волк с каждым днем становился все более неуправляемым. И когда барон сорвался и едва не покалечил своего старого конюха, то понял, что с мнением Зверя придется считаться. Зверь хотел Пару и просил дать ему свободу для поисков. Веймару пришлось уступить.

И через месяц бесполезных метаний по всей округе Волк направился в Локмор, дабы испросить совета у Спящих Богов. Веймар так и не понял, проснулись ли последние, но... Он вдруг увидел Девушку, сидящую на пригорке с красной бадейкой в руках. Девушка вытирала слезы и улыбалась ласковому солнышку, одета она была в охотничьи сапоги и мужские облегающие штаны. Это было странно...

А потом вдруг Волк бросился к ней и сознание Веймара будто молнией пронзило — МОЕ!

ЭТО — МОЕ! ЗАБЕРИ НЕМЕДЛЕННО!

И Веймар, скрепя сердце, вынужден был исполнить волю Собрата.

На какое-то время Волк внутри него успокоился, будто чувствовал, что Самая Желанная Добыча уже не минует его, не ускользнет. Теперь Веймара начинало тянуть в Лост, значит, Избранница поселилась именно там... И он нарочно оттягивал встречу, желая немного подразнить Зверя, с усмешкой терпел его возмущенное рычание и клцанье мощных челюстей, будто у самого горла...

Разве мог бы он сам себе причинить вред... Вот только бессонница Хозяину Ульфенхолл была гарантирована в отместку за промедление.

Наконец, изрядно помучив себя и Зверя, Веймар поехал в Лост и сразу же Ее узнал, хотя теперь девушка была одета в крестьянское серое платье, которое шло ей гораздо хуже, чем прежние обтягивающие штанишки. Теперь ее длинные стройные ножки были скрыты под бесформенной грубой трапкой... к некоторой досаде Веймара.

Вернувшись в замок, барон отчего-то места себе найти не мог и даже всерьез решил отправиться в город, хотя до привычного дня «свиданий» еще оставался некоторый срок. Но, к величайшему

удивлению и даже негодованию Веймара, Волк был решительно против! «Только ОНА!»

Барон прикинул в уме, что до первой брачной ночи должен пройти как минимум месяц, а то и больше и... немного затосковал. Веймар никогда особенно не нуждался в женщинах, считая их, конечно, необходимым средством для удовлетворения неизбежных потребностей и рождения потомства, но... на этом все.

После безвременной смерти матери, Веймару не доводилось больше скучать по женскому обществу, желать женской ласки и нежности. Пусть об этом поют менестрели, пусть за внимание Прекрасных Дам бьются Рыцари Королевского Двора... у Волка есть лес, у Веймара есть Ульфенхолл. Этого им достаточно! Оказалось, что нет...

А потом он снова увидел Девушку на деревенском празднике. Она держалась дерзко, была немного пьяна, и еще от нее исходил дразнящий аромат недавнего безудержного веселья... с ноткой печали...

Веймар едва мог усмирить своего Зверя! Тот хотел защитить, успокоить, дать понять Избраннице, что под Его защитой Ей ничего не нужно бояться. Желанная была так одинока и растеряна... Он был так Ей нужен... Он должен был увести Ее с собой или хотя бы проводить в безопасное место.

И Волк жестоко отомстил Веймару за непослушание. В Ульфенхолл барон вернулся только под утро и в таком истерзанном виде, что Нариды только рукам всплеснула:

— Стоило позволять себя таскать по бурелому из-за какой-то юбки! Привози девицу сюда скорее, мы уж как-нибудь разберемся, что это за птица!

И Веймар отправил троих всадников за Катариной, а сам пошел привести себя в порядок и немного поспать. Волк был совсем не против теперь... Волк почти тепеливо ждал... ведь оставалось недолго!

А Катюша с самого раннего утра хозяйничала в пекарне. Барг не отходил от Миры после новостей, что рассказала ему Арита. Мужчина готов был жену на руках носить. Еще бы, ведь если верить той странной девушке-целительнице, в их доме скоро должен появиться здоровый мальчик. Долгожданный сын! Воистину Боги явили свою милость, приведя в их семью Катю, а через нее и Тали. Хвала Щедрым Богам!

Настроение у Кати было превосходное, она весело что-то напевала, разделявая тесто и укладывая на подготовленные противни новую партию пирожков, на которые с утра уже поступили заказы от сельчан. Хотя, пожалуй, добрая половина Поста еще спала, отдыхая после ночного празднества. Однако, торжества — торжествами, а и хлеба ставить надобно... кормить голодные рты. А уж семьи-то в Посте были большие.

И тем более удивилась Катюша, когда ближе к обеду в пекарню прибежала заплаканная Грейта.

— О, Катрин! Какое несчастье!

Девушка обняла колени подруги и разразилась рыданиями. У Кати чуть миска с медом не выпала из рук.

— Что-то с Мирой?!

— Ох, нет, с матушкой все хорошо! Они приехали...

— Кто приехал? Да успокойся же... Грейта!

— Слуги барона! Они сказали, что им нужна девушка... Катрин, я пропала! Это за мной! Они увезут меня в замок! О, Катрин...

В одно мгновение Катя все поняла. Да, и чего же было не понять-то? Вчера на вечеринке старый барон, конечно, углядел молоденькую хорошенькую Грейту и велел ее привезти себе на потеху. Ах, он... Выразаться Катя не любила, но умела — по деревенски крепко и даже вычурно. Если того требовала ситуация, разумеется...

— Не бойся, мы что-нибудь придумаем! Мы тебя спрячем! Отправим к жениху в Хортам. Соврем, что ты больна... или... или беременна! Да... Нет... Вдруг жених не поймет... Что же делать...

Катя даже не успела перебрать в голове все возможные сценарии спасения Грейты, как увидела приближающегося Барга. Мужчина вдруг низко поклонился своей помощнице и торжественно произнес:

— Прекраснейшая Леди Катарина, вас желают видеть Благородные господа... дабы... дабы... сообщить Вам особенное известие...

Катя нервно расхохоталась:

— Это что, шутка такая? У вас верно вчерашний хмель из головы не вышел, и вы решили подурачиться? Ну, раз у вас так принято... по утрам, после ярамарки. Благодарю за внимание, я под впечатлением!

— Никаких шуток, Леди Катрин, вас ожидают в прихожей дома!

И тут Катя отчего-то решила, что Барг вместе с Аритой и Мирой хотят сделать для нее какой-то сюрприз в благодарность за знакомство с Тали и добрые вести о благополучном ходе беременности.

— «Какие милые люди... только зачем сюда барона-то приплетать, наверно, традиции..»

Со спокойной душой Катя вытерла испачканные в муке руки, и, даже не расправив засученные рукава и не сняв передник, отправилась в дом мимо побледневшей Грейты.

Каково же было ее удивление когда она, и впрямь, увидела у порога троих внушительных мужчин, в одном из которых Катя немедленно признала вчерашнего «однорукого». Может, Грейта была права... Катя немедленно настроилась на самый решительный отпор прислужникам Похотливого Старика.

— Добрый день, Господа! Позвольте узнать причину вашего визита!

По мнению девушки, со слугами феодала следовало разговаривать именно так... Мужчины тут же переглянулись с вытянувшимися лицами. Катя и раньше замечала, что на ее речь местные крестьяне реагируют странно. Ну, не вписывалась Катины обороты в простонародный говор...

Наконец, Однорукий пригладил длинные пышные усы, откашлялся и начал говорить:

— Цель нашего приезда, леди — это пригласить вас в замок Ульфенхолл... кхм... для знакомства с его Хозяином — Бароном из древнего славного рода де Лостан... так как...

— Наслышана, благодарю! К сожалению, должна сообщить, что у меня нет ни времени, ни желания для посещений каких бы там ни было замков. Я весьма занята! Так вашему Феодалу и передайте!

За спиной Кати кто-то ахнул, девушка невольно оглянулась и увидела совершенно круглые испуганные глаза Миры. Рядом с женой стоял растерянный Барг, а из-за его спины выглядывала Грейта, на той и вовсе лица не было.

— «Уж, не переборщила ли я с категоричностью тона...» — задумалась про себя Катя.

— «Он как-никак барон... его, пожалуй только «за погоны» уважать можно, надо было повежливей отказать».

И Катя с самой любезной улыбкой присела в поклоне перед незванными гостями. К ее немалому смущению, мужчины немедленно раскланялись в ответ, правда с более суровыми лицами.

— Не смею вас больше задерживать, товарищи, вы свободны...

«Еще... надо что-то сказать еще... ох, прямо, не знаю... не могу сообразить...»

— Леди, верно, нас не совсем поняла... — теперь заговорил второй мужчина — высокий и представительный, тоже в солидном возрасте. Обе его руки были в наличии, и одна из них сейчас довольно уверенно покоилась на богато украшенном поясе с ножнами.

— У нас есть строжайшее распоряжение барона доставить Вас в замок и мы, разумеется, выполним этот приказ.

— В мешок меня засунете и увезете силой?! — Катиному возмущению не было предела. «Это ж надо мне было так попасться... и как теперь быть...»

— Зачем же сразу в мешок... — примирительно начал Однорукий.

— Мое имя — Торм, мы с вами уже встречались на празднике, когда Леди оказали мне великую честь, едва не сбив с ног.

Катя сдержанно улыбнулась, оценив шутку. Это пожилой мужчина неожиданно стал напоминать ей русского Дедушку Мороза, только без бороды. Глаза у него были добрые, в отличие от Представительного.

— Да, я вас помню...

И Катя невольно припомнила еще одного мужчину... с серыми пронзительными глазами, вчера она почему-то оробела перед ним. Хорошо, что его сейчас тут не было.

— Но, это вовсе не означает, что я должна с вами ехать неизвестно куда!

Кажется, Представительный начал терять терпение, он им вообще, говорят, не отличался... особенно, когда начинал службу еще при Хоргане...

— Все на этой земле принадлежит барону и вам — Леди, придется отправиться с нами в замок, даже без вашего желания!

— Подожди, Баар, ты ее напугаешь... Мы ни с кем не хотим ссориться, Леди Катрин, но вам, и правда, нужно прибыть в Ульфенхолл... и как можно скорее. И если вам... гхм... затруднительно будет идти самой, то, уж простите, одному из нас придется взять вас на руки и, к моему превеликому сожалению, это точно буду не я.

Катрин даже с некоторым сочувствием покосилась на пустой рукав Торма, подавила тяжелый вздох.

— «Они, кажется, настроены решительно... и что толку мне сопротивляться и вопить... таким бугаям ничего не стоит меня силой вытащить из дома и посадить на коня... Коня! Интересно, может, за мной карету прислали? Зачем же я Ему все-таки понадобилась... старому хрычу...»

К немалому разочарованию Кати кареты или какого другого экипажа во дворе не оказалось. «Представительный» просто подхватил девушку за талию и усадил боком на свою лошадь. Торм ободряюще подмигнул Кате, ловко взобрался на свою чалую лошадку и потрусил рядом. Перед отъездом девушка даже не стала менять платье, только передник сбросила на руки дрожащей Грейте.

— Я скоро вернусь... вот только улажу это недоразумение и вернусь... и вообще, нечего мне там делать.

Дорога до замка Кате досталась нелегко. Оказывается, ездить на лошади — это не такое уж и приятное занятие. Особенно, если ты сидишь, прижатая боком к малосимпатичному незнакомому мужчине, который велит тебе крепче держаться за его руку, чтобы не свалиться под копыта коню во время перескока через очередную грязную лужу.

Может, если бы Катя и сама могла усесться поудобнее, ногу, например, перекинуть как мужчина, взяться за поводья... Но и тогда ей пришлось бы ощутить на себе все эти кочки и колдобины, да, что за день сегодня такой! В довершение всех неприятностей, девушка вдруг вспомнила, что не вынула пирожки из печи, а если и Барг о них забудет в свете случившихся событий... Настроение было хуже некуда...

Наконец, впереди показались какие-то каменные развалины и Кате торжественно сообщили, что это — не что иное, как ворота в поместье Ульфенхолл. Девушка совершенно расстроилась... Мало того, что приличного Рыцаря в доспехах здесь не найти, так еще и замок, наверно, похож на средневековый курятник... холодно... мрачно... плесенью пахнет... полная антисанитария!

Да, уж, вот тебе и экскурсия во владения местного Олигарха... чего тогда от самого Хозяина ожидать...

Но, по мере приближения к постройкам, впечатление девушки от увиденного начало меняться. В том, что это действительно была весьма внушительная стена из каменных валунов, сомневаться не приходилось. А за ней располагались будто по цепочке — звеньешко за звеньешком — разнообразные строения, то ли загоны для скота, то ли армейские казармы, Катя в этом смутно разбиралась.

Возле некоторых таких «казарм» стояли вооруженные мужчины, все почему-то пожилые и степенные. Катя даже ступевалась немного и ей, правда, стало вдруг страшновато.

— «А если меня не скоро отпустят, а если не проводят, я же тут, точно, заблужусь, а тут одно мужичье... ой, мамочки, как же мне выбраться-то из этой передраги... целой и невредимой!»

Впереди показались конюшни и хлева, по двору в рассыпную разбежались куры, где-то рядом, надрываясь, залаяли псы, будто желая сорваться с цепей. У Кати просто голова кругом шла от такой чехарды, она едва держалась за руку своего спутника, вертела шеей в разные стороны, пытаясь побольше увидеть.

— «И ведь ни одной женщины... неужто все в гареме живут... да ни за что... никогда...!»

И вот, к некоторому Катиному облегчению, показалась пожилая служанка, что несла ведро, вероятно, с помоями до ближайшего свинарника. Вокруг теперь стоял тяжелый дух скотного двора. Катя хоть и провела детство в деревне, но родители ее отродясь столько живности не держали.

— «Еще немного, и я свалюсь в обморок... это не замок, а ферма какая-то... Кошмар!»

Но, оказывается, до самого замка им еще предстояло ехать и ехать куда-то вглубь этих укрепленных стен, теперь уже украшенных небольшими башенками с бойницами, и прочих строений непонятного назначения.

Когда же лошадь с Катей остановилась, наконец, возле высокого каменного здания характерной конфигурации, у девушки уже не было сил чему-либо удивляться.

И даже когда откуда-то появился тот самый высокий сероглазый мужчина, что поздоровался с ней на празднике, Катя совершенно равнодушно опустила в его протянутые руки, позволила принять себя с лошади и поставить на землю. Только пробормотала еле слышно:

— И вы тут... а где же ваш Господин?

— Какой еще господин? Если ты про Короля, так он в Галсборге, а больше для меня господ нет!

Такой ответ Катю не очень-то удовлетворил, при чем здесь король... она же спрашивала про барона?

— Я хотела бы поговорить с бароном, кое-что прояснить...

— Вообще-то мы уже разговариваем, и я полагаю, вам захочется отдохнуть с дороги и переодеться во что-то более подходящее... вашему статусу.

Катя от усталости и избытка впечатлений совсем ничего не поняла. Стояла и смотрела на мужчину перед собой.

— «Брюнет почти... никогда мне не нравились брюнеты... все они такие высокомерные, центрами Вселенной себя считают... а вот глаза у него необычные... с искорками».

— Вы позволите проводить Вас в замок...

— Что?

На лице Сероглазого отразилось недовольство...

Да Веймар был просто в бешенстве сейчас! Так он и знал, девчонка невероятно глупа, до сих пор не поняла с кем разговаривает, уставилась на него своими глазищами и почти не мигает... А, хорошенькая... и Волк странным образом затих, поскуливает себе блаженно, зажмурившись, словно уже готов перевернуться на спину и подставить Этой животик... чтобы приласкала...

Да, что Он только нашел в ней? Ничего особенного! Смазливая мордашка, стройненькая фигурка... даже худовата на вкус Веймара... а, впрочем, под ее балахоном и не разберешь...

Может, у нее какой-то удивительный запах? Жаль, в человеческом обличье Веймар не мог ощутить его в полной мере... Чуткое обоняние барона уловило лишь ароматы свежее испеченного хлеба и корицы, а еще топленого молока и горячего меда. Неужели Зверь был настолько голоден, что выбрал себе Стряпуху? Веймар отказывался это понимать!

Сам он выпечку не любил, предпочитая не слишком прожаренное мясо и старое доброе вино из виноградников с Цветущих Холмов. Маленький народец поставлял дубовые бочки с этим дивным эликсиром по всему Дэриланд и земли Постановов были первой остановкой на их торговых путях. К превеликой радости еще первого Веймара... а уж Хорган-то и вовсе не скупился, горстями расплачиваясь тяжелыми королевскими золотыми за густой пряный напиток, что веселил душу и вдохновлял тело на новые подвиги... или бесчинства.

Новый хозяин Ульфенхолл старался нектаром блаженства не злоупотреблять. Тем более его Зверь в этом с ним был полностью солидарен. И зачем-то выбрал стряпуху... Веймар едва мог скрыть раздражение:

«Волосы в муке, растрепанная... стоит — губы кусает... а губки у нее, словно две наливные вишенки, не они ли так пахнут медом...»

Барону вдруг нестерпимо захотелось лизнуть пухлую нижнюю губу девушки, или это уже просыпался Волк... отчего-то сейчас Веймар не мог отличить желания Зверя от своих собственных. И это тоже было довольно странно...

— Пойдемте, я покажу вам ваши покои! Выберите себе служанку... на первое время, она поможет вам переодеться к ужину. Встретимся за столом!

И Катя, словно во сне, последовала за сероглазым внутрь огромного каменного дома, который, видимо, и считался собственно замком. Девушка почти не глядела на широкую спину своего

проводящего, что мерно покачивалась впереди, столько интересного ожидало вокруг...

К приятному удивлению девушки внутри высокого холла было тепло и достаточно света. По некоторым книгам и фильмам у Кати сложилось убеждение, что средневековые «хоромины» мрачные и холодные, с крохотными окошечками, с грубой тяжелой мебелью и «неотесанными» хозяевами, которые умеют лишь глотку драть на пирах, да челюсти врагам крушить на поединках. И ведь Катя во многом была права...

Только надо отметить, что замок Ульфенхолл строился еще при первом Веймаре, а тот любил свежий морской воздух и просторные светлые комнаты, а еще огромные, железом кованые сундуки со всяческим «добром», награбленным с торговых суденышек. Прошлым своим старый викинг очень гордился и потому после раздора с ярлом увез с Побережья много всякого своего барахла, ценного и не очень... что могло бы напоминать прежние яростные схватки и победы.

органа из старых запасов прадеда интересовало лишь оружие и вино, а вот его сын, юный Веймар с удовольствием копался в многочисленных сундуках и ларях, извлекая на свет потускневшие от времени кубки и подсвечники, монеты старинной чеканки со стертыми профилями древних королей или ярлов, истлевшую одежду и обувь, пожелтевшие клыки крылатой твари... и чешую змея...

Карты и даже чьи-то записи морских и сухопутных походов, запечатленные на коже ягненка отличной выделки... чуть ли не на века для пытливых потомков.

И книги... Читать Молодого Волка учил добродушный Торм, тогда у него еще была левая рука...

У Кати глаза разбегались, пока она дошла по широкому коридору до «своих покоев», следуя за Сероглазым. У полуоткрытых дверей комнаты стояла женщина весьма преклонного возраста и несколько тетюшек помоложе.

— Знакомься, это Нарида. Она следит за моим домом, впредь вам придется делать это вдвоем, если ты, конечно, захочешь... Постарайтесь друг с другом поладить, потому что женской ругани я здесь не потерплю!

Говоря последние слова, Веймар обращался больше к старой нянюшке, чем к будущей невесте, но Катя все восприняла по-своему, даже вздохнув с облегчением.

«Барону нужна помощница по хозяйству, что же я сразу-то не догадалась! Он оценил на празднике мой тортик и хочет, чтобы я работала у него на кухне. Это их главная экономка, а Сероглазый управляет поместьем. Здорово же барон устроился, наверно, целыми днями ест да спит, ему даже гарем не нужен... Красотища!

Только зачем мне служанки и переодеваться к ужину? Жить ведь я здесь не собираюсь...»

Катя доброжелательно поклонилась пожилой Экономке:

— Здравствуйте! Я — Катарина, можно просто Катя... Я совершенно не устала и наряды менять мне ни к чему. Может, мы сразу же на кухню пройдемся? Чего же ждать, быстренько все приготовим и я смогу вернуться в Лост.

Надеюсь, мои пирожки не сгорели и Барг все же вовремя достал их из печи. Я немного волнуюсь, они с ягодами на меду, за ними особенно нужно следить. И... и Леди меня называть не надо... зачем?

В коридоре воцарилась гробовая тишина. Катя растерянно смотрела на четверых притихших женщин перед собой и перевела взгляд на Сероглазого, а тот вдруг широко улыбнулся, едва подавив смешок.

А потом вдруг, к полному изумлению Кати, запрокинул голову и оглушительно расхохотался. Эхо сводчатых потолков немедленно разнесло его голос по всему замку. Давненько Веймар так не веселился... «а, она такая забавная — эта малышка!» А уж как одобрительно ворчал Волк, просто наслаждаясь ее присутствием... наконец-то Зверь был полностью доволен!

Катя немного смутилась и, чтобы сгладить какую-то возникшую неловкость, продолжила:

— Очень рада знакомству! У вас здесь все очень интересно, я прежде никогда не бывала в таких больших... э-э-э... покоях. Это совсем не то, что по телевизору смотреть, уж поверьте!

Женщины помоложе совсем опустили головы, уперев взгляды в пол, а вот Экономка напротив уставилась на Катю цепким старческим взглядом: — Хозяйство свое будущее оценить хотите, проверить, как я веду дела... понимаю! Конечно, давайте начнем с кухни. У меня там полный порядок, могу вас заверить! Я хоть и не молода, но никто в Ульфенхолл не скажет, что Нарида запустила дом и Хозяин питается отбросами! Прошу вас идти за мной... Госпожа!

Катя была несколько удивлена столь холодным и немного воинственным тоном пожилой женщины... «и чего я ей сделала?...», девушка даже хотела что-то выяснить у Сероглазого, но тот уже быстрым шагом удалялся по коридору, несмотря на все протесты Зверя внутри.

Веймар отчетливо понимал, что сейчас лучше оставить Дам наедине, пусть сами выясняют, кто будет править кастрюлями и сковородами. Его это не касается. Если девушка сама не поймет, что к чему, за ужином Веймар ей доходчиво объяснит... подробно распишет все, что ее ожидает.

И пусть потом сколько угодно вопит и взывает к Богам... все претензии к Волку, хотя про Волка ей пока знать совершенно не следует. Пусть еще привыкнет немного, действительно, осмотрит будущие владения, восхитится новым нарядом и украшениям... женщины это любят... Надо бы достать для нее каких-нибудь побрякушек из кладовки с драгоценностями... Сколько им уже валяться без толку... А девочка, наверняка, будет пищать от восторга... Все они одинаковы...

Веймар прекрасно знал, что эта странная девица из Другого мира... и неизвестно еще, какая у нее будет реакция на то, что Суженный время от времени будет бегать по округе в Серой шкуре... Примет ли она Его таким...

Глава 6. «Хозяйка...!»

Дикая лошадь, устав от бескрайних прерий, Однажды находит стойло и ищет шпор. Тигр вбегает в клетку, захлопнув двери. Дельфин не желает более видеть шторм... Так устают от свободы — лихой и бурной. Мечтают о тихой гавани, ищут дом. Узор своей жизни чертя, как коньком фигурным, Ведущий грезит кем-нибудь быть ведом. Уткнуться в хозяйские руки, учуять порох, Понять, что добыча — вкуснее из этих рук, Носить поводок, позабыв о былых просторах, Бежать, ощущая, как короток он и туг. Но зверю известна скорость, и небо — птице, Такого оттенка, не выдумаешь — синей! Так кто же захочет Хозяином становиться, Когда поводок тянет Тот, кто тебя сильнее?...

Катюша в крайней задумчивости ступала за Наридой по новому коридору в сторону вероятной кухни... судя по запахам.

Три «тетушки» семенили следом, немного поотстав, Катя даже расслышала, как они шепотом переговариваются между собой, кажется, саму же Катю и обсуждая.

— «Чего же они все тут такие напряженные ходят... хозяйина, что ли, своего боятся? Как же он их запугал-то бедненьких... Ну, ничего... ничего... У нас директор хлебокомбината Николай Егорыч тоже был норовом крут, и то я от него никогда не пряталась, даже когда лично с проверкой в наш цех являлся, неужто здесь испугаюсь какого-то доморощенного Тирана, да ни за какие коврижки!»

Катя сосредоточилась на происходящем, сделала строгое лицо и вошла внутрь огромной комнаты, откуда и доносились весьма аппетитные запахи готовящегося на вертеле мяса и пряных трав.

— «Ммм... неужели шафран и гвоздика... что-то вроде эстрагона или нет, скорее розмарин... Ах, неужели свеженарезанная кинза... просто прелесть!»

Катя немедленно расслабилась и уже совсем ласково улыбнулась находящимся в помещении людям — двум пожилым мужчинам, пятерым женщинам и одному мальчику, что поворачивал над огнем какую-то мясную тушку.

— Добрый день! Очень рада вас видеть! Меня пригласили к вам... для обмена кулинарным опытом, так сказать. Меня обычно все здесь зовут Катарина и я...

Катя еще что-то хотела добавить в знак приветствия, но Нариды вдруг вышла вперед и бросила на стол тяжелую связку ключей.

— Вот ваша будущая Хозяйка! Теперь она станет управлять замком, а я могу уйти на покой! Надеюсь только, что Госпожа не выгонит меня во двор как паршивую псину и мне будет позволено иногда греться у Вашего очага рядом с миской супа?!

Катя вытаращила глаза и, раскрыв рот, уставилась на пожилую женщину.

— Какая еще Хозяйка? Не собираюсь я тут ничем управлять, что вы... Мне это вообще не надо! Я здесь задерживаться не планирую, я хочу сегодня же засветло вернуться в Лост, я там живу... к вашему сведению.

И не надо мне никаких ключей, я к вам в кладовщицы не нанималась, это, знаете ли, материальная ответственность и все такое... нет, нет, нет... Так барону и передайте!

Нариды скрестила руки на груди и теперь стояла, опираясь спиной о каменную стену, с самым гордым и независимым видом:

— Это ты сама скажешь Веймару, куда тебе надо вернуться. Хотела кухню увидеть — вот и смотри, а мне нечего свои условия ставить.

Катя даже задрожала от негодования:

— А вы, собственно, почему со мной так сердито и грубо разговариваете? Я вам кто — девочка на побегушках? Думаете, я хочу вас «подсидеть», сместить с тепленького местечка Главной Домоправительницы? Успокойтесь, мадам, мне это совершенно ни к чему!

И еще... К вашему сведению меня привезли сюда против моей воли, сказали, что со мной хочет ваш барон поговорить, так пусть явится, наконец, и объяснит, что ему от меня надо! А эта ваша канитель с передачей кухонной власти меня совершенно не интересует, другую дурочку найдите и ей помыкайте!

Катя просто из себя вышла... Уф! Что за день! Сначала чуть ли не волокут на коня, потом везут куда-то по отвратительной дороге мимо хлевов, а сейчас какая-то старуха сумасшедшая готова ей глаза выцарапать!

— Да не нужна мне ваша кухня, не нужна! Командуйте здесь сколько влезет себе на здоровье и живите сто лет, мое какое дело! Я хочу домой! Где барон?

— Вы только что виделись с ним... и снова встретитесь за ужином.

— Это... как же? Уф-ф...

Катя поискала глазами стул и, не найдя такового, тяжело уселась на деревянную лавку возле громоздкой столешницы. На разделочной доске перед самым Катиным носом лежала горка влажной зеленой кинзы. Девушка взяла руками узорную веточку, сунула себе в рот и принялась жевать, задумчиво разглядывая окружающую обстановку.

— «Это что же получается... Сероглазый и есть барон! Ничего себе поворот! Как они его называли — Веймар де Лостан... а, звучит-то как красиво... и совсем он не старый... и не толстый, а даже наоборот...».

Неожиданно для себя самой Катя начала припоминать облик мужчины, что снял ее с лошади и проводил куда-то вглубь замка, бросив «на съедение» озлобленным теткам... точнее одной озлобленной тетке, что до сих пор не сводила с девушки маленьких прищуренных глазок.

Катя решила заключить перемирие, надо же было до конца разобраться в ситуации.

— Скажите пожалуйста, зачем меня сюда привезли?

Нарида только поджала и без того высохшие губы.

— Поверить не могу, что вы ничего не знаете, и зачем делать такой невинный вид... Барон выбрал вас — теперь вы его невеста и... наша будущая Госпожа. Через месяц или два, как уж Он решит, вы станете Хозяйкой Ульфенхолл... Леди Катарина...

Катя только подула на выбившуюся из косы прядь волос надо лбом. Ладони девушки почему-то взмокли, сердце заколотилось.

— Жарко тут у вас... окна открыты? Что-то мне нехорошо...

Нарида быстренько заковыляла к столу и уселась на лавку сбоку от Катиной.

— Может, вы ожидаете младенца, моя Госпожа? Это бы многое объяснило...

От такого вопроса Кате даже заплакать захотелось и немедленно оказаться дома, в родной Березовке. Как можно скорее! Да вот только как...

Катя покосилась на Экономку, почему-то сейчас в глазах пожилой женщины уже светился живейший интерес и даже радость. Не дождавись Катиного ответа, Нариды повелительно прикрикнула на служанок:

— Чего застыли? Госпожа, наверняка, хочет умыться с дороги... Живо принесите воды! Вы голодны, Леди? Вы хотите отдохнуть? Может, я все-таки провожу вас в комнату, нечего вам здесь гарью дышать, это вредно... А я распорядюсь, чтобы вам наверх доставили что-нибудь покушать...

— Можно мне водички попить? И еще кусочек сыра... вон тот желтенький...

Надо сказать, что Катя еще с порога заметила на втором столе большую «голову» влажного сыра, обернутую в белую марлю. Катя с самого детства обожала сыр, самые разные сорта. А здесь, в Лосте, он показался ей необыкновенно вкусным, еще бы, без всяких красителей и консервантов, почти что из-под коровушки.

Сыра этого в поселке было много, как и творога и сметанки, Катя с удовольствием лакомялась этими чудесными продуктами каждое утро в семье пекаря Барга. Для них-то это была самая дешевая, простая еда, в то время как для Кати, пережившей «суровые студенческие годы» в городе далековато от «родных хлебов» добрый ломоть свежайшего ноздреватого сыра был истинным деликатесом.

И зачем себе отказывать в удовольствии? Катя была очень голодна, занявшись с утра стряпней, она даже позавтракать не успела, и в дороге пропустила обед. А сейчас девушке предстояло набраться сил перед решающим разговором с Сероглазым Бароном, которому вдруг пришла в голову блажь на ней жениться.

Так зачем же отказывать себе в удовольствии, тем более, если оно может оказаться последним... Катя четко знала, что замуж не выйдет ни за барона, ни за кого-то еще в этом Чужом мире, а если некий Самодур начнет настаивать... Катя что-нибудь придумает... непременно... вот только доест это утиное бедрышко с розмарином... и допьет бокал разбавленного вина...

Как она вернулась в предоставленную ей комнату на втором этаже замка, Катя помнила смутно, только была немного удивлена, что стены коридора немного раскачиваются. Но это было даже забавно...

Из всех предложенных служанок, Катюша выбрала самую молодую, даже младше себя и ничего страшного, что девушка была раньше помощницей на кухне. Вот Катя съедет отсюда и Сирма вернется к своим прямым обязанностям. Катя здесь не надолго...

Вот поговорит с бароном и он, непременно, отправит ее домой... Катя знает, как его убедить... Не зря же она прочитала столько всяких романов про Средневековье... кое- что намотала... на русский локон.

Сирма помогла Кате прилечь на широченную кровать посреди комнаты и начала стягивать с девушки обувь.

— Может, вы желаете принять ванну, Госпожа? Не хотите освежиться после дороги, такая жара стоит всю неделю, кругом пыль...

Катя снисходительно улыбнулась девушке.

— У вас тут и водопровод имеется? Или тебе придется воду из колодца с улицы таскать а потом еще греть? Я же в ледяной воде ни за что мыться не буду, я не морж! И лишних хлопот я вам доставлять тоже не хочу!

— В кухне всегда есть бадья с горячей водой, ее постоянно подогревают, мы принесем снизу несколько ведер и разбавим холодной здесь.

Служанка приоткрыла соседнюю дверь, что располагалась прямо в стене спальни и Катя увидела, что за ней скрывается еще одна комната — уборная с большим деревянным корытом и каким-то странным устройством вроде унитаза.

«Ловко устроено!» — не смогла сдержать приятного удивления Катерина, — «Я-то думала у них тут под каждой кроватью ночной горшок предусмотрен, а здесь такой прогресс... трубопровод с холодной водой прямо из реки, пить ее, конечно, нельзя, но вот отчего бы не помыться...».

Через полчаса Катюша с величайшим удовольствием погрузилась в теплую душистую воду, куда расторопная Сирма добавила какой-то коричневатый травяной отвар.

Но не успела девушка выбраться из глубокого корыта и завернуться в льняную простыню, предложенную служанкой, как обнаружила настоящий сюрприз. Оказалось, что всю ее прежнюю одежду уже успели унести, а Катюшу ожидало роскошное белое платье с золотой вышивкой, расправленное на постели.

— Нет, позвольте, зачем же я буду чужую одежду надевать! Принесите мое старое платье! Оно может и простенькое совсем, и не вполне соответствует вашему дресс-коду, но оно мое... я в нем сюда приехала, в нем же и вернусь в Лост.

— Простите, Госпожа, но Нарида велела его убрать, вы можете позже сами ее спросить об этом... А пока... надели бы это — оно такое красивое и... очень дорогое, говорят, оно принадлежало прежней Госпоже, правда, она наряжалась в него лишь один раз. Госпожа Лея не прожила долго... жаль, все вспоминают ее добрыми словами.

Катя злорадно хмыкнула:

— Ага! Понятненько... Одну жену он уже уморил, теперь новая потребовалась. Просто барон — Синяя Борода!

— Кто... жену... уморил? Хорган?

— Ты же сама только что сказал — «прежняя госпожа», значит, ваш Веймар был раньше женат?

— О, нет, нет, никогда! Он... вообще, не очень-то любит женщин, я даже не слышала, чтобы в замке жила какая-нибудь его возлюбленная, а вот другие господа частенько меняют девушек в постели и... особенно служанок. Хвала Богам, что наш барон не таков!

— Так кто же тогда эта Лея, что опочила раньше срока?

— Госпожа Лея де Лостан — мать господина Веймара. Она тоже была взята из простой семьи и... старый Хозяин был с ней очень суров.

Катя немного смутилась, уже другими глазами посматривая на предложенное ей платье. Может, и правда, примерить разочек...

— Скажите, а оно чистое? Мне полагается под него какая-то рубашка? Не на голое же тело надевать...

Сирма немедленно подала Кате тончайшую сорочку из какого-то почти невесомого полотна и девушка с удовольствием ее на себя натянула. А сверху и само платье, и вот когда оно мягкими волнами окутало стройную фигурку Катерины, служанка восхищенно ахнула:

— Госпожа! Да оно же словно на вас шито, и рост и плечи... все, как у вас, даже ничего не придется подшивать, какая радость! Осталось только подсушить вам волосы и уложить их в прическу, как подобает леди.

— А тебе не кажется, что немного узковато на бедрах? И слишком уж обозначилась грудь... Я так не привыкла ходить... Немного вызывающе, разве нет?

— Вы просто красавица, моя госпожа! Платье сидит на вас идеально! Я в этом кое-что понимаю, мой отец шьет сапоги в поселке на заказ.

Катя только вздохнула обреченно, «ну, раз сапоги...»

И Катюша даже не спорила, позволив девчужке колдовать над своими локонами, расчесывать их и снова заплетать в несколько замысловатых кос, укладывая наверх и вбок. Катя отчего-то загрустила... Перед глазами вдруг снова появилось лицо Сероглазого — то надменное, как тогда на празднике, то удивленное и даже словно бы удовлетворенное — сегодня у порога этой комнаты...

Выдумал тоже — жениться! Пусть баронессу себе из местной знати ищет, или у них тут принято брать в жены покорных крестьянок, чтобы проще было затеи их «тиранить». В Катином случае на покорность может даже не рассчитывать! И все равно грустно... Вот если бы он знал, как ей вернуться в Свой мир, в свое время... Была бы тема для разговора, а так...

Чем быстрее приближалось время ужина, тем тревожнее становилось на душе у Кати.

«А если его ничем не проймешь? Если он скажет — женюсь и точка, что мне делать? Пригрозить, что спрыгну вниз с какой-нибудь его башни... не хочу я прыгать, было бы из-за чего... Ладно, послушаем сначала его требования, может, еще все и обойдется... К мирному соглашению придем... сообща».

Солнце лениво скатывалось за горизонт, когда в комнату Кати заглянула Наридида. Вид у нее был почти доброжелательный, но она будто бы изо всех сил старалась сохранить прежнее строгое выражение лица:

— Барон ожидает вас в Большом Зале. Вам надлежит немедленно спуститься вниз, Леди Катарина.

— Слушаюсь и повинуюсь!

Катя отвесила Экономке церемонный поклон, сказала сама себе: «Ни пера, ни пуха...», а затем, высоко вскинув голову и подобрав длинный подол своего белоснежного одеяния, направилась за старой кормилицей... навстречу судьбе.

Веймар увидел девушку, что прошла через высокую арку Большого Зала, направляясь к его столу, и у мужчины перехватило дыхание. На мгновение барону почудилось, что вернулась Лея, и что матушка сейчас подойдет к нему, положит прохладную ладонь на его постоянно горячий лоб и тихо что-нибудь скажет.

Но Женщина, остановившаяся сейчас у другого конца длинного стола, все-таки заметно отличалась от матери Веймара. Во-первых, Лея постоянно сутулилась, втягивая голову в плечи, словно опасаясь внезапного удара, вечно ходила с опущенными глазами и виноватой улыбкой на бледном лице.

Катарина же стояла прямо, расправив плечи, и довольно уверенно глядела на барона, чуть сдвинув темные брови. Волосы девушки отливали золотом в последних лучах заходящего солнца, что напоследок заглянуло в украшенные мозаичными витражами огромные окна Зала.

Катарина была ослепительно хороша! Веймар даже поверить не мог, что это та же самая «Булочница», что прежде ходила в серой мешковине... Сейчас изысканное белое платье выгодно подчеркивало все женственные изгибы прелестной фигурки девушки, плотно облекая высокую пышную грудь и округлые бедра... Гибкая талия была узко перехвачена плетеным золотым пояском.

А это милое, раскрасневшееся личико, а блеск этих карих глаз под длинными черными ресницами, а чуть дрожащие розовые губки, которые Веймару снова захотелось немножечко прикусить...

Неужели барону еще придется благодарить Зверя за это Сокровище!? Совсем скоро Великолепная Женщина будет принадлежать Веймару... когда он захочет и как захочет... ведь Она станет его

Законной Супругой. Всего-то через полтора месяца! И барон немедленно пожалел, что сам же назначил столь долгий срок до свадебной церемонии. Пожалуй и пары недель бы хватило на подготовку... Катя тоже бы успела привыкнуть, зачем же так долго ждать...

Но теперь уже отменять это решение было поздно. Не то, чтобы Веймар боялся пересудов челяди, но, слово де Лостана должно быть нерушимо. Если барон сказал, что свадьба состоится через полтора месяца, значит, так тому и быть!

— Я думаю... я полагаю... нам следует очень серьезно поговорить, господин Барон! И я категорически рассчитываю на скорейшее урегулирование... всех... имеющихся недоразумений.

При звуке Ее голоса Волк вдруг по-щенячьи взвизгнул и Веймар сейчас же уперся ладонями в стол, потому что Его Зверь чуть ли не бросился вперед, чтобы, поджав хвост, на брюхе подползти к Хозяйке. Что...? ХОЗЯЙКЕ?! Веймар чуть сам не зарычал вслух от возмущения!

Девчонка тут еще без году неделя, а Волк ей уже руки лизать готов... и все остальное, что она только пожелает... А что будет дальше? Веймар внимательно прислушался к себе — так и есть, Зверь уже считает эту девицу своей Полноправной Владычицей... к немалой досаде Веймара.

— Вы случайно дар речи не потеряли, Ваша Милость?

Не понимая истинной причины молчания барона, Катюша решила на сарказм.

Веймар тотчас опомнился, невероятным усилием воли заставил Волка притихнуть и сухо пригласил девицу к столу.

— Прошу для начала разделить со мной трапезу, Леди.

— Никакая я вам не Леди... и вовсе не желаю ей быть! Зарубите себе на носу! Я решительно требую, чтобы вы отправили меня обратно в деревню, откуда привезли... едва ли не силой. Я не выйду за вас замуж, так и знайте!

«Хоть секи меня бичом, хоть руби меня мечом, Только вот твоей супругой я не стану нипочем!»

Катя разом выпалила все эти заранее заготовленные фразы и даже сама обалдела от собственной дерзости. «А, ну, как рассердится и начнет на меня орать в ответ! Не люблю я скандалов... и скандалистов».

Да, не боялась она этого Сероглазого! Ну, вот, ни капельки... Совершенно. Абсолютно! И пусть сколько угодно зубы свои белые скалит и сверкает глазищами. Еще при первой их встрече в Кате поселилась какая-то странная уверенность, что ничего по-настоящему плохого ей барон сделать не сможет. А вот, не сможет, и все тут!

Веймар только криво усмехнулся, разве он ожидал чего-то другого? Сразу же было ясно, что эта девица из Другого мира не бросится ему на грудь, и рук целовать от снизошедшего на нее счастья тоже не будет.

— Какова же причина вашего отказа, Леди?

Катя задумалась на пару секунд.

— «С чего бы начать...»

И Катя решила начать издалека, с верхних пунктов своего длинного списка причин, по которым она — ну, никак не могла стать баронессой де Лостан.

— Во-первых... я вам не ровня! Вы — барон и Ваше Сиятельство... а я простая крестьянка, я пирожки и булочки пеку. Хотите и вам испеку, мне не трудно...

— Ваши отговорки — сушая чепуха! Мои предки были морскими разбойниками и приставка «де» появилась у нашей фамилии лишь пару веков назад, после того как мой дед присягнул Гальсбургам. Мы не заносчивы и не придаем большого значения титулам и чистоте крови.

— Я из бедной семьи и... я, увы, не молода...

— Я, как вы могли бы уже заметить, — не беден, а скорее наоборот, ваше... хм... приданое мне совершенно ни к чему. А что касается возраста... кажется, я вас старше лет этак на двадцать как минимум. Мне даже нравится, что вы рассуждаете и выглядите как... хм... взрослая... Леди, а не испуганная девчонка.

— «Ох, ты какой гурман!.. Ну, я тебе сейчас расскажу, насколько я взрослая... может, правда чуть позже...»

Катя поняла, что пора пускать в ход аргументы посерьезнее.

— Но вы же меня совсем не знаете! Для вас это в порядке вещей — брать в жены совсем незнакомую Даму? А что до меня, так я, вообще, только сегодня поняла, что барон — это вы. Это... это невероятно просто! Я думала, что вы старый и...

Катя вовремя прикусила язык и немного покраснела под хмурым взглядом мужчины.

— Могу вас заверить, Леди, я еще не достиг полного расцвета своих сил! Мужчины в нашем роду живут очень долго, даже слишком долго для человека, если, конечно, с ними не случится беды...

Кате показалось или Веймар действительно смачно щелкнул зубами, а потом продолжил:

— До нашего бракосочетания еще больше месяца «к моему сожалению...», у вас будет достаточно времени, чтобы привыкнуть к Ульфенхолл и... ко мне.

— О, да! Домик-то у вас прелестный и кухня, что надо, но... я все-таки не могу понять, с какой стати вам приспичило жениться именно на мне. Почему я? Вы, что, с первого взгляда в меня влюбились — прямо у водопоя? Честное слово, я зелье приворотное в воду не подмешивала.

Веймар только пренебрежительно хмыкнул.

— «Девчонка! Нашла чем пугать Волка...»

— Вас избрали для меня Боги! Мне этого достаточно! И вам придется с этим смириться!

Катю внезапно осенило предположение.

— Вот оно что! Какое-нибудь предсказание... мне, например, тоже много чего нагадали в свое время...

И тут Катя будто прикусила язык, моментально и дословно вспомнив слова старенькой бабы Стеши: «властный, суровый, богатый муж, будешь в золоте ходить на серебре есть...»

— Только при чем же здесь волк...

Веймар тотчас насторожился:

— Какой еще волк? О чем вы, Леди?

— Нет, нет, ничего, это я так... вспомнила кое-что... не к месту...

Катя снова возвела ясные очи на барона.

— Получается, что вы и сами не очень-то хотите этого брака, ведь так?

Веймар даже не ожидал подобного вопроса и немного растерялся:

— Спорить с Богами я не стану. «А уж с Волком и тем более, мне с ним еще лет сто бок о бок существовать придется».

Катарина осторожно приблизилась к высокому креслу, на котором восседал барон. Девушка решила вытащить последние козыри:

— Понимаете... я должна поставить вас в известность... ммм... Есть еще одно серьезное препятствие для нашего брака.

Голос у Кати невольно задрожал, но она постаралась взять себя в руки и продолжила:

— Насколько я знаю, все вельможи вашего уровня берут себе в жены только невинных девиц. Я же... простите... таковой уже не являюсь.

Катя смущенно усмехнулась, краснея и опуская глаза.

— Я же не знала, что ко мне посватается сам де Лостан!

Веймар смерил ее понимающим, насмешливым взглядом и прислушался к себе. Факт, только что озвученный Катариной, кажется, совершенно не беспокоил Волка. А, что до самого Веймара... тот никогда не имел особой охоты возиться с девственницами. Лично Веймар никакой беды не видел в том, что девица уже...

И тут внезапно барона охватило жуткое раздражение. Он зачем-то представил, что к Его Женщине прикасался раньше другой мужчина и Она ему это позволяла, даже, возможно, сама желала чужой

ласки. Волк внутри угрожающе зарычал...

— Вы были замужем?

— Нет, но мы планировали пожениться, а потом мой... жених увлекся другой девушкой. А когда стал проситься обратно, я его уже не приняла и не простила.

Губы у Кати задрожали, в носу защипало, но все эти грустные воспоминания теперь были и вовсе ни к месту. Что ей теперь до Витюшки... Тут, знаете ли, судьба решается, муженек «нарисовался» с родовым именем и вероятность целого выводка детишек.

А Волк же, словно ощутив смятение и печаль Хозяйки, тоже напрягся и чуть было не завыл в голос, желая немедленно подбежать к Катарине и уткнуться мокрым носом в подол ее платья. «Хозяйку обидели... а Его не было рядом...»

— Ты его до сих пор любишь?

Веймар и сам не заметил, как обратился к Леди Катрин на «ты», а когда заметил, даже не стал поправлять — «она же моя будущая жена, все-таки... довольно церемоний, пусть привыкает...»

— Нет! — твердо сказала Катя, отвечая на вопрос барона и тут же продолжила блестящую мысль, что пришла ей в голову.

— И с тех пор, как меня обманул мой первый мужчина, я дала обет вовсе не выходить замуж! Я торжественно поклялась остаться «старой девой» до конца своих дней!

— «Блестящая идея! И пусть попробует мне что-нибудь возразить!»

Но Веймар был словно из камня сделан, даже бровью не повел:

— Пустые отговорки! Женские клятвы... грош им цена! Вы станете моей женой Катарина!

— Но... но, я же призналась вам в непреодолимом препятствии!

— Насколько я вас понял, препятствия-то как раз уже нет! — сухо заметил барон.

Катя покраснела до корней волос и принялась судорожно кусать губы, ей отчего-то вдруг стало невыносимо стыдно. Продолжать разговор на эти деликатные темы совершенно расхотелось.

— Я дала клятву... о... о безбрачии!

— Не стоит даже волноваться на это счет! Ваша клятва осталась в Вашем мире и не распространяется на Дэриланд.

— Что? Что вы сейчас сказали?

Катя едва ли не бросилась к барону, чтобы за плечи его потрясти.

— Вы знаете, что я из Другого мира?

Веймар равнодушно пожал плечами.

— Конечно, знаю! И он очень схож с нашим. Только у вас по небу люди летают внутри огромных Железных Птиц, а у нас есть Крылатые Твари. Однако и там и здесь люди женятся одинаково и одним и тем же способом заводят детей.

Катя прижала ладошки к пылающим щекам.

— Но тогда... тогда вы, возможно, знаете, как мне вернуться? Вы же должны знать... Веймар...

Барон отвернулся, чтобы не видеть прекрасные умоляющие глаза, что смотрели на него сейчас с такой надеждой. Сердце вдруг снова кольнуло воспоминание о матери. Когда-то Лея смотрела на него так же... и он смог ей помочь.

— Веймар! Я вас прошу...

Мужчину буквально раздирали противоречивые чувства, откуда-то из самых глубин души вдруг поднялись на свет давно уже неведомая жалость и сочувствие.

— Нет! Вы навсегда останетесь в Дэриланд... со мной!

Вероятно, это было жестоко с его стороны, но разве у него был выбор? Даже при самом горячем желании он бы не смог уговорить Волка вернуть девушку обратно. Даже не стоило и пытаться! Это

означало бы разбудить в Звере неукротимую ярость и погубить Ульфенхолл со всеми его обитателями... и не только поместье. Волк одобрительно заворчал, Волк был уверен, что собрат не позволит Хозяйке покинуть Его.

Катя почти упала на стул и зарыдала навзрыд, облокотившись на массивную поверхность столешницы. Ее жалобные стоны разносились, кажется, по всему замку, в гробовой тишине.

— Чудовище! Да вы самое настоящее Чудовище! Я вас ненавижу... ненавижу... Это все из-за вас... Я хочу домой...

Веймар набрал полную грудь воздуха, он терпеть не мог женских слез, да еще в собственном доме! «Ты доволен? Этого ты хотел?» Волк тоже заскулил и заставил барона приблизиться к плачущей девушке.

— Успокойтесь, Леди, не все так плохо, как вам сейчас кажется. Мы могли бы с вами договориться, Катарина. Я мог бы позволить вам повидаться с родными... из Вашего мира.

Катя почти немедленно перестала плакать и, продолжая судорожно вздыхать, зашмыгала носом, ища глазами хоть какое-то подобие салфеток. Веймар с невозмутимым видом положил перед ней беленькое полотенце, украшенное затейливой вышивкой в виде родового герба Лостанов — когтистая волчья лапа под двумя скрещенными мечами на фоне корабельного паруса.

Воля и независимость, верность принципам и сила духа, смелость и доблесть, отвага и честь. Как гласит древний девиз всех поколений де Лостан: **«Свобода и верность!»** Не противоречиво ли высказывание сие... Веймар очень уж им гордился, полностью примеряя на себя, на свою полузвериную суть...

— И что же мне нужно сделать, чтобы вы мне позволили увидаться с родителями?

На играх Веймара появилась довольная улыбка. «Наконец-то она начала понимать...»

— Мы должны будем прийти к соглашению, леди... Вы становитесь моей супругой, и как только подарите мне первого младенца, неважно, сына или дочь, я не столь щепетилен на это счет, как некоторые знатные милорды... Я изыщу вам возможность побывать дома, обнять матушку и отца. После чего вы, разумеется, снова вернетесь в Дэриланд, к любящему супругу.

— Но, вы же меня даже не любите!

— Уверяю вас, Катарина, любовь вовсе не обязательное условие на первом этапе заключения брака! Конечно, я буду любить и уважать вас, как мою законную жену, как леди Ульфенхолл... мать моих детей...

— Я вам не инкубатор, не курица-наседка, не суррогатная мать... Вы... вы просто варвар какой-то, вы — шантажист... диктатор... Я... я пожалуюсь королю!

Веймар открыто рассмеялся.

«Право, она такая находчивая... и остра на язык... с ней может быть очень хорошо... когда она перестанет дичиться... а эти сверкающие глаза... эта соблазнительная грудь, что так высоко поднимается при ее учащенном дыхании... угораздило же меня придумать эти полтора месяца... какого Бешеного Могра я должен ждать, тем более, что она уже не невинна!.. Но позже... позже... пусть сперва смирится и успокоится... нам предстоит очень долго жить вместе, зачем начинать с обид...»

— К вашему сведению, леди... Его Величество каждый год настоятельно требует от меня обзавестись потомством! Известие о моей женитьбе чрезвычайно порадует короля! А все ваши претензии он воспримет, как блажь капризной красавицы! Тем более, что до короля-то вам еще надо добраться, а я не намерен отпускать вас из поместья!

— Да, вы же и детей, наверняка, не любите! Таких чудовищ, как вы, маленькие дети только раздражают! Они вам только «для галочки» нужны, потому, что так положено... продолжение рода и все такое... Вы, вообще, ничего о детях не знаете, а они должны рождаться в любви! И я хочу, чтобы мой муж меня по-настоящему любил и наших детей тоже...

Веймар даже с кресла привстал, потому что при разговоре о будущих щенятах Волк просто завертелся на месте, совершенно счастливый одним только предвкушением... А потом Зверь на полном серьезе вознамерился броситься к Хозяйке... дабы ее белые ножки облобызать.

— Сидеть! — рывкнул Веймар во все горло... на весь огромный Зал.

Катарина чуть со стула не свалилась, невольно откинувшись назад.

— Это вы... мне? — «Ни фиги себе заявочки!» — Я, кажется, и так сижу... мне, что же... теперь на колени перед вами упасть, вы этого хотите? Да, вы совершенно не умеете себя вести, вам не жена нужна, а рабыня Изаура... Ни за что! И не смейте на меня орать, я вам не прислуга!

— Простите... я не хотел вас испугать... это... другое.

Веймар чувствовал себя мерзко, его Зверь и эта привлекательная девчонка просто выводили его из себя, словно сговорившись. А что же будет дальше? Дальше — то что... Скорее бы добраться до спальни, там бы он показал ей, кто здесь на что имеет права... и как умеет себя вести...

— Я устал с вами спорить...

— Быстро же вы утомляетесь... может, вам вообще не следует жениться! Поберегли бы лучше здоровье...

Веймар не сдержал возмущенного рычания и в два прыжка оказался возле Катарины. О, как хотелось ему сейчас разорвать на ней это облегающее платье и взять девушку прямо на белой скатерти стола... Но, она будущая Хозяйка Ульфенхолл, он не должен вести себя с ней как животное, тем более, она ему этого точно не простит и еще, пожалуй, выкинет какую-нибудь глупость.

Девчонка невероятно дерзкая и непокорная! Может быть, поэтому ее и выбрал для себя Зверь... Для себя и для Веймара... Кажется, последний теперь уже был совсем не против такого союза.

Веймар вдруг увидел совсем близко ее удивительные глаза, цвета густого выдержанного меда, цвета темного золота из растрескавшихся сундуков прадеда, Веймар почувствовал в своих руках ее легкое тело, невероятно нежное, гибкое, такое... что мужчине немедленно захотелось окунуться в его недра, прижать к себе и никуда больше не отпускать...

— Господин, не пора ли подавать жаркое?

Веймар с глухим рокотом вернул Катарину на стул и кинул яростный взгляд на вошедшую в Зал кормилицу. Катя сидела ни жива ни мертва, словно ее паутиной опутали с ног до головы. «Что это сейчас было... Глаза-то у него, и правда, красивые, а сам он Чудовище... Еще хуже, чем из Аленького цветочка, тот безо всяких условий девушку отпустил с родней повидаться, а этот... дитя ему сперва роди... Ага, уже спешу...»

Теперь Катарина и барон сидели по разные стороны стола и молча следили за тем, как на белой скатерти появляются все новые блюда с угощением.

— Вы ожидаете гостей? — уныло поинтересовалась Катя, чувствуя, что все ее только что пережитые волнения ничуть не уменьшили ее аппетит.

— Хотел порадовать вас, моя Леди!

Катя сидела настороженная и сосредоточенная, обдумывая, как ей теперь действовать дальше в свете открывшихся новых фактов.

— Позвольте мне кое-что уточнить... — самым учтивым тоном обратилась она к барону.

— Надеюсь, вы больше не станете мне возражать, хотя бы сегодня... — поморщился Веймар.

— А что тогда? Посадите меня в подземелье, закуете в цепи, замуруете в башне? «Голодовку ему, что ли, объявить... может быть потом, как-нибудь...»

Катя протянула руку за аппетитного вида рыбкой и тут же вспомнила отрывок из поэмы «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина, то самое место, где беденькая Людмила горюет в плену у карлика Черномора:

«Не буду есть, не буду слушать. Умру среди твоих садов! Подумала и стала кушать...»

Да-а... все мы женщины — одинаковы... и что ему мой протест, силой будет кормить, с него станется, он же вылитый Тиран!

— Я хотела только поинтересоваться, допустим... допустим я соглашусь на ваши дикие и совершенно неприемлемые условия...

Катя отложила в сторону странное подобие вилки с двумя зубчиками, деликатно вытерла губы платочком:

— Веймар, я вас умоляю, пошлите весточку моим родителям, что я жива и здорова, они же с ума сходят. Если у вас есть сердце... и вы, правда, мечтает о крепкой семье, то... войдите в мое

положение. У вас же тоже была мама, вы, несомненно ее любили, вы бы не захотели, чтобы она мучилась неведением.

— Я вас понял, мы обсудим это завтра, — голос барона звучал холодно и отстраненно.

— Поймите меня, я же должна быть уверена, что вы говорите правду, что вы не блефуете, обещая мне личную встречу. А вдруг вы не сможете меня вернуть, даже на короткое время, и все это лишь уловки для того, чтобы вынудить меня к этому странному браку? Откуда мне знать? Я же, вообще, о вас ничего не знаю, Веймар! Мне нужны доказательства и гарантии.

— И вы это все получите! Только из моего к вам расположения, только чтобы не видеть больше ваших слез и истерик! Я даю вам слово, что завтра вы сможете лично написать письмо своим родным, а я доставлю его вашим родственникам. Также можем приложить к этому документу какие-нибудь подарки, в Вашем мире ценится золото, Катарина?

Катюша немедленно представила, как на пороге родительского дома в Березовке рассыпается мешок золотых монет, как об этом узнают соседи и потом приезжает полиция. И даже если никто не узнает о таком щедром даре из Иномирья, что ее отец будет с золотом? Поедет в город и сдаст в ломбард? А на обратной дороге его выследят и ограбят какие-нибудь бандиты?

— Нет, нет... золото не нужно, лучше что-то такое, чтобы родители сразу поняли — со мной все хорошо, это подарок точно от меня. Да...

Кате пришла в голову отличная мысль.

— У меня папа коллекционирует ножи — у него их, кажется, уже штук пятнадцать. Один для рыбалки, другой — для похода в лес за грибами, третий — для разделки мяса, еще несколько для работы по дереву. У меня папа любит вырезать на досках всякие картинки, а потом контур лобзиком выпиливает, выжигает — «рисует» мелкие детали и получается отличная поделка.

Его даже награждали на конкурсе народного творчества. И отец сам любит делать ножи, раз острое лезвие на дороге нашел и приспособил к нему рукоятку, выточил из деревянного бруска, украсил резьбой в виде листы... дуба.

— Отцу можно передать красивый нож в чехле, если у вас такое найдется...

Веймар усмехнулся про себя: «Видела бы она оружейный склад в подвале, чего там только нет... и мечи и доспехи, а уж сколько различных клинков, любых форм и размеров, и все в отличном состоянии — беречь древнее оружие было в крови у Постановов, мало ли когда придется использовать его и кому потомку... А, вдруг да Воитель родится не хуже прадеда?»

— А вот мамочке...

Катя задумчиво крутила перед собой ложку.

«Может, серебряный столовый сервиз... мама красивую посуду всегда любила, да и подобного барахла в старых замках должно быть навалом... нет, как-то нескромно такие серьезные подарки просить, и сервиз еще к нам доставить надо... а потом и чистить его маме придется... нет, нет, надо что-то поменьше... может, пару золотых ложек — для них, двоих... золото, говорят, уничтожает вредные бактерии...»

— Ваша матушка носит драгоценные камни? Ей нравятся изумруды? Или лучше бриллианты, как вы полагаете?

«Конечно, лучше бриллианты! Наша Зорька будет в полном восторге, когда мамуль придет утром ее подоить, сверкая перстнями...»

— Разве я сказал что-то смешное?

Веймар снова был раздосадован, кажется, впервые за свою уже долгую жизнь ему вдруг захотелось знать, какие мысли бродят в симпатичной женской головке, отчего Катарина улыбается сейчас, чуть опустив ресницы и поглаживая скатерть на столе. Веймар представил, как эти розовые маленькие пальчики скользят по его руке, по груди... по спине. Волк издал низкий горловой звук и сжался, словно пружина, побуждая к немедленному броску.

«Что же она со мной делает? Я не выдержу это долго... Надо отстраниться от нее, быть как можно дальше, выглядеть равнодушным, пока не придет время, пока мы не останемся одни после брачного торжества... если я вообще его дождусь... хотя бы пару недель... ей все-таки нужно дать время... привыкнуть. Что до меня, то я уже готов — уже совершенно готов назвать ее своей, сделать ее своей и никаких возражений быть не может! Ей придется смириться и... привыкать, принимать меня таким, каков я есть. Ведь меняться я не собираюсь... даже для нее — Желанной Женщины».

— Я тут кое-что вспомнила... Нет, нет — никаких драгоценностей! Всего лишь пару золотых чайных ложечек, если можно, если вас не затруднит и не введет в большие расходы...

«Да она же просто заноза! С каким удовольствием я сейчас задрал бы ей подол, перекинул через свое колено и отшлепал...»

Веймар с тоской ощутил, как все его тело заняло от дикого желания обладать Невестой уже сейчас, сидеть было неловко — в кожаных штанах мужчины вдруг стало невероятно тесно... спереди.

— Нариди... приготовь подарок для матушки Катарины, нож для ее отца я выберу сам. И налей Госпоже вина, она сама видно не решается...

Старая кормилица только покачала головой и недовольно губы поджала:

— В ее-то положении не годится пить много вина! Это может дурно сказаться на вашем ребенке!

Катарина прыснула в кулачок, едва не поперхнувшись кусочком лепешки. Барон побелел как снег и даже привстал, опираясь на расставленные ладони.

— Что-о-о? О каком ребенке идет речь, Катарина?

Катя теперь засмеялась в полный голос, от души потешаясь над возмущением Тирана, но отвечать ей все же пришлось:

— Ваша Домоправительница отчего-то решила, что я беременна, но, уверяю вас, это не так!

Нариди грохнула об пол маленькое металлическое блюдо с нарезанным хлебом:

— Вам стало дурно в кухне и я подумала, что Леди ожидает младенца!

— Там было просто жарко и дышать нечем, да еще вы мне такие известия сообщили, мне стало реальности плохо... и сил не было вас разубеждать. Простите, что не оправдала ваших надежд!

— Ничего страшного, Катарина, у вас еще будет такая возможность!

Катя окатила барона волной презрения, но... спорить не стала. Он обещал передать в Березовку письмо, и... ну, конечно же, как она сразу не сообразила!

— Мне нужен будет ответ! А иначе, как я пойму, что вы действительно встречались с моими родителями, а не выбросили подарки в ближайшую канаву... вместе с запиской.

Веймар поморщился.

— Вы уже дадите мне спокойно поужинать? Разумеется, у них будет время черкнуть вам пару слов в ответ. Чтобы вы были спокойны и уже ни на что не отвлекались.

«Ради чего, интересно, ради производства маленьких Лостанчиков? Нет, уж дудки... я лучше сбегу... вот все разведая тут и сбегу... А, может, теперь, когда мы немного поладили, он позволит мне вернуться обратно в Лост... до свадьбы пожить в семье Барга и Миры?»

— Господин барон... — медовым голосом начала Катя, стараясь не обращать внимания на Нариду, что с угрюмым видом меняла перед ней тарелки.

— Называйте меня просто Веймар... неужели это так сложно?

— Да, конечно, Веймар... у вас очень красивое и благородное имя... несомненно, досталось вам от какого-нибудь великого предка.

— Мой прадед, что носил имя Веймар был морским разбойником, он грабил суда и насиловал пленниц!

— Хорошо, что вы не пошли по его стопам, — сдавленно проговорила Катя, но под конец речи ее голос почти окреп — всего лишь сидите себе в родовом поместье и заманиваете девушек из Другого мира, из Другого времени... к себе... в феодальный строй, из нашего, почти что демократического государства!

«С кем ты связался?! Такое чувство, что девица прежде служила в канцелярии при Королевском суде...» — Веймар задал было Волку вопрос, но тот его, кажется, проигнорировал, полностью поглощенный лицезрением любимой Хозяйки.

— Я бы хотела, и я думаю, что имею на это полное право... в общем, верните меня в Лост, я вам еще не жена, и... как приличная девушка... — тут Катя немного замялась, а считает ли он ее таковой, —

я хотела бы жить отдельно, как и подобает Невесте.

— Об этом не может быть и речи! До свадебной церемонии вы останетесь здесь!

— Но, почему же?

— Это вопрос вашей безопасности, Катарина, в поселке вас не очень хорошо приняли...

— Неправда! Там чудесные люди... почти все.

— Вы любите бродить по лесам одна! А это недопустимо! «И я не всегда могу подоспеть вовремя...»

Веймар почувствовал, как начинает kloкотать в горле ярость, едва только вспомнил случай в Локморе, когда Волк услышал женский крик в священной дубраве.

— И что тут такого? На ваших землях, кажется, не водятся ни разбойники, ни пираты...

— А дикие звери вас не страшат?

Веймар и сам не ожидал, что задаст ей этот вопрос, вырвалось само. Катя похлопала ресницами, потом увела взгляд к высокому потолку.

— Мне сказали, что здесь нет опасных... хищников. И я совершенно не боюсь гулять по округе одна. Хотя, я вовсе не собираюсь болтаться по лесам и полям, буду сидеть дома и печь пирожки, ну... Катя даже рассмеялась от такой шутки, — еще могу приданое начать шить, мне Грейта поможет, она такая мастерица. Вот из нее бы вышла отличная Леди...

Катя тут же осеклась.

«Как бы он на девчонку не переключился, а то наговорю сейчас... разрекламирую, так сказать...»

Но барона, кажется, абсолютно не интересовали деревенские прелестницы. Его серые глаза пристально посмотрели на раздумывающую от пары глотков вина Катарину.

— Может, вы решили, что сможете от меня сбежать и где-то укрыться? Предупреждаю, это глупая и опасная затея! Я отыщу вас даже в Змеиных топях, верну себе и сурово накажу. Вы глубоко пожалеете о своем поступке... прекрасная Катарина. Лучше не будить во мне Зверя!

— Высечь прикажете? — ехидно усмехнулась Катя, совершенно расслабившись. Мысль о том, что скоро ее родные перестанут оплакивать дочь, привела девушку в отличное расположение духа. А тут еще комплименты от владельца замка...

— Я высеку вас сам!

Голос Веймара громовым эхом отозвался от каменных сводов Залы.

«Да уж... да уж... Зверь его точно... не хомячок!» — втянув голову в плечи, подумала девушка.

— Но... тогда... кхм... может, вы отправите кого-то из слуг передать в дом пекаря, что... я остаюсь у вас погостить, чтобы... чтобы люди, меня приютившие в Лосте не волновались. Это было бы вежливо и справедливо!

— Хорошо! Я отдам такое распоряжение... «Девчонка невероятно заботлива, очень ценное качество для матери моих будущих... волчат».

Остаток ужина прошел в спокойной и даже вполне дружеской обстановке, но все его участники прекрасно понимали, что в каждой душе человека напротив скрываются ураганы эмоций и тучи непролитых слез. И, кажется, один только Зверь был сейчас всем абсолютно доволен...

Глава 7. Подарок богов и прочие происшествия

Обернули жемчужины шею
В три ряда, в три ряда.
Говорил — ты будешь моей иль ничьей,
Никогда, никогда.
Ты был львом и оленем,
Ты из гордого племени,
Живущего там, у небесной черты,
Где ночи крылаты,
Где кони косматы,
И из мужчин всех доблестней — ты...

После ужина Катюша вернулась в свою комнату и, раскинув руки, без сил плюхнулась на высокую мягкую постель. Через несколько минут появилась Сирма, принеся с собой какие-то странные серые свитки и тонкие стеклянные трубочки, заполненные черной жидкостью.

— Вы хотели написать письмо, Госпожа? Все готово! Я сейчас зажгу еще свечей, будет гораздо светлее. Или вы займетесь этим завтра?

Катя устало поднялась с кровати. Зачем медлить, дома ночей не спят с горя — дочка пропала!

— Лучше сейчас! И сразу же отнесешь барону! Может он уже утром отправит его родным...

Каким образом письмо попадет в Березовку, Катя даже представить себе не могла, но отчего-то полностью доверяла Тирану. А что ей еще оставалось? Главное — поскорее ответ получить, уж мамин-то почерк Катюша ни с чьим не спутает.

— Какая странная бумага — слоистая, серая... медом пахнет...

— Ее добывают с Пчелиных развалов, Госпожа, разве вы забыли?

— Ах, ну естественно...

Катя с сомнением изучила некоторое подобие ручки — в прозрачной тонкой трубке колыхались, видимо, чернила. Из чего изготовлены они, девушка спросить уже не решилась. Катя придвинула тяжеленный подсвечник «чугунный он у них, что ли...» и начала писать, поминутно вытирая слезы:

«Мои дорогие, мама и папа! Я жива и здорова, у меня все хорошо, я скоро выхожу замуж за... «ой-ой-ой»... любимого человека. Он работает в крупной строительной компании, и мы сейчас с ним находимся в Европе. Простите, что так долго не было от меня вестей, это не моя вина», — тут Катя и вовсе разревелась, как маленькая.

«Но нам нужно было срочно уехать, потому что иначе мы бы не увиделись с любимым целый год. У моего жениха длительный контракт с иностранной организацией, но это все держится в строгом секрете, потому что на нашу страну наложили «слово-то какое» санкции и с нами европейцам сотрудничать запрещено.

Но они тайком все равно сотрудничают, потому что некоторые наши технологии лучше всех по соотношению цены и качества. И мой будущий муж, хотя и большой начальник, вынужден жить здесь инкогнито, и не выезжать из этой страны в Россию, чтобы никто ничего не заподозрил. И все телефонные переговоры могут прослушиваться, поэтому, я не могла вам позвонить».

Катя передохнула немного, отложив странную «ручку»:

«Кажется, все это выглядит не очень убедительно... Господи! Да, полнейшая чепуха! Но в свете последних теленовостей... тех, что я месяц назад слушала... Ай! Откуда же мне знать, что сейчас в моем мире творится, может, там уже кто-то куда-то ядерные боеголовки направил, может, уже и полмира-то нет... Но, Сибирь точно должна остаться... там же моя Березовка... и мама!»

Катя вскочила из-за стола и принялась ходить кругами по большой комнате, путаясь в длинном подоле, а потом, тяжело вздохнув, продолжила писать:

«Ситуация такова, что мы еще на год должны здесь остаться, хотя беспокоиться не о чем, условия здесь просто великолепные, моего мужа очень ценят «просто невероятно, как ценят — целый штат прислуги!» и мы живем в настоящем средневековом замке, правда, здесь очень тепло и современная канализация. Кормят тоже отлично! Видела бы ты, мамочка, кухню в замке — просто школьный спортзал!

Я вас очень люблю и скучаю, прошу вас обо мне не тревожиться, через годик мы непременно приедем к вам в гости, возможно даже...»

У Катюши вдруг дыхание перехватило от подобной мысли:

— ...возможно с внуком или внучкой.

Катя написала еще несколько строк, вытерла слезы, подождала, пока чернила подсохнут и свернула свиток, передавая его Сирме.

«Ну, и пусть этот Тиран прочтет! Пусть решит, что я смирилась — покорилась, пусть порадуются! Главное, родители будут счастливы, целый год могут теперь жить спокойно, поджидая внуков. А, собственно, почему бы и нет?»

Оставшись в комнате одна, Катя уселась на кровать, зажала ладошки в сомкнутых коленях.

«А что такого, может, и в самом деле, выйти за него замуж и остаться здесь жить? Будет периодически отпускать в нашу деревеньку к родным, я и прежде редко из города приезжала — сначала учеба, потом работа... Что я теряю? Хлебокомбинат Николая Егорыча? Городскую суету и съемное жилье? Когда я еще на свою квартиру заработаю, пусть даже самую крохотную. Да и без ипотеки, пожалуй, не обойтись... Столько проблем!

А здесь, как-никак, хозяйка Ульфенхолл... Жаль, конечно, что Веймар — не Рыцарь, хотя, может, у него здесь где-то все необходимые атрибуты припрятаны — мечи и доспехи, в замке же столько комнат, и еще, наверно, подвал... Ммм, надо будет в ближайшие дни все разведать... Конюшни точно имеются, я видела, когда проезжала мимо, может, и я научусь прилично ездить верхом. Вот было бы здорово! Я — на коне...

Катя снова вскочила на ноги и подбежала к окну, девушку охватило неопишное волнение от открывающихся перед ней интереснейших перспектив:

— Каждый день — великолепный стол: молочко, сыры, куча зелени всевозможной, а какие вкусные лепешки, чая, жаль, нет — этот Тиран, наверно, только вино и хлещет, ладно еще разбавленное... надо бы завтра постряпать им тут пирог с рыбой... или мне теперь можно себе питание заказывать, я же Невеста Барона! Вот умора!

А с бабулечкой этой настырной я уж как-нибудь разберусь, пусть себе командует, сколько душе угодно, я в начальство никогда не лезла. Слушайте, так ведь можно жить! Только вот эта предстоящая свадьба... Это замужество... Потом еще заставит делить с ним спальню, уже сегодня кидался, глазами сверкал, чуть ли не рычал у самого носа... А когда стану его женой? Совсем обнаглеет, начнет приставать.»

Пожалуй, только мысли о предстоящих ночах с Веймаром отравляли Катину приподнятое настроение.

«Он точно церемониться не будет, он, наверно, грубый... средневековый мужлан, а если... если он драться начнет, может, у них принято здесь бить своих жен, несмотря на то, что они Леди... Боже мой! Я же такое издевательство терпеть не стану... и всякие его феодальные извращения тоже... А еще высечь грозился! И ведь совершенно некому заступиться, пожаловаться даже некому... не с кем поговорить по душам.»

Наконец, обуреваемая самыми противоречивыми мыслями, девушка разделась и нырнула под теплое пышное одеяло, чтобы забыться беспокойным сном. Она, конечно, не слышала, как глубокой ночью дверь в ее комнату приотворилась от легкого толчка когтистой лапы и серая тень проскользнула внутрь.

Некоторое время Зверь внимательно прислушивался к ровному дыханию возлюбленной, а потом удовлетворенно фыркнув, удалился по коридору вниз. К маленькой двери вблизи кухни, что вела из замка во двор, а там через спящие домишки... луг... лес. Волку тоже нужно было отвлечься и передохнуть. Сегодня был такой долгий и интересный день. Она была рядом, так близко, что он мог касаться ее... обонять притягательный аромат ее кожи, ее волос... Завтра он увидит ее снова. Скорее бы «завтра»...

Было раннее октябрьское утро, когда в ворота Смирновых громко и настойчиво постучали. Мелкий беспородный песик тут же зашелся ожесточенным лаем, несмотря на свои хилые размеры, Буран имел характер Моськи из басни Крылова. Иван Кириллович поспешно отодвинул деревянный засов, растворил двери перед высоким крупным мужчиной в зеленом плаще.

— Какие-то новости? Катюша нашлась?

Веймар на мгновение даже опустил глаза перед этим пожилым человеком с бледным, исхудавшим, осунувшимся лицом.

— Да, я привез известие от вашей дочери — с ней все хорошо!

Иван Кириллович закрыл лицо руками и прислонился к столбу, на котором крепились ворота. Веймар шагнул вперед, одной рукой поддерживая мужчину, а другой захлопнул за собой дверь, его визит должен быть коротким, не стоило привлекать внимание соседей.

Навстречу уже бежала Татьяна Андреевна — босая, в распахнутой курточке...

— Скажите скорее, что с ней? Где же Катя? Она здорова?

Веймар тяжело вздохнул, он был, конечно, готов к подобной сцене, но, кажется, его сердце было не настолько гранитным, как у прадеда.

— Катарина отлично себя чувствует, но в ближайшее время, к сожалению, не сможет вернуться к вам. Мне поручено передать вам ее письмо и гостинцы. Прочтите быстрее и напишите несколько строк в ответ, я очень спешу!

Веймар развязал дорожную суму, что была перекинута через его плечо и передал Смирновым послание Кати. Татьяна Андреевна уселась прямо на холодное крыльцо, видимо, от волнения женщину уже не держали ноги, и начала читать вслух:

— Дорогие мама и папа!..

Потом были слезы, причитания и смех, Веймара пробовали целовать и обнимать, уговаривали остаться «покушать», нагрузили его уже пустую суму баночками с вареньем и соленьем. Барон и сам немного расчувствовался и даже позволил Волку немного подразнить маленького грозного Бурана, отчего песик забился в свою теплую конуру и носа оттуда не показывал, пока за серым хищником не закрылись ворота.

Веймар торопился в лес, а там еще несколько верст до Мохова болота, и на душе барона было легко. Оказывается, это приятно — приносить людям хорошие вести... Но, пора возвращаться, даже минуты вдальеке от Нее казались вечностью его Зверю, и Веймар уже начинал Его понимать!

В это утро Катюша просыпалась долго, нежилась — потягивалась, щуря сонные глазки в широкой кровати под алым балдахинном. «Ах, как хорошо!»

— «И с чего это я решила, что в замке пыль и грязь... какие гладкие белоснежные простыни, одеяло пахнет цветами, подушка мягкая, пышная, словно лебяжьим пухом набита...»

Кате, вообще-то, не доводилось спать на «лебяжьем пуху», но уж больно красивое сравнение.

— О! Моя Госпожа уже проснулась! Вы изволите встать или мне прийти к вам позже?

Сирма... Катя в отличном настроении поднялась на постели во весь рост и даже пару раз подпрыгнула, задев руками длинные кисти бардовой занавеси под потолком. Настроение с утра было великолепным!

— Барон, наверно, рано встает?

— О, нет, напротив! Он обычно поздно ложится или уходит на ночь, так что спит порой целый день...

Катя прыгнула еще разок и от удивления рухнула на постель ничком, зато тут же уселась на пятки с самым встревоженным видом:

— Как это — на ночь уходит... Куда это, интересно, он уходит?

Смущение служанки вызывало еще большее подозрение:

— Сейчас же отвечай! Я вроде бы как твоя... э-э-э... Госпожа... почти!

— Но, Господин Барон любит гулять ночами по своему поместью... все это знают...

— Так! У него есть любовница! Кто... среди прислуги или в деревне? Сирма, не смей мне врать! Он жениться на мне собирается, я должна все про него знать, мне такие сюрпризы не нужны. Если не нагулялся еще — скатертью дорожка, ишь ты... устроился!

— У Господина нет любовниц, я говорю вам правду! Он весьма равнодушен к женщинам...

— «Этого мне только не хватало... неужели у них тут то же, что и везде... жена только для прикрытия нужна... собственных запретных утех... Наверно, его из-за этих тайных увлечений и в Рыцари-то не взяли... А с виду такой брутальный мужчина...»

Катя строго посмотрела на съездившуюся под ее взглядом девушку:

— Послушай, я тебя никому не выдам, не скажу, что ты мне раскрыла его секрет... Сирма, он любит мальчиков, да?

Служанка несколько мгновений тупо смотрела на Катю, словно пытаясь вникнуть в суть ее вопроса, а потом вытаращила глаза и зажав рот руками, начала мотать головой так, что Катя всерьез

забеспокоилась, как бы она не слетела с шеи:

— О, моя Госпожа! Как же вы могли такое подумать о нашем Бароне?! Это же просто невыносимо! В наших краях даже никто не слышал о подобных пристрастиях, а вот, говорят, в столице... но я про это совсем ничего не знаю. О, моя Госпожа!

Катя повалилась на кровать, давась от смеха, к которому немедленно присоединилось хихиканье Сирмы. Вдоволь насмеявшись, Катя уже благосклонно позволила девушке расчесать свои длинные волосы и уложить их в замысловатую прическу.

«И, правда, придет же такое в голову... Веймар и вдруг... но тогда куда же он ходит ночами...»

— Сирма... ну, он же взрослый дядя, ему женщины нужны, наверно, как же он эти проблемы решает? Неужели у него в замке никогда не было подружки?

— Господин никогда не смотрит на служанок, в его комнату позволено заходить только мужской прислуге и Нариде.

Эти новости Катю несколько приободрили, однако вопрос оставался открыт.

— Ну, может в каком-то ближайшем поселении ему девушка нравится?

— Я слышала, за такими делами Господин каждую неделю ездит в город.

— Там у него, значит, зазноба? — Катя с досады даже головой тряхнула, разбросав тонкие стальные заколочки, которыми Сирма пыталась обуздать ее непокорную «гриву».

— Всем известно, что в Блодсбурге можно найти удовольствия на любой вкус. Это же город-базар, город развлечений, там часто устраивают пышные ярмарки, проводят всевозможные игрища, турниры... там много заведений с благосклонными девицами...

— Ясно... мой будущий муженек привык таскаться по борделям. Какая чудная новость! Чтоб ему провалиться!

Катя в одной тоненькой сорочке подошла к окну и с трудом распахнула его тяжелые створки. Широкий мощный двор был залит солнцем, внизу суетилась челядь, худощавый длинный старик подметал щепки возле огромного чурбака, молоденький паренек тащил на кухню корзину с недавно выловленной рыбой, старая Нариде уже покрикивала на девушек, что слишком медленно развешивали белье.

И вдруг Катины глаза остановились на знакомом темно-зеленом плаще. Веймар стоял у каменной стены напротив и смотрел прямо на девушку. Странно, почему Катя его раньше не заметила, видимо, в своем мрачном одеянии мужчина просто сливался с постройкой.

Катя немедленно подтянула сползающую с плеча сорочку и, бросив на барона самый уничтожающий взгляд, кинулась от окна вглубь комнаты, чтобы с разбега снова запрыгнуть на постель. Настроение начинало стремительно портиться, но девушка попробовала рассуждать здраво:

«А, что ты собственно хотела? Служанок не тронь, деревенских — не тронь, с кем же ему... А надо было раньше жениться, если женилка подросла! Так у нас в селе бабушки говорили.

Может, и меня бы не пришлось дергать из Березовки! Но, тогда бы я не увидела всей этой красоты, этого удивительного, странного мира... Жила бы себе, как придется, бродила бы днями по комбинату, следя за соблюдением всех норм и технологий хлебопечения, а потом нашелся бы какой-нибудь человек... Ипотека на двоих — это не так уж и накладно, наверно... Семья, дети... А, здесь что меня ждет?

Работать не заставляют, шикарные комнаты, спи — сколько хочешь, кормят до отвала... Сказка? А ведь с этой «сказкой» мне еще и в кровать ложиться придется... Веймар не урод, конечно, но по всему видно, совершенно не ласковый... Не то, что Витя был... всю меня сначала исцелует... везде погладит... А этот?

Как помню, соседка — тетя Оля рассказывала про своего мужа, я еще маленькая была, случайно подслушала их с мамой откровенные беседы: «На постелью бросит, залезет — отдерет и даже слова не скажет... чисто зверь!» Неужели Веймар такой же? Не хочу я с таким-то зверем, я нежность люблю... А где же ему нежности научиться, если он только по шлюхам ходок? Ох, горюшко... А, если вдруг у него еще сюрпризы обнаружатся... если он чем-то таким нехорошим болеет, как все завсегда и злых мест».

Погруженная в свои грустные думы, Катя машинально надела новое платье, что подала Сирма, и

спохватилась, лишь когда служанка начала затягивать на груди что-то вроде шнуровки.

— Это еще откуда? Тоже из запасов бывшей хозяйки, матушки барона?

Сирма смущенно улыбнулась, разглаживая жемчужную шелковистую ткань.

— Как вам идет этот цвет, леди Катрин! Вы такая красавица, весь Ульфенхолл только о вас и говорит с самого утра! Наконец-то, наш Господин будет по-настоящему счастлив! Ах, это такая честь служить вам, я даже не мечтала, что буду находиться при самой Хозяйке!

Катя возвела очи к потолку и только довольно хмыкнула:

— «А в сердце льстец всегда отыщет уголок...»

За окном раздались какие-то громкие голоса, а потом звуки ударов металла о металл. Катя невольно подбежала к окну:

— У вас, что же, так людей на завтрак собирают?

Однако Сирма была встревожена не на шутку:

— Кажется, они все-таки доложили барону, ох, право, не стоило сейчас — он будет так сердит! Обычно, после ночной прогулки до обеда Господин отдыхает у себя, но дело не терпит отлагательств... Надеюсь только, его суд будет не слишком суров... для малютки!

— Какой еще малютки? — вскинула брови Катя. — Выкладывай, что тут у вас за ночь стряслось?

Сирма только руками всплеснула и затараторила, округлив глаза:

— Представляете, перед рассветом скотница обнаружила в яслях на соломе младенца! Маленький мальчик, ему всего неделя, а может и того меньше... Такая прелестная кроха! Мне Вирша проболталась, а Нариди хотела утаить от барона, он не любит сплетни.

— Так чей же это малыш? Где его мама? — спросила Катя с живейшим интересом.

— Вот в том-то и вопрос, что никто не знает! Ходят слухи, что ребенка заделал кто-то из наших воинов, а девица скрывала позор, а теперь и вовсе решила избавиться от дитя!

Катя скрестила руки на груди и сурово сдвинула брови.

— «Да-а... странное совпадение! Меня назвал невестой и тут же ребенка подкидывают в хлев! Много же у тебя секретов... Веймар!»

На улице становилось шумно, раздался скрежет железа по брусчатке, Катя снова выглянула в окно — в тени широкой покатой крыши устанавливали какое-то кресло, рядом собирался народ.

— Сирма, пошли-ка вниз! Там, кажется, сейчас что-то серьезное будет происходить!

Катюша подхватила подол своего «жемчужного» одеяния и выскочила за дверь.

— Но, вы же еще не умывались, Госпожа...

— «С вашими церемониями все важные мероприятия пропустишь...»

Катя сбежала по лестнице и без труда нашла выход во двор, а там остановилась на широком крыльце, прищурившись от яркого солнца.

— Госпожа, сюда, под навес!

Катя с благодарностью улыбнулась Торму, который проводил девушку к группе суровых мужчин, стоящих рядом с массивным креслицем, в изголовье которого было воткнуто несколько огромных металлических мечей, среди которых непонятно зачем торчала когтистая звериная лапа.

«Ух, ты — прямо как в «Игре престолов» — мечей бы только побольше и вылитый Железный трон! Да уж, видно, предки барона были так себе — вояки... мало земель покорили!».

Катя время от времени следила за разворачиванием событий в ярком популярном сериале и теперь с нескрываемым восхищением глазела на то, как внезапно появившийся Веймар тяжело усаживается на это подобие трона. Лицо барона было грозно, вокруг мгновенно установилась тишина.

— Ну, что тут еще у вас... — прозвучал раздраженный голос Тирана.

«Наш-то бедняжка, не выспался, шлялся где-то всю ночь, а теперь придется баиньки отложить, дела

житейские, понимаешь, одолели. Без твоего господского слова они же и шагу сами ступить не могут... холопы!»

Вперед выступил высокий мощный дядька, лицо которого прикрывала почти до глаз черная густая щетина. Этот самый Кабан, как немедленно прозвала его Катя, остановился, не доходя пары шагов до подножия кресла — трона Веймара и уложил на мостовую перед бароном какой-то чуть шевелящийся сверток.

— Ребенка нашли в лошадиных яслях, кто его родители — неизвестно, никто не хочет его забирать, мы послали людей во все ближайшие селения, но там считают, что это отродье Скотного Двора принесет несчастье. Мы не хотели беспокоить вас такими мелочами, Господин, но никто из нас не желает решать судьбу этого гаденыша. Что велите с ним делать?

Барон только зубами скрипнул от злости. Из-за этой ерунды его отвлекли от заслуженного отдыха!

— Утопить, как паршивого котенка, если никакая женщина не сжалится и до вечера не возьмет к себе!

Люди в толпе ахнули, но в ответ барону не прозвучало ни слова, и сердобольной тетушки тоже что-то не было видно вблизи малыша. Катя гневно сжала кулачки и громко воскликнула:

— То есть как это утопить? Вы что такое говорите? Это же живой ребенок! Мне и котят-то жалко, а тут человек! И вовсе он не гаденыш, как у вас только язык повернулся!

Это уже было брошено в адрес Кабана, что теперь стоял удивленно, разглядывая Катарину из-под лохматых бровей. «Прямо питекантроп какой-то...»

— Ты сама-то кто будешь... что-то я не замечал тебя прежде?

Катя краем глаза увидела, как мужчина помоложе и повыбритей дернул соседа за полу длинной красной рубахи, что торчала из-под зашнурованной безрукавки. По небольшой толпе, что окружала кресло барона пробежал приглушенный шепот: «Сама... будущая хозяйка... Госпожа...»

Катя уже ничего не желала слушать. «Да они что, совсем тут ополоумели, бросили маленькую лялечку на холодные камни, он, наверно мокренький уже!» Катю захлестнула волна жалости и девушка быстро подошла к свертку, что лежал посреди свободного пятачка внутри тесного людского круга.

Девушка без раздумий опустилась на колени и осторожно отогнула край серой мешковины с личика младенца, а потом, не сдержав нежности и умиления, воскликнула вслух:

— Господи, да какой же он хорошенький! И ведь даже не плачет! Папочка его точно был Храбрецом в сражениях, да, только вот сейчас смелости не хватает признать своего сына! А сын вырастет, возмужает, прославит свое имя многими подвигами... А отец его будет встречать одинокую старость в обнимку с кружкой пива, хотя мог бы гордиться своим «отродьем»!

Катя обвела глазами собравшихся, стараясь не останавливать взор на бароне, тот сидел как каменный истукан, даже бровью не двинул в ответ на ее гневную речь. Тогда Катя решила на самые серьезные меры, откуда ей пришла в голову такая идея, она даже сама не знала. Просто порыв души...

Девушка сняла с шеи тоненькую цепочку с небольшим золотым кулончиком в виде иконки Божьей матери с маленьким Иисусом на руках. «Раз уж ты тоже родился в хлеву и лежал в яслях... может, и тебе уготована удивительная судьба... лишь бы только не закончилась крестом, хотя и крест — это, оказывается, не всегда конец... может, и твой папочка до тебя потом снизойдет...»

Кулончик этот Катюше подарили родители на двадцатилетие, но девушка не долго раздумывала, может, хоть этот скромный подарок поможет малютке. Едва сдерживая слезы, Катя взяла малыша на руки и ловко поднялась с колен. Пару мгновений в полной тишине она собиралась с духом, а потом как можно спокойней и значительнее произнесла:

— Ваш Господин вчера назвал меня своей невестой и я считаю, что мое слово здесь уже кое-что значит. Я уверенно заявляю, что этот ребенок — подарок Богов и послан в Ульфенхолл в знак Их особого ко всем нам расположения. Пусть мальчика так и назовут — Дар.

Катя не выдержала и поцеловала крохотный красный кулачок, что вдруг выскользнул из-под серой дерюги, словно в подтверждение ее слов. Малыш, и правда, был весь мокрый, но еще не успел замерзнуть. Однако уже явно выражал свое недовольство громким кряхтением, грозящим скоро перейти в плач.

— Я дарю мальчику этот маленький амулет с изображением счастливой Матери и Здорового

малыша, а также вместе с этим кулоном еще и милость нашего Господина!

Тут Катя бросила выразительный взгляд в сторону Веймара и к ее великому облегчению, мужчина медленно кивнул головой в знак согласия.

— Ну... кто желает взять в свой дом Дар Богов и расположение Хозяина Ульфенхолл?

Катины глаза застлала слезы, но голос ее дрогнул только в конце речи. По толпе пробежался легкий шепоток, а потом вперед вышел тот самый Представительный, что вчера лично привез девушку во владения барона. Мужчина был белее снега, его губы дрожали:

— Мы с супругой уже не молоды, наш единственный сын погиб, защищая Короля во время восстания Гроз. Больше детей нам Боги не дали, хотя мы много лет просили об этом, так может теперь Они посылают знак свыше... Позвольте нам взять этого мальчика на воспитание, Госпожа!

И тут к величайшему удивлению девушки, Представительный опустился перед ней на одно колено и склонил голову чуть ли не до земли.

Катя подошла ближе, тихонько укачивая на руках теперь уже всю хнычущего младенчика:

— Это очень благородно с вашей стороны, простите, кажется, ваше имя Баар... мы уже немного знакомы со вчерашнего дня... ммм... поднимитесь, пожалуйста, и уже примите своего... сына.

Мужчина медленно поднялся, кажется, его немного пошатывало. Передавая ему на руки сверток с малышом, Катя закрепила на ручке Дара свою цепочку и прошептала, глядя прямо в глаза Представительному:

— Что-то мне подсказывает, что у него будут такие же синие глаза как у вас, и такие же смоляные кудри... И когда он вырастет, Король непременно посвятит его в Рыцари и Дар покорит много Дамских сердец, а уж выигранным турнирам и счета не будет.

Суровое лицо воина окрасилось, наконец, румянцем, по тонким губам мелькнула улыбка:

— Благодарю вас, милостивая Госпожа... Великое счастье, что в Ульфенхолл будет такая Хозяйка!

— Неужели вы бы позволили его утопить?

— Конечно же — нет... до вечера я нашел бы кормилицу и забрал мальчика к себе, ведь он же... мой! А после ваших слов это будет выглядеть совсем иначе, чем если бы я просто притащил домой найденца... вы же не знаете мою Супругу... она очень ревнива, хотя безумно любит детей!

У Кати просто гора спала с плеч, а вместе с тем вдруг накатила непонятная слабость. Девушка отступила назад, стараясь поскорее найти опору у стены и почувствовала, как ее поддержали крепкие руки «тирана».

— Пожалуй, тебе лучше вернуться в дом!

— Скажи, ты... ты передал письмо?

— И даже привез ответ...

— Веймар!

От избытка чувств Катя едва не схватила Тирана в объятия, но вовремя остановилась, однако от барона не укрылся счастливый блеск ее глаз, ее полуоткрытый в радостном изумлении ротик, ее маленькие руки, что почти легли на его грудь... Хорошо, что Волк сейчас спал... Иначе совладать с Ним сейчас было бы очень трудно.

Больше всего на свете Веймару сейчас хотелось схватить ее в охапку и утащить в свою комнату. И Зверь тут был уже совсем не причем... Но Катя, словно опомнившись, стояла теперь немного отчужденная и растерянная, люди вокруг расходились по своим делам, с любопытством поглядывая на Хозяина и будущую Хозяйку.

— Что случилось? Если вам нужно высказаться, лучше сделать это в замке, я уделю вам некоторое время, Леди... нечего устраивать сцен на глазах у наших слуг!

— Мы же, вроде бы, перешли на «ты»!

Катя вздернула подбородок и смело заглянула с холодные серые глаза барона.

— Воистину так! — голос Веймара потеплел, да он вовсе и не желал разговаривать с ней так сухо, но тогда... если она еще хоть раз ему улыбнется, он точно утащит ее к себе и уложит в постель, а

Катарина к еще к этому не готова, она станет кричать, плакать, вырываться... гр-р-р... потом проснется Волк и сейчас же вступится за Хозяйку... Зверь не позволит взять ее силой... а, значит, придется еще подождать... Проклятье!

Катя развернулась и решительно направилась к замку. Веймар сам открыл перед ней обитую железными пластинами дверь.

— Вы еще не завтракали, Леди?

— А вам не кажется, что уже время обеда?

— Значит, встретимся в Зале, как и вчера.

— Немедленно отдайте мне письмо из дома и расскажите о моих родителях, вы видели их лично? Как они? Что сказала мама, она поверила, что у меня все хорошо?

— Ваши родные плакали от счастья, узнав о том, как удачно вы устроились. В замке и с богатым мужем... Они надеются, что мы подарим им много здоровых, красивых внуков! И как можно скорее.

— Вы просто невозможный человек! Вы... вы только что обещали утопить ребенка!

— Это была военная хитрость! Уверяю вас, Катарина, до вечера бы щенка непременно кто-нибудь забрал!

— А, если нет? Его бросили бы в реку по вашему приказу? Да или нет, скажите, Веймар?

— «Эти женщины порой так бестолковы! И слышат только себя... Если бы они не были столь желанны... к ним не нужно было бы даже приближаться, ведь чаще всего от них одна суета и глупые слезы... вот и сейчас у этой девицы глаза на мокром месте... хорошо, что Волк спит, а то кинулся бы опять успокаивать, облизывать ее пальчики... а, впрочем, я бы и сам это мог... даже прямо сейчас!»

Веймар протянул руку и коснулся ее шеи чуть ниже розовой мочки уха, а потом скользнул ниже по нежной, молочного цвета коже. Катя вздрогнула и от удивления раскрыла губы, и тогда Веймар, наклонившись, быстро прикоснулся к ним, даже успев чуть-чуть лизнуть верхнюю... это было так сладко... вишни... спелые сочные вишни, сочащиеся соком... розовые бутоны... аромат летних цветочных лугов, над которыми жужжат пчелы...

Волк смачно зевнул и выгнул спину, окончательно просыпаясь... Веймар отпрянул от Кати и кинулся прочь в глубину коридора, что вел к лестнице на второй этаж.

— «Это... это... это просто какой-то невысказанный разврат!» — Катя прижала к губам середину ладони, сердце стучало, кажется, на всю огромную прихожую.

— Госпожа! Вы такая умница, мы все просто преклоняемся перед вашим мудрым решением! Мы все беспокоились о младенце, Господин был так зол, что вполне мог бросить его в реку!

— Глупости! Веймар никогда бы этого не сделал! Он просто хотел разбудить в людях совесть... такими варварскими методами! «И с какой это радости я стала его защищать? Подумаешь, чмокнул разочек невестушку... но зато ка-ак... А потом сбежал, словно...»

Катя была не особенно осведомлена в вопросах мужской физиологии, но кое-что к двадцати пяти годам должна была знать. «Интересно, теперь, когда у него вроде бы есть невеста, он будет ездить в свои городские бордели? Церемония наша... тьфу на нее... назначена через месяц или... ммм, как же он сказал — через полтора месяца, а, значит, до нее придется обходиться... ну, как-то же мужчины обходятся... солдаты... путешественники...»

Катя даже покраснела от раздумий на подобные темы.

— «А еще перед свадьбой положен мальчишник. И девичник, между прочим... Отпрошусь в Пост и сбегу... дурочка, куда же я от него сбегу-то... в Священную рощу... ага, еще забросит меня оттуда... в каменный век, на съедение настоящему Тирэксу... А-а-а! Письмо! Он же не отдал мне письмо!»

Катя опрометью бросилась вслед за бароном, едва не наступив на свое длинное платье. Уже пробегающая мимо своей комнаты, девушка вдруг поняла, что не знает, куда двигаться дальше. Девушка сделала вперед несколько неуверенных шагов и остановилась. В конце коридора показался коренастый мужчина с бадьей, которую он держал перед собой за короткие ручки, а за ним, по-утиному переваливаясь на больных ногах, следовала Нариди, прижимая к груди какие-то свертки ткани.

Катя быстренько обо всем догадалась — «господин изволит принимать ванну после ночной прогулки и утренней суматохи». Катя прижалась к двери своей комнаты и стала наблюдать... через

пару минут из покоев в конце коридора опрометью выскочила Наридида, а за ней уже более спокойно вышел и слуга, плотно прикрывая за собой двери.

Катя немного подумала, покусала губы и решительно направилась вперед.

— «Я просто не могу дождаться... я же с ума сойду... Веймар сейчас в ванной, а письмо, наверно, у него где-то на виду в комнате, я бы сама все бумаги на стол положила. Должен же быть в его комнате стол! Я быстренько заберу письмо и сбегу, он даже не услышит...»

У самых дверей она вдруг замерла, сомневаясь в правильности своих действий.

— «Это ведь неприлично — вот так нахально врваться к мужчине, который моется в соседнем закутке... А если он уже принял ванну и сейчас одевается? Я буду выглядеть, как дура, особенно после того, как он меня... Он еще решит, что я пришла за продолжением, за новыми поцелуями... возомнит о себе много... тоже мне, великий герой — любовник!»

Но желание поскорее прочесть послание из Березовки пересилило девичью робость и Катя тихонько приоткрыла дубовую дверь, чтобы шмыгнуть внутрь. Теперь Катюша оказалась в просторной комнате, правда, заваленной всякими вещами — сундуки и лари, свитки и фолианты, оружие и одежда... перед огромной кроватью на полу огромная шкура какого-то неведомого животного без лап, будто распластанная кожа гигантской «шерстяной» змеи.

Высокие окна были занавешены, в комнате царил полумрак. Катя огляделась в поисках стола или хоть какого-то предмета наподобие. У кровати, и правда, находился небольшой, невысокий столик, писать на нем можно было, пожалуй, не вставая с постели — только вот сейчас на его покрытой трещинами столешнице стояла лишь кружка и маленький деревянный бочоночек, из которого внизу торчала затычка в виде шеи и головы оленя с ветвистыми рогами.

Катя прислушалась — из смежной комнатухи, из-за притворенной двери доносились звуки плещущей воды. «Надо бы поспешить!» Девушка подошла ближе к столу и начала искать... «Куда же он мог его засунуть... вот же наказание... сейчас выйдет и всыплет мне по первое число за то, что я тут шарюсь, и поделом будет... не могла пару часов дождаться!»

И тут внимание Кати привлекла одна интересная вещица, что висела на шнурке прямо в изголовье кровати. Это была металлическая подвеска в виде головы волка с оскаленной пастью, размером чуть меньше катиной ладошки, очень уж натурально и мастерски сделано... Видимо, от неощутимого Катей порыва сквозняка подвеска качнулась и волк будто бы блеснул — «посмотрел» на гостью своими янтарными глазами — камешками.

Катя пару секунд изучала амулетик, словно завороченная, а потом вдруг зачем-то решила взять его в руки, но для этого нужно было взобраться на ложе барона, что Катюша и сделала, сбросив кожаные башмачки на жесткий ворс шкуры. Подобрал юбки своего жемчужного платья, девушка бесцеремонно уселась на подушки, прикрытые толстым плотным покрывалом и протянула руку к подвеске. В таком виде Катю и застал Веймар, выходя из комнаты для омовений.

Барон просто на месте застыл, даже не особо прикрываясь махровой простыней, что служила ему полотенцем — на его постели сидела Катарина, держа в руках древнюю реликвию Постанов — Волчий Знак. Этот амулет передавался из поколения в поколение хозяевам Ульфенхолл еще от первого Веймара. И ныне здравствующий де Лостан намеревался однажды одеть подвеску на шею своему подросточему сыну. Да свершится воля Богов!

Зверь Веймара удовлетворенно рыкнул и велел поприветствовать Госпожу как подобает, но барон не собирался идти у него на поводу. Девчонка перешла все границы дозволенного, вторглась на его исконную территорию, без разрешения забрела в его логово и должна понести наказание... хоть какое-нибудь...

— К сожалению, я не могу подарить вам эту безделушку взамен той, что вы так милостиво отдали сегодня подкидышу. Для вас у меня есть кое-что получше... Леди...

Катя вздрогнула и едва не выронила «Волчью голову» из рук, а потом бросила взгляд на барона и тут же опустила глаза, залившись краской. «Интересно, он меня просто так отпустит... или же нет... может, пригрозит, что выпрыгну в окно... но, я ведь до него даже добежать не успею... о чем только я думала, когда шла прямо ему в лапы!»

Катя судорожно сглотнула, откашлялась и потихоньку сползла с подушек поближе к краю кровати. «Осталось только прикинуться невинной овечкой... может, пожалеет хоть немножечко этот волчище!»

— Веймар, я прошу меня простить, я хотела только забрать письмо, я понимаю, что поступила дурно, зайдя без разрешения, хотя, что тут такого... «Ага! Лучшая защита — это нападение!» вы же сами некрасиво себя повели — сбежали ничего мне толком не рассказав про родных! Вы же

прекрасно знаете, что я волнуюсь о них, я очень люблю своих родителей, я у них одна... вы же должны это понимать!

— Я понимаю!

Веймару вдруг стало смешно — девчонка сидела перед ним на кровати такая перепуганная, с огромными глазницами, нервно теребила в руках кожаный шнурок его подвески. Волк был в полнейшем восторге от Хозяйки, с каким удовольствием Он бы сейчас растянулся рядом с Ней на этом широченном ложе и поиграл... и барон абсолютно был с ним солидарен. Но, следовало вести себя благоразумно!

— Вас не затруднит передать мне вон ту рубашку со стула.

Даже не повернувшись к барону, Катя поискала глазами стул и, обнаружив его по другую сторону от кровати, не придумала ничего лучше, как просто перелезть через всю ее огромную поверхность и оказаться рядом с требуемым предметом мужского туалета. Волк и Веймар с нескрываемым интересом наблюдали за всеми перемещениями девушки. «Какая же она аппетитная... гр-р-афф!..»

Опустив глаза, с неровно бьющимся сердечком, девушка подошла к барону и на вытянутых руках протянула ему серовато-белое полотно, что прежде висело на спинке стула.

— Благодарю вас! — в голосе Веймара звучала откровенная насмешка.

После чего Катя успела заметить, как на кровать полетело влажное «полотенце»...

— Можно уже открыть глаза, я не особенно стыдлив, к тому же вам еще не раз придется увидеть меня без одежды, так что начинайте привыкать... моя Катарина!

Последние его слова были произнесены с каким-то глухим нечеловеческим рокотом и Катя немедленно посмотрела на барона. Веймар стоял в шаге от нее и усмехался, подворачивая длинные рукава широкой рубашки, что опускалась ему чуть ли не до колен.

— Я отлично представляю, как выглядит голый мужчина! Но мне и правда неловко, что я ворвалась к вам без спроса... простите Веймар, этого больше не повторится! Я веду себя как капризная, нетерпеливая девчонка, мне стыдно! Но разве я не заслуживаю хоть немножечко снисхождения?

Катюша молитвенно сложила руки на груди и Волк едва собственной слюной не захлебнулся от умиления, вынося вердикт: «Простить и отпустить! А наказание можно и перенести... на первую брачную ночь, например».

Веймару отчего-то стало весело, даже не хотелось спорить. Горячая ванна его успокоила, а некое утреннее раздражение он уже успел выпустить на Нариду и Гроя.

— Ваше письмо и гостинцы от матушки — в сумке, что на сундуке у окна! Можете забирать, хотя... ноша тяжелая, пожалуй, лучше я наведаюсь к вам с ответным визитом и все принесу сам.

— Даже не стоит утруждаться...

Катя стремительно повернулась к окну и тут же осознала, что до сих пор продолжает сжимать в руке «волчий» амулет.

— Очень красивая работа, видно, что изготовлено с большой любовью — это, наверно, досталось вам от отца?

Катя протянула вещь Веймару и тот принял ее, нахмурившись, он не любил вспоминать Хоргана Клыкастого, а тем более в роли родителя... Но, как девчонка догадалась?

Между тем, Катя быстренько развязала тесемки кожаной сумы и вынула несколько тетрадных листков, исписанных крупным почерком Татьяны Андреевны. Не долго думая, девушка уселась на огромный старый сундук поближе к свету и принялась читать.

Веймар рассматривал теперь ее профиль, окутанный золотистым солнечным ореолом на фоне витражного окна, с которого Катя немного откинула занавеси, и не мог понять, отчего так странно и непривычно сжимается сейчас его сердце.

Эта девушка удивительным образом вписывалась в обстановку его холостяцкого логова, среди кучи разнообразного, но милого сердцу барахла. Как будто не доставало лишь Ее — Избранницы Волка... непокорной, но такой ранимой и нежной одновременно. Она вполне могла бы остаться здесь и ему больше не пришлось бы убегать в ночной лес, если бы Катарина спала в его постели... Он охранял бы Ее покой, стерег Ее сон, бесконечно любил бы Ее со всей своей необузданной Звериной страстью! Любил...

Веймар потрянул головой, словно прогоняя призрачное видение прекрасной золотоволосой девушки, раскинувшейся на его постели... «А нет ли здесь западни?» Больше всего на свете Веймар де Лостан дорожил своей свободой и независимостью... от чего бы то ни было...

— Спасибо, Веймар! Я вам так благодарна!

— Я не настолько стар, чтобы моя будущая жена обращалась ко мне на «вы», мы не на королевском приеме, Катарина. Свою часть обязательств я уже выполнил, не так ли? Я известил ваших родных... Пора и вам дать мне слово, что выполните свою!

Катя бессильно опустила руки с бумажными листами.

— Если... если я стану вашей женой, то через какое-то время вы позволите мне увидеть родителей?

— После рождения нашего первенца — непременно! Слово Лостана!

— Я согласна... у меня же нет выбора, верно?

— Выбор есть всегда, Катарина! Можете пойти под венец с улыбкой или же мне придется за руку тащить вас к алтарю...

— Всего два варианта! — усмехнулась Катя.

— И вы предпочли первый, не так ли?

— Только еще одно условие! Вы не прикаснетесь ко мне до свадьбы!

Губы Веймара презрительно искривились, глаза недобро сверкнули:

— Как пожелает Леди...

Катя немного приободрилась и уже уверенно спрыгнула с сундука на пол:

— Тогда я пойду обедать! С утра во рту маковой росинки не было! Вы... ты ко мне присоединишься?

Веймар почувствовал, как его с новой силой начинают одолевать досада и раздражение — неужели эта девчонка так боится близости с ним, а может, он ей совершенно не нравится... было бы обидно... Или она сама хочет с ним поиграть? Волк даже насторожился... он всегда был готов к увлекательным «догонялкам», от Волка было не так-то легко убежать.

— Я останусь у себя, мне нужно еще отдохнуть... можешь идти... если, конечно, не согласишься прилечь со мной и почесать мне за ушком.

— Как-нибудь в другой раз!

Катя уже взялась за железное кольцо, что служило дверной ручкой, но вдруг снова повернулась к Лостану:

— Веймар, а почему на твоём троне была звериная лапа? И на салфетках тоже, а здесь амулет — «голова волка» — это ваш родовой символ, да? Мне еще в Лосте рассказывали легенду, что древний предок Лостанов был настоящим волком. И местные жители до сих пор чтят этот образ...

— Меньше слушай болтовню крестьян! Сказки для малышей...

«А ведь когда-нибудь ей придется узнать... и, что, если она Его не примет...» Волк даже тоненько заскулил от огорчения... «Я — это Он и Он — это Я! Мы — единое целое, хотя часто спорим, но, если один из нас погибнет... другой не надолго его переживет».

Катя напоследок еще раз стрельнула глазами по полуодетому Веймару и скрылась за дверью. Волк хотел было метнуться следом, но барон велел ему успокоиться и заняться кое-чем другим... например, выбрать для Катаринины подарок из материной шкатулки с драгоценностями. Хорган не был особенно щедр на подарки Лее, однако в честь рождения сына просто кинул на ее постель увесистую шкатулку с блестящими «побрякушками», что как-то обнаружили в сундуках Славного Прадеда.

И сейчас, перебирая в руках ожерелье из розоватого жемчуга, Веймар уже представлял его на белой шее Катаринины. «Вот что, действительно, достойно твоей красоты...» Он сам оденет его, и она восхищенно всплеснет руками, может, даже станет отказываться... Она странная, будто вовсе не похожа на других женщин, которые любят золото и подарки.

Может, это оттого, что Катарина — сама словно драгоценный розовый топаз — «королевский камень», но тогда, ей нужна подходящая оправка... надо бы привезти ей из города платьев и еще то,

что носят под ними... не годится его будущей жене надевать старые наряды Леи, мать была не слишком счастлива здесь. Надо заказать ткани, может, она решит сама, какая ей нужна одежда, нужно привезти из Борста швей.

Веймар впервые в жизни хотел угодить женщине и, засыпая сейчас на своем огромном ложе, он призывал на помощь все свое полужвериное обоняние, чтобы ощутить тонкий запах Ее тела, оставшийся на подушках и покрывале. Зверь тоже отдышал, набираясь сил перед ночной вылазкой.

Глава 8. Турнир в Блодсбурге...

Герб на груди его — там плаха и петля. Но будет дырка там, как в днище корабля. Он — самый первый фаворит, к нему король благоволит. Но мне сегодня наплевать на короля! Вот подан знак — друг друга взглядом пепеля, коней мы гоним, задыхаясь и пыля. Забрало поднято — изволь! Ах, как волнуется король!.. Но мне, ей-богу, наплевать на короля!..

Перед ужином Веймара разбудил старый Грой. Слуга робко коснулся плеча барона и забормотал, благоразумно отшатнувшись в сторону:

— Мой Господин, вы сами просили поднять вас до ужина, иначе я бы не осмелился вас тревожить, но сюда прибыл посыльный из Черных Камней! Рыцарь де Даркос просит навестить его как можно скорее!

— Что там у них стряслось?

— Прочтите письмо! Юноша ждет ответ в холле...

— Пусть посыльного накормят, приглядят за его конем, сейчас я разберусь...

— Парень просит дать ответ немедленно! Говорит, ему еще ехать к Райнбоку.

Веймар встряхнулся всем телом, прогоняя остатки сна, в котором явно присутствовала одна златокудрая Леди, которая была совершенно не против присесть на колени барона и запустить свои белые пальчики в черную гриву его волос. Принесло же этого Гроя... на самом интересном месте сладкого сна! Что ж, придется заниматься делами.

Лостан внимательно изучил текст письма и нахмурился. Серьезных причин для беспокойства, кажется, не было, но следовало поскорее прибыть в поместье Дагмара де Даркос и обо всем переговорить с глазу на глаз. При таких новостях союзникам следует держаться вместе в случае неожиданного удара.

Только вот дорога туда и обратно займет пару дней, причем, всем в округе известно, что Дагмар никогда не отпускает своих гостей слишком быстро. Да и к тому же, на встрече соберутся еще несколько хороших знакомых Веймара, пожалуй, хозяин «Черных камней» еще и охоту затеет. Что скрывать — Барон де Лостан был весьма расположен к соседу, они познакомились еще во время первой поездки Веймара в Гальсбург на приеме у старого короля. А ведь до этой встречи Лостан имел некоторое предубеждение против Королевских Рыцарей, считая их заносчивыми и чванливыми.

Один из таких молодцев, совсем недавно получивший королевский перстень отличия, даже вызвал тогда Веймара на поединок, придравшись к тому, что молодой барон не разделяет его любви к популярной в столице песенке модного менестреля:

За локон Прекрасной весь мир я отдам, За взгляд Ее нежный один, Отныне слугою Ей стану я сам, Вернейший Ее паладин...

Рыцарские поединки на конях, с копьями и мечами никогда не увлекали Веймара. Он, вообще, любил ходить пешком или бегать... на четырех лапах. А уж показывать свои умения перед каким-то юным высокородным выскочкой, дамским угодником — полная чепуха!

Вот и тогда Веймар, вместо того, чтобы столкнуться лоб в лоб с разъяренным противником, что уже мчался на него, опустив забрало, отклонился чуть в сторону и, пригнувшись в седле, так рывкнул на коня соперника, что тот испуганно заржав, немедленно поднялся на дыбы и сбросил седока на землю.

Волк забавлялся, а вот Веймару вскоре стало не до шуток. Его дерзкий противник оказался никто иной, как племянник Короля от родной сестры — богатый и самоуверенный Альберт фон Холле. С его отцом у Короля вышли серьезные разногласия, но вот сестру свою старый Гальбо очень любил, смотря сквозь пальцы на все выходки молодого Альберта.

Ссору Лостана и Холле удалось замять, но неприятный осадок остался у обоих, и вот теперь сосед Дагмар пишет, что Король серьезно болен и на трон вполне может претендовать тот самый любитель Дам и Менестрелей. Причем, в столице и за ее пределами давно ходили слухи, что Альберт Красивейший не брезгует делить ложе и с теми и с другими.

— «Что ж... надо собираться на встречу Преданных Гальборо, надо навестить Черные Камни — родовое имение де Даркос. Но, как оставить Катарину одну, впрочем, здесь — в Ульфенхолл ей совершенно ничего не угрожает. Пусть привыкает к роли Хозяйки, облазит весь замок сверху донизу, разберет дамское барахло из сундуков, отдам ей всю материну шкатулку — пусть себе

играет, девчонка! Мой отъезд продлится целую неделю, а значит, немного приблизит время нашей свадьбы... гар...рафф!.. тш-ш-ш, уже совсем скоро, успокойся».

Известие о вынужденном отъезде Веймар сообщил невесте за ужином:

— Меня не будет в поместье несколько дней, замок в твоём полном распоряжении, Катарина! Надеюсь, ты не будешь скучать. Нарид и Торм тебе во всём помогут. Я распорядился, чтобы из города доставили ткани и прочие безделушки для дамского шитья...

— Я не умею шить! Я совсем не рукодельница! Может, из-за этого вы передумаете на мне жениться?

Глаза этой плутовки смеялись, губы чуть подрагивали, пряча улыбку.

— Ни в коем случае, здесь достаточно слуг для работы, придут ещё...

— А, почему тебе нужно ехать так срочно? Что-то произошло? Только бы не война, я читала, что рыцарские походы длятся годами.

— Но, в таком случае, вы надолго были бы избавлены от моего общества!

— А, кто бы меня проводил домой... как бы я с родителями-то увиделась?

— О, Катарина...

— А я не могу поехать с вами?

— Ни в коем случае! Это чисто мужская встреча!

— Ага! Поняла — тусовка местной знати!

— Что-о?

— У нас бы так описали подобное мероприятие, застолье... стриптиз...

— Что означает последнее слово?

— Танцы... во время которых женщины сбрасывают с себя одежду, а все на это смотрят.

— Странное развлечение, у нас не принято так прилюдно дразнить мужчин, это может нехорошо закончиться для женщины. Почему она, вообще, должна раздеваться, разве её заставляют?

— За это платят, такая работа... Скажите, а этот ваш Дагмар женат?

— Пока нет, и думаю не скоро ещё женится, если таковое случится, вообще! Он презирает женщин, а они в ответ его ненавидят и боятся.

— Он такой страшный?

— Даркос был покалечен в бою за Ничейную землю, на лице есть шрамы — дамы обычно пугаются... он уже привык, а потому часто бывает груб. Он не рассчитывает на женское внимание вовсе.

— А, что это за Ничейная земля? Это рядом с вашими угодьями?

— К превеликому счастью — нет, это выжженная солнцем равнина находится на границе Дэриланд и Инсектерры.

У Кати сами собой округлились глаза, сколько же она ещё не знала об их мире, а ведь ей, кажется, предстояло здесь жить.

— Инсектерра — что это?

— О, Леди! Вам лучше не знать!

— «Попробую на этот счёт расспросить Торма, уж, он-то мне скажет...»

— Итак, вы уже придумали, чем займетесь во время моего отсутствия?

Катя набрала в грудь побольше воздуха и восторженно выпалила:

— Я хочу научиться ездить на лошади!

— Вам это зачем? У нас есть удобная повозка.

— «Ну, ну, что — то ты не позаботился послать ее за мной в Лост...» Разве Леди не положено прилично ездить верхом?

— Вам это ни к чему! Что за блажь, Катарина?

— Но, я всегда мечтала покататься верхом, а теперь есть такая чудная возможность, неужели я должна отказываться от мечты, Веймар?

И снова эти умоляющие глаза... эти нежные руки, домиком сложенные у высокой груди.

— Что ж... если только под присмотром Торма... «Надо сказать, чтобы он подобрал для нее самую спокойную клячу...»

— Я выезжаю в ночь, совсем не обязательно махать мне белым платочком с вершины башни — терпеть не могу эти столичные выкрутасы! Катарина, у меня есть для вас подарок... другие «игрушки» я велел отнести прямо к вам в комнату, надеюсь это вас развлечет. А сейчас...

С этими словами Веймар поднялся со своего внушительного кресла, вышел из-за стола и направился к Кате, держа в руках какую-то вещицу, завернутую в бархатистую ткань.

— Это розовый жемчуг с берегов Теплого моря, очень далеко отсюда. Позвольте одеть вам это ожерелье и считать нашу помолвку состоявшейся. Я сейчас же велю слуге официально объявить о дне свадебной церемонии. Пусть знают все в Ульфенхолл и за его пределами, что хозяин Волчьих Земель наконец нашел свою Единственную и скоро женится.

Катя прониклась моментом, даже немного смутилась и с благодарностью приняла великолепный подарок барона. Жемчужные нитки дважды обвили ее шею и теперь приятно охладили кожу.

— Оно, наверно, безумно дорогое, Веймар?

— Не дороже Ульфенхолл, а ведь он тоже скоро будет принадлежать вам, Леди... как и мое сердце. «А уж, что касается моего Зверя, так он давно готов спать у ваших ног...»

Катя подняла глаза и замерла, очарованная блеском золотистых искорок в серых глазах Веймара. А он же, словно желая окончательно смутить девушку, вдруг поднес к губам ее руку.

— Я буду с нетерпением ждать нашей встречи, прекрасная Катарина, надеюсь, и вы тоже не забудете меня за этот недолгий срок.

— Ммм... дд-а-а... конечно... Веймар...

Только и могла прошептать взволнованная девушка, провожая взглядом статную фигуру будущего супруга.

Вечер прошел для Кати в приятных хлопотах, роскошный ужин она провела уже без барона и потому, нисколько уже не стесняясь, смогла перепробовать кучу разных вкуснейших блюд. Рядом суетилась хмурая Нариди и Катя пригласила «бабушку» к столу, но получила в ответ хмурый взгляд и выговор;

— Господа не должны садить за свой стол прислугу!

— Но я же сейчас одна, давайте просто поедим и пообщаемся, здесь же приготовлено на целую толпу народа!

— У Веймара отличный аппетит, по крайней мере был... до вашего появления. А сейчас бедный мальчик весь измучился...

— Бедный мальчик?!

Нариди с трудом подогнула распухшие колени, чуть ли не лбом задевая Катину платье:

— О, Госпожа! Только не говорите барону, что я сказала вслух это слово! Он меня выгонит из замка, пошлет в услужение этому бесстыжому Торму, а я его не выношу...

— Да, успокойтесь уже! Ничего я не скажу Веймару! Я, вообще бы хотела с вами подружиться, мне очень нравится, как вы здесь ведете дела, у вас замечательные кухарки и служанки отличные. Мне нравится Сирма, с ней всегда можно поболтать...

— Вам не стоит секретничать со слугами, Леди, эта маленькая Сирма должна знать свое место! Ну, надо же, вчера еще помои таскала, а сейчас хвастается, что в большой милости у будущей Леди

Ульфенхолл! Так не годится, вы должны вести себя как настоящая строгая Хозяйка, а не распускать челядь!

Катя только вздохнула — да-а, до демократии им еще шагать и шагать! Хотя, в чем-то Нариды, пожалуй, была права, ну, не умела Катюша командовать... не умела... Пришлось заканчивать с трапезой в одиночестве, а потом возвращаться в свою комнату, кажется, Веймар намекал на какие-то игрушки. Катя не особенно увлекалась нарядами и украшениями, по правде сказать, у нее прежде была всего-то одна золотая цепочка и кулон с Божьей Матерью — и тот она отдала найденьшу.

А сейчас, на кровати в ее комнате вдруг оказалась внушительная шкатулка, доверху набитая браслетами, колечками, серьгами, цепочками, бусами и прочими «безделушками» из золота и драгоценных камней. Катя засмеялась как девчонка, что нашла в лесу целую поляну ягод земляники, глаза разбегаются, с какой бы начать...

Подошла Сирма и уже вдвоем девушки от души позабавились, так и эдак примеряя на себя драгоценности, баснословные по цене обоих миров. Пожалуй, если бы Катюша осознавала их реальную стоимость, у нее было бы несколько другое отношение к «игрушкам», что так любезно предложил Веймар.

Незаметно подкралась ночь, а за ней пришло солнечное теплое утро, барон еще с вечера покинул замок и это вызывало у Кати сразу два противоположных чувства: облегчение и легкую грусть. Однако разлука не должна была продлиться долго, а потому Катюша решила воспользоваться отсутствием Хозяина и все хорошенько изучить в его владениях. И начать следовало именно с замка.

Почти до обеда, к непонятному раздражению Нариды, девушка вместе с верной Сирмой изучали состояние кладовой, наведались также в кухню, где Катя не преминула дать несколько ценных советов по поводу приготовления похлебки из куриных потрошков и лукового пирога. Потом дамы спустились в подвал, но Кате там не понравилось — воздух тяжелый и слишком мрачно, да еще за ними пришел Торм, чтобы сообщить последние новости.

Оказалось, что приехал еще один вестовой, уже от барона Райнбока из Райнартхолл, с целью передать барону де Лостан приглашение на рыцарские состязания в Блосбурге.

— Веймар никогда не жаловал подобные игрища, — проворчал Торм, — обычно лишь вежливо благодарил и оставался в поместье. За это его Райнбок и недолюбливает, а ведь он назначен Королем присматривать за местной знатью, Райнбок здесь вроде Верховного Судьи, разбирает все тяжбы между господами, хотя дела редко заходят так далеко, чаще Рыцари желают уладить все самолично, не вынося на всеобщее обсуждение.

Да-а... Райнбок на этот раз написал, что будет весьма разочарован отказом... Веймару это может повредить...

— А, разве вы можете читать письма, что направлены лично барону?

— Хозяин мне доверяет, к тому же я лучше него составляю вежливые отказы... нам еще частенько шлют приглашения на всякие местные пирушки и праздники. Здешние господа любят погулять!

— А что любит Веймар? — полюбопытствовала Катя, чувствуя, как отчего-то розовеют уши.

— Барон любит лес... кхм... в смысле прогулки вдоль леса на добром коне!

— Торм, а что это за состязания в Блосбурге?

— Да, ничего интересного, я вас уверяю, Леди! Собираются задорные мальчишки, едва только оперившиеся юнцы, что не были ни в одном настоящем бою, а хвалятся навыками держать копьё, да вертеться на коне под оханья Дам. Ну, конечно, много музыки и цветов, много красивых, нарядных женщин...

— Как бы мне хотелось на это все посмотреть! Они же, наверно, не часто так собираются... «а, когда я стану его баронессой, Веймар меня ни за что не отпустит...»

— Торм, а можно, я поеду вместо Веймара?

— Как это — вы поедете? Куда?

— В Блосбург на рыцарский турнир! Нас же пригласили! Вот у тебя письмо...

— Нет, нет, Леди — это невозможно! Барону бы это совершенно не понравилось!

— А я хочу хоть один раз в жизни, хоть одним да глазочком посмотреть на настоящих Рыцарей!

Торм, что тут такого? Вы поедете со мной и будете меня охранять, неужели вам самому не интересно? Неужели вам не наскучило сидеть целыми днями в Ульфенхолл и препираться с Наридой? Давайте проветримся! И этому вашему «смотрящему» за местной элитой засвидетельствуем почтение. О! Если нужно, я могу ему кучу комплиментов наговорить и выгородить Веймара, чтобы Райнбок не затаил на него обиду за отсутствие на столь значимом мероприятии.

Старый воин только усмехнулся в седые усы. Идея о том, чтобы, и правда, побывать в небольшом, но ярком и шумном, да притом еще и распутном городишке уже начала его одолевать. Но, пожалуй, следовало для вида поспорить с этой азартной Леди:

— Вы, вероятно, много ждете от этого события, а ведь ничего интересного не будет. Ну, проедутся бравые молодцы перед ревушей толпой, бряцая оружием, ну, менестрели пропоют в их честь хвалебные песни... А потом поединки, вопли, кровь, грязь... лошадиные морды в пыли... зачем вам на такое смотреть, Катарина?

Но своими замечаниями Торм лишь подогрел горячий Катин интерес к предстоящему турниру.

— Когда надо ехать, чтобы успеть к самому интересному?

— Можно выехать завтра на рассвете, после обеда уже будет в Блодсбурге...

— О, благодарю! Благодарю!

Кате даже захотелось расцеловать однорукого Торма, недаром она почти с первой встречи ему симпатизировала, а теперь и вовсе поймала себя на мысли, что Торм чем-то напоминает ей родного отца — Ивана Кирилловича.

— Торм, скажи, а что такое Инсектерра?

Мужчина нахмурился, задумчиво глядя на Катю:

— Верно сказал барон, что вы прибыли издалека... Здесь каждый хоть что-то да слышал о Гиблом лесе...

— А, вот мне еще не доводилось, а я люблю страшные сказки! Веймар еще про Ничейную землю рассказывал, она все-таки считается королевской или принадлежит кому-то другому?

— О! Здесь-то как раз все просто! Гальбо считает равнину своей, а Те — своей, желания снова биться за эту пустыню ни у кого более не возникает.

— А кто это — Те? Чудовища? Монстры?

Торм замялся и пожал плечами.

— Да, что долго рассказывать... Они живут в Гиблом лесу и бывают разными — у них свои кланы, свои колонии, но все они — отличные солдаты и убийцы. Их обучают убивать врага еще с пеленок или точнее... с коконов.

Не знают жалости, не ведают страха. Главная их цель — защитить Королеву, обеспечить ее всем необходимым. У каждого рода — своя Королева, и если с ней что-то случится, Они будут искать себе новую... для этого Им бывает нужна женщина Дэриланд. Они делают набег на окрестные поселения и выбирают достойную.

— Ужас! Но... ведь быть Королевой не так уж плохо? Или я чего-то не понимаю, Торм?

— Ох, Леди... в обязанности Королевы Гиблого леса входит много разных вещей... о чем я лично вам рассказывать не собираюсь! И не советую вопрошать кого-то еще... вас не так поймут. Пусть подобные слухи смакуют в Блодсбурге или в столице, там нынче в моде всякие извращения.

Катя потупилась и вздохнула:

— Надеюсь, ты не будешь думать обо мне плохо из-за моего неумного любопытства?

— Вам я бы простил все, моя прекрасная Леди!

— Торм, а ты сам... Рыцарь?

Мужчина засмеялся довольно:

— Ну, почти... я же с юности приглядываю за кем-то из них, и они в шутку посвящают меня в рыцари. Вот, например, Веймар... Хотя вместо меча у него тогда была обычная палка, но он с самым

торжественным видом положил ее мне на плечо и велел именоваться Господином Жареных Колбас и бароном Светлого Пива.

— Замечательный титул! — рассмеялась Катя.

— А кого еще мы возьмем в завтрашнюю поездку?

— Пожалуй, Баара и Кротха, еще маленького Вайни, он будет приглядывать за лошадьми. Ульфенхолл тоже нельзя оставлять без мужчин, хотя наше отсутствие продлится всего два — три дня. Много воинов барон взял с собой в Черные камни, туда принято являться с достойной свитой, хотя Веймару это тоже не по душе. Итак, Леди... можете начинать сборы...

— А могу я уже сегодня сесть на лошадь, мне привезли из Лоста одежду — мои старые удобные джинсы, ну, это такие штаны... Торм, а я поеду в повозке, да?

— Конечно, дорога слишком длинна и утомительная, тем более, что вы не привычны к верховой езде.

— Но, можно, мне хотя бы немного попробовать сейчас? Торм... я только переоденусь и прибегу, а ты пока подыщи мне резвого скакуна...

Катя убежала наверх, а однорукий Торм задумчиво покрутил усы, соображая, где бы ему сыскать совершенно смирененькую лошадку для такой славной Леди.

Не прошло и часа, как Катюша с восторженными криками каталась на спине доброй старой Феи, совершенно искренне утверждая, что сегодня один из самых чудесных и знаменательных дней в ее жизни. А завтра Катя увидит настоящее Рыцарское состязание: сверкающие доспехи, развевающиеся плюмажи, загадочные гербы и флаги. Завтра случится поездка в настоящий, сказочно — средневековый город...

И Блодсбург Катюшу совершенно очаровал. Маленькая делегация из Ульфенхолл, не привлекая ничьего внимания, благополучно добралась до постоялого двора, уже знакомого Торму по предыдущим поездкам. Здесь было решено оставить коней и, перекусив, отправиться пешком на место завтрашнего ристалища. Катюше не терпелось поскорее оказаться в атмосфере подготовки к предстоящему конному состязанию.

Улица городка были весьма оживлены, Кате даже пришлось держаться за единственную руку Торма, чтобы не потеряться в толпе. Баар шел впереди, чуть расставив руки и раздвигая народ своим крепким торсом. Здоровенный Кротх, что по возрасту был ровесником Торма, замыкал шествие. Наконец, Катя оказалась перед небольшим полем, вокруг которого раскинулся целый палаточный лагерь, вокруг суетились слуги — конюхи и оруженосцы, сновали продавцы питья и снеди, репетировали свои мелодии музыканты всех возрастов и нарядов.

У Кати просто глаза разбежались от такого невероятного зрелища — ярко, пестро, шумно и весело...

— Посмотрите туда, Госпожа! — отвлек ее Торм, — А вот и ваш первый Рыцарь... так я и знал — здесь опять соберутся одни юнцы! Хотя у этого вполне достойный герб, свидетельствующий о древнем, благородном роде...

Катя внимательно посмотрела в направлении, что указывал ей старый воин — на высоком коне, покрытом золотистой попоной сидел симпатичный юноша в кольчуге, поверх которой была темно-синяя накидка с отличительным знаком.

— Видите его герб — скошен справа на червленень и серебро. На червленем поле (сверху справа) серебряный меч, острием к низу. На серебряном поле — три червленые рыбы. Девиз — «Верность — мой щит».

Катя тут же захлопала в ладоши и улыбнувшись молодому Рыцарю, приветливо помахала ему рукой.

— Если бы у меня был букет, я могла бы ему бросить, да?

Торм с сомнением покачал головой, устремляя на девушку самый суровый взгляд.

— Надеюсь, Леди Катрин не заставит меня пожалеть о нашей совместной поездке в Блодсбург без одобрения на то барона?

Катя немедленно повернулась к мужчине:

— Я вас поняла. Буду впредь сдерживать эмоции. Вы мне, пожалуйста, подсказывайте, если снова увлекусь... Посмотрите, Торм... Как это все красиво... все так по-настоящему... А... где можно купить цветы?

Вскоре Катиному вниманию представилась еще одна торжественная процессия. Сразу несколько рыцарей на великолепных конях медленно прошествовали к широкой арене, вокруг которой располагались крытые галереи для зрителей.

— У них сейчас будет что-то вроде разминки... О, и сам Альберт здесь! А я-то думал он сейчас в столице, молит богов о скорейшей кончине старого Короля... Неужели, еще не получил тревожных известий? Хотя, как это Холле мог пропустить такую забаву, как турнир в Блудсбурге.

— Кто это — Холле? — рассеянно поинтересовалась Катя, внимательно наблюдая за красивым стройным мужчиной, что, сняв шлем, явил миру длинные светлые кудри.

— Да, вы, кажется, смотрите прямо на него... Альберт фон Холле — сумасбродный племянник Короля. Он уже не очень молод и пора бы ему остепениться, так нет... жениться не хочет, предпочитая общество бродячих певцов и сомнительных девиц.

— И что же такого? Веймар тоже до сих пор не женат... и, кажется, навещал в городе... каких-то услужливых красоток.

Торм только фыркнул и рассмеялся.

— Могу вас заверить, Леди, после вашей свадьбы барона и на веревке в город не затащишь! Он такой домосед! И я не совру, если скажу, что любимой комнатой в замке у него является именно спальня... а потом он и вовсе не захочет из постели вылезать!

При этих словах Торм как-то чересчур игриво подмигнул будущей Хозяйке и девушка невольно зарделась, несказанно при этом похорошев. Надо еще добавить, что одета в поездку Катя была более чем скромно — потертые джинсы и сверху зеленоватая туника — рубашка, схваченная на талии тонким кожаном ремешком. Волосы девушка тоже убрала повыше, Сирма помогла заколоть их в удобный узел, но за долгий день дороги некоторые пряди весьма эффектно выбились из прически красиво обрамляя Катино лицо.

Девушке искренне казалось, что в таком виде она не сможет вызвать открытый мужской интерес и Торму не придется ее осуждать за неуместное кокетство. Однако даже старый воин отлично видел, что именно такой — почти что мальчишеский наряд, как раз напротив вызывает некоторое удивление и восхищение у окружающих мужчин, распаленных крепкими напитками и предвкушением захватывающего зрелища кровавых поединков. И хотя конные «сшибки» обычно не приводили к гибели всадников, а наземные поединки велись не до смерти, после турнира в городе оставалось немало раненых и покалеченных людей.

— Позвольте приветствовать вас, очаровательная Госпожа! Я — Ансельм из Форлака. И я прошу оказать мне честь и стать моей Дамой на завтрашнем турнире!

Катя бросила растерянный взгляд на юношу, что сейчас стоял перед ней, чуть опустив русую голову. Это был тот самый Рыцарь, которого Катя увидела здесь первым и которого она так эмоционально приветствовала. Сейчас же, разглядев его вблизи, девушка ясно поняла, что Ансельм действительно очень молод и, пожалуй, ему едва даже исполнилось двадцать лет. Катя взглядом попросила Торма помочь в этой щекотливой ситуации, но однорукий вояка только усмехался в свои седые усы:

— О, даже не сомневайтесь, Храбрый Юноша! Прекрасная Леди Катарина с радостью примет ваше предложение и станет вашей Дамой на завтрашнем турнире! Госпожа уже второй день мечтает познакомиться с настоящим Рыцарем, чтобы поближе разглядеть его коня и доспехи. Вот вам отличный случай, Леди — я думаю, что этот... хм... юный Рыцарь теперь в вашем полнейшем распоряжении.

Катя переглянулась с немного смущенным юношей и рассмеялась. Она не понимала до конца всех тонкостей церемонии, но осознала в душе, что Торм не стал бы шутить серьезными вещами. Получается, что все, только что произошедшее — просто забавная шутка? Тогда будем знакомы — Ансельм из Форлака!

— Привет! Я — Катя, так меня и зовите... а, можно говорить «ты», мы же почти ровесники?

Почему-то при этих словах, юноша немного нахмурился и тут в разговор опять вступил Торм, тщательно скрывая добрую усмешку:

— Если благородный Рыцарь не против... ведь наша Леди еще так юна и совсем не умеет правильно обращаться к столь Знатным Особам.

— Должен сообщить, что я вовсе не знатен и не богат, хотя являюсь последним отпрыском старинного, но обедневшего рода... Это мой первый турнир и я так надеялся заслужить внимание какой-нибудь достойной Леди.

— О, наша Леди более чем достойна... Перед вами, юноша, будущая Хозяйка Ульфенхолл, однако, не советую трубить об этой новости на каждом углу!

Глаза молодца засветились, он едва на месте не запрыгал:

— Леди Волчьих Земель! Барон Веймар женится, какое известие! А, господин де Даркос уже знает?

— Полагаю, да! Барон сейчас как раз у него... а, вы давно знакомы с Хозяином Черных камней?

— Я же всем обязан Господину Дагмару... больше никто не согласился посвятить меня в Рыцари... Только он!

— Что ж... неплохое начало, Ансельм из Форлака... где ты остановился?

Юноша отчего-то густо покраснел и пробормотал, опустив глаза:

— В Блодсбурге проживает моя добрая тетушка Миранна, после кончины супруга ей досталась булочная и она сумела даже расширить торговлю, ее все знают в Южном конце города. Я сейчас живу у нее... пока... пока не обзавелся собственным поместьем.

— Значит, твоя тетушка — вдова? — задумчиво спросил Торм, потирая подбородок единственной пятерней, — верно, Миранна уже в почтенных летах, раз так умело ведет дела?

— О, моя дорогая тетя еще не старуха, могу вас заверить, она много моложе вас, Господин.

— Торм — мое имя! А не навестить ли нам всем вашу тетушку, может, кроме булок, в ее заведении найдется и доброе вино с Цветущих лугов?

— Непременно сыщется для хороших гостей!

Катя только глазами хлопала, наблюдая за этой беседой, «ах, ты старый пройдоха, ясно ведь куда клонишь — вдовствующую лавочницу тебе подавай!». Но, конечно, спорить Катюша не стала, ей и самой было интересно навеститься в гости к местным жителям, да и Ансельм оказался славным малым.

Менее чем через час веселая компания из Кротха, Торма, Кати и молодого Рыцаря уже пировали во дворе хорошенького домика рядом с хлебной лавкой. Сама же пухленькая миловидная хозяйка сновала между гостями, подливая светлого вина и предлагая новые кушанья. Особенно старалась угодить Миранна пожилому однорукому воину, что чинно восседал во главе стола.

Катя же после нескольких глоточков пряного напитка соломенного оттенка вдруг вспомнила сюжет музыкального спектакля о Робин Гуде, что еще в детстве слушала на грампластинке в родной Березовке. И уже вскоре Торм с Кротхом во всю глотку орали песенку Маленького Джона из баллады Р. Бернса, что пару раз успела исполнить для них разругавшаяся Катерина.

Привет вам, тюрьмы короля, Где жизнь влачат рабы! Меня сегодня ждет петля И гладкие столбы. Так весело, отчаянно Шел к виселице он. В последний час В последний пляс Пустился Крошка Джон... Прости, мой край! Весь мир, прощай! Меня поймали в сеть. Но жалок тот, кто смерти ждет, Не смея умереть! Разбейте сталь моих оков, Верните мой доспех. Пусть выйдет десять смельчаков, Я одолею всех...

А после целого бокала доброго старого вина Катя немного притихла и уже более сдержанно и лирично спела песню о некоем славном правителе:

Старый дедушка Коль Был веселый король. Громко крикнул он свите своей: — Эй, налейте нам кубки, Да набейте нам трубки, Да зовите моих скрипачей...

После этой песни Ансельм вдруг расчувствовался и бухнулся перед Катей на колени, желая непременно поцеловать ее белые ручки. И вот тогда-то Торм моментально протрезвел и самолично проводил будущую Хозяйку Ульфенхолл в комнату, что приготовила Миранна для гостей.

Несмотря на бурные протесты Кати, старый вояка даже запер девушку на ключ, и вместе с булочницей отправился укладывать на ночь юного Рыцаря. Когда же и комната Ансельма оказалась заперта снаружи, Торм, наконец, успокоился и предложил свои услуги, дабы охранять сон самой Миранны, на что после некоторых томных вздохов получил тихое согласие последней... Кротх вызвался караулить до утра, но, решив, что никакой опасности не предвидится, вскоре и сам забылся сном, развалившись на куче соломы прямо во дворе дома.

А в это время Веймар де Лостан после доброго ужина, затянувшегося до полуночи беседовал со своим другом Дагмаром — Рыцарем Черных камней.

— Я ведь вижу... тебя беспокоит не только возможная смена власти в Королевстве, есть что-то

еще...

Дагмар осушил новый кубок и с размаху бросил его в стену, распугав, задремавших было, сытых собак.

— Помнишь, месяц назад, во время спелой луны был сбор в Райнартхолле? Ты, конечно, опять отлынивал, но, поверь на слово, было не до тебя, столько Рыцарей вместе я видел только во время последнего похода сам знаешь куда...

— И что же там могло приключиться — на турнире у Райнбока? Тебя вышиб из седла мальчишка или ни одна Дама не бросила тебе букет? Право слово — досада...

Веймар усмехнулся, а перед глазами вдруг появилась златокудрая головка с прелестными розовыми губками. «Уже завтра я буду в поместье — уже завтра увижу мою Катарину...» Волк одобрительно что-то проворчал, засыпая снова. Дагмар вдруг поднялся с высокого стула и встал к стене, опираясь на нее вытянутыми руками. В голосе мужчины звучала неподдельная боль и тоска.

— Я встретил там одну Леди...

— Она была к тебе благосклонна? Верно, у нее не лады с глазами...

— У нее дивные глаза и она была добра ко мне.

— Так, за чем же стало дело?

— У нее есть муж!

— Разве это такое уж большое препятствие? Я тебя не узнаю, Дагмар! Разве, что наша Королева подарила тебе милость, но прежде ты вроде был равнодушен к старушкам...

— Эта Леди молода и прекрасна как весенний день в яблоневом саду, но... она не покинет мужа! И это еще не все... теперь она ждет ребенка, моего ребенка, Веймар!

— И ты... ты позволил ей находиться при муже?! Дагмар, что тебя останавливает, забери ее себе, увези! Если ты, конечно, уверен, что дитя — твое! Может, тебе нужна помощь, так я готов...

— Не все так просто! Леди не может покинуть супруга, поскольку он давно уже болен и буквально прикован к постели, он никогда не был ей мужем по-настоящему... Но она считает своим долгом оставаться при нем до конца!

— Так может, тебе ускорить этот самый конец, Дагмар? Ты бы сразу всех избавил от тяжелых мучений и привез женщину к себе... Я бы и близко не подпустил другого мужчину к моей беременной супруге!

— Вот когда она у тебя появится...

— Через пять недель состоится свадебная церемония! Ты, естественно, приглашен, хотя я не люблю шумиху...

— И ты молчал, Волчье отродье!

После этих слов Дагмар с размаху хлопнул барона по плечу — от такого удара любой другой мужчина, пожалуй, слетел бы со стула, но Веймар только покачнулся, оскалившись.

— Надеюсь, ты не обидишься, если я покину Черные камни уже на рассвете? Мой Зверь изнывает вдали от Желанной... и мне тоже нелегко дается расставание.

— Я думал, ты останешься хотя бы на охоту, Веймар! Завтра будет славный денек, да, к тому же мне так хочется утереть нос этому надменному Холле! Ты еще не знаешь? Он сейчас гостит в родовом поместье Одринтонов, вчера только вернулся из Блодсбурга, говорит, что тамошние игрища ему надоели, не успев начаться. Мне послал весточку Фрай из Гротама...

Альберт любит охоту на лис, завтра он со сворой своего приятеля — замухрышки Одри будет мотаться по здешним окрестностям... Мы тоже соберем отличных парней, с утра обещал подъехать и Фрай... И пусть наши пути с Холле пересекутся! Веймар, я безумно хочу, чтобы ты был рядом, когда наши псы разорвут глотки шелудивым дворнягам Альберта! Ты не должен это пропустить, друг!

Предложение было заманчиво... И даже очень... Но, Веймар предпочитал охотиться в одиночку. Так было честнее... Велика ли доблесть гнать несчастную лисицу или раненого оленя целой толпой собак и людей, одуревших от крови!

Истинный охотник выслеживает добычу сам, караулит ее целыми днями и долго идет по следу, а когда наступает миг для решающего броска... вот здесь-то и становится ясно, на что тебе даны крепкие мускулы и железные челюсти... Промахнуться нельзя!

Но и глумиться над поверженным противником не стоит, как и его недооценивать. В людских боях, как и в диком лесу побеждает не только сильнейший, но и тот, кто ловчее, хитрее, быстрее... тот, кто умеет терпеливо ждать и не промахивается, когда приходит время... Зверь Веймара хорошо это знал!

— Прости, Дагмар! Я уверен, что вы отлично повеселитесь и без меня! Я должен вернуться к моей Катрин, у меня на душе тревожно... как она там одна... по округе разъезжают столичные гости. В надежности Ульфенхолл я не сомневаюсь, но вдруг моей невесте взбредет в голову отправиться на прогулку, она так любопытна, ей везде нужно сунуть свой нос...

— Ты уже разделил с ней ложе?

Веймар даже сам зарычал, вторя своему Волку.

— Еще нет! Она взяла с меня слово не трогать ее до свадьбы!

Дагмар насмешливо покачал головой:

— Вот уж не думал, что ты такой идиот... дать подобное обещание взбалмошной девице! Как, вообще, можно что-то обещать женщине? У них же сотня душ в одном теле... и не понятно, что у них в голове...

— А твоя прекрасная Леди? Какой же из ее сотни душ смог приглянуться такой урод, как ты?

Дагмар опустил голову и ответил уже совсем тихо:

— Вряд ли я сам мог понравиться Леди Марин... она просто выбрала меня на одну ночь, потому, что ей был нужен ребенок... без рождения наследника замок ее больного мужа перейдет в руки старшего родственника по мужской линии. Ей был нужен от меня только ребенок, Веймар! А я... я не смогу ее забыть никогда! Мы не виделись уже более месяца с того турнира в Райнартхолле, и до меня дошли слухи, что она, кажется, ждет ребенка, все сходится...

У меня перед глазами ее лицо... я слышу ее голос... я до сих пор чувствую ее прикосновения... Она гладила меня по лицу своими нежными пальчиками, она сказала, что раны, полученные в сражениях только украшают воина, что мне нечего стыдиться... Она даже сказала, что я красив... Веймар, что мне делать? Я пью целыми днями, я зазываю гостей и устраиваю охоту за охотой... Я скоро переведу всю дичь в собственных лесах... Но после каждой пирушки, задирая подол очередной шляхе, я вспоминаю Марин...

Слушай, Веймар! Может, мне вызвать Холле на поединок и продырявить его насквозь? А Гальбо за это сошлет меня покорять Инсектерру, где мерзкие твари сожрут нас живьем, как тогда поступили с Броханом?

— Что ты мелешь, пьяный дурак? Придержи коня! У тебя скоро родится сын... или дочь... Ты должен быть поблизости и тебе нужна крепкая голова и сильные руки, чтобы помочь своей женщине, если ей это будет нужно. Ты говоришь, ее муж присмерти, а если он уже вчера ночью издох? Если на его наследство уже слетелись вороны из мужской родни?

Ты знаешь, какого придется молодой вдове, если кто-то из родичей будет сомневаться в том, что она носит во чреве законное дитя от полудохлого мужа? Ты об этом подумал? Или тебе все равно, что женщину выставят на позор, а ребенка кинут голодным псам, как отродье Похотливого Демона?

Дагмар широко раскрытыми глазами смотрел на Веймара, кажется, весь его хмель мгновенно улетучился.

— Я никому не позволю обидеть Марин! Никто и пальцем не тронет ее с ребенком! Слово де Даркос! Я умру за нее, Веймар!

— Тогда будь настороже и прекрати пьянствовать, иначе любой сопляк вышибет у тебя копьё! И не вздумай умирать — тебе еще надо воспитать сына... ну, или дочь, хотя тебе, конечно, нужен мальчишка.

Дагмар уронил буйную голову на сложенные на столе руки и не то завыл, не то зарыдал во весь голос...

Утром Катя проснулась от громких звуков трубы за окном, голова немного гудела от вчерашней вечеринки. Катя уже хотела позвать Сирму, но тут же вспомнила, что находится в Блодсбурге, в

гостях у славной хозяйки булочной. По улице возле дома, похоже, сейчас проходил отряд барабанщиков и трубачей, зазывая народ на предстоящие состязания.

Катя торопливо оделась и забарабанила в закрытую на ключ дверь комнаты. И только через добрых десять минут ее выпустил заспанный Торм. Сама же Миранна уже всю хлопотала по хозяйству, вид у нее был свежий и довольный. Кротх, сидя на лавке во дворе, задумчиво теревил пятерней свою полуседую гриву, видимо у него в разгаре был ежеутренний ритуал расчесывания, Ансельм пытался застегнуть на талии пояс с ножнами, руки у парня почему-то заметно дрожали.

— «Эх, бедняга... а ведь ему еще на турнир ехать!» — от души посочувствовала Катерина юному Рыцарю, которого, видимо, всю мучило похмелье.

Наконец, все собрались за столом и немного подкрепились в полном молчании. Миранна украдкой переглядывалась с Тормом, смахивая слезы в уголок передника, что слишком уж часто подносила к лицу. Потом Катю отправили переодеваться в то самое жемчужное платье, которое она все же взяла с собой, собираясь на встречу с организатором состязаний — славным бароном Райнбоком.

Помошница Миранны — девчушка двенадцати лет, изящно заплела Катины волосы и украсила их жемчужным ожерельем, не тем, что лично подарил Веймар, а другим — чуть поменьше, но тоже невероятно красивым. Катя сама его обнаружила на дне шкатулки с «игрушками». В итоге к Алой Галерее турнирной арены, где восседал Райнбок, Екатерина добралась во всей своей красе.

Первым Знатного Барона приветствовал старый Торм, начав с низкого поклона:

— Пусть Щедрое небо будет вечно благосклонно к Вашей Милости! Позвольте представить Вам будущую леди Ульфенхолл — невесту барона Де Лостан — Хозяина Волчьих Земель и Змеиной пустоши.

Катя же, в свою очередь, попыталась сделать небольшой книксен и вежливо улыбнулась грузному пожилому мужчине, что вальяжно расселся на кресле под алым пологом. Вид у «дядечки» был суровый, но Катюше показалось, что строгость эта слегка наиграна, а этот самый Райнбок, которому ее только что представили, на самом деле — балагур, весельчак, любитель обильных трапез и благосклонных женщин.

— Я много слышала о вас, Господин Барон! И все только хорошее, клянусь будущими детьми! Вас уважают за вашу мудрую голову и железную руку...

— А так же за бездонную глотку и неумолимость в любовных утехах!

— О! Тогда вам просто нет цены, Милорд! И к тому же вы явно умеете пошутить, а то мне уже начало казаться, что здешние мужчины сплошь молчуны и угрюмцы... — только и смогла пробормотать немного смущенная Катюша, в ответ на такую откровенность.

Райнбок оглушительно расхохотался, звучно хлопнув себя по мощной ляжке.

— Это верно! Например, ваш будущий муженек — тот еще зануда и лентяй, он вечно придумывает отговорки, чтобы не являться на наши игрища! И как это ему только удалось завоевать внимание столь милой и разговорчивой Леди? А, может, вы еще передумаете... я бы подыскал вам более подходящую кандидатуру?

— Ах, благодарю вас за заботу, Милорд! Но мое сердце уже покорило Веймар. Я всей душой полюбила его за скромность и доброту.

— Доброту? — Райнбок задумчиво почесал затылок, — доброты я за ним как-то прежде не замечал... а вот перегрызть глотку какому-нибудь идиоту, что рискнул встать у него на пути, это Веймар может! Вам не бывает с ним страшно, Леди... как, кстати, ваше имя?

— Я — Катарина! — с грациозным поклоном произнесла девушка.

— О, Катрин... прелестное имя для Дамы... в свое время я знал одну Катарину... она не давала мне уснуть до утра... у меня едва хватало сил на глоточек вина... как она уже снова готовилась меня оседлать... Надеюсь, барону Веймару с вами повезет также?

Райнбок прищурился, сверля девушку открытым глазом. Катя покраснела и, опуская очи, произнесла еле слышно:

— Можете даже в этом не сомневаться, Милорд! Боюсь, вы теперь долго не увидите Веймара на турнирах и прочих состязаниях, после нашей свадьбы я намереваюсь запереть любимого Супруга в спальне как минимум на целый месяц. «И желательно, одного...»

Райнбок громко икнул и снова разразился диким хохотом. Катя подула на прядку волос, откидывая

ее с чуть взмокшего лба и устало вздохнула.

— «Чего только не скажешь во благо спокойствия будущего Мужа и родного дома!»

Семья для Кати всегда была в приоритете — так уж девушку воспитали. Свою семью надо защищать любыми способами, даже в ущерб мелким личным привычкам и желаниям.

Герольды снова затрубили и на арену выехали богато одетые всадники с развевающимися плюмажами. Райнбок предложил Катюше и двоим спутниками занять место в Галерее рядом с собой, но предусмотрительный Торм почему-то ответил вежливым отказом.

— Наша Леди еще никогда не бывала на подобных игрищах, позвольте нам разместиться поближе к выходу. К тому же Госпожа с утра немного бледна, я беспокоюсь о ее самочувствии...

— Сказал бы сразу, что Веймар уже заделал ей шенка! Оттого ему и приспичило так спешно жениться... Я вообще от него не ожидал подобной причуды! Меня и на аркане не затащишь под венец — вокруг столько красоток, как можно удовлетвориться всего лишь одной — не пойму!?

Торм склонил голову, пряча улыбку — Райнбок был женат несколько раз: первую жену через месяц после свадьбы он отправил обратно к родителям, сославшись на ее развратное поведение, вторую супругу он обменял на отличного породистого коня с полной боевой экипировкой, придравшись к тому, что женщина слишком холодна в постели. Правда, новый муж «ледышки» отнюдь на нее не жаловался, полагая, что Райнбоку просто приглянулся жеребец, а супруга порядочно надоела...

Обо всем этом, конечно, Леди Катрин не следовало знать... Девушка во все глаза сейчас наблюдала за происходящим на арене. А, может, искала синюю накидку Ансельма, юный рыцарь уже давно покинул своих новых друзей и присоединился к небольшой кучке будущих «поединщиков».

А вот и глашатай — на арену перед могучим Райнбоком вышел долговязый мужчина средних лет и зычным голосом поблагодарил «великодушного устроителя торжества и щедрого покровителя Блосбургга — Всемиловитейшего Хозяина Райнартхолл — барона Райнбока!».

Тот же, кому адресовалась эта льстивая, витиеватая речь, лишь раздраженно махнул рукой, веля поскорее переходить к самой интересной части мероприятия. Новые зовы труб и первая пара рыцарей, уже полностью закованных в доспехи, склонила копьа перед Алым пологом. После чего один из мужчин скинул с головы блестящий серебряный шлем и провозгласил:

— Я — Рыцарь Солат фон Лавенберг, посвящаю свою будущую победу Гризольде Великолепной из Кариндхолл! И да поможет мне Дух моего предка, чей образ я ношу у самого сердца с рождения.

Торм поспешил шепотом пояснить Кате некоторые детали:

— У него на гербе — крылатый лев, под лапой которого прячется маленькая мышка. Это древний символ Лавенбергов — по легенде, однажды их предка — Солнцегривого льва во время полуденного отдыха разбудил мышонок. Однако Свирепый Зверь сжалился над крохой и отпустил его с миром, хотя мог бы запросто раздавить в гневе. Зато потом шустрый мышонок спас Льву жизнь, он перегрыз веревку, что удерживала затвор клетки, куда вскоре заманили Хищника его враги.

— Замечательная история! — восхитилась Катя, с любопытством рассматривая миловидное и одновременно мужественное лицо Рыцаря Солнечного Льва.

— И очень даже поучительная... Никогда не надо обижать слабых, они тоже могут принести посильную помощь... если уж кого-то чересчур заботит личная выгода... если кто-то не умеет быть милосердным просто так...

Катя немного рассеянно слушала представление второго рыцаря, кажется его имя было Харост, и он казался гораздо старше и неказистей статного «Солнцегривого», которому уже всю симпатизировала девушка.

Но вот все происходящее потом произвело на чувствительную Катину душу весьма неприятное впечатление. Рыцари налетели друг на друга как два разъяренных петуха и вот уже «Лев» почему-то оказался на земле. А этот грозный «Хворост», как немедленно обозвала его девушка, тут же развернул коня, подскочил к Солату и как-то уж чересчур умело пристукнул его сверху по затылку рукояткой короткого кинжала. «Лев» уже не поднялся и его вскоре за ноги оттащили с поля боя верные оруженосцы.

Катя разочарованно вздохнула и вдруг поняла, что ее интерес к турниру начинает резко ослабевать... А когда на третьем поединке с коня полетел Ансельм, девушка со скучающим видом попросилась у Торма домой. Почему-то все, что сейчас творилось на арене, стало мучительно напоминать Катюше трансляцию футбольного матча с участием российской сборной, а наблюдать за поражением родной команды не мог спокойно даже выдержанный Катин отец...

Торм понимающе усмехнулся девушке и скомандовал Кротху потихоньку пробираться к выходу. Именно на такое развитие событий и рассчитывал старый вояка, заранее занимая самые удобные места для поспешного бегства. Время едва перевалило за полдень, когда компания из Ульфенхолл уже покинула шумный город, чтобы поскорее добраться до родного поместья, куда уже, оказывается, успел вернуться сам Хозяин.

Глава 9. «Мой молчаливый друг...»

Был я весь — как запущенный сад, Разонравилось пить и плясать И терять свою жизнь без оглядки. Мне бы только смотреть на тебя, Видеть глаз злато-карий омут, И чтоб, прошлое не любя, Ты уйти не смогла к другому. Поступь нежная, легкий стан, Если б знала ты сердцем упорным, Как умеет любить хулиган, Как умеет он быть покорным...

Едва ушей Веймара коснулось известие о том, что Катарина отправилась в Блодсбург, барон пришел в неопиcуемый гнев. Нарида пятилась задом, прижимая к груди кувшинчик с водой, который она припасла, чтобы напоить «мальчика», уставшего с дороги — немного охладить его пыл... Веймар рвал и метал, понося старую прислугу последними словами. А, потом, вдруг осознав, что никакой бранью не приблизит к себе желанную девушку, мужчина потребовал свежего коня и стремительно помчался в сторону города.

Чуть поотстав от Господина, «летели» его верные воины, правда, приказа сопровождать себя барон им не отдавал, но быстренько посовещавшись, мужчины решили, что не годится оставлять Хозяина Ульфенхолл одного в таких расстроенных чувствах. Правда, из некоторых соображений «свита» все-таки нарочито отставала...

А Катя в это время всю наслаждалась поездкой по ровной мощенной дороге и чем дальше оставался Блодсбург и его развлекательные мероприятия, тем веселее становилось на душе у девушки. Не прошло и получаса, как на взмыленной лошади маленькую кавалькаду догнал Ансельм. Выяснилось, что он торопится в поместье к Рыцарю Дагмару, дабы рассказать тому последние новости и посетовать на собственные неудачи.

Путь в Черные камни лежал как раз через Волчьи земли и Катя от души была рада приятному спутнику. Девушка как могла утешала юного Рыцаря, предсказывая Ансельму множество выигранных турниров впереди. Путешествие до родного поместья обещало быть весьма приятным.

Торм и Кротх помалкивали, следя по сторонам, а Катюша всю болтала со своим разговорчивым «паладином», который, правда, не смог подарить ей победу на поединке. Девушку это совершенно не заботило и она открыто заявила об этом Ансельму, а заодно спела новую песенку на стихи Р. Бернса:

*Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.
При всем при том, При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство — штамп на золотом,
А золотой — Мы сами!
Король лакея своего Назначит генералом,
Но он не может никого Назначить
честным малым.
При всем при том, при всем при том,
Награды, лесть и прочее
Не заменяют Ум и Честь
И все такое прочее!*

— Ах, Леди Катарина, как же мне повезло, что вы согласились стать моей Дамой! Я непременно сложу в вашу честь прекрасную балладу, где воспую вам тонкий ум, вашу несравненную красоту и ваш дивный голос!

Катя едва рот открыла, чтобы рассыпаться в благодарностях, как ее остановил Торм, у старого вояки в отличие от Кати настроение вдаль от Блодсбурга стало быстро ухудшаться. «Не о вдовушке ли симпатичной он уже тоскует...»

— Только Веймару совершенно не нужно знать, что у вас появился такой пылкий поклонник. Прощу вас, Леди... юноша только начинает жить, зачем лишать его возможности найти себе другую Даму.

— Зачем же другую? — немного обиделась Катя. — Ведь, это только красивая традиция — песенки, посвящение побед, рыцарские жесты.

— Барон не поймет! И кое — кто может уже не дожить до следующего турнира! А парнишка славный, мне было бы его искренне жаль.

Катя нахмурилась и примолкла. Ансельм пытался ее снова развеселить и вскоре ему это вполне удалось. И вот тогда-то Катя попросилась у Торма самой сесть на коня из повозки, самой поехать верхом. Однорукому эта идея явно не пришлась по вкусу, но разве с увлеченной девицей поспоришь? Да еще с будущей Хозяйкой...

Катя еще на постоялом дворе переоделась в свои удобные джинсы и вполне была готова сейчас к верховой езде. Вот только резвый конь был не особенно рад чувствовать над собой столь неуверенного седока. Едва девушка закрепилась в седле, как молодой Рок тут же понесся и Кате оставалось лишь вцепиться в поводья, прижавшись к телу горячей «лошадки».

Торм был рядом, он непременно остановил бы вскоре норовистого скакуна, но на беду Кати из придорожных кустов наперерез всадникам выскочил какой-то рыжий шустрый зверек и, метнувшись перед самыми копытами лошади, помчался через поле за дорогой. Катин конь встал на

дыбы, а девушка полетела наземь.

Через пару минут Катюша уже сидела на плаще, что вытащил из повозки Торм и прижимала к щеке смоченную в воде тряпицу. Где-то неподалеку затрубили охотничьи рожки и послышался остервенелый лай собак. А вскоре на дорогу выбежали первые псы. Торм подхватил Катю и спрятал под полог, сами же мужчины немедленно обнажили мечи и закрыли своими телами испуганную девушку. Приближались незнакомые всадники, их было много...

И впереди мчался сам Альберт фон Холле — сын любимой сестры Короля Гальбо. Теперь он с улыбкой гарцевал перед Катиной повозкой, бесцеремонно разглядывая девушку.

— Какая удача! Мы гнали лисицу, а она обратилась в златокудрую красавицу! Вот, если бы каждая моя погоня приводила к столь прелестной добыче!

Катя едва сдерживала слезы от обиды и боли, в голове у нее словно колокол гудел, на лице и руках были ссадины.

— У тебя от одного моего вида язык отсох? Эй, девица! Скажи хоть слово...

— Зато у вас язык, кажется, вообще никогда не отдыхает! — грубо кинула ему Катя. — Усмирите, наконец, своих собак, из-за вашей своры я упала с лошади, а это больно, если можете себе представить.

— Как вы смеете так разговаривать с Благородной Дамой?! Немедленно принесите свои извинения или я вызову вас на поединок! — Ансельм с самым воинственным видом взмахнул мечом перед Холле, но кажется, только развеселил последнего.

— А это еще что за сосунок? Из пеленок выпал, не иначе...

За спиной Альберта раздался пренебрежительный смех, а у Ансельма покраснели уши.

— Да, вы... вы...

Торм оттолкнул юношу себе за спину, и с достоинством обратился к всаднику:

— Мы приветствуем вас на границе Волчьих Земель, Милорд! Перед вами Леди Катарина, супруга Барона де Лостан.

Катя даже не стала возражать, видимо, Торм знал, как надо разговаривать с этим разряженным наглецом.

— А я и не знал, что Веймар женат! Надо же — меня забыли пригласить на свадьбу, вот несчастье! А, впрочем, что я не видел в вашем хлеву... И, все-таки, интересно, он же обычно развлекался со шлюхами... наверно, ты уже понесла от него Волчонка... Леди... как тебя там? Верно, и Леди ты стала совсем недавно — Лостаны любят брать за себя деревенских скотниц!

— «Ах, же ты петух недорезанный!»

— Вы-то сами, Милорд, верно предпочитает пастушков?

Кто-то из многочисленной свиты Холле не сдержал смех, который вскоре сменился чуть ли не одобряющим шепотом. Мужчина на коне побагровел от злости:

— Ты хоть знаешь, с кем говоришь, грязнуха?

— Конечно! Передо мной грубый, невоспитанный, невежливый, самонадеянный мужлан, который явно не Рыцарь, потому что Рыцарская честь не позволяет обижать Дам, пусть даже их предки сеяли хлеб и пекли булочки.

Наступившую тишину прерывал только яростный хрип собак, которым не терпелось мчаться в погоню за ускользающей добычей.

— Ах, ты маленькая дрянь! Я тебе этого не прощу, ты в ногах у меня будешь валяться, моля о пощаде, а я еще подумаю, какое наказание для тебя выбрать!

Альберт спешил с коня и уже направился в сторону повозки, как к нему подбежал мужчина постарше, одетый не менее богато и вычурно:

— Я вас прошу, мой Господин, оставаться благоразумным! Нам не следует ссориться с Лостаном, если это и правда его жена, лучше просто поехать дальше...

— Девчонка меня оскорбила!

— Вы сами себя оскорбили, осмелившись унижить достойную Леди! — немедленно парировал Торм.

Вдали послышался топот копыт, на дороге впереди за клубилась пыль. Торм приложил руку к глазам и воскликнул с наигранной радостью:

— Сам барон выехал нас встречать, а с ним и целое войско, что ж — Лостан тоже будет не прочь поохотиться, он это любит... особенно, если на крупную дичь!

Свита Альберта заметно заволновалась, а сам племянник короля неохотно вскочил на коня и кивком головы велел своим спутникам следовать за ним дальше на поле. Уже съезжая с дороги, фон Холле бросил сквозь зубы, обращаясь к Кате:

— Надеюсь еще увидеться с вами... Леди... в более удобной для меня обстановке! Ответом ему был лишь презрительный взгляд девушки.

— Вы сильно ударились, Катарина? Вам нужно приложить холод. Вот фляжка с водой, но боюсь, она уже успела нагреться...

Вокруг девушки сейчас крутился Ансельм, его глаза были полны сочувствия, а вот Торм... Он тяжело вздыхал, подкручивая усы, а потом невесело усмехнулся:

— Ох, и достанется же мне старому дурню! И как это у меня хватило ума усадить вас на Рока...

— Ты не при чем, это все лиса... и эти болваны ряженые... в перьях! Ну, вылитые петухи.

— Я бы не отказался одного такого ощипать... — боевой дух Ансельма, кажется, ничуть не угас.

— Как бы вас самого сейчас не ощипали... немедленно отойдите от Госпожи! Иначе, клянусь Богами, Веймар из вас всю душу вытрясет...

Девушка взволнованно наблюдала, как барон спрыгивает с коня и быстрым шагом направляется к повозке.

— Катарина! Что здесь произошло? Ты ранена?

— Я немного ушиблась... совсем чуть-чуть...

— Ты упала с лошади?

— Нет... то есть, почти...

Катя отчего-то вдруг оробела, на Веймара и правда, было жутко смотреть, у него был сейчас такой дикий взгляд и верхняя губа чуть приподнялась, обнажая какие-то уж очень белые и острые клыки.

— Ты больше никогда не сядешь на лошадь!

Катя быстренько закивала головой со всем соглашаясь, «сейчас его лучше не злить, а потом посмотрим...». Между тем, не довольствуясь расспросами, барон начал очень активно проводить физический осмотр Катиного тела, а точнее, просто ощупывать девушку:

— Ты цела? Покажи лицо... что это... будет синяк... Ты себе что-нибудь сломала?

Катя краснела, пыталась оттолкнуть настойчивые руки Лостана и уже начинала злиться, тем более, что вся эта не очень деликатная сцена происходила на глазах Ансельма.

— А, если бы вдруг сломала? Вы бы не стали на мне жениться?

— Ничего подобного! Все равно первый месяц вам не пришлось бы вылезать из постели!

— Вы просто хам!

— А какого Бешеного Могра вам понадобилось в городе? Я возвращаюсь домой, а вас нет, что я должен был думать?!

— Но, Леди Катрин всего лишь хотела увидеть турнир... что же тут такого?

Лучше бы Ансельм не раскрывал рта!

— А это еще кто? Кто это такой — я тебя спрашиваю? Ты притащила из города какого-то юнца и он смеет учить меня как я должен разговаривать со своей женой?

— Я вам еще не жена... — тихо промолвила Катя, пытаясь подняться и выбраться из повозки, чтобы расправить ноющие от долгого сидения ноги.

О, нет! Ансельм бросился поддержать Катю за локоть и тут же отлетел назад на несколько шагов от звучной оплеухи Веймара. Кажется, барон намеревался подойти к лежащему на земле парню, но Катя бросилась на грудь жениху:

— Стойте! Веймар, так нельзя — он же щенок по сравнению с вами! Ансельм просто ехал рядом, ему по пути в Черные камни. Он даже заступился за меня, когда здесь был этот Ряженный Клоун... Торм, как его зовут — Холл? Из-за этого Холла, а точнее из-за его собак, которые гнали лису, я и упала. Не смейте обижать мальчика, он совсем не при чем! Я вам клянусь, что ни в чем перед вами не виновата... клянусь... нашими будущими детьми.

Веймар медленно прижал Катю к себе и девушка, закрыв глаза, с удовольствием устроилась на его широкой груди. «Кажется, гроза миновала...»

Волк был настороже, Волку отчаянно хотелось пустить кровь, хотя бы даже этому юнцу, но это было бы бесчестно, вокруг угадывались чужие запахи: погоня, лошадиный и людской пот вперемешку, охрипшие от бешенства псы и тяжелый мускусный дух загнанного зверька, которому едва удалось улизнуть, чтобы немного зализать раны...

И среди всего этого дурмана тонкий аромат Его пары, нежный, едва уловимый... И вот теперь Она рядом, совсем близко и Ей ничто не грозит... Зверь потихоньку успокаивался.

Веймар усадил Катюшу на своего коня и повернул к Ульфенхолл, до него оставалось уже не долго. Торм благоразумно решил задержаться, помог Ансельму встать и даже предложил глоток вина, припасенного еще в городе.

— Ну, ты хоть можешь идти? Кости целы?

— О, не стоит беспокоиться... пустяки. Оплеуха от самого барона де Лостан — это даже почетно!

— Можешь передать Дагмару, что тебя посветили в Рыцари второй раз!

Торм рассмеялся от души: «А парень — молодец! Удар держит и еще пытается шутить, хорошо бы Даркос его подучил, тогда мальчишка и впрямь мог бы совладать с Альбертом, всего-то надо пару годков подрасти и окрепнуть...»

— Непременно передам ему ваши слова, господин Торм, а не нужно ли чего передать моей тетушке, когда навещу ее на обратном пути?

Торм задумался, с легкой грустью обернувшись в сторону Блодсбурга.

— Я приеду к ней при первой же возможности, так и скажешь.

Молодой Рыцарь отправился своим путем, а Торм поспешил догонять молодцев из родного поместья. Ох, и тяжелый разговор у него будет позже с бароном, но пожалуй, поездка того стоила... К тому же, Госпожа, ни смотря ни на что, кажется, осталась довольна, а уж Торму не впервой сносить брань от Хозяина, авось переживет и на сей раз его лютый гнев.

Катя склонила усталую голову на плечо барона и наблюдала, как нервно бьется крохотная жилка на его шее, так и хотелось прижать ее пальчиком, а потом отпустить... так ведь не осмелишься.

— Ты на меня очень злишься, Веймар?

— Очень!

И ведь он даже на нее не посмотрел, и не расправил сурово сведенные брови, и даже золотистых искорок сейчас не было видно в его серых глазах. Катя вздохнула и погладила белую рубашку, что выглядывала из распахнутого плаща мужчины. А потом пальцы девушки коснулись горячей кожи груди и задержались там на миг... и даже гораздо дольше...

— У тебя так быстро бьется сердце... Ты, наверно, обдумываешь, куда меня теперь посадить — в холодный, темный подвал или на вершину башни, а там, наверняка, сквозняки. В замке есть высокая башня, Веймар? Жаль, я не успела там все изучить...

— Теперь у тебя будет достаточно времени, ты больше и шагу не ступишь за пределы поместья!

— Ах, я так и знала... А ты... Ты больше никуда не уедешь?

— Теперь никуда! Тебе жаль, да? Больше не выпадет возможность позабавиться с юнцами?

— Что ты такое говоришь? Ансельм моложе меня... Да, я вообще его не воспринимаю как... ну, близкого приятеля. Зря ты его ударил, это было очень грубо с твоей стороны, очень дико...

— Да, я такой! И тебе придется привыкнуть!

Катя медленно убрала руку с груди мужчины и ухватилась за ворот его рубашки.

— Сейчас же верни на место!

— Что... вернуть на место?

— Свою ладонь! Туда, где она была!

— Ну, надо же... ты вот все командуешь, а меня будто и не слышишь.

— У меня превосходный слух!

— Веймар... не сердись, ладно... я больше никогда так не буду делать — уезжать без спроса. Я же только хотела тебе помочь, Торм меня представил Райнбоку, я за тебя заступилась.

Из горла барона вырвалось рычание, Катя испуганно отпрянула, заглядывая в глаза мужчине.

— Как это у тебя получается, и ведь ты часто так делаешь, я заметила...

— Всего лишь скверная привычка! И учти, что в твоём заступничестве я не нуждаюсь! Надо же, Райнбок! Этот похотливый старый тролль на тебя глазел! Грр...

— Он пожелал нам весело провести медовый месяц!

Катя вдруг отчего-то вздумала и за Райнбока постоять, забавный в принципе дядька, хотя так пошло шутил с ней.

— Пусть его это не заботит, уж я постараюсь, чтобы наш медовый месяц прошел как следует.

— Задушишь меня в объятиях?

— Довольно меня дразнить, женщина, или я сейчас остановлю Кора и утащу тебя в лес!

— Ты меня обещал не трогать до свадьбы! Слово Лостана!

— Ну, слова-то я вам, кажется, не давал... что-то я плохо помню, кажется, нет...

Веймар вдруг резко натянул поводья и в самом деле велел коню едва ли не остановиться. Впереди уже показался каменный вал, что окружал поместье. Лошади рвались домой. Барон отправил своих спутников вперед, а сам поехал шагом, пристально глядя на Катю. И та, смущаясь, отводила глаза и прятала пылающее лицо на груди жениха, никогда прежде Веймар не смотрел на нее с таким откровенным желанием...

Однако, впереди Веймар заметил небольшую группу крестьян, они торопливо шли навстречу, громко что-то обсуждая. Следовало, обратить внимание на их нужды, выслушать и принять решение, это прямой долг барона. А причина столь шумного сборища оказалась к тому же весьма серьезной, несколько всадников из вассалов Одри заехали в поселение на местную свадьбу и увезли с собой юную невесту.

Катя даже не сдержала возмущенный возглас, а Веймар стиснул зубы до скрипа. Его Зверь утробно зарычал, обнажая клыки, сегодня он все же переломит чей-то гнилой хребет!

Драгоценная невеста была доставлена к замку, а барон с кучкой воинов поехал разбираться с новой бедой. Впрочем, девушка чувствовала себя настолько измотанной этой дорогой, что мечтала лишь об отдыхе. И Катя отдыхала вплоть до обеда следующего дня, пока ей не пришла мысль отправиться на прогулку вдоль крепостной стены, а точнее за ее пределами. Пока барон все еще «разбирается со своими недругами» можно немного подышать ароматами сочных лугов.

— Леди, я вас умоляю, останьтесь в замке хотя бы до возвращения Веймара, — взмолился Торм.

Его серьезный разговор с бароном был отложен на неопределенный срок, но вряд ли Хозяин забудет пожуричь старого слугу за недавнюю вылазку Госпожи. А тут еще новые приключения назревают...

— Я со вчерашнего вечера только в замке и нахожусь, а во дворе все на меня смотрят и кланяются, мне даже не по себе, я хочу просто побродить немного вон там у леса.

— Прямо у реки?

— А рядом есть река? Торм, что же ты молчал, я люблю текущую воду! Пойдем со мной, туда и обратно, ну, давай еще кого-нибудь возьмем... Точно, для охраны!

— Госпожа, вы меня погубите! Какая там река — крохотный мутный ручеек, да и только... Барон же запретил вам выходить.

— Я же всего одним глазком взгляну на ручеек, Торм! И тотчас назад... Неужели ты так сильно боишься, Веймара? Нариди сказала, что ты ему и слово не можешь сказать поперек, а когда-то носил на руках.

Торм лишь вздохнул и украдкой погрозил кулаком окну, из которого выглядывал белый чепец старой болтливой няньки.

— Идемте, Госпожа... Только туда и обратно...

Веймар вернулся в Ульфенхолл, когда солнце стояло уже высоко. Ему удалось почти миром договориться с людьми Одри вернуть девушку, крестьянка даже не пострадала, хотя была порядком напугана. На обратной дороге маленький отряд застигла ночь и уставшие люди разбили лагерь у леса. Потом пришлось заезжать в Брахту, чтобы вернуть девушку семье, барон сам проследил за тем, чтобы ее как должно принял обиженный супруг. А порукой чести юной красавицы должен был послужить именной перстень Веймара.

«И с каких это пор я стал таким сентиментальным... Меня ждет своя прелестная невеста, а я развожу по домам похищенных деревенских девок... Грр... ауфф! Еще один повод местному люду восхвалять отвагу и доброту своего барона».

А вот когда Нариди с нескрываемым удовольствием сообщила Веймару, что Катрин вопреки его приказу отправилась за крепостную стену... и этот выживший из ума старый Торм даже не попытался ее остановить...

«Выпорю! — безоговорочно решил Веймар, — уж на сей раз она не отвертится!»

И сейчас его Зверь абсолютно был с ним согласен. Барон заметил Торма еще издали, мужчина вместе с таким же пожилым дюжим конюхом нежились на полуденном теплом солнышке, но вот Катарины рядом с ними не было.

— Где госпожа?

— Она сейчас у реки, милорд.

— Одна?

— Она запретила нам идти с ней. Она хотела искупаться.

— И ты так просто ее послушал?! Я тебя не узнаю, Торм... да что с тобой стало!

— Если бы ты сам больше времени проводил с ней, то понял, что ей очень трудно в чем-то отказать, ей, похоже, уже нравится роль здешней Хозяйки... Да, и что же с ней может случиться? Она в трех шагах, я отсюда слышу ее голос.

Со стороны обрыва неподалеку, и правда, доносился смех Катарини и какая-то из ее задорных песенок, а также плеск воды.

Веймар зловеще прищурился:

— Ну, что ж... тогда я сам отважу ее от таких прогулок. Она штаны обмочит от страха и будет целыми днями сидеть в замке. Можете возвращаться, она скоро сама домой прибежит.

Закатав до колен свои узкие джинсы, Катя весело шлепала босыми ногами по мелководью. И вдруг странное ощущение чьего-то присутствия заставило девушку подозрительно оглядеться. На обрыве, прямо напротив нее стоял большой лохматый волк. Несколько мгновений Катя смотрела прямо в его холодные желтоватые глаза, а потом зверь, угрожающе зарычал и спрыгнул на берег вниз, сразу же оказавшись в двух шагах от девушки.

— О Боже! Спасите!

Катя в ужасе отбежала подальше в воду и, прижав ладони к судорожно бьющемуся сердцу, не спускала взгляд с волка. А тот почему-то остановился, словно раздумав нападать, и как-то даже насмешливо фыркнул, встряхиваясь всем телом.

— Так, ты еще и смеешься, глупое животное! — немедленно возмутилась Катя, — думаешь, я тебя не узнала, ты явился мне на Моховом болоте, помог мне в Священной роще, а сейчас явился сюда напугать меня до полусмерти? Ничего не выйдет, дружок! Я тебя не боюсь ни капли, так и заруби на своей серой морде.

Волк тонко заскулил и приблизился к самой воде, теперь в глазах зверя была тоска.

— Я тебе, конечно, за все очень признательна, но... не мог бы ты уже отправиться в лес... погулять. Звери должны жить в лесу, или я не права?

Волк снова фыркнул, словно не соглашаясь с девушкой, и бесцеремонно улегся на берегу, словно поджидая Катю.

— Что за новости? Мы так и будем здесь валяться — ваша серая милость? А что делать мне?

Волк зевнул во весь рот, обнажив внушительные челюсти. Катя задумалась — если бы он хотел наброситься, пожалуй, сделал бы это уже давно, может, ей и впрямь не нужно его бояться...

— Я выхожу...

Волк склонил голову набок и теперь с любопытством рассматривал девушку. Катя медленно, шагочек за шагочком выбралась из воды и замерла... «Может, позвать Торма... Он прогонит Серого... но ведь Волк кажется безобиден... и всегда один... может, у него нет семьи и ему скучно, грустно, вот и бродит тут сам по себе — одинокий волк... Какая же я Леди Волчьих земель, если буду бегать от Зверя почти из легенды? Надо бы с ним подружиться. Точно!»

Кате вдруг пришла в голову мысль, что этот волк — ручной зверь, сбежавший от прежнего хозяина, может, его еще волчонком нашли в лесу и вырастили люди, вот потому-то он и дружелюбен к Кате.

Девушка уже без страха подошла ближе к зверю и вдруг, сама от себя такого не ожидая, уселась на светлый песок рядышком.

— Привет! Меня зовут Катя, а ты — Волк. Просто Волк. Серый грозный Хищник. Гроза овец и зайчиков. Но я тебя, почему-то, уже не боюсь. Слушай, давай дружить!

Кате даже в голову не могло прийти, что зверь может ее понимать, но Волк после ее слов приподнялся и, подойдя к Кате вплотную, лизнул ее сложенные на коленях руки.

— Ой, да ты у нас просто галантный кавалер, уже научился целовать дамам ручки. Прямо как Ансельм...

При упоминании этого имени у Волка вдруг поднялась шерсть на загривке и он зарычал так свирепо, что Катюша невольно отшатнулась:

— Ну, тише, тише... Чего разошелся... Когда ты так рычишь, мне хочется назвать тебя Веймаром, тот вечно не в настроении.

Кате показалось, что при этих словах волк будто бы дернулся в сторону и, прижав уши к голове, посмотрел на девушку с каким-то даже обиженным выражением.

— Ты, что же, тоже его боишься? Знаю, знаю, это его земля и все здесь трясутся от страха перед ним... ну, разве что кроме меня, хотя и мне порой бывает с ним жутковато. Но, вот тебя-то я должна бояться по-настоящему, ведь ты же все-таки дикий зверь, и несомненно, хищник, а кто же знает, что на уме у настоящего хищника? Даже если он порой и бывает нежным... как ты со мной. А потому, не рычи, и не пугай меня. Давай-ка лучше поедим хлеб и сыр, я сегодня не хотела обедать в замке, взяла с собой пару бутербродов. Будешь?

Волк взял кусочек сыра из рук девушки и, словно в благодарность, снова лизнул ее теплую ладонь, а после улегся у ног Кати, положив голову на передние лапы.

— Вот какой ты у меня молодец, послушный мальчик!

Катя погладила зверя по загривку, запустив пальчики в густой подшерсток.

— А еще ты очень красивый, тебе кто-нибудь такое говорил прежде?

Катя тихо рассмеялась своей шутке, а Волк поднял большую голову и внимательно посмотрел на девушку, теперь в его взгляде таилась почему-то самая настоящая человеческая тоска.

— Нет? Ну, что ж, тогда я буду первой. Знаешь, я рада, что ты опять пришел ко мне сегодня, я правда, не очень понимаю, зачем тебе эти встречи, но мне ты точно нужен, поэтому не бросай меня одну, ладно? Понимаешь, здесь все чужое, все другое, и я никак не могу привыкнуть, хоть и делаю вид, что все хорошо, а еще это предстоящее замужество... ну, какая из меня Баронесса де Лостан?

И если честно... я очень бы хотела сбежать куда-нибудь подальше, я бы даже взяла тебя с тобой, будь я мужчиной и мы бы путешествовали вместе, но я всего лишь маленькая трусливая женщина и все это совершенно невозможно. Меня сразу же вернут обратно и Веймар будет в ярости.

Он закрывает меня в башне наверху и не выпустит гулять, а я умру, если не увижу больше знакомых в Лосте, реку, и лес, и луг, и... тебя. Ведь ты словно какая-то ниточка между двумя нашими мирами — между Березовкой и Дэриланд. Я верю, ты все понимаешь и сочувствуешь мне... иначе бы не приходил. А, может, ты тоже заколдован и тебе нужна моя помощь? Ах, если бы я знала, как тебе помочь, я бы все сделала для тебя.

Катя порывисто обхватила руками лохматую шею Волка, прижимая его серую голову к своей груди. Девушке вдруг показалось, что по телу зверя пробежала дрожь. Они еще немного посидели так, почти обнявшись, а потом Катя всерьез забеспокоилась и решила вернуться в замок.

— Наверно, Веймар уже вернулся и будет меня искать, только бы не ругался, я же ничего плохого не сделала. Так не хочется снова ссориться с будущим мужем. Знаешь, а он мне даже начинает нравиться, он бывает такой... ммм...заботливый... и еще...

Катя задумалась, а Волк, казалось, терпеливо и весьма заинтересованно ждал ее следующих слов.

— Мне порой так хочется к нему прикоснуться... представляешь? Погладить его по груди, по лицу... расправить сведенные вместе брови, словно два черных крыла... он мне даже кажется симпатичным... ну, мужчина же не должен быть уж совсем красавцем, такие как Альберт мне точно не по вкусу.

В мужчине должно сразу чувствоваться это самое мужское — что он сильнее, что он сможет защитить и помочь. Веймар такой! И то, что он любит командовать, это даже правильно. А кто же должен быть в доме главным, как не достойный, умный мужчина? И я совсем даже не против, лишь бы меня не сильно тиранил при этом. Ну, вот ответь, разве я не права?

Волк внимательно слушал Катю и потом будто бы покачал головой, со всем соглашаясь. Этот жест привел девушку в полный восторг, не сдерживая чувств, она снова обхватила ладошками морду зверя, прижавшись щекой к серой шерсти у глаз, и вот тогда Волк осторожно лизнул ее почти в губы. Катя рассмеялась, обозвала зверя проказником и побежала в сторону каменного укрепления Ульфенхолл.

— Приходи сюда завтра, Волк... я попробую отпроситься погулять после обеда. Я буду тебя ждать у реки!

Девушка без помех вернулась в свою комнату, выяснила от служанок, что барон недавно прибыл в замок, но снова отправился куда-то по важным делам. Эта новость девушку изрядно порадовала, значит, ее короткое отсутствие осталось незамеченным. До самого вечера Катя развлекалась тем, что дразнила Нариду, обсуждая с кухарками количество блюд, которые можно приготовить из яиц и молока.

Между болтовней Катюша и сама завела тесто, сама разделала его на пирожки и занялась начинкой. Вкусной стряпни досталось даже маленькому поваренку, что как всегда присматривал за вертелами. Наридка прожевала второй круглый пирожок с крученым мясом «девчонка называла их беляшами, чудное слово...» и важно изрекла:

— Барон точно такое не будет есть! Он терпеть не может выпечку!

— Так они же с мясом... вам самой нравится.

— Барон любит есть мясо с кости и чтобы капала кровь!

— Фи, это как-то дико... по-звериному...

В кухне мгновенно установилась тишина. Вся прислуга отчего-то уставилась на Катю, а кое-кто даже поперхнулся.

— В Ульфенхолл свои традиции, милая, и тебе придется их уважать!

— Я буду-буду уважать, только если смогу сохранить некоторые свои привычки, например, любовь к пирожкам и булочкам, а еще к большим пирожищам с капустой, с грибами и картофелем, с зеленым луком и с рыбой, с мясом, разумеется, и с ягодами... А еще такие маленькие рыженькие лепешечки с сыром... ммм... какая прелесть.

Поваренок шумно проглотил слюну, благоговейно глядя на Катю, как на земное воплощение Богини Живины, и все засмеялись, а Наридка украдкой стащила еще один пирожок с аппетитной горки на блюде.

С Веймаром Катя встретилась только за ужином и к удивлению девушки барон пребывал в глубоких раздумьях. На Катю он даже не смотрел, отрешенно потягивая вино из высокого бокала. Девушка всерьез насторожилась.

— «Уж лучше бы покричал немного, да успокоился... а так... вообще страшно... что у него сейчас в голове... точно посадит в башню».

Катя решила начать разговор первой:

— Я очень рада вашему возвращению, Веймар... то есть твоему возвращению... рада... Поездка прошла хорошо? Мне сказали, что девушка уже дома, с мужем. Ты ее спас, вырвал из рук этих уродов. Ты герой.

Выждав паузу и не дождавшись ответа, Катя поинтересовалась, отложив в сторону столовые приборы:

— Веймар, что случилось? Ты снова злишься на меня, да? Разговаривать не хочешь, да?

Мужчина, сидящий во главе стола, наконец, поставил бокал на специальную серебряную подставку и на Катину удивление как-то очень спокойно и даже устало ответил:

— Я долго думал, Леди. Мне кажется, я иногда слишком вас тираню и притесняю. И я пришел к выводу, что вы вполне заслуживаете моего доверия. А как же иначе? Должен же я доверять своей второй половине — своей Ненаглядной!

И потому, начиная с этого дня вы можете совершенно свободно гулять за каменным валом у реки, Торм будет находится рядом, но, если вам потребуется уединение, можете просто оставлять слугу на пригорке, а сами спускаться к воде и даже наведываться к лесу. Таково мое решение, Леди Катарина!

Катя в полнейшем смятении опустила глаза в тарелку, даже аппетит пропал.

— «И как это понимать... я просто не могу поверить, нет, он что-то задумал, он ни за что бы не разрешил мне гулять так просто, да еще и без Торма. Что-то здесь не так... только вот что?»

Катя решила немного схитрить и глубже прозондировать «почву» разговора:

— Я благодарю вас... тебя за доверие и, конечно, его оправдаю. Но мне даже и не хочется никуда выходить в последнее время. Мне вполне нравится находиться в замке. К тому же Торм собирался отпрашиваться у тебя в город... у него там, кажется, личный интерес появился.

Из рук Нариды выпало серебряное блюдо и с грохотом завертелось на каменной плитке пола. Две глиняные мисочки с соусом разлетелись вдребезги, забрызгав низ роскошной скатерти.

— Какой это еще интерес в городе может быть у старого дурака?

— Ну, видимо, не все считают Торма старым... дураком, — осторожно ответила Катя, еле сдерживая смех.

— К тому же у нас в Березовке... ну, откуда я родом, говорят, что «старый конь борозды не портит».

— Я этому Торму сама бы испортила... все его старые борозды!

Теперь Нариды вымещала свой непонятный гнев на худенькой служаночке, что торопливо подбирала с пола осколки. Веймар равнодушно взирал на эту сцену, словно улетев мыслями куда-то далеко. Катя поглядывала на жениха с все нарастающим беспокойством:

— «А, может, у него там где-то в деревне краля завелась и он ночевал у нее? Или понравилась дочка какого-нибудь местного Знатного Грубияна, а жениться приходится на мне, из-за всяких там предсказаний, предназначений... Только мелодрам мне тут не доставало, для полного счастья!»

Катя обратила к барону пылающий взор:

— Знаешь что, Веймар, если что-то случилось, если твое отношение ко мне изменилось, так и скажи... я второй раз этого не потерплю... я не переживу, если ты будешь жить со мной и бегать к другой девице, я уже этого нахлебалась, больше не надо! Если я тебе разонравилась и ты передумал жениться — отправь меня немедленно домой! Слышишь, немедленно!

Катя бросила на стол двузубую вилку и всерьез приготовилась заплакать, опустив голову и чинно сложив ручки на коленях, предварительно зажав в кулачке салфетку... надо же будет вытирать слезы...

Катя даже не слышала, как к ней сзади подошел барон и хрипло проговорил, наклонившись к самому уху девушки:

— Моя прекрасная Катарина! Я считаю минуты до нашей свадьбы, но я не из стали... Мне трудно

находиться рядом и не сжимать вас в объятиях, не осыпать поцелуями вашу нежную шейку. Ни о какой другой девице не может быть и речи! «Волк меня просто разорвет в клочья, я не успею даже представить подобное бесчинство!»

А потому, позвольте мне какое-то время держаться на расстоянии от вас, если вы, конечно, не сжалитесь и не освободите меня от моего обещания не ласкать вас до брака.

Окончив сию пылкую речь, Веймар прильнул губами к Катиному слегка оголенному плечу, совсем близко к «нежной шейке», а потом провел дорожку из поцелуев до самой линии подбородка. Катя только глубоко вздохнула и зажмурилась, как же это было волнительно хорошо.

— Так вы готовы... избавить меня от данного слова, моя Леди... Я сейчас же отнесу тебя в спальню...

И Катя колебалась какие-то доли секунды, а потом в голову ее закралась одна лишь мысль:

— «А если это проверка? Если он хочет знать, насколько я податлива, не даром же вчера так взревновал к бедному Ансельму... нет, мой дорогой, придется подождать еще три недели или сколько там еще осталось... до того самого».

— Я... я еще не готова... прости, Веймар.

У Кати на глазах показались слезы, ей вдруг безумно захотелось, чтобы он просто схватил ее на руки и утащил к себе, безо всяких там разрешений и слов. Просто решил все сам и за нее тоже. Она бы ни капельки не сопротивлялась, она бы позволила ему делать все, что он пожелает, она ему уже почти... доверяла... только бы он был хоть чуточку ласковым и деликатным... например, как тот Нежный Хищник, что снова встретился ей у воды... как ее Серый Молчаливый Друг, что всегда появляется вовремя, когда он особенно нужен.

Барон глубоко вздохнул и тут же шумно выдохнул, заставив разметаться пушистые Катины локоны, потом мужчина потерся носом о русую макушку девушки и тихо рассмеялся.

— Ты вкусно пахнешь! Булочками с корицей...

— Ты же не любишь булочки...

— А их запах люблю... теперь...

— Я сама испекла пирожки, а Нариде сказала, что ты их даже не попробуешь, — обиженным тоном нажаловалась Катя, искоса поглядывая на сумрачную «бабусю».

— Чепуха! Где твои пирожки? Сейчас я с ними разберусь — Гррр...

— Ты же опять рычишь! — засмеялась Катя, вдруг осознав, как где-то глубоко в груди зарождается странное теплое чувство к этому грозному мужчине, что сейчас вел себя словно ребенок. Веймар придвинул к себе блюдо с пирожками и ел их один за другим, вознося при этом громкие похвалы Щедрым Небесам за ручки, приготовившие столь вкусные кушанья.

Катя открыто рассмеялась и, не выдержав, сорвалась со стула, подбежала к Нариде, крепко ее обняла и громко чмокнула в щеку:

— Милая бабушка! Мы вас так любим, я и Веймар! И не вздумайте чахнуть и хворать, вам же еще с внуками придется водиться! Набирайтесь сил, ешьте мои пирожки, здесь на всех хватит!

Нариде притворно хмурилась, уворачиваясь от ловких рук девушки, и вдруг расплакалась, тоже обнимая Катю:

— О, моя Госпожа! Хвала Богам, что Веймар нашел именно вас... Только... уже скорее бы уже у вас появились «волчата»... мне не терпится взять их на руки.

Катя немного удивленно заглянула в покрасневшие глаза старой женщины:

— Волчата? Это так принято здесь говорить? Еще одна традиция Ульфенхолл?

Нариде захлопала носом и снова залилась слезами, обращаясь теперь уже к барону:

— Я совсем выжила из ума! Простите старуху, мой Господин, но, не пора ли ей уже все знать.

— Знать что, Веймар?

Катя повернулась к барону с самым заинтересованным видом, но лицо мужчины будто окаменело:

— Нариде, иди к себе и, наконец, успокойся! И пусть здесь все уберут!

— Веймар...

— Я сейчас пойду в свою комнату, хочу отдохнуть, день был тяжелым. Ты побудешь рядом со мной? Просто... рядом... я тебе что-нибудь покажу... карты... книги... драгоценности... что захочешь... Или может быть, заберемся вместе на самую высокую башню и посмотрим сверху на окрестности Ульфенхолл? Что бы ты сейчас хотела, Катрин?

Катя опустила глаза, немного смутившись, сердце ее стучало как сумасшедшее:

— Но ты... ты же сам только что сказал, что хочешь держаться от меня подальше.

— Разве я мог так сказать? Разве я могу теперь расстаться с тобой хоть на час... Единственная... Желанная... Любимая...

Веймар обнял Катю и легко прикоснулся губами к ее губам, но тут же отстранился и уже серьезно добавил:

— Завтра после обеда мне нужно будет уехать по делам, а ты сможешь погулять у реки, как и планировала, я не буду держать тебя в клетке. Лишь бы ты не заблудилась и не попала в беду. Только не уходи далеко, и знай — в сторожевой башне всегда сидит человек, он затрубит в рог, если вдали покажется какая-нибудь опасность.

— «С чего же он взял, что я собиралась гулять у реки... кажется, я даже Торму этого не говорила. Просто чудеса!»

Потом по крутой лестнице со стертymi ступенями Веймар увлек Катю на одну из старых башен замка, откуда открывался прекрасный вид на окружающие луга и ближайшие поселения, на темно-зеленый мрачный лес, что сейчас был озарен лучами заходящего солнца. А вот небо на востоке уже покрывали тяжелые тучи.

— Завтра будет гроза, — заметил барон, — настоящий ливень.

Волк сонно заметил, что у него еще с утра ноют лапы, но Веймар проигнорировал «безмолвного» собеседника. Сейчас не до него...

— А все-таки... есть что-то такое, чего я еще об этом замке не знаю, верно? Или даже о тебе? Какая-то древняя традиция, еще одна легенда, да?

— Я тебе потом расскажу, осталось недолго ждать... расскажу перед свадьбой... Если ты, конечно, не испугаешься.

— Я с тобой ничего не боюсь. Ты же всегда будешь рядом?

— Конечно! «А как же иначе... Гарр-ах...».

У волка и впрямь сегодня было сонное настроение, все пока шло хорошо и не требовало его непосредственного вмешательства. Эти двое стояли сейчас так близко друг к другу, их ладони переплелись, их глаза смотрели в одном направлении, а губы мужчины осторожно касались золотистого локона на виске женщины... Можно было немного вздремнуть.

На следующий день Катя проснулась поздно, за окнами и впрямь шел дождь, немного похолодало. Сирма всерьез беспокоилась, не разжечь ли в комнате камин, но Катюша только закуталась в одеяло и, немного стесняясь, попросила «завтрак в постель».

— «Уж нам ли — сибирячкам, бояться небольшого холодного дождика?»

— А Веймар еще не выходил?

— Господин барон уехал еще до дождя, какие-то люди попросили его защиты от нападков соседской охотничьей своры. На границах Волчьих земель в это лето и так беспокойно, да еще неподалеку гостит этот высокомерный Холле. У нашего барона с ним давние разногласия, а уж прислужники Холле не упускают возможности «пощипать» наших крестьян.

— Видела я этого Ряженого...

До обеда Катя бесцельно слонялась по замку, даже выслушала полный отчет Нариды о пополнении запасов муки и колбас в кладовой. Между старой домоправительницей и будущей хозяйкой установились вполне дружеские отношения, однако старшая из двух женщин не упускала ни одного случая продемонстрировать молодой Госпоже свой кулинарный опыт и знание жизни. А Катя откровенно скучала, она вспоминала странный вчерашний вечер и места себе не могла найти в ожидании Веймара.

— Неужели я влюбилась? Влюбилась в барона Волчьих земель и стану его женой? Неужели это все не во сне и он тоже... любит меня? Это же просто какое-то невероятное чудо... И три недели осталось до того, как мы с ним перед людьми и богами станем единым целым... Как их прожить, эти дурацкие три недели... Вот его нет все утро, а я уже с ума схожу, где он, что с ним... Нет, мне непременно надо отвлечься.

Катя убедилась, что дождь уже кончился, переделалась в свою «походную» одежду и, даже ни у кого не отпрашиваясь, выбралась из замка на прогулку.

— «Интересно, явится или нет... понял ли меня вчера... или исчез так же неожиданно как и появился... Что ему до меня — дикому зверю».

Будущая баронесса с трудом добралась через мокрый луг до мелководной тихонькой речушки, сапожки девушки просто увязли в размокшей глине. Катюша даже успела пожалеть о такой неосмотрительной «вылазке», но вдруг увидела на другом берегу своего вчерашнего Серого Приятеля. Волк сделал несколько быстрых прыжков из стороны в сторону и даже покрутился на месте, выражая искреннюю радость от появления Кати.

А, между тем, Солнце, словно раскаиваясь за утреннюю прохладу, теперь немилосердно палило землю, желая вернуть в небо всю выпавшую недавно влагу. Недолго думая, Катя разулась и стащила с себя теплую безрукавку.

— Что тут у них за страна, утром от холода из постели не выберешься, а в обед просто Африка, да и только. Ну, привет, дружище! Ты хоть не вымок? Конечно, нет! Попробуй-ка промочи такую знатную шубу!

Катя потрепала Волка по загривку и аккуратно подвернула брючки. Зверь крутился рядом и будто бы даже пытался ей с этим делом помочь, хотя, кажется, больше был занят голыми Катиными ножками, чем ее одеждой.

— Ай, я немного боюсь щекотки! Вот же шалун! Если бы эту сцену видел Веймар, непременно полез бы драться, но ведь ты зверь, с тебя-то какой спрос.

Катя смеялась, да и Волк был невероятно рад такому развитию событий, иначе с чего бы он вдруг лизнул Катю прямо в лицо, а потом в тот треугольничек белой кожи на груди, что был виден из распахнутого ворота Катинной блузки. Девушка неловко качнулась назад, совершенно не ожидая от зверя столь бурного проявления дружеских чувств.

— Ну, и что ты натворил, чудик! Здесь же мокрая трава, у меня вся рубашка промокла, смотри... Что мне, идти домой? Не хочу... Я бы искупалась с удовольствием и высушила одежду на берегу, но здесь так мелко... кто-нибудь еще заметит из замка.

Волк вдруг ухватил Катю за штанину крепкими зубами и потащил в сторону леса.

— Что ты делаешь, дурачок! Это же мои единственные джинсы, ничего, что подпольного производства, мне бы их еще надолго хватило... Осторожно, говорю! Отпусти! Я все поняла, что ты куда-то меня зовешь, ну, пойдём... если это не очень далеко, конечно... мне, правда, «его светлость» разрешили болтаться по всей округе, но нельзя же злоупотреблять доверием «его светлости»... Веймар куда-то опять исчез... скучаю... просто не могу без него уже... представляешь?

Волк разжал челюсти и уставился на Катю с явным удивлением.

— И что ты так на меня смотришь? Да, влюбилась! Как последняя дура! А, почему сразу как дура... подумаешь, ну, барон... Я полюбила бы его и без замка... и без подарков... он удивительный... необыкновенный... у него такие глаза... вот, почти как у тебя.

Волк немедленно отвернулся и потрусил вперед, впрочем постоянно оглядываясь, идет ли за ним следом Катюша. Так вскоре они добрались до ближайшего леса на новом пригорке, а спустившись в небольшую лошину, девушка обнаружила, что речушка размыла пологие песчаные берега в небольшом котловане наподобие чаши.

И за редкими деревьями девушку уже не было видно даже со сторожевых башен замка, так что лучшего места для купания и придумать нельзя. Однако Катя не спешила.

— Наверно, вода совсем холодная, такой утром был сильный дождь. Нет, нет, что ты, я же просто так сказала, я не собираюсь заходить в воду.

Тогда Волк сам подбежал к маленькому водоему и ткнул носом воду, а после чего вполне удовлетворенно фыркнул и выразительно уставился на колеблющуюся девушку.

— Утверждаешь, что она уже успела нагреться? Сейчас проверим...

Катя босыми ногами зашла в воду у самого берега и сама убедилась, что купаться в таком «парном молоке» было бы одним удовольствием. Оставалось всего-ничего — скинуть одежду и окунуться в эту ласковую влагу. Катя собрала волосы в узел потуже и укрепила прическу лентой, что прежде служила лишь украшением. Потом девушка сняла промокшую на спине рубашку и разложила ее на высоком бережке под жаркими лучами, «высохнет за пять минут». Сейчас же рядом легли ее джинсы.

Девушка с наслаждением потянулась, оставаясь в коротенькой белой маечке, что удобно поддерживала грудь и шортиках из такого же приятного эластичного материала. Кстати, этот комплект своеобразного белья, как и несколько других пар одежды еще вчера вечером Катя получила от трех местных швей. Все было раскроено и сшито по личным Катиным просьбам буквально за пару дней.

Волк какое-то время стоял, как каменный, безмолвно взирая на полуодетую девушку, а потом отчего-то засуетился и отвернулся, с явным намерением бежать прочь.

— Эй, постой-ка! Я же тебя не гоню... Ты вполне можешь остаться, только отвернись, я тебя тоже чуть-чуть стесняюсь, хоть ты и не человек!

Волк неуверенно оглянулся, чтобы тут же снова опустить голову, Катюша уже избавилась от оставшихся на ней тряпочек и теперь медленно входила в теплую воду.

— Ах, как же здорово! Это просто огромная песчаная ванна, сам ты не желаешь побарахтаться со мной, дружок?

Катя уже зашла в котлованчик по пояс и с наслаждением поливала себя водой из ладоней.

— Ты, наверно, не умеешь плавать, эх, ты... у тебя сколько меха... потом надо полдня сушить, мне-то хорошо, я совсем голышка... только посмотри, как я могу...

Катя плескалась и дурачилась, как ребенок, которому в летний денек, наконец, разрешили добраться до речного мелководья. Девушка даже подбегала к самому берегу и пару раз окатила и самого зверя, что теперь лежал у воды и, опустив лохматую голову на лапы, взирал на нее почему-то с самым несчастным видом, даже тонко поскуливая порой.

— Я понимаю, тебе очень жаль, малыш, что ты не можешь со мной поплавать, но что поделать, придется тебе поскучать на берегу... Не повезло, значит, не повезло!

И, тяжело вздыхая, Веймар подумал, что когда-нибудь этой дерзкой девчонке здорово достанется от него за такое издевательство над Его звериной сутью... а пока... пока можно только смотреть на нее, глотая слюну, и строить множество планов на первую ночь, один привлекательнее другого...

Но вот Катя выбежала из воды и, вздрагивая всем делом, буквально залетела на пригорок, где находилась ее рубашка.

— Б-р-р, вот же холод! А в речке просто благодать...

Катя горопливо натянула на мокрое тело шортики и, чтобы быстрее согреться, сразу же взялась за рубашку, буквально пропитанную солнцем.

— Вот теперь можно и позагорать...

Катя улеглась на траву, раскинув руки и ноги как морская звезда и даже закрыла глаза от удовольствия.

— Просто счастье! Вот если бы еще здесь был Он...

Голой Катиной коленки коснулся влажный нос Зверя. «Я же совсем рядом, Любимая... ты ведь даже не представляешь, насколько я рядом... и как хочу быть еще ближе...»

Катя вдруг ощутила как горячий шершавый язык осторожно облизывает ее ножки, поднимаясь все выше и выше до самого края коротеньких шортиков и едва ли не пробираясь под них.

— «Это ведь уже как-то неправильно... надо бы это все остановить! Это даже странно, ведь не с волчицей же он меня спутал... от долгого своего одиночества».

Но Катя отчего-то медлила, сама удивляясь тому, сколько приятных откликов вызвали в ее теле какие-то чересчур умелые действия Зверя.

— «Это все оттого, что у меня давно не было мужчины... я же тоже человек, я же тоже хочу иногда... вот даже прямо сейчас... очень-очень...»

Катя протянула руку и попробовала оттолкнуть чересчур нахальную лохматую голову от своих бедер, но ее движение было слишком неуверенным, вряд ли оно могло остановить «голодного» самца.

— Послушай, прекрати... также нельзя...

Волк огрызнулся и зубами осторожно оттянул ее шортики книзу, Кате стало совершенно не по себе. Она тут же села и попыталась вернуть одежду на место, а Волк немедленно переключился на Катины плечи и грудь. Так же зубами он вдруг резко дернул ткань у ворота и сейчас же разорвал рукав.

Катя ахнула, прикрывая открывший розовый сосок, но Волк, словно вдруг осознав свое дурное поведение, жалобно заскулил и лег рядом, положив голову на Катины колени.

Несколько минут девушка сидела смирно, даже боясь пошевелиться, а потом несмело погладила серую шерсть на холке зверя.

— Слушай, Волк, а ты меня напугал! Никогда больше так не делай, ясно? Вот уж не думала, что ты такой у нас озабоченный... ну, что теперь... я же не собачка, вылизывать меня тебе уж точно не следует... хотя бы с точки зрения гигиены и здравого смысла. Но, знаешь... Я сама сейчас кое-что поняла... Я больше не хочу ждать... я не хочу дожидаться этой дурацкой свадьбы! Мне срочно нужен мужчина и этот мужчина Веймар!

— «Ну, вот и славно...»

Волк довольно лягнул зубами и поудобнее устроился на Катиных ножках, потешаясь в душе над своим человеческим собратом:

— «Все-то вас людей надо учить, а этой женщине требовалось лишь немного настоящей звериной нежности, и она уже сама готова дарить нежность в ответ... ну, пусть и человеку, что ж, Волк совсем даже не против, он ведь тоже будет рядом, он проследит, чтобы все прошло хорошо, чтобы собрат не сплеховал в самый ответственный момент, потому что есть такие моменты, когда сила и выносливость Зверя человеческому мужчине точно не помешает».

Где-то вдали раздался зычный звук охотничьего рога. Волк немедленно вскочил и потянул носом воздух, пахло бедой... Катя тоже поднялась и начала одеваться. Волк снова потянул ее за штанину, только теперь уже в сторону замка.

— Ну, конечно, куда мне еще-то идти... А, ты... в лес? С тобой ничего не случится? Будь осторожен, там кажется, много людей! Там всадники и собаки, у мужчин арбалеты в руках, не попадайся им на глаза, я тебя прошу!

Волк проводил Катю до цветущего луга, с которого до Ульфенхолл было рукой подать и повернул в обратную сторону. Нужно было все хорошенько разведать, а Желанная будет в безопасности за крепкими стенами.

Глава 10. Волчья яма

...Нынче утром разбудит песок у воды
Легкий шаг темногривых серых коней;
Ах, быстры те псы, у кого на груди
Полумесяц, как знак чистоты кровей.
И раскидистый дуб, и сумрачный тис
Склонят головы пред королевской охотой,
Овеваемы пестрыми крыльями птиц
В этой скачке на грани полета;
Но ты знаешь, ведь гончие взяли мой след,
Твои серые гончие взяли мой след,
Темноглазые гончие взяли мой след,
И не знать мне ни сна, ни покоя...

Волк добрался почти до самых границ своих земель и снова прислушался, одновременно вбирая в себя все доступные запахи. Где-то неподалеку бежал раненый олень, он дышал тяжело, охваченный смертельным ужасом, он истекал кровью, а за ним, захлебываясь надсадным лаем, мчались обезумевшие собаки.

Волк глухо зарычал — если олень окажется на земле Лостанов, никто не смеет его дальше преследовать, все соседи знают, что барон свято чтит свою территорию и не позволит на ней хозяйничать чужакам. Только вот, кто они... те, что сейчас с громкими победными воплями гонят издыхающего зверя?

Волк помчался с подветренной стороны наперерез гибнущему оленю, может, удастся сбить с толку собак и, почуяв свежий запах Серого Хищника они прекратят преследовать свою старую добычу, переключившись на новую... В таком случае Волк знал бы, как поступить... Ему было не впервой дурачить самодовольных егерей Одри, перебивая им охоту, увводя собак с окровавленной тропы, давая шанс улизнуть слабеющей лисице или измученной лани...

Так вышло и на этот раз... Поймав запах Хищника, псы залились неистовым лаем и свернули с пути, которым бежал олень. За гончими, разразившись громовыми ругательствами, спешили азартные люди с арбалетами в руках. Они не могли понять причины столь неожиданной короткой остановки и небольшого колебания своры, вожаки которой желали разорвать глотку почти поверженному оленю, а молодежь желала помериться силой с более достойным противником.

Наконец, привычно запутав следы у берега, Волк залег немного передохнуть в зарослях ивняка у скрюченной ольхи. Сюда-то напоить взмыленных коней и пробрались двое благородных всадников, в одном из которых Волк немедленно признал Альберта фон Холле. Мужчина легко покинул седло и тоже зачерпнул пригоршню воды, чтобы смочить раскрасневшееся от долгой погони лицо.

— Какого Могра случилось с твоими шавками, Одри? Куда делся олень, я думал мы вот-вот достанем его, какое-то колдовство...

— А я предупреждал тебя, Альберт, не надо охотиться рядом с Волчьими землями, здесь гнездится всякая тварь... Я не удивлюсь, если эта девица, что назвалась женой Лостана тоже умеет обращаться в какую-нибудь нечисть. Тьфу! Как только это терпит Король? Вонючее логово давно надо было сжечь, а крестьян разделить по соседям. Скорее бы издох старый Гальбо и трон достался тебе... Мы сразу же покончим с Лостаном.

— Тише ты... из столицы пришло известие, что старика уже поставили на ноги, нам придется еще подождать! Но вот эта смазливая девица не выходит у меня из головы... Я хочу взять ее себе и хорошенько позабавиться, слышишь, Одри? А ты должен будешь мне в этом помочь.

— И что ты задумал? Нет, нет, Альберт, я против... сейчас ссорится с ним я не хочу, ты скоро вернешься в столицу, а я-то останусь здесь, и мне вовсе не хочется однажды проснуться с перегрызенной глоткой, как дядюшка Одринтон. В его смерти был лишь один прок — все поместье досталось мне, хотя мы и полгода судились с Хельмой.

— Я помню, как тогда было дело... ты прикатил Райнбоку бочку игристого вина, настоящего на «Слезях горной девы» и расхвалил напиток, как средство, что позволяет любить подряд дюжину юных дев. Старый козел не устоял, он сразу все решил в твою пользу. Ничего, когда-нибудь мы доберемся и до Райнбока... я бы не прочь забрать себе его винокурни.

— Еще есть Дагмар... он сшиб меня с коня на прошлом турнире.

— Довольно! Я даже слышать не желаю об этом Меченом... жаль его не сварили живьем Твари Инсекты, наверно, сами бы издохли следом. Ха-ха!

Альберт гнусно захохотал, а Волк едва сдерживался, чтобы прямо сейчас не запрыгнуть ему на спину и не сломать хребет одним точным ударом.

— И все-таки эта девица... Ты помнишь, как сверкали ее глаза, словно два золотых под тонкими бровями, она верно ему дорога... такая красавица... Как же он отпустил ее одну... может, она любит гулять со служанками вокруг замка, а, Одри? Я не вернусь в Гальсбург пока не потешусь с ней, клянусь Заповедной Рощей!

Волк медленно поднялся, одну за другой разминая мощные лапы. Альберт снова склонился к самой воде и вот тогда-то на его шее сомкнулись «железные челюсти» разъяренного Зверя. Волк даже не обратил внимание на внезапную боль в плече, продолжая терзать Врага, пока хриплое дыхание Холле не сменилось тонким свистом в груди.

Безжизненное тело Альберта упало в заросли жирной травы на топком берегу, а Волк прыгнул в реку, позволяя стремительному течению унести себя дальше от места убийства. Но, прежде чем с головой оказаться в воде, до чутких ушей Волка донеслись громкие крики и разноголосый лай приближающейся к берегу, отдохнувшей своры. Да еще эта помеха в плече... Почти захлебываясь, Волк отчаянно вертелся, пытаясь ухватиться зубами за оперенье дротика, что пронзил его тело почти до самой кости.

Река уносила его все дальше и дальше, Волк перестал бороться с потоком и лишь изредка высовывал из воды морду, чтобы набрать еще воздуха. Небо опять почернело, покрылось одной сплошной пеленой, что пришла с запада. Не миновать грозы...

Наконец, течение слегка замедлилось и уставший зверь смог выбраться на пологий берег. Плечо саднило, кажется, дротик был пропитан ядом, передняя лапа уже отказывалась служить и, поджимая ее к телу, Волк побежал к лесу так быстро, как только мог сейчас. Он торопился вернуться в Ульфенхолл, его ранение не опасно, всего-то два-три дня и от дырки в плече не останется и следа, а яд сможет побороть горячая кровь оборотня.

Впереди показались очертания какой-то деревушки, похоже, что это Пост. Дорогу можно скоротать через знакомую чащу, где Волк чувствовал себя в привычной безопасности, еще совсем немного усилий и родной замок... и Катарина... придется что-то для нее придумать... придется соврать.

Волк сейчас же представил милое, смущенное личико Хозяйки, которую он ласкал всего-то лишь несколько часов назад, как вдруг земля под его телом расступилась и зверь полетел вниз, прямо на острые колья ловушки.

Если бы этот Зверь был настоящим обычным волком, то сейчас уже лежал бы, корчась в предсмертных муках, разевавая окровавленную пасть на деревянное острие, что торчало из брюха. Но, в последний момент Веймар смог заставить это ловкое тело увернуться ближе к краю ямы и умело заточенный кол только пробороздил его бок, вызывая дикую боль и ярость.

Потом Веймар какое-то время просто лежал, согнувшись вокруг деревянного столба, жадно глотая воздух и отплевывая комья подсохшей земли со дна ямы. Хищник уже изнемогал, уступая место человеку... Напоследок же, еще волчьим обонянием, Веймар смог уловить запах лука и терпкого пота, а также смердящий дух лютой ненависти, которую едва покрывал морозный страх. В голове тотчас родилось воспоминание о наглom молодом парне, что смел прикоснуться к его женщине под Священным Дубом.

Но это все подождет... Сейчас Веймар должен позаботиться о себе, должен сохранить жизнь своему Зверю, спастись самому... Из рваной раны от паха до груди ручьем лилась кровь, мужчина с трудом заставил себя встать на ноги, и лишь с пятой попытки смог дотянуться руками до края ямы. Еще несколько тяжких усилий и Веймар оказался наверху.

Как в сплошном тумане он преодолел дорогу до Локмора, наверно, древнее чутье само привело его сюда, под защиту Спящих Богов, ведь они всегда были к нему благосклонны. Мужчина свалился без сил у корней огромного зеленого Исполина и теперь с наслаждением ловил запекшимися губами дождевые струи, что смывали кровь с его израненного тела.

А в Ульфенхолл все это время Катюша места не могла найти себе от беспокойства, хотя Торм пытался убедить Госпожу, что Хозяин и прежде отсутствовал по нескольким дням.

— Я чувствую, что с ним что-то произошло, вот здесь... прямо у горла такое чувство и еще в груди... Торм, надо его искать! Куда он мог отправиться в такую грозу? Где мог заночевать?

— Если вы думаете, что женщина...

— Да, женщина здесь не при чем, я ему верю! С ним случилось несчастье... я знаю, ему сейчас очень плохо и он совсем один. Торм, надо отправить людей.

Старый воин пожал плечами и задумался. В чем-то Катарина права, Веймар не любил зря мокнуть под дождем, у него не было серьезных причин задерживаться в лесу после совместной прогулки с Госпожой, о чем он лично поставил Торма в известность. В эту мрачную ночь барон должен быть рядом с Возлюбленной, а его нет... Это и впрямь настораживает.

— Если до утра не вернется, мы соберем людей и проедем всю округу! Мы его разыщем, Госпожа, утрите слезы! Или в скором времени барон сам к вам явится, он не мог вас оставить надолго, поверьте.

Катя только вздохнула, эту ночь надо еще пережить... и ему тоже, где бы он ни был сейчас.

Девушка не сомкнула глаз до рассвета, и лишь утром, проведив Торма и группу мрачных всадников в поисковую экспедицию, Катя смогла немного задремать. Ей приснился кошмар — Волк захлебывался в бурном потоке, что был окрашен кровью, изо всех сил перебирал лапами, стараясь выплыть, но со дна тянулись скрюченные когтистые пальцы и тащили его вниз. То ли во сне, то ли уже просыпаясь, Катя пробормотала:

— О, Великие Боги, правящие Дэриланд, помогите моему мужу, дайте ему сил, потому, что я люблю его всей душой и хочу быть всегда с ним рядом, родить ему... ммм... троих малышей, одного мальчика и двух девочек, ну, или как будет на то ваша воля... только верните Веймара... я вас очень прошу!

Отряд, что был послан на поиски Хозяина вернулся ближе к обеду, Катя выбежала навстречу, еще издали, с вершины башни заметив приближающихся к замку всадников. С ними был Веймар... без сознания, едва способный дышать.

— Мы нашли его в Заповедной Роще, Леди. Он будет жить, но понадобится время для исцеления тяжких ран. Надеюсь, что самое страшное позади.

— Веймар! Что же такое... Торм, почему у него закрыты глаза? Он меня слышит? Веймар, пожалуйста, очнись! Торм, что же нам делать?

— Сейчас мы отнесем его внутрь, о нем позаботится лекарь, вам нужно успокоится, слезами ему не помочь.

Катя с трудом сдерживала рыдания, ее любимый мужчина едва не погиб вдаль от нее, и сейчас, наверняка, страдает от боли. Воины подхватили тело барона и Катя пошла следом на дрожащих ногах. Но Торм решительно захлопнул двери перед носом девушки.

— Прости, Катарина, я не могу позволить тебе сейчас находится при нем, он потерял много крови, он очень слаб, мы о нем позаботимся.

— Но как же я? Я должна быть сейчас рядом с ним! Неужели ты не понимаешь?

— Ты увидишь его позже, сейчас нельзя, поверь мне!

— Я не боюсь крови и не собираюсь падать в обморок, я тоже хочу помочь, ты не можешь меня просто так выгнать, Торм, я почти его жена!

— Чтобы вы, наконец, ею стали, Леди, позвольте нам самим подлатать вашего будущего супруга! Уверяю вас, мы знаем, что делать!

— Не спорьте, Госпожа, пойдите со мной, вам надо отдохнуть.

Катя хотела уже обиженно оттолкнуть протянутую к ней руку Сирмы, как вдруг расслышала из-за только что закрывшейся двери слабый звук, похожий на рычание страдающего хищника.

— Что это? Сирма, ты тоже слышала? Это ведь не Веймар? Как это возможно?

В голове у Катюши сама собой неожиданно появилась картинка бегущего по вечернему предгрозовому лесу большого волка с поджатой к груди передней лапой. Казалось, девушка была близка к самой невероятной догадке, но Катя тут же отогнала внезапно появившуюся мысль.

— Нет, так не бывает взаправду, это просто не возможно! Нет...

Теперь будущая Хозяйка и позволила служанке увлечь себя дальше по коридору, до своей комнаты, где смогла, наконец, немного всплакнуть, осыпая Сирму жалобами:

— Почему Торм так поступил со мной? Разве я не должна быть с Веймаром? Что они все от меня скрывают? Я видела как к нему проскользнула Наридида, она несла воду и какие-то склянки...

— Мне сказали, что Господина ранили в лесу, но, хвала Богам, он остался жив, а значит, скоро поправится. Хозяин никогда не хворает долго, я даже не припомню, чтобы он, вообще, прежде болел. Вам не стоит беспокоиться, моя добрая Госпожа, он теперь дома и уже завтра барону станет лучше, вот увидите!

Катя прилегла на постель в самых печальных раздумьях, надвигалась новая бессонная ночь. А вот утро, напротив, принесло очень даже хорошие известия. Катя еще не поднималась, когда к ней заглянула Наридида, чтобы сообщить, что Веймару уже лучше и он пришел в себя.

— Он хочет тебя видеть... теперь уже можно. Ступай...

Едва ли не в одной сорочке девушка кинулась к двери, но Нариды остановила ее строгим возгласом.

— В таком виде девушке не подобает показываться жениху! Вам надлежит одеться, моя Госпожа!

— Ах, ты старая ворчунья!

— Хорошо еще, что не старая карга!

— Всему свое время, бабушка!

Нариды прятала улыбку, подавая Катюше платье и туфельки. Наскоро умывшись, девушка побежала к любимому. Но, уже у самой двери ненадолго остановилась, чтобы хоть немного унять мечущееся в груди сердце.

— Веймар! Я так скучала по тебе, я так сильно тебя ждала! Что же произошло?

Мужчина, лежащий на широкой постели, лишь слабо улыбнулся в ответ, и Катя не могла не заметить, что обычно смугловатое лицо барона сейчас покрывает смертельная бледность.

— Я тоже не мог дождаться нашей встречи, ради нее я и хотел выжить, ради тебя, Катрин... ты ведь теперь самое дорогое, самое ценное, что есть в моей жизни.

Катя осторожно присела на краешек его кровати, но Веймар протянул правую руку, приглашая девушку приблизиться.

— Иди ко мне... нет, сюда, справа, ложись рядом. Ты мне так нужна, так нужна сейчас... я хочу к тебе прикоснуться, ощутить твой запах, знать, что ты вся моя... со мной...

Катя доверчиво прильнула к правому боку мужчины и положила голову на плечо Веймара, робко погладила повязку на груди.

— Торм меня вчера к тебе не пустил... разве это правильно.

— Пожалуй... Я был весь в крови и грязи, зачем тебе видеть такое чудовище, да еще перед самой свадьбой.

— Ну, вот как ты можешь говорить такое! Я люблю тебя, каким бы ты ни был!

Катя немедленно закрыла глаза и затаила дыхание. Она только что призналась ему в любви...

— Разве? Так ты и правда будешь любить меня даже в образе чудовища?

— Но ты же не чудовище? Веймар, зачем ты хочешь меня напугать, я же знаю, что ты хороший человек, хоть иногда и напускаешь на себя суровый вид и кажешься строгим, порой даже рычишь...

— А если я...

— Что?

Веймар тяжело вздохнул, а Волк устало склонил голову, блаженствуя от того, что Хозяйка снова рядом.

— «Почему бы уже не признаться? Она все поймет... сейчас самое подходящее время — ты ранен и окутан ореолом мученика, женщины любят жалеть героев, к которым не равнодушны... она все поймет, вот увидишь».

— «Я не хочу выглядеть слабым в ее глазах, она, вообще, не должна видеть меня такой дохлой рыбой, мне безумно стыдно! Лучше хорошенько выпишись и постарайся поскорее заживить раны, сколько можно валяться в кровати... без приятного на то повода!»

— «И долго ты еще намерен меня скрывать? Я и не подозревал, что ты такой трус!

Грр...»

Веймар застонал, покачав головой из стороны в сторону. Катя немедленно подняла к нему лицо, коснулась прохладной ладонью разгоряченного лба мужчины.

— Больно? Тебе дают какое-то лекарство, хоть как-то лечат? Антибиотиков здесь конечно не сыщешь, но должны же у вас быть проверенные средства? Может, мне сходить за Наридой?

— Ничего не надо, у меня просто болит душа...

Глаза барона были закрыты, на губах мелькнула улыбка.

— Отчего, Веймар, что тебя беспокоит?

— Меня порой даже мучает совесть. Я ведь по сути заставил тебя согласиться на этот брак. А что если тебе понравится кто-то другой, например, тот смазливый мальчишка, он же настоящий рыцарь, а кто я... «серое чудовище с когтистыми лапами».

Катя отстранилась от барона и села рядом, взволнованно глядя на мужчину.

— Ты, кажется, шутишь, ваша светлость? Мне не нужен никакой другой мужчина! Я хочу только тебя и... как можно скорее!

Веймар открыл глаза и рванулся было навстречу девушке, но вынужден был сморщиться от резкой боли в боку и рухнуть обратно.

— Ну, что ты делаешь, лежи смирно, я уж как-нибудь подожду, пока ты совсем не поправишься, как-нибудь потерплю... до свадьбы.

Эти последние слова Катюша произнесла с пылающими щеками, наклонившись к самому уху мужчины, касаясь его обнаженного плеча своими растрепавшимися локонами, почти не отведавшими с утра расчески. А потом их губы встретились и Веймар обнял девушку правой рукой, потому что едва мог сейчас пошевелить левой.

— «У тебя тысяча поводов поторопиться и поставить меня, наконец, на ноги, серый брат!»

— «Я уже стараюсь изо всех сил, а ты их только тратишь — отпусти свою женщину и дай мне спокойно отдохнуть, тогда я за пару дней стану прежним».

И Веймар неохотно уронил правую руку обратно на ложе, а Катя снова положила голову на плечо мужчины, чувствуя, как медленно затихает желание, внезапно охватившее все ее тело.

Прошел день и к обеду следующего в Ульфенхолл прибыли гости. Катя была у Веймара, барону стало гораздо лучше, хотя он по-прежнему почти не вставал с постели.

— Хозяин, сюда прибыл Рыцарь де Даркос, он хочет немедленно повидать вас. Как вы прикажете его принять?

— Пусть без всяких церемоний идет прямо сюда, я подозреваю какого рода он привез известия! Ты оставишь меня ненадолго, Катрин? Я познакомлю вас позже, у меня не так много друзей, так что, полагаю, ты немного потерпишь одного из них. Он, конечно, медведь, но... в последнее время, кажется, ему везет на женскую дружбу.

Выходя из комнаты барона, Катя увидела, как по коридору в ее сторону направляется огромного роста мужчина с растрепанной гривой длинных черных волос. На фоне сумрачного коридора Рыцарь Дагмар казался настоящим великаном, а хмурое лицо со шрамом отнюдь не делало его привлекательным.

— «Вот этот точно выглядит как настоящее чудовище! Ой-ой-ой!»

Катя даже не рискнула пойти вперед и произнести какие-то приветственные слова, а просто юркнула вниз на ближайшую лестницу и убежала на кухню.

— «Такое поведение, конечно, меня не красит, но это, пожалуй, лучше чем что-то смущенно мямлить, стоя перед таким страшилищем. Нет, я пока не готова с ним общаться... Надеюсь, при ярком солнечном свете он выглядит не таким жутким. Уфф...»

Здесь, у теплого очага, наблюдая, как готовятся кушанья на день, Катя немного успокоилась и начала расспрашивать Нариду о нечаянном госте:

— Веймар сказал, что они друзья. Это наш сосед?

— До его поместья «Черные камни» всего-то полдня пути. В свое время король обласкал Даркоса, потому как он герой битвы за Ничейную землю.

— Так ведь эта равнина так и осталась — «ничейной», правильно я поняла?

— Зато твари немножечко присмирели и больше не беспокоят!

— Нариды, а что ты слышала об их королеве? Почему бы ей не заключить мир с Дэриланд? Их королева, кстати, человек или тоже — «не понять кто»?

— Ты верно родилась на самой окраине нашей страны, раз ничего не знаешь... Королева нужна им только как дань традиции, для соблюдения Древнего Обряда, без Нее они вымрут или заснут, как

мухи в морозный день. Сама Королева ничего не решает, за нее думает Совет Воинов... участь их Правительницы не завидна, хотя... говорят, и к этому можно привыкнуть...

— К чему же именно?

— К тому, что каждую ночь у тебя будет новый муж! Безумно жаждущий тебя и щедрый на ласки, которые будет расточать тебе до рассвета, пока ты не взмолишься о пощаде! И так день за днем, год за годом...

— О, Боже мой!

— Довольно подобных вопросов, Леди! Уверю, ваш будущий муж тоже... не даст вам выспаться в первые ночи.

— Всего лишь в первые... Ну, тогда я отыграюсь на нем в последующие!

— Ах, какое бесстыдство! Пристало ли так говорить Достойной Госпоже?

Катя только смеялась, намереваясь снова стиснуть чопорную старушку в объятиях.

— Нариди, скажи, а правда, что к тебе сватался Торм, а ты ему отказала?

— Это кто ж это здесь распускает подобные слухи? Чтоб я и наглый старый Торм — никогда!

— Но, ведь он не всегда был таким старым, да и ты, по всему виду, прежде была красавицей. Признайся, Нариди, ты до сих пор не равнодушна к этому мужчине, ну, скажи?

Женщина только вздохнула, отворачиваясь к своим горшкам и мискам.

— Он просил меня стать его женой... это знают все. А я отказала! У меня на руках был маленький Веймар и я любила его больше жизни, а еще Лея была так слаба, а ее муж — настоящее чудовище... Я не могла заниматься собой, я попросила подождать, а Торм затаил обиду.

Может, я поступила дурно, отказав тому, кого все же желала, может, мне нужно было подарить ему радость, но... я считала, что когда любишь, надо отдавать себя всю, целиком, а не делить на части.

Что ж... я всю свою жизнь отдала Ульфенхолл и теперь... теперь жду от вас внуков... больше-то мне ждать уже нечего.

— Э-э-э, Нариди... но, раз ты кормила Веймара грудью, получается, у тебя тоже был ребенок, и... муж?

— Мой муж погиб во время восстания Гроз, он вступился за короля, поддержал герцога де Маликора... защищал его до последнего вдоха, когда они вместе попали в ловушку Кайро, тогда погибло много хороших людей. Я не очень любила своего мужа, он был гораздо старше меня и не особенно ласков, но Хтара все уважали, как отличного воина, я могла им гордиться.

А мой ребенок... он прожил всего несколько дней, я сама чуть не умерла от горя, но у Леи не пришло молоко, а маленький Веймар был постоянно голоден. Мы верно спасли друг друга, я захотела жить, когда стала кормить будущего Хозяина.

У Кати слезы на глаза навернулись, когда она услышала грустную историю Нариды.

А в это самое время рыцарь Дагмар тяжело мерил шагами пол в покоях Веймара.

— Ты, наверняка, уже знаешь... На Альберта напал какой-то зверь у реки, сломал бедолаге шею. Одри клянется, что засадил в зверя дротик, но хищнику удалось бежать, его пытались выследить, но, кажется, он утонул. Как ты считаешь?

— Конечно, утонул... после удара могучего Одри нелегко оправится даже медведю, в тут всего лишь какой-то волк...

— Разве я что-то сказал о Волке?

— Это мое предположение.

— Веймар, надо было лишь потрепать его, к чему тебе ссориться с Королем?

Барон поднялся на постели, одной рукой подсовывая под спину подушки, глаза мужчины сверкали:

— Холле клялся, что увезет мою женщину, он грязно говорил о ней, я не мог это просто так оставить! И мне уже все равно, что решит Гальбо, кстати, он еще жив?

Дагмар рассмеялся, заложив большие пальцы рук себе за пояс:

— Пожалуй, на радостях Король даже простит тебя и на этот раз!

— Радость? Что там еще стряслось в столице?

— Скоро об этом будут знать все — от Ничейной равнины до Змеиной пустоши! У Старого Гальбо родился сын! Эта новость заставила папашу спрыгнуть с кровати, сбросить ночной колпак и разогнать лекарей.

— Вот это событие! Я думал Королева уже не в том возрасте...

— Говорят, Королева узнала об этом в последнюю очередь... и была крайне удивлена!

Громовой хохот двух мощных глоток потряс каменные стены древнего замка Ульфенхолл.

Глава 11. «Волк — это ты!..»

С тобой мы связаны одною цепью, Но я доволен и пою, Я небывалому великолепию Живую душу отдаю. И все-то споришь ты, и взоры строги, И неудачней с каждым днем Замысловатые твои предлоги, Чтобы не быть со мной вдвоем...

Вечером в Большом зале был накрыт богатый стол. К великому Катиному сожалению, Веймар не смог спуститься к ужину и попросил невесту хоть некоторое время составить компанию рыцарю Дагмару.

— Будет неловко, если ему придется ужинать в одиночестве, и я не в том настроении, чтобы устраивать застолье у себя в спальне. Через пару дней я уже буду ходить и даже... бегать. А сейчас... не хочу возлежать перед вами, скрывая повязки. Да и, признаться, я не голоден. Посидишь с ним немного, Катрин? Он славный парень, хоть и не умеет общаться с Дамами. Завтра он от нас уезжает, хочет повидаться кое с кем... Эх, на его месте я бы поступил иначе! Ну, да пусть сам решит, как ему будет лучше.

Немного настороженная, Катюша проследовала в зал, где уже восседал де Даркос. В очередной раз девушка подивилась его колоритной внешности, но следовало вести себя достойно, как подобает будущей Хозяйке.

Тем более, что этот Даркос был самый настоящий Рыцарь, прославленный в самых настоящих битвах и к тому же лучший друг Веймара. Катя будет с ним очень любезна и обходительна, если он, конечно, не станет грубить...

— Рад познакомиться с Леди Ульфенхолл!

— О, меня еще рано поздравлять, я ведь пока не стала женой Веймара!

— Это пустые формальности, если ты нужна Волку, сопротивление бесполезно!

— Волку?

— Ну, то есть... Хозяину Волчьих земель, если вам угодно!

— Ну да... ну, да...

Катя присела на краешек стула за свой край стола, напротив внушительного мужчины, который без малейшего смущения расправлялся с бараньей ногой, громко прихлебывая вино из огромного кубка. Катя всегда приветствовала в людях отменный аппетит, Дагмар начинал ей нравиться... Девушка решила развить тему вроде бы завязавшегося разговора:

— А, вы сами... еще не женаты, кажется?

— Да вот, надеюсь в скором времени обзавестись милой женушкой! Тем более Леди уже ждет от меня ребенка!

— И... чего же вы тогда медлите? Ждете, пока малыш появится на свет? Может, для вас имеет значение пол будущего младенца и если вдруг он вас не устроит...

— Чепуха! Я жду пока отправится к праотцам нынешний супруг моей будущей жены!

— Ух ты... круто! — только и могла вымолвить пораженная таким заявлением Катюша.

— Я бы, конечно, мог ему с этим делом помочь...

— Ни капельки в этом не сомневаюсь, — девушка, прикусив губу, наблюдала, как ловко рыцарь орудует ножом, отделяя мясо от костей и кромсая последние...

— ... но, боюсь, это расстроит мою Леди, она такая чувствительная, нежная, у нее столь доброе и отзывчивое сердце... ей всех всегда жаль...

— «О, мой Бог! Вот это мужчина!»

Катя с абсолютно круглыми глазами несколько секунд наблюдала, как рыцарь Дагмар, грозно шмыгая носом, вытирает рукавом свои мокрые очи.

— «Вы когда-нибудь видели плачущего Гренделя? Мне вот довелось... мда-а уж...»

Однако Даркос мгновенно справился с бурными эмоциями и, залпом осушив полный до краев кубок с густым, словно мед, вином уже вполне деловито обратился к Кате:

— Что же мне ей подарить? Что, на ваш взгляд, может понравиться беременной женщине?

— «Ручной медведь твоего роста, который будет с нее пылинки сдувать и всюду носить на ручках...»

Но вслух, конечно, Катюша сказала совсем другое:

— У женщин в интересном положении могут поменяться вкусы, разные капризы возникнуть... но, думаю, все женщины любят сладенькое... ммм... вкусненькое... мед, конфеты, пироженки... ягодки, сливочки... э-э взбитые...

А, знаете что, я вам завтра с утра настряпаю заварных трубочек с кремом, получится — просто объедение! Вашей Леди непременно понравится! А если что-то более существенное...

Катя задумалась, «что бы могло порадовать меня, например...». Почему-то в голове у нее сразу же возник образ, где Веймар лежит рядышком и ласково целует ее круглый животик... ох, как это, наверно, было бы приятно!

— Женщине в такое время хочется, чтобы любимый мужчина был рядом, заботился о ней, говорил ободряющие слова, комплименты...

— Да? Точно, придется прихватить из ближайшего городишки какого-нибудь сладкоголового менестреля для потехи...

— Вообще-то, я имела ввиду, что Леди нужно именно ваше внимание и участие... Дагмар.

Мужчина тяжело вздохнул и воткнул нож прямо в столешницу, немало перепугав служанку, что вновь наливала ему вино.

— Я готов забрать Марин немедленно, просто схватить и увезти к себе в Черные камни, но... она будет расстраиваться из-за этого чертова муженька, скорее бы о нем вспомнили Боги Сырой Земли!

— Да-а-а... заварили вы кашу...

— А вы когда сжалитесь над Веймаром?

— Ммм... что? В смысле... как это — сжалюсь?

— Он взрослый мужчина, а вы строите из себя недотрогу! Сколько можно, вы ведь уже сами не девчонка, хвала Богам, и должны понимать, что к чему! Из-за вас Веймар вынужден бегать по лесам и попадать в ямы, уже давно пора пустить его в свою постель и стянуть рубашку! Давно пора завести собственных волчат!

— В конце концов... это даже обидно! Почему это моих будущих деток все здесь называют волчатами? Вам бы самому понравилось такое? А вашей Леди?

— Так ведь я же не Волк! В отличие от вашего Веймара! И ничего обидного я не имел ввиду! Этим нужно гордиться! Быть избранницей... не каждой Леди выпадает такая честь, недаром Он так долго вас ждал!

Катя раздосадованно комкала в руках салфетку, «что он имел ввиду, говоря, что Веймар — Волк... это что, вроде прозвища? Как-то странно... и нужно ли обижаться... не кролик, ведь, в конце-то концов...»

Остаток ужина прошел в полном молчании, Дагмар больше не пил и только грустно крутил в больших грубых ладонях пустой серебряный кубок, а потом вдруг, задумавшись, просто смял его в лепешку... Катя не удержалась от смешка, а, увидев в ответ смущенную улыбку Дагмара и вовсе расхохоталась. Они расстались вполне дружески и вскоре разошлись по своим спальням. Правда, Катя еще заглянула к барону, но убедившись, что мужчина крепко спит, не стала его тревожить.

Ночь пронеслась легко и быстро, как взмах крыла белого голубя, чье воркование у окна утром разбудило Катюшу. Девушка вспомнила про свое обещание и тут же засобиравшись на кухню, распорядится насчет пирожных. С помощью двух служанок, да под Катиным чутким руководством дело закипело вовсю и вскоре на столе уже остывали румяные трубочки из заварного теста на свежайших домашних яйцах.

Девушка сама начинила их кремом со взбитыми сливками и, не удержавшись, тут же отведала результат.

— Ах, просто пицца Богов! Честное слово, надо отнести парочку в Локмор, поблагодарить Спящих за то, что приютили Веймара в грозу, утешили раны, дали сил продержаться до прихода подмоги!

Катя позволила поваренку докушать остатки сладкого крема из мисочки и отправила Нариду в

кладовую за баночкой лучшего меда. Пожилая женщина также вынула из сундука с новым бельем еще парочку тонких ночных рубашек и несколько мягких полотенец, украшенных затейливой вышивкой.

— Надо все это уложить в красивый короб и пусть Леди радуется нашим подаркам, ожидая младенца... Ведь если у господина Дагмара будет дочь, а у вас с Веймаром родится сынок, то их непременно надо будет поженить, когда они вырастут.

Таким образом, к отъезду рыцаря Черных камней сладости и прочие свертки для его возлюбленной были в полном сборе. Не хватало лишь талантливого менестреля... но, судя по решительному настрою Дагмара за этим дело не станет.

Прошли два дня, которые Катюша почти целиком проводила у постели, а порой и прямо в постели будущего супруга. К Веймару возвращались силы, он уже мог свободно двигать и левой рукой, поднимался к окну и долго наблюдал за тем, что происходит во дворе.

Нарида готовилась к свадебному торжеству, весь замок гудел, словно улей, слуги только и говорили, что о предстоящем празднике. В Ульфенхолл даже приехали посыльные с витиеватыми поздравлениями жениху и невесте от некоторых дружественно настроенных соседей. Веймар морщился, разбирая письма, но, скрепя сердце, велел Торму разослать приглашения на свадебный пир.

Возвращая себе прежнюю ловкость и мощь, глядя, как быстро заживают на нем некогда страшные раны, Веймар понимал, что у него осталось незавершенным всего одно только небольшое дело, и оставлять его «на потом», он никак не хотел...

Этим вечером Катя перед сном приняла ванну и уже хотела лечь в постель, как смутное беспокойство вдруг нечаянно коснулось ее сердца. Она виделась с бароном всего лишь час назад и уже не планировала к нему заходить, ведь они уже нежно расстались, пожелав друг другу добрых снов. Откуда же сейчас эта тревога...

Катя отпустила Сирму и некоторое время просто бродила по своей комнате в одной сорочке на голое тело, еще не остывшее от горячей ванны.

— «Нет, я все равно сейчас не смогу заснуть... я должна просто еще раз увидеть его, просто убедиться, что он уже спит... потом и мне станет спокойно!»

Катя накинула прямо на сорочку плащ для прогулок и тихо выскользнула в темный коридор, направившись прямо к покоям Веймара. Но, к ее удивлению, двери комнаты будущего супруга были распахнуты, старый слуга вытаскивал в коридор какой-то сундук, а рядом, подбоченясь, стояла Нарида.

— Не мог еще отлежаться пару ночей, нет — пришла нужда прямо сейчас бежать в деревню, искать этого идиота — охотника...

Катя прижалась к стене, желая оказаться незамеченной и ей это вполне удалось. Затаив дыхание, девушка прислушивалась к интереснейшему диалогу, что вполголоса вели между собой слуги:

— Господин был в ярости от такой ловушки, да еще в своем собственном лесу, всем же известно, что волки здесь нападают только на чужаков и на провинившихся. Здесь отродясь не ставили капканов на Серого Хозяина.

— Кому-то надоело видеть Солнце, не иначе... Хотя я думаю, все же это происки соседей, никто бы из местных не пошел на такое... хорошо, что Веймар свернул шею Холле, я только молю Богов, чтобы Король был милосерден к нашему Волку.

Вот зачем он поднялся в ночь, ведь еще полностью не окреп, растревожит раны, застудит лапы... А приближается свадебная церемония и он должен быть там во всей красе. Ох, мой глупый волчонок, хоть бы Катарина не слишком испугалась, когда узнает всю правду.

— Госпожа, кажется, не из пугливых... они ведь уже гуляли вместе у реки, разве он ей еще не открылся?

— Может, не успел, отправил ее в замок, а сам убежал в лес и нарвался на неприятности...

Катя зажмурилась, сердце ее вдруг бешено заколотилось.

— «Когда это мы с Веймаром гуляли у реки? Не было такого! Вот разве что... Волк! О Великие Боги, разве такое возможно представить! Нет, я даже не могу в это поверить! Так не бывает! Волк... Веймар! А как дерзко он вел себя, буквально пытался одежду с меня стянуть... и что я ему говорила... а, разве... разве он мог меня понимать... каждое мое слово... и не мог мне открыться, вот

же... мерзавец!

Наглый серый негодяй, да, он просто смеялся надо мной! А вдруг я что-то неправильно поняла и зря его обвиняю? Как это человек может становиться волком, только в сказках... а, где же я сейчас... Надо спросить у Торма, он мне не соврет!»

Катя подождала, пока слуги скроются на дальней лестнице и побежала обратно по коридору, чтобы спуститься вниз и выйдя за пределы замка разыскать старого воина.

Катя подождала, пока Нариди и ее собеседник скроются на дальней лестнице и побежала обратно по коридору, чтобы спуститься вниз с другой стороны и, выйдя за пределы замка, разыскать старого слугу. На Катину удачу впереди показалась одна из девушек, что служила на кухне, она-то и проводила будущую Хозяйку во флигер, что служил убежищем однорукого Торма.

Мужчина явно не ожидал гостей в столь поздний час, но Катя не стала тратить время на долгие объяснения:

— Скажите мне правду сейчас или я никогда больше не смогу вам верить!

— Но, что вам сказать, Леди, в чем я должен признаться?

— Он... он, и правда, может становиться волком, да?

Торм со вздохом опустил глаза, виновато развел руками, склонив голову.

— У нас это знают все...

— И никто не поставил меня в известность? Меня... его будущую жену?!

— Господин запретил нам тебе говорить, даже малейший намек. Он же из Лостанов, это древнее проклятие его рода или... дар, уж кому как понравится. Значительную часть своей жизни он обязан проводить в зверином облике, и нам еще повезло с Веймаром, он отлично управляет собой, и не так жесток, как некоторые его предки.

Думаешь, почему в замке так мало слуг? А почему поблизости нет деревень, а все они за холмами, за лесом... Ты видела разрушенную церковь на берегу озера неподалеку от Лоста?

— Нет, мне что-то рассказывал местный учитель Карам... там раньше жили люди, а потом ушли, да?

— Прежде рядом с Лост было еще одно богатое поселение, мой дед брал оттуда невесту, мою бабушку. Там было много красивых девушек... И одна из них осмелилась отказать в ласке самому Хоргану де Лостан, отцу Веймара.

— И что же случилось? — затаив дыхание, шепотом спросила Катя.

Торм озадаченно глянул на девушку, почесал заросший редкой щетиной подбородок.

— Шли бы вы к себе, Госпожа. Уже поздний час, Хозяин скоро вернется и будет искать вас. Я хоть стар и искалечен, но хотел бы пожить еще.

— Как ты потерял руку? — отрывисто спросила девушка, поплотнее закутываясь в плащ, чтобы справиться с внезапным ознобом, — это он, да? И эти шрамы на лице тоже? Скажи мне, это сделал Веймар? Только правду, Торм, умоляю, скажи мне правду!

— Нет, нет... что вы, моя Госпожа! Веймар тут совсем не причем... Это дело клыков его грозного отца, клянусь тем, что от меня еще осталось. Я случайно оказался на его пути, когда он был зол, я попался ему под горячую руку и лишился своей. Я чудом остался жив, ведь Хорган никогда никого не щадил, даже мать своего единственного сына. Он издевался над ней прямо на глазах у мальчика, он раньше срока довел ее до могилы. Может поэтому, когда Веймар вырос и возмужал, то...

— Что, Торм, что он тогда сделал?

— Он убил своего отца в тот же день, когда впервые обратился в волка. Но, мне кажется... нет, я совершенно уверен в этом, я точно знаю, что Веймар никогда не обидит тебя, Катарина. Он так долго искал тебя, так долго ждал, что мы и не надеялись...

Девушка больше не слушала старого солдата, она поправила на голове капюшон, пряча влажные волосы от порывов ветра, и побежала обратно в сторону кухни. Мысли девушки перепутались, словно корни огромной ивы над обрывом. Кате хотелось поскорее попасть в свою уютную комнату и захлопнуть за собой дверь. Но сразу же вернуться в дом ей не удалось, из мрака перед девушкой появилась крупная мужская фигура и преградила ей путь.

— Где ты сейчас была? — зловеший хриплый голос прогремел почти над ухом, а сильные пальцы больно сжали руку чуть выше локтя.

— Куда ты ходила? К кому? Отвечай, немедленно!

Катарина ахнула, уставившись в горящие глаза Веймара. Как же она не замечала раньше? Но, раньше она просто не смела вот так пристально разглядывать лицо барона. А сейчас она их узнала... Серые, с янтарными крапинами глаза ее верного спутника по лесным прогулкам.

Это несомненно были глаза Веймара и... волка. Того самого, которому Катя доверяла все свои самые сокровенные мысли и желания. И страх тотчас рассеялся, давая место искреннему негодованию.

— А сам ты уже набегался по лесу на четырех лапах? — дрожащим от волнения, но все-таки достаточно твердым голосом переспросила Катя.

Пальцы мужчины медленно разжались и отпустили ее руку.

— Ты... знаешь.

Девушка с удовольствием уловила некоторые нотки смущения в его голосе.

— Так где ты все-таки сейчас была?

— Я ходила к Торму, чтобы уточнить кое-какие свои предположения.

— И он их подтвердил? — как-то чересчур спокойно и даже несколько весело спросил Веймар.

— Да, подтвердил! И что? Отгрызешь за это его вторую руку? — с вызовом бросила Катя, смутно понимая, что уже говорит лишнее.

— Представляю, как вы все потешались надо мной, когда я уходила гулять! А я-то, глупая, вдруг решила, что меня оставили, наконец, в покое. Ну, еще бы, чего меня охранять, если сам хозяин крутится... крутится...

— Под ногами, — вкрадчиво подсказал Веймар, откровенно усмехаясь.

Щеки девушки вдруг окрасил румянец стыда, когда она припомнила некоторые подробности ее последних встреч с волком. Ей показалось, что она снова чувствует его прохладный нос на своих голых коленях, а ее соски напряглись, будто от прикосновений его шершавого языка.

— Подлец! Ну, какой же ты все-таки подлец!

— Не забывайтесь, леди Катрин... Вам не следует меня оскорблять! — его тон на пару мгновений снова стал угрожающим, а потом вдруг понизился до горячего шепота:

— Ты даже не представляешь, как мне хотелось обернуться человеком и взять тебя прямо там, на берегу, после грозы. Меня разрывало от желания утолить и твою жажду, твое желание, но, я боялся тебя испугать. Мне — Волку ты порой позволяла больше, чем мне — человеку. Я смирился. Тогда... на время, но не сейчас.

— Ты мог бы и вовсе не приближаться ко мне в таком обличье, но ты желал получить мое доверие, да? Понял, что я болтушка и мне бывает здесь одиноко, решил, что я даже со зверем буду разговаривать? Что ж, тебе повезло! Узнал о себе немало интересного, правда? Но, все равно это было гадко, гадко так использовать меня... чтобы лучше приручить.

— Надо еще разобраться, кто здесь кого приручил, Катрин, — как-то смиренно и тихо проговорил Веймар, — я ведь хотел только один раз напугать тебя, заставить сидеть внутри ограждения замка, ну, или прогуливаться где-то рядом в сопровождении слуг.

Мне всегда было тревожно оставлять тебя одну, я так беспокоился, покидая тебя на весь день. И я решил, что увидев волка, ты не узнаешь его и... больше не станешь уходить далеко. А когда ты приласкала меня и заговорила, словно с человеком, я и сам забыл, зачем показался тебе посреди дня. Мне хотелось быть рядом. Всегда около тебя, чтобы защищать, оберегать от всего плохого, что могло бы угрожать тебе в этих местах.

— И в любой момент ты мог стать человеком?

— Но, ведь тебе гораздо интереснее было гулять с волком, так? Ты даже жаловалась как-то, что у тебя никогда не было щенка, а тебе хотелось бы иметь большую грозную собаку, которая бы тебя охраняла. Я решил доставить тебе это удовольствие и предложил себя... в виде волка.

На губах Веймара теперь играла уже знакомая самодовольная усмешка. И Катя вдруг поняла, что вся ее злость и обида тает, уступая место легкой досаде. И... еще какому-то странному, теплomu чувству, что заставляет сильнее стучать сердце и быстрее гонит по венам кровь.

— Ты озябла, давай-ка вернемся в дом.

Голос Веймара теперь был так ласков, что Катя позволила себя приобнять и, опустив голову, прошла внутрь просторного каменного холла. Навстречу уже бежала растрепанная Сирма. Веймар окинул служанку ледяным взглядом и сейчас же грубо заявил ей:

— Твоя Хозяйка бродит где-то ночью, а ты только сейчас спохватилась?

— Ах, мой Господин, умоляю простить меня, я ведь думала Леди Катрин уже отдыхает... Что же за нужда заставила вас выйти на улицу в столь поздний час, мы так испугались!?

— Немедленно согрейте Леди, принесите ей медовой воды и настой трав!

— Да, конечно, конечно...

Услышав требовательный, властный голос будущего мужа, Катя отстранила Веймара, что пытался плотнее закутать ее в плащ, и быстрым шагом стала подниматься по лестнице наверх. Сейчас в душе девушки снова стали бороться сразу несколько противоречивых чувств: стыд, гнев, досада и... страстное, непреодолимое желание быть как можно ближе к своему мужчине, оказаться в его сильных руках, прижаться к его телу...

Катя бросила последний взгляд на барона, что все еще стоял посреди холла, не спуская глаз с убегающей возлюбленной. Видимо, этот красноречивый взгляд, таящий в себе желание, столь сходное с его собственным жгучим «голодом» и подсказал Веймару, как следует поступить дальше. Барон улыбнулся уголком рта, принимая решение.

Катя вернулась в свою комнату, сбросила плащ прямо у порога и немедленно юркнула под теплое одеяло. Сирма подкинула полено в догорающий камин и с удовлетворением заметила, что в комнате стало тепло и так уютно, как может быть уютно только в покоях древнего замка, когда недалеко от постели горит очаг.

Катя посмеялась немного простодушному замечанию девушки и отослала ее вниз, отказавшись от всякого теплого питья. Сейчас Кате хотелось остаться одной и немного поразмыслить над тем, как ей дальше вести себя с Любимым, который, оказывается, может бегать по округе в Волчьем обличье. К этому факту биографии будущего Супруга, пожалуй, следовало еще привыкнуть.

Катя лежала в полном одиночестве на своей огромной постели, глазела на темное полотно занавесей над головой и, кажется, всерьез собиралась заплакать.

«И зачем я так резко с ним разговаривала... в чем я его обвиняла? Но он так сердито начал меня расспрашивать — где была? К кому ходила? За руку схватил... чуть что не так — сразу показывает свой тиранический характер. Нет, надо мне все-таки выдержать паузу и показать, что я такое поведение в свой адрес не потерплю... Но, мне-то как эту самую паузу пережить, я уже к нему хочу... чтобы он меня обнимал, ласкал... Я теперь знаю, он умеет быть нежным, даже очень...»

Внезапно тишину комнаты нарушил тихий скрип медленно открывающейся двери. Катя сначала натянула одеяло на вспыхнувшее румянцем лицо, а потом вдруг рывком села на кровати с закрытыми глазами и громко заявила:

— Я велела всем слугам уйти, я не желаю ни с кем разговаривать. Я устала и хочу спать! Попрошу меня не тревожить... до утра... хотя бы.

На эту бурную тираду не последовало ответа и немного подождав в полной тишине Катя решила приоткрыть один глаз. И опешила... при отблесках света, исходящего от камина, девушка увидела, что перед ее кроватью стоит большой Волк. Катя быстренько справилась с легким испугом и отвернулась к окну, чтобы спрятать невольную улыбку.

— Какая наглость заявиться сейчас ко мне в таком виде! Я вас не приглашала!

Зверь вдруг жалобно заскулил, опустился на живот и положил голову на лапы, видимо, в знак глубочайшего раскаяния. Катя со вздохом заглянула за край постели и сердце девушки дрогнуло при виде искренней грусти в глазах Серого Хищника. Но, возможно, у Катерины просто разыгралось воображение...

— Вот уж нет! Я не собираюсь так быстро вам это прощать! Вам следовало сказать мне гораздо раньше, а не наблюдать за тем, как я купаюсь совсем голая и не лезть мне потом в трусики своим... своим языком... К вашему сведению, я вообще не приемлю такое... такое... откровенное...

Катя вдруг поняла, что совершенно не может больше сердиться и сейчас просто рассмеется на всю комнату. Почувствовав перемену в ее настроении, Волк тотчас поднялся и одобрительно фыркнул, а потом тонкое поскуливание раздалось уже почти на кровати, куда Волк, кажется, на полном серьезе собирался запрыгнуть.

Катя не сдержалась и погладила Зверя по мохнатой морде:

— Беги-ка в свой лес, дружок, или укройся в комнате, что в конце коридора. Увидимся завтра...

Катя едва могла сдержать возглас разочарования, когда увидела, что Волк опустил лапы с кровати и отвернулся. «Нет, нет, не уходи, только не сейчас, я не смогу сейчас быть одна... я все равно побегу за тобой следом!»

Но Волк и не собирался никуда исчезать, как бы ни так... Волк отлично знал, что эта длинная ночь будет целиком принадлежать Ему... как и эта дивная Женщина, что с трепетом сейчас следит за каждым его движением. Волк ликовал...

А Катя с облегчением выдохнула, когда обнаружила, что Серый Приятель всего лишь обошел кровать и забрался на нее с другой стороны, кажется, собираясь устроиться на ночлег рядом с Хозяйкой. Теперь они лежали рядом и смотрели друг другу в глаза.

Катя натянула одеяло до самого носа и начала изливать наболевшее:

— Вот послушай, я теперь даже не знаю, как мне к тебе обращаться, как с тобой говорить. Я беспокоилась о тебе, когда ты побежал на звуки охотничьего рога, я боялась, как бы тебе не причинили вред в лесу, а потом вдруг исчез Веймар. Я стала о нем волноваться, а Он, оказывается, это Ты... как все здесь у вас удивительно, это же надо еще уложить в голове, что Ты — это Волк... Веймар? Ты меня, правда, сейчас понимаешь, дай какой-нибудь знак.

Волк поднял голову с явным намерением лизнуть Катину щеку, но девушка ловко отстранилась:

— Ну уж нет... не подлизывайся... в прямом смысле этого слова. И вот чего ты сейчас добиваешься, ответь? Почему не рискнул прийти ко мне в обычном виде? Думаешь, я не буду ругаться с Волком? Ты все просчитал, да? Знаешь, что мне нравятся зверушки, даже такие лохматые и клыкастые...

К великому изумлению девушки, Зверь явно покачал головой, со всем соглашаясь.

— Какой же ты у нас умный... красивый... очень замечательный во всех смыслах. И такой почти деликатный и нежный... Так, кого же мне теперь больше любить из вас двоих — человека... или Зверя?

От такой постановки вопроса Веймар растерялся и тут же насторожился:

— «А не начать ли мне ревновать... к самому себе, точнее к своей звериной ипостаси? Кто бы мог представить, что Моя Женщина будет больше благоволить Серому?»

Зато Волк был просто вне себя от счастья, еще бы, Хозяйка только что его похвалила и даже совершенно правильно расставила приоритеты. Веймар немедленно остудил его пыл:

— «Уж кое в чем ты мне точно не соперник, дружище! Тебе-то, пожалуй, придется ограничиться только облизыванием ручек своей Возлюбленной. А вот мне, если Боги будут сегодня благосклонны... мне, возможно, позволят гораздо больше... и эту возможность я не упущу, уж поверь мне!»

А Катя даже не представляла, какие споры сейчас ведутся на той стороне ее постели, девушку откровенно клонило в сон после всех вечерних перепитий:

— О-о-х... Ну, ты хотя бы достаточно чистый, чтобы забраться в постель к Леди... даже если она еще не совсем Леди? Ладно, просто лежи себе смирно и не вздумай приставать с поцелуями... хотя бы до утра...

Уже закрывая глаза, Катя поудобнее взбила подушку и пробормотала, засыпая:

— Я люблю вас обоих, даже не сомневайся, вы оба дороги мне, Веймар... навсегда.

Кажется, только этих слов и не доставало Веймару для полнейшего выздоровления. К рассвету на его мощном теле и следа не останется от недавних царапин. На рассвете он полностью будет готов к Любви.

Глава 12. «Мой нежный Хищник...»

Нет, ничего не изменилось В природе бедной и простой, Все только дивно озарилось Невыразимой красотой. Знай, друг мой гордый, друг мой нежный, С тобою, лишь с тобой одной, Златоволосой, белоснежной, Я стал на миг самим собой.

Кате показалось, что она только на миг закрыла глаза, как уже наступило утро. Девушка с удовольствием потянулась, выбираясь из-под одеяла и... взор Катерины уткнулся в обнаженную мужскую грудь — идеально гладкую и мускулистую.

— Ах...

На постели рядом, вытянувшись во весь свой высокий рост, лежал Веймар, причем, похоже, что абсолютно голый, будучи лишь слегка прикрыт краешком покрывала. Несколько мгновений Катя недоуменно «шарила» глазами по фигуре мужчины, пытаясь понять, как это великолепное тело, вообще, появилось в ее спальне. А потом девушка снова ахнула, осознав, что все это время барон столь же сосредоточенно изучает ее саму, задерживая взгляд на белоснежном плечике, с которого опять сползла широкая в ворота ночная рубашка.

— А, где же... Волк?

Веймар даже зарычал от досады, кажется, слишком грозно, но он просто не мог сдержаться:

— Тебе больше нравится Зверь в твоей постели, верно? Я заметил... учту! Я могу ласкать тебя и в Волчьем обличье, если ты пожелаешь. Однако, сейчас, мне хочется быть мужчиной рядом с тобой!

— Сейчас же покинь мою кровать и не рычи!

— Волка ты ведь не прогоняла!

— Он гораздо воспитанней тебя и никогда так сердито со мной не разговаривает! — выпалила Катя и тут же смутилась от того, насколько глупо это прозвучало.

Веймар улыбнулся, ложась на спину и закидывая руки за голову.

— И почему я совсем не обижен? А стоило бы прийти в ярость! Подумать только — моя невеста выбрала Серое Чудище! Предпочла Зверя.

Катя тут же сменила нечаянный гнев на милость и прильнула к груди барона:

— Потому что, ты и есть Зверь! Самый любимый и самый нежный мой Хищник!

— Может, пришло время тебе в этом окончательно убедиться... Желанная!

Веймар приподнялся и одним быстрым движением стащил рубашку Катерины до пояса, а потом, опустив девушку на постель перед собой, начал покрывать шею и грудь девушки жадными поцелуями. Обнаженное колено мужчины уверенно разместилось между ее ног. Катя сперва попробовала протестовать столь бурному натиску, но когда Веймар накрыл ее своим телом, у нее не осталось сил сопротивляться. Катюша просто таяла под нетерпеливыми ласками мужчины, а когда почувствовала на себе жар его тела, не смогла сдержать стона удовольствия.

— Да, я тебя хочу... возьми...

Когда мужчина проник языком между ее полураскрытых губ, разум, казалось, вовсе оставил Ее голову, передавая управление древним инстинктам. Веймар целовал Любимую страстно, неистово, то отрываясь на мгновение от ее рта, чтобы жарко лизнуть шею, то снова возвращаясь к лицу. И девушка подалась навстречу мужчине, раскрываясь, впуская его в себя, крепко прижимая его к своему телу, вцепившись чуть дрожащими пальцами в налитые силой плечи.

Веймар больше не мог сдерживаться — он вошел в нее стремительно и так глубоко, как смог, чувствуя, как сладостные ощущения близости также заполнили все его сознание. Любимая была сейчас настолько тесная, влажная, трепещущая и готовая для него, что мужчина просто замер на миг от нахлынувшего блаженства. Веймару казалось, что и впредь он никогда не сможет ощутить нечто столь же восхитительное, как это первое соединение с Желанной.

Он хотел как можно дольше задержаться в этом удивительном состоянии, продлить его и убедиться, что Катрин тоже готова разделить с ним эти божественные ощущения, но тесные стеночки вокруг его мужской плоти так нежно обхватили его еще туже, что Зверь в нем вдруг зарычал от удовольствия, заставляя мужчину излиться в новом мощном движении к самым сокровенным глубинам Ее тела.

— Я был с тобой как мальчишка... слишком быстро... — виновато простонал Веймар, зарываясь лицом в густые пряди ее волос. Катя тихо рассмеялась, поглаживая его спину.

— Будем считать, что это я сегодня лишила тебя невинности, мой юный Волк!

— Я слишком долго тебя хотел, каждый день, каждую ночь представлял как беру тебя везде — в лесу, в замке... в каждой из этих комнат, даже на кухонном столе, посреди твоих аппетитных булочек. И ты покорная и ласковая таешь в моих руках...

Катины глаза светились от счастья, чуть припухшие губы лукаво улыбались. Девушка положила голову на грудь Веймара и потерлась носом о его напрягшийся сосок, а потом несмело лизнула его языком. Веймар прищурился, чувствуя, как быстро реагирует тело на ее робкие ласки:

— Ты ведь не думаешь, что мы на этом закончим?

— Откуда мне знать... может, ты еще не совсем восстановился после недомогания... может, мне следует тебя поберечь... до свадьбы.

Веймар снова потянулся к ее отзывчивым губам, и Катя отодвинулась ниже к его паху, словно желая подразнить:

— Мы целуемся уже целое утро...

— И не только целуемся! И не надейся никуда улизнуть... до вечера!

— Но вдруг ты переутомишься, мой дорогой, я же должна о тебе заботиться! Может, ты хочешь есть или пить?

— Я хочу только тебя! Я думаю, что рожден для того, чтобы быть с тобой, чтобы любить тебя, Катарина. Я принадлежу тебе весь... как и мой Волк.

— Какое счастье слышать твои слова, лежать с тобой рядом, прикасаться к тебе, ощущать, как ты двигаешься во мне... я вся твоя... ты же знаешь.

Катя ласково погладила пальчиками твердый живот мужчины, потерлась об него лбом и вдруг осторожно коснулась губами его поднявшейся плоти... Веймар глубоко вздохнул и на мгновение закрыл глаза, снова окунувшись в надвигающееся удовольствие. А потом поднялся на колени, возвышаясь над обнаженной девушкой перед собой.

Некоторое время они молча любовались друг другом, Катя уже не чувствовала ни малейшего смущения, напротив, она даже игриво потягивалась, красуясь перед Возлюбленным, ловя его голодные, напряженные взгляды. А потом подняла ножку и провела пальчиками от его паха по животу до самого горла. Веймар только хищно улыбнулся... быстро подхватил эту шаловливую ножку под колено и притянул к себе. Катя видела, как часто и высоко теперь поднимается грудь Веймара от его бурного дыхания, ноздри мужчины трепетали, в глазах вдруг появился незнакомый стальной блеск.

— Ты позволишь мне взять тебя сейчас так, как я давно уже хочу! Хотя бы один раз... а потом иначе, как ты сама пожелаешь! Я буду любить тебя долго-долго... пока ты не скажешь мне остановиться... запомни это.

Катя только моргнула удивленно и качнула головой в знак согласия.

— «Я бы и так позволила ему все... ну, почти... все...»

— Дай-ка мне сюда другую ножку! Я тебе сейчас покажу, что бывает с той Хозяйкой, что вдруг задумает подразнить голодного Волка.

Катя даже вскрикнула, когда Веймар довольно грубо и яростно ворвался в нее, крепко удерживая руками ее разведенные бедра, почти приподняв попку девушки над постелью. Глядя прямо в глаза Кате, мужчина сейчас двигался в ней сильными и резкими толчками... верхняя губа Веймара приподнялась, обнажив заострившиеся вдруг клыки, из горла вырвалось сдавленное рычание:

— От-вер-нись! Не надо... тебе... видеть меня таким...

Но, Катя просто не могла отвести взгляда от его серых глаз, в которых сейчас вспыхивали золотые искры все нарастающего желания оставить в Любимой часть себя, перелиться в нее снова. И, подчиняясь этому бешеному ритму, отвечая ему, подстраиваясь под него всем телом, Катя закрыла глаза, полностью отдавшись неизведанной до сей пор звериной страсти... на грани боли и удовольствия.

— Нет, лучше смотри... теперь я хочу, чтобы ты видела, как я беру тебя, Моя Женщина... запомни,

что с этой минуты ты принадлежишь только мне. Повтори это, скажи мне это сейчас.

Веймар чуть замедлил движение, словно распалая ее, заставляя умолять о продолжении, заставляя признать свое полное мужское превосходство над ее женской сутью... даже если она и Хозяйка... И Катя готова была умолять, всем телом вздрагивая от ускользающего наслаждения:

— Да, Веймар я твоя! Я принадлежу тебе всегда... как ты хочешь и когда ты хочешь... еще, Веймар.

Широко раскрытыми глазами Катя жадно ловила каждую черточку Его лица, каждую капельку пота блестящую на Его смуглом плече, каждый напряженный мускул его больших рук, что сейчас сжимали ее лодыжки у своей крепкой груди... его суровое, сосредоточенное лицо... пугающее... даже чужое... И не в силах больше выдерживать это промедление, Катя приподнялась, опираясь на руки, чтобы самой заставить его плоть погрузиться в ее сочное лоно.

— О, Боже, Веймар!.. Боже...

— Они это видят... не сомневайся... они подсматривают за нами целую вечность... и как им только не надоест!

И Катя рассмеялась, не сдерживая счастливых слез от переполняющих ее невероятных ощущений — Веймар был с ней и он был прежний, любимый, желанный... Кате вдруг захотелось, чтобы он немедленно лег на нее сверху, прижал к постели всем своим весом, так, чтобы она ощутила его каждой клеточкой тела, и пусть ей будет тяжело и даже нечем дышать... она потерпит ради того, чтобы почувствовать себя под ним... его силу... его власть... его право на нее... право Самца взять свою Самку.

— Иди ко мне... Иди, ты мне нужен... прошу...

Кате вдруг показалось, что она сойдет с ума, если он вдруг откажется... Ее соски ныли от жажды его прикосновений, ее грудь, живот желали новой ласки его жестких рук, губы хотели поцелуев. Как же он этого не понимает, почему он сейчас так далеко... Это было уже невыносимо, Катя сама сейчас находилась так близко от чего-то настолько приятного, что не хватало слов, чтобы это описать... Но Тиран медлил... он нарочито медлил, чтобы помучить ее... как жестоко...

— Умоляю... ложись со мной...

Но Веймар только покачал головой с хитровой усмешкой, а потом еще сильнее сжал пальцами ее бедра, глубже насаживая девушку на себя...

— Я же сказал! Сейчас будет так, как хочется мне! Твои желания позже...

— Не останавливайся... я больше не могу... еще, Веймар... еще... не оставляй...

Катя всхлипнула, ей показалось, что Он хочет и вовсе покинуть ее тело, отодвинуться... И тогда Веймар вдруг запрокинул голову и взвыл, ускоряя ритм внутри ее, а после чего резко наклонился к ее щиколотке у своего плеча и прикусил кожу. Катя вздрогнула от короткой боли и без сил опустилась на кровать, чувствуя только, как мужчина быстро-быстро зализывает отметины от своих зубов на ее ноге. А потом он все же опустился на нее сверху, немного опираясь на ладони, и девушка с восторгом обхватила его разведенными бедрами и руками.

— «Больше не отпущу... мой, теперь уже весь мой...»

Катя задыхалась... она получила все, что желала сейчас, достигла самого пика блаженства... Самое главное — Он был рядом, щека к щеке, грудь о грудь, живот о живот... и даже самые их сокровенные местечки сейчас... не бывает ближе... Ее мужчина... Ее нежный Хищник... ее прирученный Волк... покорный лишь Ей... удовлетворенный и восхищенный Ее собственной преданностью.

— Я тебя напугал? Я сделал тебе больно... такого больше не повторится, обещаю! Ты меня просила, а я сделал по своему, да? Это все Он... иногда я не могу с ним спорить... иногда мы с ним заодно... Хочешь, я его накажу?

— Разве что воздержанием?

— От еды и питья, пожалуй... Только не отказывай мне в любви... я буду другим... как ты скажешь... как пожелаешь.

Веймару было немножечко совестно перед ней... совсем-то чуть-чуть... но, в душе он, конечно, торжествовал. А потом увидел в ее глазах слезы... но она сказала, что это просто так... Глаза ее и впрямь были мокрыми — это как роса на цветах от переизбытка влаги... от ощущения полноты жизни... от избытка счастья, хотя бывает ли счастья в избытке... Веймар осторожно поцеловал ее

румяную щеку, слизывая соленые капельки, а потом, откинув волосы, подул в розовую раковинку уха:

— Ты на меня не сердишься? Не прогонишь... в комнату, что находится в конце коридора?

— Ты почти заставил меня страдать, Волк!

— Из-за того, что сразу не лег сверху? Это же ерунда... да сколько захочешь, хоть прямо сейчас...

— Сейчас я уже не хочу... Перестань! Немедленно слезь с меня, чудовище, ты же меня раздавишь... Отпусти немедленно! Э-эй, осторожно, Веймар! Вдруг у меня уже сегодня могут быть дети и...

Катя со смеху покатила на кровать, наблюдая, как вытянулось лицо Веймара, когда он с невероятной скоростью от нее отпрыгнул.

— Эх, ты! Сам еще щеночек, раз не знаешь, что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... А туда же — кусаться по взрослому.

— Катрин, я не потерплю насмешек над важными вещами... дети — это очень серьезно.

— Тогда вам во всем надлежит слушаться меня, Барон да Лостан и по совместительству Серый Волк... уж не знаю, как сказать точнее.

— Что ж, иногда я буду послушен... А сейчас можешь меня укусить в отместку... У тебя такие маленькие зубки, что я даже ничего не почувствую.

— Ты в этом уверен?

Катя запрыгнула на Веймара сверху и чуть прикусила кожу на плече, одновременно пытаясь заглянуть в глаза своему мужчине.

— Я же говорил... даже ничуть не больно... может, это снова был поцелуй?

— Вот, только попробуй еще на меня зарычать... укушу по-настоящему!

— Надо бы преподать тебе пару уроков, ты смыслишь только в пирожках...

— Неужели? Да мне просто жалко пускать тебе кровь.

— Да... В это утро пустить кровь должен был я...

Катя тотчас нахмурилась и закуталась в простыню, отвернувшись.

— Думаешь, твоя щепетильная Нарида потребует подтверждение моей невинности? Я тебя сразу предупреждала, Веймар, надо было взять в жены деревенскую «скороспелку»!

— Кого-кого ты мне предлагаешь? Иди-ка сюда, ишь, замоталась в тряпку и думает, я до нее не доберусь...

— Если тебе нужна девственница, то можешь искать...

— Мне нужна только ты, Катрин! Прости, я не хотел обидеть тебя.

— Не стоило упоминать вообще... Скажи, а служанки правда будут обсуждать, что на белье нет красных пятен? Они будут потом на меня коситься?

— Ну, раз уж тебе нужны эти пятна...

Веймар рванул зубами кожу на внутренней стороне предплечья и тут же прижал рану Катиной простыней...

— Тут хватит на целый выводок невинных дев... лишь бы ты была спокойна, Любимая!

— Веймар, зачем?! Господи, я же не думала, что ты так поступишь, Веймар, дай мне посмотреть.

— Завтра заживет, пустяки... дай снова тебя обнять, я уже скучаю.

Их тела вновь переплелись... Мужчина и Женщина сейчас всю забавлялись, наслаждались друг другом, катаясь по постели, взбивая простыни, разбрасывая подушки. Никто даже не заметил, как в комнату заглянула Сирма.

— Госпожа, вы уже встали... ой... ой... ах...

Увидев сцену на смятой, истерзанной кровати служанка застыла столбом и только хлопала глазами, пока Веймар не обратил на нее свой гневный взор. Сирма тотчас же нашла задом двери и выбежала прочь. И получаса не прошло, как весь Ульфенхолл знал, что в это, несомненно, доброе утро Хозяин и его Невеста голышом резвятся в постели.

Нарида налила большую кружку парного молока, что принесли с утреннего надоя и уже хотела передать его служанке, чтобы та отнесла Торму, как вдруг передумала...

— Сама... Займись пока рыбой... да помешай квашню!

Свежее молоко для однорукого воина — это был обычный ежеутренний ритуал, отчего-то сегодня Нариды решила совершить его лично.

Чуть прихрамывая, пожилая женщина направилась было в каморку Торма, но обнаружила его сидящим во дворе...

— «Решил видно погреться на солнце... похоже, не очень-то его согрела его кровь эта городская вдовушка... У-у! Старый кобель...»

— На вот, держи свое молоко!

— Благодарю тебя от души, добрая женщина! — Торм приложил единственную руку к сердцу и притворно тяжело вздохнул.

Вдруг со стороны кухни выпорхнула молоденькая служаночка и, подскочив к Нариде, принялась что-то быстро шептать ей на ухо, тут же хихикая в кулачок. Брови домоправительницы поднимались все выше и выше... а вот уголки губ, наоборот, удивленно поползли вниз.

— Что там у вас еще стряслось в замке? Кто кого покусал? — буркнул Торм, отставляя на деревянный чурбан недопитую кружку с молоком.

— С чего бы так суетиться... Вроде все дома. Леди еще никуда не успела убежать.

— Так, они пожалуй, и до ужина никуда не выйдут из ее спальни, — снова хихикнула служанка, вертась на одном месте, словно пританцовывая.

— Поменьше болтай! — прикрикнула на нее Нариды, пытаясь придать строгое выражение своему лицу.

Торм со все нарастающим интересом оглядел бывшую кормилицу:

— Так, что у них там? Уже говори...

— Подумаешь, улеглись вместе... Давно пора было взять в руки эту вздорную девчонку, глядишь присмирееет!

Осознав, наконец, причину всеобщего волнения, Торм задумчиво накрутил на палец усы, сморщив губы в улыбку.

— Готов поспорить, это она его уложила в постель! Вот же молодец!

Старый вояка знал, чем задеть бывшую пассию... Не обманулся и на сей раз.

— Чего-о? Да пусть бы только попробовала дразнить Хозяина... Дай Бог ей, вообще, живой выбраться сегодня из спальни!

И тут служанка опять встряла в разговор, уж так ей не терпелось посмаковать подробности:

— Сирма еще сказала, что все покрывало было в крови... ой...

Нариды всплеснула руками:

— Бедная девочка! Ох, у меня уже болит за нее сердце... Но, неужели Веймар и сам не понимает, что ее надо побережь... ведь впереди еще свадебное торжество. Ах, мой мальчик может быть таким грозным, а что если бедняжка едва жива от страха?

Торм расхохотался, откровенно забавляясь над тем, как быстро меняется настроение и симпатии Нариды:

— Леди Катрин не такая уж грусиха, да и характера ей не занимать! Да-а-а... быстро же она приручила нашего Свиристого Волка... наверно, с ней-то он как ягненок... пушистый и ласковый, как считаешь, Нариды?

— Ягненок? Я вот тебя сейчас живо отучу потешаться над Хозяином! Не погляжу, что ты у нас калека.

Торм едва увернулся от шлепка толстым полотенцем, что в руках Нариды превращалось порой в серьезное орудие воздействия на нерадивых служанок.

— Смотри, женщина, как бы тебе о том не пожалеть после! Я ведь потерял лишь руку, а все остальное, нужное мужчине для любовного боя — пока еще при мне! А ты, как я погляжу, до сих пор страстная воительница, моя Нари... я никогда не забуду, как один единственный раз сражался с тобой на сеновале... никогда... славная была битва...

Растерявшись от подобного заявления, да еще в присутствии служанки, Нариды, не придумала ничего лучше как подобрать юбки и попросту покинуть поле словесного поединка. Торм добродушно посмеивался, глядя ей в след, но в глазах его на самом-самом доньшке пряталась грусть...

— «Эх, Нари, Нари... не была бы ты так строптива, может, довелось бы тебе еще понынчить и наших с тобой детишек... я раньше так этого хотел. А теперь злишься на меня, как собака на сене, ревнуешь к моложавым горожанкам, а я ведь до сих пор от тебя ни на шаг, хотя вряд ли нам суждено когда-то проснуться под одним одеялом. Моя старая, глупая Нари...»

А Катя в это самое время как раз лежала, уютно прижавшись к боку любимого мужчины и вздыхала задумчиво:

— Вот теперь уже все про нас знают! Как я зайду на кухню — девчонки будут посмеиваться, кто постарше будут смотреть с понимающей улыбочкой. А я должна делать вид, что ничего такого не произошло, да? Мне немножко не по себе... может, стоило подождать до свадьбы, как думаешь?

Катя сосредоточенно накручивала на палец длинную прядь темных волос Веймара.

— Я бы не выдержал... встретил бы тебя снова у реки в образе Волка и...

— Что... «и»... продолжай — продолжай...

— Любил бы прямо на траве... на песке...

— Еще «на дереве» забыл упомянуть!

— Нет, пожалуй, это мне не доступно... разве, только так могут Крылатые Твари, но никакое дерево не выдержит их огромный вес.

— Они что — драконы?

— Вроде того...

— И они разумны?

— Более чем... Гальбо вроде как в союзе с одним из них, кажется последним в роду, самым Опасным и Могущественным, а те Твари, что поменьше разбрелись по Дэриланд и стараются не высываться, летают себе по ночам, похищают пригожих девиц...

Веймар с улыбкой покосился на Избраницу.

— Следи, чтобы никто не украл меня, я тебе еще пригожусь... мой Хищник!

— Никому тебя не отдам!

Веймар положил ладонь на теплый Катин животик, а потом повел рукой ниже...

— Снова хочу тебя... Не могу насытиться тобой...

Катя с улыбкой опустила веки, чуть шире развела ножки.

— Так иди...

— Скажи, что любишь меня! — Требовательно попросил Веймар, наклонившись над своей женщиной.

— Ты ведь знаешь, что люблю!

— Ты проговорила это в полусне, или в пылу страсти, скажи сейчас, глядя мне прямо в глаза!

Катя вздохнула, обнимая мужчину за шею, приподнимаясь к нему:

— Если я буду говорить это часто, ты, пожалуй, привыкнешь и расслабишься, и начнешь скучать по городским развлечениям, а меня запрешь в чулане...

Веймар крепко прижал к себе нежное, такое желанное тело Возлюбленной:

— Прежде мне никто не был нужен. Никогда. Я был один и это казалось правильным. Все, что я хотел — легко получал, и я не желал сверх меры... Когда я встретил тебя, все стало меняться... Ничего не нужно, ничего не важно — только Ты! Я хотел получить тебя, но не одно лишь твое прекрасное тело. Я хотел получить твою улыбку, обращенную ко мне, твой радостный взгляд, направленный в мою сторону, твой горячий шепот у моей груди...

Никогда прежде я не искал любви, это казалось глупой сказкой для слабых, безвольных, жалких... Я владел лесом, землей, даже пустошью, что кишит змеями в душные летние ночи. Но понял, что моя жизнь не полна без твоей дружбы, без тебя рядом со мной. Ты стала нужна мне вся, но и я сам хотел быть нужен тебе. Я хотел, чтобы ты приняла меня со всем, что у меня есть, но сверх того и меня самого приняла таким, какой я на самом деле...

— Я принимаю... и я очень люблю тебя, мой мужчина!

— Волка ты, кажется, любишь больше, — вздохнул Веймар, и Катя даже не поняла, шутит он сейчас или говорит правду.

— Мы познакомились с ним раньше и он первым меня лизнул, с этим уже ничего не поделать, придется тебе смириться, Веймар де Лостан — хозяин Волчьих земель.

— Но Зверь ведь не может дать тебе то наслаждение, которое даю я, верно?

— С этим, воистину, трудно спорить, Любимый!

Они снова занялись поцелуями...

А Волк, кажется, решил подремать перед обедом, Волк был совершенно спокоен и всем доволен. Человеческий собрат отлично выполнил возложенную на него ответственную задачу, за него не пришлось краснеть «серой морде». Волку только и остается, что ожидать прибавления семейства... возможно, уже к новой весне во дворе Ульфенхолл будут бегать крохотные лапки, ну, или ножки... не важно... хотя человеческие детеныши растут так, на удивление, медленно.

Ближе к обеду, к некоторому разочарованию ряда преданных слуг, Катя и Веймар все же выбрались из спальни и велели накрывать стол в большой зале, чем немало встревожили Нариду. Дело в том, что с самого утра отчего-то расчувствовавшись, пожилая женщина мало следила за подготовкой к обеду и жаркое в итоге подгорело, а не было полусырым, как предпочитал Хозяин, рыба же, напротив, оказалась недожаренной, а хлеб и вовсе подсох.

Но парочка влюбленных была занята лишь собой и мало обращала внимания на подобные мелочи, к тому же Веймар настаивал на скорейшем утолении голода и возвращении в постель, правда, для разнообразия предлагал Катрин посетить на сей раз его собственную комнату. Однако, сладкие грезы пришлось немного отложить, поскольку в Ульфенхолл прибыл никто иной, как Рыцарь Дагмар, решивший на обратном пути со своего странного свидания заехать к другу, справиться о его здоровье.

Веймар был весьма доволен предстоящей встречей, к тому же хозяин Черных Камней обожал жареных ягнят и, вообще, сказать по правде, был не привередлив в выборе блюд.

— Как он показался тебе при последней встрече? — любопытствовал Веймар, лаская взором несколько утомленную долгим утренним пробуждением Катрин.

— Очень уж импульсивен и грубоват, на мой «изысканный» вкус, хотя женщинам порой нравятся именно такие мужчины, — от души рассмеялась Катя.

— Также не мешало бы его хоть немного подстричь и подучить хорошим манерам, надеюсь, его будущая супруга отлично со всем этим справится, как полагаешь?

— Я давненько знаю Дагмара, он никому не уступит в схватке — на коне или пешком, в смертельном бою он один стоит десятых храбрых воинов, но вот если его сурового сердца коснется один нежный взгляд... Женщина обречена...

— И на что же именно она обречена? Ты меня пугаешь, Веймар!

Мужчина громогласно расхохотался, подливая себе вина из высокого кувшина:

— Дагмар шагу не даст ей ступить самой, будет целыми днями носить ее на руках и целовать каждый пальчик на ее ножке.

— Ммм... ты серьезно? Ах, я бы тоже не отказалась от подобной перспективы...

— Я согласен! Буду твоим верным паладином... но лишь пару дней, чтобы не сильно смешить прислугу... Вот проводим всех гостей и начнем забавляться...

— А я готов вас развлечь прямо сейчас!

Громовой бас черногривого великана потряс залу:

— Смотрите какую славную пичужку я вам сюда приволок!

Катя с удивлением наблюдала, как Дагмар прямо за шиворот подтащил к столу щупленького человечка в смешной круглой шапочке с длинным алым пером. В руках же этот «дяденька» неопределенного возраста крепко сжимал крохотный музыкальный инструмент наподобие того, что Катя уже видела прежде у Тали, своей случайной знакомой.

— Должно быть, вы менестрель? — с восторгом захлопала в ладоши Катерина.

— Дагмар, отпустите же его, он едва дышит!

Человечек явно обрадовался подобному заступничеству милой Дамы и освободившись от жесткой хватки Рыцаря, галантно поклонился Катюше.

— О, моя блистательная Госпожа! Какое невероятное счастье видеть ваши звездоподобные очи после столь долгого путешествия и всяческих прочих невзгод моей маленькой жизни.

Веймар только хмыкнул, залпом осушая свой кубок, а потом с грохотом брякнул его на стол.

— Только размалеванных болтунов и «глоткодеров» мне не доставало в собственном замке!

— Веймар, прошу, не надо его обижать, пусть он немного перекусит и отдохнет, а потом повеселит меня какой-нибудь песенкой. Думаю, завтра уже он отправится... э-э-э... восвосяси, а сегодня, давай устроим небольшую вечеринку. Пожалуйста, я так люблю хорошие песни... Веймар!

— А ты уверена, что он, вообще, умеет петь?

— О, мой грозный Господин, чье имя наводит трепет на всю округу: от подножия хребтов, окруживших Сумрачную Долину, вплоть до самых подступов к нашей славной столице...

О, благородный де Лостан, в чьих жилах течет древняя кровь покорителей морской стихии и захватчиков Змеиной Пустоши...

О, Хозяин Волчьих Земель, под чьей могучей лапой в довольстве и благоденствии проживают тысячи слуг, ежедневно превозносящих хвалу отваге и чести своего Повелителя...

— Довольно! Довольно! Можешь остаться... до завтрашнего утра... может быть... — морщась, словно от зубной боли, махнул рукой Веймар, «лишь бы уже заткнулся!»

Катя вовсю хохотала, зажав рот обеими руками, а Дагмар, не теряя даром времени добрался, наконец, до стола и обеими руками ухватил кувшин с добрым вином, поднося его с пересохшему рту.

Славное пойло, друг!

— Кхм... кхм... Вы бы лучше рассказали, как прошла ваша встреча с Леди Марин, как она поживает... ммм... животик уже растет?

Дагмар вытер лицо рукавом куртки и тут же сбросил ее на пол, усаживаясь за стол, чтобы уделить должное внимание разнообразным кушаньям. Стоит, однако, заметить, что лицо мужчины сразу же стало серьезным и даже несколько растерянным:

— Мы не могли долго оставаться наедине, ее чертов муж, кажется, протянет еще пару месяцев. Хотя он вроде бы неплохой парень, ему просто не повезло... Мы даже вполне мирно беседовали, и нас с Марин этот Никос... э-э-э... вроде как благословил. Бешеный Могр! Мне даже расхотелось его убивать, а ведь, когда я ехал в их замок, планировал придушить его прямо в постели!

Моя прекрасная Марин, конечно же, так расцвела, у нее уже округлился животик, я еле сдерживаться, чтобы ее не расцеловать при всех... О, Щедрые Боги! У нас была всего одна ночь... она позволяла себя ласкать... Хвала Небесам! Конечно, следовало проявлять осторожность, у нее же малыш, но мы нашли такой способ...

— Дагмар! Лучше остановись... Леди не стоит выслушивать все подробности вашей встречи!

— Ну, Веймар... возможно, опыт этого славного Рыцаря нам с тобой еще пригодится... — промурлыкала Катя, пряча разругавшееся личико на плече у барона, он так удобно сидел рядышком...

— Не беспокойся, родная, уверен мы с тобой тоже отыщем немало удобных способов... за этим дело не станет.

— Может, попросим что-нибудь спеть нашего гостя с... мандолиной?

— Как пожелает, несравненная Госпожа! Какую песенку вы хотели бы услышать первой? О храбром рыцаре, что за локон любимой Дамы отдал бы всю жизнь... Ах, нет, добрый барон, судя по вашему рычанию, вы не любитель подобных сюжетов... Но, вот может быть, история о походе нашего Короля на Ничейные земли...

— Не желаю даже слушать, как поют слащавые баллады о наших доблестных воинах, чьи кости остались киснуть в зыбучих песках у Гнилого леса! — яростно взревел Дагмар, едва не испепелив взглядом перепуганного менестреля.

— Ах, я не слышал песенки лучше той, что пела Леди Катрин в Блодсбурге, за столом у моей милой тетушки Миранны!

Все взгляды немедленно обратились в сторону входной арки, откуда только что появился стройный юноша в темно-синей накидке поверх тонкой брони.

— Ансельм! Какая чудесная встреча! Я безумно рада видеть тебя... Когда же ты приехал?

— Это я привез его в замок, подобрал по дороге, парня едва не ограбили какие-то бродяги, хотели забрать меч... нет, он, конечно, их всех раскидал, но и моя запоздалая помощь отнюдь не помешала, верно, приятель?

— Вам не впервой спасти меня от невзгод, мой добрый Рыцарь и Наставник! Всей моей жизни не хватит расплатиться за ваше благодушное отношение ко мне...

— Я решил взять мальчишку под свое крыло, пусть будет при мне, чтобы с ним опять не стряслась беда... Конечно, только до приезда Марин! Нечего такому смазливому молодцу ошиваться возле молодой Леди. По сравнению с ним я выгляжу вывернутым из земли корявым пнем...

— Именно! — сузил глаза Веймар. — Подойди-ка поближе, парень, или ты намерен до ночи прятаться по углам?

— Я вовсе не прячусь, Господин Барон, просто... просто, я не знал, как вы примете меня после нашей последней встречи, я немного опасался, что вы... э-э... не позволите мне поздороваться с Леди Катрин, к которой я лично... ммм... питаю... восхищаюсь...

Ансельм замаялся и попятился назад, слыша приглушенное ворчание разъяренного Хищника. Катя только покачала головой, положив ладошку на колено Любимому, а потом наклонилась к самому уху Веймара и быстрым шепотом произнесла:

— Успокойся и не рычи! Зачем мне связываться со щенками, если в постели меня ожидает матерый ручной Волк, весьма опытный в соблазнении своих Хозяек? Мне и тебя-то много... боюсь, к нашей первой брачной ночи я уже буду измучена как эта несчастная рыбина... Ох, Веймар! Позволь мне просто повеселиться с друзьями, выпить немного разбавленного вина и спеть пару веселых песенок...

— О вине можешь сразу забыть, Нариди сказал, что чрезмерное увлечение этим напитком способно дурно повлиять на наше будущее потомство!

— В таком случае, дорогой мой почти что супруг, вам бы я тоже не советовала так часто наполнять кубок!

— Вы полагаете?

— Даже уверена!

— Что ж... — вздохнул Веймар, — видимо, придется вам уступить, Леди...

— И вовсе не мне! Это на благо ваших будущих волчат, барон!

— Что я слышу! Леди сама называет будущих детишек волчатами, а ведь, когда-то это слово обижало ваш тонкий слух...

— О, за последние дни мое мнение слегка изменилось... Когда любишь Волка, надо быть готовой к

тому, что наши малыши будут немного «волчатами», лишь бы не слишком кусали мою грудь, когда станут требовать молока!

Катя с улыбкой посмотрела на Веймара, а тот, до глубины души тронутый ее словами о детях, в который раз возблагодарил своего Зверя за эту Женщину, что подарила ему счастье, о возможности которого он даже не предполагал за свою долгую одинокую жизнь...

— «Ну, еще бы тебе меня не хвалить... где уж тебе самому-то сыскать такое бесценное сокровище, как моя Хозяйка... моя очаровательная Катрин! Тут могло помочь только Звериное чутье и Волчья интуиция... Учись, мой человеческий собрат... и цени сей Подарок, что преподнесли тебе Боги, которым на мгновение вздумалось проснуться от Древнего Сна, снизойдя к моей дикой жажде...

Человеку ли зверю должно быть ясно одно: как бы ты не был богат и облечен властью, как бы не были крепки твои мускулы и остры клыки — все это тлен, если нет рядом Избранной Пары, с которой ты все это можешь разделить... и деньги... и славу... и свежепойманную дичь... Гра-ахх...»

Веймар сменил гнев на милость, разрешил Ансельму присоединиться к застолью и вскоре своды залы огласились звучными мелодиями и песнями. Катя и Ансельм вспомнили о «веселом короле», что «громко крикнул свите своей подать кубки, набить трубки и позвать скрипачей», затем Дагмар прорычал какую-то зловещую и не очень приличную балладу о неверной жене, которая, не дождавшись мужа из военного похода, соблазняется проезжим торговцем и дарит ему свою честь в обмен на новое платье, в котором ее потом и задушил объявившийся вскоре супруг.

Веймар петь отказался, но позволил Катюше немного потанцевать под наигрыш популярной в Гальсбурге мелодии, после чего девушка отчаянно захотела посетить столицу «с кратким визитом в каком-нибудь далеком будущем»... и о чем барон, разумеется, ничего не желал слышать. Этот вечер в компании друзей прошел великолепно, впрочем, как и последовавшая за ним ночь.

Утром Дагмар с Ансельмом собрались уезжать в Черные камни, с собой они также прихватили бродячего менестреля, надеясь, что он будет еще немало дней веселить их в имении Даркоса. Катя, конечно, неохотно расставалась с забавным музыкантом, однако не стала спорить с будущим мужем, но только спросила Дагмара:

— А почему же вы не оставили певца у Леди Марин? Он вам явно не конкурент и мог бы развлекать своей игрой эту славную даму.

— О, это вовсе ни к чему! Они и так едва концы с концами сводят, на поместье одни долги, Никос де Альба хворает после того как над ним издевался Кайро и совсем запустил дела... зачем им еще один лишний рот...

— Вы хотите сказать, Леди Марин недоедает?! И вы ничего не предприняли?!

— Она отказалась уехать со мной, понимаете? Я привез ей кучу провизии, оставлял золото, но от него она тоже отказалась... она решила, что до конца останется с мужем, чтобы он помер непременно в родовом имении. Ведь если Марин вдруг сбежит с ребенком, дядя Никоса просто вышвырнет больного никчемного племянничка из его клетушек и заберет замок себе.

— Как это все печально... Значит, Марин отвергла и вашего менестреля?

— Моя Леди и сама отлично брякает на этом... как его там зовут... такие маленькие дощечки, надо их нажимать и будет звучать дивная музыка... много-много дощечек в одном ряду...

— Пианино? Фортепиано?

— Нет... как-то иначе она его называла... кол... клав...

— Господи! Клавесин!

— Кажется, так... Марин прекрасно поет и играет... «я заботою тебя охвачу... ничего я не хочу...» как-то вот так...

— Что-о? Это поет ваша Марин?! А в ее песне есть такие слова: «Ах, ты бедная моя трубадурочка, ну смотри как исхудала фигурочка, я заботою тебя охвачу...» Есть? Ну, вспоминайте же, скорее, Дагмар!

— Да, да! И потом: «ничего я не хочу!» Вот так всегда — что бы я ей не предложил — ничего не хочет!

Катя прижала руки к груди, отчетливо слыша как быстро-быстро начинает биться ее сердце:

— Надо бы мне как-то повидать вашу милую Леди... раз уж мы поем одни и те же песенки... Полагаю, у нас найдутся и другие общие интересы...

— Конечно! Вас непременно надо познакомить!

— Я планирую еще навестить Марин через месяц... Она попросила меня найти ей краски, моя Леди хочет что-то рисовать, говорит, что малыш должен видеть вокруг только все самое красивое и не важно, что он пока еще сидит в ее животе. Марин все знает о детях... Она будет самая лучшая мать в Дэриланд...

— Я не сомневаюсь! Катя с улыбкой покачала головой, наблюдая, как дрожат губы Рыцаря, кажется «Медведь» опять был готов уронить скупую мужскую слезу...

— О, проклятая Долина, я бы вообще остался жить у них в Тарлей, но это вызовет подозрения, а я не хочу компрометировать мою Даму. Вокруг поместья сейчас подозрительное затишье. Никто не ожидал, что Никос, вообще, когда-то женится и обзаведется детьми, про него ходили разные слухи... будто... будто во время восстания Гроз его пленили сторонники Кайро и лишили его... гм... всего, что составляет гордость мужчины.

— Ох, какие ужасы вы говорите! Но, этот нынешний муж Марин, он хотя бы добрый человек, он хорошо к ней относится? Послушайте, я поговорю с Веймаром, мы непременно поедем с вами, я хочу увидеть вашу Леди, я уже чувствую с ней духовное сродство «еще бы мне это не чувствовать...», ей жизненно необходимо сейчас дружеское участие.

— Что ж... сразу после вашего свадебного пира, дам вам пару деньков поваляться в кровати и заберу с собой, когда поеду снова навестить мою ненаглядную... Если со мной будете вы, Леди Ульфенхолл, и сам Веймар, это будет выглядеть всего лишь как увеселительная прогулка молодых супругов и обычный визит с почтением, хотя этот Никос так беден, что никто в округе с ним особо не считается... мы как будто случайно, проезжая мимо, заедем к ним погостить, никаких подозрений вызвать не должно. Великие Боги! Я снова увижу мою Марин! Я уже начну считать Дни.

— Как бы я хотела, чтобы вы, наконец-то, жили вместе, как одна семья. Жаль, что Никос не может просто отпустить эту женщину, раз вы любите друг друга, жаль, что у него такая сложная ситуация с наследованием имени и непременно нужен ребенок.

— Никос все понимает, он прямо в моем присутствии пожелал нам счастья и даже просил Марин оставить его, уехать со мной, но она не согласилась... Я ведь даже не знаю, любит ли она меня, и этот вопрос не дает мне покоя. С Никосом они просто друзья, а я жить без нее уже не могу. Что если ей нужен только малыш, что если она меня оставит и вдруг исчезнет с младенцем, она и появилась-то в Дэриланд неизвестно откуда, даже не хочет говорить, где ее родные, а разве я против новых родственников?

Мне-то какая разница, пусть даже они бедны или отец ее пьет, не просыхая, пусть всех их привозит в мой замок, всем найдется место... я и сам не прочь пропустить кувшинчик, другой, я бы подружился с тестем... И для ее маменьки выделили бы комнатку... только пусть сидит тихо.

Катя опустила голову, делая вид, что с интересом рассматривает что-то у себя под ногами — девушку душил смех... Немного справившись с эмоциями, Катюша с улыбкой посмотрела на расстроенного рыцаря, готового поселить у себя в поместье даже неблагонадежную родню Возлюбленной.

— Да-а-а... интересно, что же сейчас в голове у вашей Марин!

А в это самое время за много верст от Ульфенхолл возле окошечка сторожевой башни замка Тарлей стояла милая голубоглазая девушка с длинными светлыми волосами, заплетенными в косу, сколотую на затылке в узел.

— «Четыре месяца... ровно четыре месяца назад я оказалась в Райнартхолл и встретила Дагмара. Могла ли я когда-то представить, что буду жить в настоящем замке, любить настоящего Рыцаря, который, кажется, ради меня готов и в огонь и в воду... Вот только бы все хорошо было с моей малышкой, только бы Брайан не придумал новую каверзу. Он в прошлый свой приезд так косился на меня, словно хотел прожечь глазами, да еще накричал на Никоса.

А Никос всего лишь хочет спокойно умереть в своем доме, Брайану нужно лишь подождать немного... Он меня ненавидит, я для него неожиданная помеха, это ясно. А ведь Дагмар предлагал сразу же забрать нас к себе в Черные камни, Никосу было бы там спокойно, никто бы не торопил к праотцам, не попрекал, что зажился на свете. Брайан — настоящее чудовище, он способен на все, я его жутко боюсь. И теперь только Дагмар может меня защитить.

Но, Никос отказался к нему ехать, а я одна... нет, так неправильно поступать. Он все же мой муж, хоть и по законам этого мира. А мне сейчас больше нужно думать о ребенке... я так долго мечтала, что у меня появится маленький, так его хотела, а вот сейчас он со мной, во мне, так близко, а у меня на душе тревожно... Будь у меня возможность вернуться в наше обычное время, в мой родной

город, согласилась бы я?

Разве что повидать родителей, сказать, что у меня все хорошо... и вернуться к Дагмару, хотя он порой так себя ведет... еще самого надо еще воспитывать и воспитывать... Что ж поделать, если я воспитательница по жизни, только дай волю... А детки всегда тянулись ко мне... вот и тот первый мой выпуск, а потом август, отпуск... тут-то все и началось...»

Глава 1. Печальный Белый рыцарь

Шлем — надтреснутое блюдо, Щит — картонный, панцирь жалкий... В стременах висят, качаясь, Ноги тощие, как палки. Для него хромая кляча — Конь могучий Росинанта, Эти мельничные крылья — Руки мощного гиганта. Видит он в таверне грязной Роскошь царского чертога. Слышит в дудке свинопаса Звук серебряного рога...

В этот дождливый августовский день Марина Симонова возвращалась домой с работы в подавленном настроении. А ведь следовало бы от радости прыгать и прямо по грязным лужам — впереди отпуск. Однако, слишком много печальных мыслей крутилось у девушки в голове. Уже пятый год Марина работает воспитателем в Детском саду, а своих собственных деток до сих пор нет. И даже мужа настоящего нет, а Славик, с которым они вместе уже порядочное время, кажется, не торопится вить гнездо, не просит о продолжения рода.

Поначалу, когда Марина только устроилась на работу и они со Славой стали вместе снимать квартиру, девушка была готова подождать и хоть немного встать на собственные ноги, перестать зависеть от родителей.

Теперь, кажется, есть стабильный доход, кое-что даже откладывается на постройку будущего дома. Слава мечтает жить в загородном коттедже: большой двор, зеленый подстриженный газончик, рядом деревянная банька, мангалы... можно собираться с друзьями, гудеть до утра...

Марина тоже мечтала, конечно, только во дворе она видела детские качели и песочницу, различные детские аттракциончики и батут, даже маленький бассейн. Детям лучше расти на свежем воздухе, когда рядом сад или лучше — настоящий лес, речка, где можно искупаться летом, а может, и озеро с песчаным бережком. Все эти славные картинки девушка чуть ли не каждый день представляла у себя в голове, но вот реальнее они от этого не становились...

— Нам еще рано иметь детей! Надо накопить денег, взять кредит и присмотреть участок, потом еще столько мороки с этим строительством, ты хоть понимаешь, в какую копеечку это все влетит? А еще надо обновить машину, я хочу нормальную «Газель», подержанную, конечно, я — никуда без машины, это же мой хлеб, да и твой, между прочем, тоже!

Слава работал водителем, перевозил разные грузы в одной небольшой торговой компании. Платили там, конечно, хорошо, но вот домой парень приходил часто уставший, едва ли не за полночь.

— Я же еще разгружаю, я за любое дело берусь, у меня есть цель и я добьюсь своего! А тебе лишь бы «окуклиться» и сидеть потом дома три года! А я один что ли на вас пахать должен?

— Слава, так ведь время-то идет! Ты, конечно, можешь и на пенсии занять ляльку, а я же не молодею. Вон, Иришке чуть-чуть за тридцать, а даже не получается забеременеть, они уже который год с Костей мучаются, всех врачей обошли, вроде здоровы оба, а детей сделать не могут. Я так не хочу! Я не вижу смысла жить только для себя...

— Марин... у нас нет своего жилья, а копошиться потом на одну мою зарплату...

— Родители немного помогут, нас в семье было трое и ничего, пережили даже суровые девяностые, никто не голодал, не ходил босым, всех мама выучила! Даже в войну рожали...

— И даже в тюрьме... там хоть кормят бесплатно!

— Слава, ты хоть думаешь, что говоришь!

— Все, вопрос закрыт, я устал! Мне завтра вставать в пять утра, ехать в Ебург на базу, я спать...

Марина проглотила слезы и побрела на маленькую кухонку домывать посуду с ужина.

«Может, в чем-то он и прав... может, нужно подождать еще... год-другой-третий... может, мне о детях, вообще, лучше забыть, в сентябре получу новую группу малышей, вот и буду им сопلي вытирать, да менять еще памперсы, нынче таких приводят, что и к трем годам от горшка бегают...»

Марина управилась с домашними делами, приняла душ и прошла в темную спальню.

— Слав, ты спишь?

— Ммм... все... не лезь...

Но лечь рядом девушке расхотелось. Марина вернулась на кухню и включила ноутбук, вышла на знакомый сайт, пестрящий яркими обложками и снова погрузилась в привычную вечернюю сказку... Храбрые, отчаянные мужчины, готовые на все ради своих Возлюбленных, рыцари на конях всевозможных мастей, спасающие своих Дам из любых передраг... Интересно, им нужны потом

дети или они тоже просят... подождать, пока не обзаведутся замком или, на худой конец, хижиной в чаще леса...

Марина начала читать продолжение полюбившейся сказочной истории со средневековым антуражем. Как это... все? Замечательная постельная сцена, слезы умиления у Героини, нежные заверения в вечной любви и мечты о детишках, что огласят стены замка своими звонкими воплями, совместный завтрак, плавно переходящий в обед, встреча друзей и всеобщее примирение, веселая вечеринка с музыкой и танцами, подготовка к свадьбе... Конец.

— Конец!?! Вот же бестолковый автор! Как можно было так безбожно скомкать концовку! Нет, я просто возмущена... хотела перед сном окунуться в любимый сюжет, насладиться остроумными диалогами, душой отдохнуть в этой истории, а ее уже прикрыли, даже не описав подвенечное платье героини! И где справедливость?

«Нет счастья на земле, но нет его и выше...», так получается? А я вот хочу себе сказку, своего личного рыцаря с огромным замком и... и... ребенка ему родить. И чтобы он от одной только новости, что папашей станет, запрыгал на одной ножке от радости, чтобы на руки меня подхватил и стиснул в объятиях! Господи, как же я этого хочу!»

Марина с возмущением захлопнула ноутбук и вдруг с удивлением обнаружила, что стена кухни будто бы плывет перед ней, покрываясь голубовато-серебристой дымкой, Марина привстала с табурета и в недоумении протянула руку, чтобы убедиться, что стена на месте, но... внезапно почувствовала, как ее запястье ухватили чьи-то сильные, теплые ладони и девушку потащило вперед. У Марины закружилась голова, в ушах свистел ветер, раздавались птичьи голоса, по лицу почему-то били листья деревьев, огромные, как лопухи, пахло лесом...

А потом вдруг Марина оказалась сидящей на какой-то жесткой поверхности перед большим столом, а напротив нее восседал совершенно незнакомый мужчина с длинными светлыми волосами, что свободно спадали вдоль его удлиненного, худого лица.

— Неужели получилось? Даже не могу поверить... Леди, вы откуда?

Марина с нескрываемым удивлением огляделась по сторонам: какое-то огромное полупустое помещение, сводчатые потолки, темные занавеси на высоких окнах... потухший камин...

— А я-то сама сейчас где?

Мужчина выбрался из-за стола и медленно приблизился к девушке. При этом он почему-то держал перед собой вытянутые руки с раскрытыми ладонями, словно собираясь ими кого-то оттолкнуть:

— Вы только не бойтесь, Милая Леди... Вас никто здесь не обидит, никто вам не причинит зла. Я — хозяин поместья Тарлей, мое имя Никос... Никос де Альба, да... пока еще я здесь хозяин. Я прошу простить, что причинил вам некоторые беспокойства, возможно, но... я даже не верил, что Они меня услышат. Это был вопль отчаяния с моей стороны...

— Да, вы о чем говорите — то, вообще? Как я из своей квартиры, пусть даже и съемной, оказалась у вас дома, объясните? По воздуху меня перенесли? Думаете, я начиталась сказок и всему теперь поверю?

— О, только, пожалуйста, не волнуйтесь! Я вам все сейчас расскажу, даже с самого начала... мой отец...

— Нет, уж — увольте! Самое главное — что вам от меня надо? Кто вы такой?

Мужчина безвольно опустил руки.

— Я ведь уже назвал вам свое имя, я — Никос... Белый Рыцарь... так меня тоже называли когда-то...

— Рыцарь? Ага! Я, наверно, сплю и вы — это мой чудесный сон! Надо же, до чего реальный, а можно мне вас потрогать?

— Это... зачем?

Марина в два шага оказалась перед мужчиной и дернула его за широкий рукав то ли камзола, то ли халата. Ткань ощущалась самой настоящей. Тогда Марина внимательно стала разглядывать человека, стоящего прямо перед ней: выше девушки почти на целую голову, правильные черты лица, лет ему, пожалуй, немного за тридцать, бледноват, худощав и абсолютно не агрессивен, хотя... натура нервная, может оказаться маньяком — извращенцем... тьфу... тьфу... тьфу...

— Слушайте, а вы кажетесь настоящим, вы вообще... — у Марины даже дыхание перехватило от подобной догадки, — вы, хотя бы, человек?

— «Вот прав был Славка, не надо было мне увлекаться этими книжками, взяла моду перед сном эротику читать онлайн, а там стоит открыты страничку — глаза разбегаются: оборотни, вампиры, красавчики полуголые... и даже совсем...

А что же мне делать, если мой собственный мужчина так выматывается на своей работе, что меня трогает только, чтобы передвинуть с места, когда спешит выйти из дома... прихожая у нас тесновата, конечно.

Я уже и забыла, когда мы целовались-то в последний раз, а интимные отношения... пару раз в месяц второпях под одеялом... только сладкими сказочками и спасаться, а они вот куда заносят, оказывается... Может, я спятила уже... на почве сексуальной неудовлетворенности... Алена была права, надо было плюнуть на стыд и купить себе такую штучку... вместе с Аленкой бы зашли в этот «Андрей», а может, может... проще поменять мужчину... страшно... вроде к Славке привыкла уже... и где гарантия, что новый будет лучше...»

— Уверяю вас, я — обычный человек! И я вас не обижу! Вы, возможно, будете очень удивлены, но вас мне послали Боги в ответ на мои горячие просьбы о помощи... Я отчаянно взываю к Ним уже второй месяц, с тех пор как мой дядя Брайан де Верта торопит меня передать ему все права на Тарлей...

Понимаете, если до конца года я не обзаведусь семьей и не произведу на свет наследника или наследницу... я вынужден буду покинуть дом моих предков, родовое гнездо, пристанище Белых Рыцарей... семейный очаг. Я нарушу извечную клятву Альба — умереть в стенах Тарлей, пусть даже от ран, полученных в бою.

По завещанию наших предков, лишь только те, кто умрут в родовом поместье, смогут встретиться со своими ушедшими во тьму родичами. А я так бы хотел снова увидеть отца... пусть и на небесах. И мою благословенную матушку Изабель... и бабушку Римму... и маленького братика, что не прожил и пары дней...

Марина слушала все это, стиснув у груди ладошки: «Вот же бедняга... из родного дома его гонят... видать, строго у них тут с официальными отношениями... вырос — женись, рожай детей, улучшай демографию, а собственно, где это у них?»

— Скажите, а где мы сейчас находимся? В пригороде Тюмени... надеюсь?

— Мне так неловко вас разочаровывать, Леди, но... вас перенесли в Дэриланд.

— Куда-а? Это что — санаторий такой? И кто это меня перенес, интересно?

— Боги Локмора... я обращался именно к ним... и они прислали мне вас. Вот... смотрите сами... дубовые листья.

— Вы в своем уме?

Марина, хлопая глазами, смотрела на то, как мужчина схватил в руки охапку зеленых веток, что были разбросаны по всему столу и зачем-то протянул девушке.

— Ладно... переживем... значит, Боги... Ага! И что вам от меня нужно... в итоге? Мужчина отвернулся и бросил листву на пол.

— Даже не знаю... я хотел бы назвать вас своей супругой и хозяйкой Тарлей, но... я не имею права, поскольку не могу быть вам настоящим мужем, не могу дать вам дитя. Я... меня лишили такой возможности... несколько лет назад.

— «Приехали!»

Марина нащупала сбоку какую-то скамейку и рухнула на нее, не сводя изумленного взгляда со своего нечаянного собеседника.

— Так. Вы утверждаете, что я не в своем родном городе и даже не в России... чудненько! Получается, я в сказке... да-а-а... Правильно говорят, бойтесь мечтать и желать, все в любой момент может осуществиться и потом не жалуйтесь. Остался один вопрос — как мне вернуться обратно?

Мужчина только виновато вздохнул и смущенно потупился:

— Я... я даже не знаю. Меня учили с самого детства, что Великие Боги ничего не делают просто так, и всегда идут навстречу чаяниям людей... к сожалению, как хороших, так и плохих. Но в нашем случае мне ясно одно, раз именно вас решили послать в ответ на мои мольбы... значит, вы каким-то образом можете мне помочь и в то же время — исполняться и все ваши грезы. Возможно, вы недавно тоже о чем-то взывали к Богам?

— Резонно... Я как раз думала о том, что хочу настоящую семью, большой дом и парочку детишек. Что ж... дом-то у вас кажется большой, сам вы — мужчина симпатичный, но только что мне сообщили — замуж идти мне за вас смысла нет... если я все правильно поняла.

Никос снова вздохнул, скрестив руки на груди, подошел к окну:

— Ничего не поделат... придется вам оставаться здесь, пока ваше предназначение не прояснится. Я глубоко убежден, что наша встреча не случайна, Леди... как позволите вас называть?

— Я — Марина, и я вовсе не против немножечко погостить у вас в сказке, хотя есть у меня подозрения, что это всего лишь сон моей дурной головы, но... как же долго он может продлиться?

— Известно лишь Богам...

— Да, что вы заладили — Боги... Боги... сами-то вы хоть что-нибудь можете? Мужчина... моей мечты! Никос — Белый Рыцарь! А, кстати, вы живете один? У вас много слуг? А это самый настоящий замок? А что вокруг? Как вы назвали свою страну — Дэрилянди? А вы можете мне дать какую-нибудь одежду, мне как-то неловко перед вами в ночной рубашке сидеть?

Прошло два часа... Много было разговоров, сумбурных вопросов и спокойных, вежливых ответов. Потом Марина пила что-то вроде ягодного морса, отщипывая время от времени кусочек черствой лепешечки — кушанья принесла в залу немолодая женщина с добродушным лицом. В голове у Марины постепенно все прояснилось и девушка даже пришла в отличное расположение духа.

«Ничего... поживу здесь немного, когда еще выпадет такой шанс побывать в сказочном параллельном мире... я и за границей-то всего один раз отдыхала — ездили со Славой в Турцию, уже на десятый день не знала, куда деться от скуки, сидишь на территории отеля, как индеец в резервации, захотелось нормального чая заварить, а не ту дрянь, что в пакетиках, даже найти не могли крупнолистовой, говорят, надо везти из города... Это Славка виноват, выбрал самый недорогой «все включено»... жмот...»

Насчет Славика девушка даже не волновалась, как-то раз во время ссоры пригрозила, что уедет к родителям в Радужный, а это довольно далеко от Тюмени, к тому же ни телефоном, ни адресом потенциальной тещи Вячеслав никогда не интересовался. А сейчас и вовсе повод сбежать — отпуск на целый месяц! Может, Славка даже и не расстроится...

Так что пусть благоверный себе работает, копит денежки на дом «когда-нибудь к пенсии», а Марина из сказки вернется, соберет вещички и подыщет себе другое жилье. Хватит уже ждать от моря попутного ветра, пора самой братья за весла! «Уж лучше голодать, чем что попало есть и лучше быть одной...» Нет, Славка, конечно, не «кто попало», были у Марины с ним и приятные дни и даже ночи, но... часики тикают, и Марине нужен рядом человек, который, хотя бы, не против детей, и при этом сможет как-то поддержать девушку на период декрета.

«Чего долго думать — рожу для себя... не хотят мужики — не надо, сама воспитаю, руки-ноги есть, голова на месте, мама поможет, сестры тоже... мне бы вот только пару годиков продержаться, а потом снова буду работать, заберу в свою группу в детском саду, наша директриса поймет... Переживем... Зато будет у меня малыш, будут обнимать меня свои родные маленькие ручки... Эх, видел бы Славка, как детки радуются, когда их родители вечером забирают, какие у них лица восторженные: «Мамочка за мной пришла! Папа, смотрите — это МОЙ ПАПА!»

Вот если бы этот самый Белый рыцарь был способен... ммм... я бы даже от него родила, даже в этом сказочном мире... Мужчина вроде приличный, вежливый, при доме опять же... правда, тут надо бы еще порядочек навести, видно, что служанки все запустили в холостяцком жилище, никто ими толком не руководит... ничего, осмотрюсь, торопиться некуда, у меня же отпуск...

Марина отчего-то пребывала в полнейшей уверенности, что ровно к началу сентября, к тому моменту, когда надо будет возвращаться на работу, непременно вернется в свой мир. А иначе... об этом девушка, вообще, старалась даже не думать.

Глава 2. Приглашение в Райнартхолл

Дни мелькали один за другим, сменяясь с невероятной скоростью. За прошедшую неделю Марина успела снизу доверху изучить жилище Никоса, познакомиться со всеми его немногочисленными обитателями и тщательным образом обследовать окрестности полуразваленного замка. М-да... Сказочка-то получалась не ахти...

— Как ты позволил своему дяде Брайану захватить собственные деревни? Это же твоя земля и твои люди! А ты у них вроде как Барин, причем добренький и покладистый, они же на тебя молиться должны!

— Де Верта уже и замок-то считает своим, он уверен, что до конца года я не женюсь, а тем более дети... Не на что мне надеяться, Марин, остается лишь самому лишиться себя жизни в день изгнания, чтобы взойти в Чертог Предков!

— Ага! Они тебя пинком под зад из своего чертога! Ты что задумал, вообще? Пусть тебе дядя выделит какую-то каморку и оставит в покое, здесь хоть и бардак, но места много, пусть перевозит сюда своих домашних... Кстати, у дядюшки-то хоть дети есть?

— Двое, — грустно вздохнул Никос, — сыновья служат в Королевской Гвардии, один уже Рыцарь. Им нужно это поместье, понимаешь? Тарлей, конечно, стар и требует переустройства, но если хорошенько приложить руки... Земля, правда, тут у нас бедновата, но местный народ трудолюбив и никогда не жалуется. Эти края были пожалованы нашему роду еще при Первом Короле Маркосе Гальбо, мы чтим его милость... и осушаем болота уже который век.

— Я, конечно, понимаю, традиции и связь поколений... Но ведь это очень грустно, что ты не можешь никуда переехать, Никос... ты просто «привязан» к своему имению, пусть даже оно будет разорено.

— Именно так...

За прошедшие семь дней Марина с Никосом подружились, это было очень легко. Рыцарь девушке искренне нравился — спокойный, чуточку даже меланхоличный, покладистый, никогда голос на прислугу не поднимет, вообще, чудак — не от мира сего. Ему бы еще усики и бородку, вылитый Дон Кихот.

И с Мариной он держался приветливо, всегда старался угодить, даже предлагал отдать собственную спальню — это была самая светлая и более- менее уютная комната, всего-то с одной трещиной на полстены. Так же дружно и сообща Никос вместе с Мариной перетряхнули разные сундуки и нашли для девушки подходящую одежду и обувь, ленты для волос.

Уже на третий день Марина уверенно руководила Сильдой и Лиссой, двумя служанками, что составляли единственную женскую часть obsługi замка. Даже поваром здесь являлся старый солдат, потерявший в каком-то великом сражении один глаз, что, впрочем, никак не сказалось на его кулинарных способностях. Никос хвастался, что Сарлем может приготовить отменное блюдо даже из парочки воробьев. И Марина слегка приуныла... Но, к счастью, до мелких птах дело еще не дошло и все это время девушка питалась «самой обычной и простой пищей», а именно: лепешками, молоком, сыром, яйцами, похлебкой с овощами и кореньями со следами мяса, жареной рыбкой и «самым дешевеньким» по словам Никоса винцом, вкуснее которого Марина в жизни не пробовала.

А в воскресный денек Сарлем даже подал на стол румяные бараньи ребрышки, так что полное истощение, как поняла Марина, ей пока не грозило. И даже наоборот — за эту неделю, проведенную в деревенской глуши, вдали от шумного города и хлопотной работы с малышкой, девушка вдруг заметила, что немного округлилась, стала хорошо высыпаться и приобрела совершенно свежий цвет лица.

К тому же, вода в местных колодцах оказалась совершенно волшебной. Старенькому конюху, что последние пару лет лишь сторожил пустые конюшни возле замка, теперь нашлось, наконец-то, достойное занятие. Ронса ежедневно таскал воду и грел ее для купания молодой Госпожи, а Марина с удовольствием обнаружила, что ее кожа стала гладенькой и нежной, как у младенчика, волосы будто бы еще больше загустели и стали блестеть безо всякого дорожущего шампуня.

— Ах, какая же у вас роскошная коса, моя Леди! Я никогда прежде не встречала таких дивных волос...

Марина нежилась в теплой воде, позволяя Лиссе расчесывать свои длинные русые волосы. Да, эта волнистая грива всегда была гордостью Симоновой. Славка тоже первое время был без ума, а потом грубо наорал на девушку, заметив однажды на своем свитере парочку ее волосков. Так, ведь не в тарелке же супа заметил... было б из-за чего орать.

Статус Марины в замке был определен немедленно, еще в день ее появления. Марина — Леди и точка. Откуда взялась — неважно. Она близкая подруга Хозяина и никаких гвоздей. И вся малочисленная челядь была только рада тому, что в доме, наконец, появилась Женщина, способная хоть немного приободрить Господина. Никоса здесь все любили, сочувствовали ему в сложной ситуации с наследством, но чем же помочь...

— Лисса, а если ему ребеночка усыновить, если жениться на какой-нибудь... э-э-э... уже беременной крестьяночке?

— Ребенок должен продолжать род Альба, а не быть приемышем. Этот де Верта строго следит за соблюдением всех формальностей. Ох, пусть бы небеса поскорее забрали нашего Господина...

Марина чуть голышом не выпрыгнула из своей купели.

— Да, ты что такое говоришь? Как ты можешь?

— Но, ведь ему недолго осталось, вряд ли проживет до конца года. Никос уже смирился, тем более, что все, кто был отравлен Кайро уже ушли к праотцам. Господин последний из тех, кого спас Герцог де Маликор, да пребудет с ним вечная милость Богов.

— Как это отравлен? Никоса отравили... а я-то думала, что его на войне... ммм... и поэтому он не может иметь детей. Но, он же выглядит вполне здоровым, только немного бледноват и кушает плохо. Вот же несчастье! И мне ничего не сказал, что так страдает. Ох, жалко, как же человека жалко! А этот нахальный дядюшка... нет, чтобы герою войны посочувствовать, позволить спокойно доживать под родимым кровом! Вот же мерзавец!

— Верта никогда не ладили с Альба. У них давняя распря из-за того, что Госпожа Исабель сбежала из дома с Белым Рыцарем, отцом Никоса, но свое родное семейство девушку не простило. Еще бы — Верта всегда были богачи, а Белые Рыцари хорошо умели лишь умирать в боях за свою страну. Честь и отвага во славу трона Гальбо — вот их кредо. Они не умели копить сокровища, таковы наши Господа.

Так получилось, что Никос — единственный потомок Альба, говорят, правда, что у его отца был еще какой-то младший брат, но он с юности сгинул в Инсекте, о нем давным-давно ничего не слышно, наверно, растерзан тварями, Гнилой лес ими просто кишит.

— Ах, какая печальная история! Лисса, я бы так хотела Никосу помочь, да вот только как?

Служанка внимательно посмотрела на взволнованную девушку.

— Есть один способ, но... я не смею вам о нем даже говорить, Госпожа...

— Валяй! Меня уже ничем не напугаешь!

— Но вы, конечно, рассердитесь...

— Лисса, не мямли... говори, что можно сделать!

Служанка присела на краешек глубокой деревянной бочки, что служила ванной для Марины и начала шептать на ушко:

— Я уже не раз думала о такой возможности... Вот если бы вы стали законной женой нашего Господина и... понесли от какого-то... ммм... другого мужчины...

— Что-о? — Марина чуть не с головой нырнула под воду от такого заявления.

— Ой, я же говорила, что вы рассердитесь, умоляю, забудьте мои слова, это такая глупость!

Некоторое время девушка задумчиво разглядывала шербатый край своей «купели».

— А, знаешь, это ведь и впрямь, единственный вариант, тем более, что у Никоса, оказывается, все его... необходимые для детопроизводства... ммм... на месте, кто же знает, чем он ночью с женой под одеялом занимается. Кто его проверял? Ну, сегодня он не способен, а завтра появилась Леди Марина и все пошло как по маслу.

Лисса, а скажи-ка мне честно, Никос, правда... не хочет и не может быть с женщиной, как мужчина? Что же это тут у вас за яд за такой? И сразу не убивает и всех-то почти радостей жизни лишает человека... нам бы такой в наш мир — маньяков травить потихоньку, раз уж смертная казнь у нас запрещена.

— Ах, если бы Господин только пожелал! Ведь мы с Сильдой всегда готовы разделить с ним ложе, но он только грустно улыбается... хотя Сильда нравится ему больше, он иногда оставляет ее в своей

комнате и... бывает к ней очень добр.

— Это в каком же смысле, интересно? — насторожилась Марина, выгнув спинку, чтобы Лисса могла пройти по ней мягкой намыленной тканью.

— Ну, я не знаю всех подробностей...

Лисса вдруг густо покраснела, а Марина уже приготовилась высказать парочку своих вариантов. Чего же стесняться-то, все вроде свои...

— Он ласкает ее и даже... облизывает ей грудь. Ох, вы не будете сердиться... Но, Сильда мне как-то сказала, что Господин делает все, что ей нравится, все-все-все... и она бы не променяла его на другого мужчину с самым большим и твердым... ох, мне так неловко это вам говорить... но ведь известно, что заботливый мужчина может ублажить женщину даже одним пальцем, не говоря уже о его...

— Довольно-о... — простонала Марина, закрывая уши, — иначе я прямо сейчас мокрая и голышом побегу к Никосу с просьбой меня ублажить... Я, конечно, не озабоченная, но мы со Славиком не очень ладили последнее время... а, тут я еще на книжечки в Интернете подседа, а после некоторых романов очень даже хочется все это наяву пережить... мне кажется, я сейчас даже от мужских пальцев не откажусь... вот же наказание...

Лисса хихикала, довольно жестко растирая девушку большим ворсистым полотенцем.

— Все в замке удивляются, почему вы до сих пор спите отдельно... Господин такой славный, такой нежный... а вы такая... порывистая и своенравная, но вместе с тем очень добрая... мы бы так хотели видеть вас своей Госпожой. Ну, вот только Сильда бы, наверно, расстроилась... она ведь очень любит Господина... по-настоящему...

— Я не против стать его Супругой, Лисса, тем более, если это хоть как-то укрепит здесь положением Никоса... теперь надо поставить его в известность о нашем плане. Думаешь, он одобрит?

— А, что ему еще остается, моя дорогая Леди...

Марина вышла из комнаты для омовений и направилась к Никосу, надо было серьезно поговорить на разные деликатные темы. Но, едва девушка хотела постучать в двери спальни Белого Рыцаря, как до ушей Марины донеслись оттуда приглушенный смех и веселые голоса. За всю неделю, что Марина провела в этом удивительном мире, она не слышала, чтобы Альба смеялся.

— «Наверно, с ним сейчас его фаворитка Сильда, вот и развлекаются, а что? Она — девушка молодая, чистенькая, крепкая, формы аппетитные... такую даже просто потискать мужчине приятно, поцеловать... ммм... везде, а девица и рада, что Хозяин ее балует. Да, что тут долго рассуждать... Никос — хороший человек, и меня сюда не зря отправили, может, помогу ему и сразу же вернут обратно. Ладно, пусть они там милуются, пойду к себе, все серьезные разговоры переносятся на утро».

В эту ночь девушка долго не могла заснуть, даже пару раз просыпалась в тревоге, подходила к окну, любовалась растущей луной, еще немного и будет совсем круглая, молочная... «Решено! Если Никос согласится, стану его женой, а встретится приятный мужчина, переступлю через стыд, проведу с ним ночь, а там, может, Боги расстароятся, будет у меня малыш, а у Альбы останется его замок. Хоть и оба на ладан дышит, а свое... родное... пусть до конца будут вместе!»

Проснувшись утром, Марина первым делом отправилась на кухню, разыскать Сильду, с ней тоже следовало кое-что обсудить. Служанка бодро хлопотала по хозяйству, раскладывала на противне ячменные лепешки. Марина скоренько повязала платок, спрятала свою косищу и взялась помогать.

— Сильда, скажи, ты Никоса сильно любишь?

Девушка вспыхнула и закрыла лицо руками.

— Я же давно замечаю, что ты на меня косо смотришь, только успокойся, я не собираюсь у тебя его забирать. У меня другие планы... Ты ведь сама все знаешь, с родственничком ему не повезло, а мы с Лиссой придумали выход... И поместье спасти и мне радость обрести. Я лялечку давно хочу, Сильда.

Раз уж ни мой бывший сожитель, ни Рыцарь Никос мне в этом деле не помощники, может, мне повезет, и я встречу тут в ваших краях здорового, симпатичного парня... э-э-э... желательно, с некоторыми умственными задатками, с приличной генетикой, ну, это уж, как получится, конечно... не часто бывает, чтоб и умен и красив и добр... Эх, да хотя бы человек был хороший, душевный! Поняла меня, Сильда?

— Ох, простите, Госпожа... не очень.

— Выйду замуж за Никоса и рожу от милого соседа, понятно?! Чтоб дядька Верта не придирался, от замка вашего рученки свои загребушие убрал, что не ясно-то? И чтобы вы все тут были на нашей стороне, зря не болтали! А то ты будешь на меня сердится втихаря, что украла у тебя такое сокровище, как твой Господин, будешь всякие каверзы строить... оно мне надо? Я интриги не люблю, игры всякие подковерные — ненавижу, мне сразу надо все высказать в лицо, прямо и откровенно. Ну, как тебе мой план?

— Я все поняла, прекрасная Госпожа, все до капельки... А вы... вы позволите мне приходиться по ночам к Хозяину, как и прежде... или будете против?

Марина возвела очи к небесам. Да, это Никос, видимо, настоящий ас в любовных играх, ишь, девчонка аж дрожит вся... побелела, а ну, да как отменю все их свидания.

— Можешь быть спокойна, мы с твоим Господином просто друзья, надеюсь, так будет и впредь!

Марина уселась за стол и зачерпнула ковшичком кашу из котелка в свою глиняную миску.

— «Я бы, конечно, не отказалась поближе узнать Никоса, тем более, тем более, если он такой знаток женских удовольствий, но... Мне-то надо о серьезных вещах думать, а не о временном развлечении. Где же отыскать такого мужчину, чтобы увидела и сказала — ах! Вот от такого хочю иметь сына... или доченьку. Мне-то без разницы, лишь бы здоровенький мальшик родился».

А ближе к обеду Марина настроилась и выложила все свои соображения самому Белому Рыцарю. Никос внимательно выслушал разумные доводы гостя из другого мира и, после некоторых раздумий, со всем согласился. Скромную церемонию бракосочетания решили не откладывать надолго, Альба тот час же велел Ронсо оповестить местного священнослужителя, что должен был совершить обряд, после которого Марина Симонова стала бы истинной Леди де Альба, хозяйкой Тарлей, вот только надолго ли...

Но пока Местные Боги благоволили друзьям и уже на следующий день в присутствии немногочисленной челяди Белый Рыцарь Никос де Альба из Дэриланд взял в жены Леди Марин де Симон из Русландии. Церемония прошла более чем скромно в стенах маленькой деревенской церквушки. Правда, когда новоявленные супруги вышли из ветхого домика, где горели свечи и пахло ароматными куреньями, во дворе церкви их встретила небольшая толпа жителей тех поселений, что еще принадлежали Никосу, что еще не успел присвоить ненасытный Брайан де Верта.

Марина даже прослезилась, наблюдая, как старосты кланяются ее супругу и желают ему жить в мире и довольствии долгие годы. Все в округе понимали, что дни Рыцаря сочтены... Но сегодня никто не хотел думать о плохом, после свадебного обряда во дворе Тарлей было устроено застолье, звучала музыка в исполнении местных умельцев.

Альба всегда ладили со своими людьми, никогда не заносились перед крестьянским людом, отец Никоса и сам не гнушался тяжелой работой пахаря, сам работал в кузнице и по местной легенде даже сам выковал меч для своего первого похода на Ничейную землю.

Видимо, Никос пошел по его стопам, он за руку здоровался с крепкими бородатыми старостами, в щеку целовал пожилых крестьянок, что, пряча слезы, подносили ему свадебные пироги и кувшины с местной брагой. Сказать по правде, все угощение на столах собрали местные жители, старый повар Сарлем, бывший солдат, только зажарил последнюю в леднике тушу барана, да приготовил парочку не особенно жирных уток, что умудрились дожить до торжества в опустевших клетках. А вот ягодных морсов и слабенького пива было вдоволь, и Марина, что в начале вечера загрузила, решила все же хоть немного потанцевать на собственной свадьбе.

Только к полуночи народ начал расходиться, а Никос и его молодая супруга отправились в спальню, что была украшена цветами и еловыми ветками. Сильда с опухшим от слез лицом принесла воды для умываний и немедленно скрылась. Марина еле на ногах держалась от усталости, а потому запросто позволила мужу стащить с себя тубельки и платье. Никос укрыл девушку одеялом и вскоре лег рядом.

— Спасибо тебе, Марин...

— Да, за что же? Я вот сегодня весь вечер думаю, что на моем месте должна была быть Сильда. Она же вся испереживалась сегодня, разве не видишь? Она и сама могла бы выполнить наш несложный план...

— Я предлагал ей стать моей женой, просто... стать моей женой, если бы она захотела. А она сказала, что любит меня больше жизни и ни за что не будет иметь ребенка от чужого мужчины. И даже... вот, глупая женщина, заявила, что умрет в один день со мной... И теперь я должен

протянуть как можно дольше, ведь Сильда сдержит свое обещание, я ее знаю!

Марина разревелась, прижавшись лицом к груди Никоса, а он сам, глотая слезы, долго-долго гладил девушку по волосам. Так они и уснули, обнявшись, словно брат и сестра...

А наутро весть о том, что умирающий Хозяин Тарлей умудрился все-таки жениться на хорошенькой молодой Леди, облетела все поместья в округе. Стоило ли удивляться, что после обеда в гости к молодоженам пожаловал никто иной как сам Брайан де Верта.

Марина настороженно наблюдала из окна, как у крыльца замка спешивается пожилой, но крепкий на вид человек с аккуратно подстриженной бородой и небольшими усикам. Вид-то он имел вполне благородный, лицо аристократическое, но вот глаза, что скользнули по окнам, за которым пряталась Марина, были словно две колючие льдинки.

Никос вышел встречать дядюшку в холле, и Брайан холодно ответил на его приветствие.

— Вот уж не думал, что ты учудишь такое? Зачем? А девица видно столь бедна или пользуется столь дурной славой, что не погнушалась пойти за умирающего, лишь бы хоть на время стать Леди?

— Да, как у вас язык повернулся сказать такое?

Марина безо всякого смущения выскочила из-за тяжелой занавеси, что отделяла прихожую от залы для приема гостей.

— Вы, я так понимаю, приехали нас поздравить? А как же иначе — вы ведь очень даже близкий родственник Никоса, родной дядя? Зачем же сейчас говорить о смерти, всех она заберет в свой срок и ведь еще неизвестно, кто из нас первым попадет на небеса! У Богов свои планы, знаете ли...

Скажите, почему вы так относитесь к моему мужу? Что вам сделал Никос? За что вы его ненавидите и даже не можете позволить человеку спокойно умереть в стенах дома, где он родился? У вас каменное сердце? У вас нет своих детей? Откуда такая жестокость?

Брайан даже оторопел, невольно отступая назад на пару шагов, чтобы получше рассмотреть стоящую перед собой разгневанную девушку.

— Так это ты... новоявленная Леди Тарлей — безродная чужестранка! Неизвестно еще, из какой грязи тебя вытащил этот блаженный дурачок...

— К вашему сведению, мужчина с ядовитым жалом вместо языка, я принадлежу к старинному роду де Симон и мои предки испокон веков умели славно трудиться и воевать. На моем гербе раскрытая книга, что свидетельствует о том, что все мои родичи были грамотны и склонны к наукам, а также алебарда и пика, потому что у нас в роду были защитники Отечества, сложившие свои головы на полях сражений.

И ведь Марина ни капельки не соврала — ее мама работала в библиотеке, а отец, и правда, был военным, детство свое Марина провела в гарнизонах на Дальнем Востоке.

— А потому, — решительно продолжила девушка, уперев руки в бока и медленно наступая на обидчика, — я не позволю вам оскорблять ни себя ни моего драгоценного супруга — не сейчас, ни впредь. Учтите, Никоса я вам не прощу! Ваше поведение в его адрес я признаю отвратительным и недостойным! И если бесполезно взывать к вашей совести, если вы не способны проявить родственные чувства и малейшую доброту... вам здесь не рады! Отправляйтесь обратно в свой гадюшник и шипите там на своих домочадцев, мне уже искренне жаль вашу супругу!

— Да, как... как ты смеешь, девчонка!

— А как вы смеете приезжать в чужой дом и осыпать оскорблениями его законных Хозяев?!

Марина и прежде-то не была робкого десятка, а поработав несколько лет в детском дошкольном учреждении и вовсе закалила нервы. Этого наглого Брайана она совершенно не боялась, а если нужно было заступиться за своего мужа... Да за своего мужа и своих будущих детей Марина могла любого недруга на место поставить, причем на самое... э-э... не почетное...

— Поздравляю, Альба! Ты взял в жену уличную торговку, достойный выбор, ничего не скажешь!

— Если вам больше нечего сказать, дорогой родственник, можете садиться на вашу клячу и отправляться восвояси, мы вас ни в коем случае не задерживаем!

— Это невысказано... Белый Рыцарь де Альба... опуститься до такого...

Брайан обошел Марину и бросил на стол тяжелый запечатанный свиток.

— Я привез тебе приглашение от Райнбока, он проводит встречу землевладельцев всех северо-восточных округов и ты тоже обязан явиться. В Райнартхолле будет рыцарский турнир, соберется толпа народу. Непременно возьми с собой эту базарную девку, пусть все соседи над тобой посмеются. Как низко ты уронил честь Тарлей, племянник... Мне противно даже находиться с вами в одних стенах...

— Вас никто не задерживает! Двери — напротив, не споткнитесь, порог кажется разваливается...

Бормоча проклятия себе под нос, де Верта и впрямь чуть не растянулся на выходе, разгневанный мужчина просто взлетел на коня и вскоре умчался прочь вместе со своими вооруженными спутниками. Марина с тревогой перевела взгляд на мужа, уж не сердится ли он на ее слишком властное и даже грубоватое поведение. Но Никос тихонько смеялся, а вскоре из коридора выпорхнула Сильда, подскочила к любимому, обняла его колени, опустившись на пол, и тоже звонко расхохоталась.

— Понимаешь, Марин, я никогда не слышал, чтобы кто-то так повелительно разговаривал в этом доме. А тем более с Верта... никто... никогда... с ним так не разговаривал. Ну, разве что только Король...

Марина, вполне успокоившись, опустилась на стул рядом и велела Лиссе принести чего-нибудь вкусенького из оставшихся в доме запасов.

— Надо отметить изгнание усатых тараканов из вашей хижины, Милорд Белый Рыцарь. Да, кстати, что там еще за приглашение? Я бы не против посмотреть как дяденьки в доспехах скачут на лошадях. Когда надо ехать? Лисса, я думаю и тебя взять, есть у меня кое-какие задумки насчет предстоящего сборища. Там, наверняка, будет много разных достойных... ммм... претендентов, ты мне поможешь определиться с выбором! Да простит меня мой Добрейший Супруг, но я не намерена терять время даром и пусть победит сильнейший... эх, лишь бы он при этом был еще и хороший человек!

Глава 3. Поединок страсти

В твоём гербе — невинность лилий, В моём — багряные цветы. И близок бой, рога завывали, Сверкнули золотом щиты. Вот мы схватились и застыли, И войско с трепетом глядит, Кто побеждает: я ли, ты ли, Иль гибкость стали, Иль гранит...

Прошло всего-то три дня после бракосочетания и у молодых выдалось чуть ли не настоящее свадебное путешествие. Вот только роскошным его назвать было уж никак нельзя. Лошадей и повозку пришлось одолжить в ближайшей деревне, Ронсо был за кучера, Марина и Лисса оделись в простенькие платья, приготовившись к долгой дороге.

Никос ехал верхом, как и положено Рыцарю, хотя Марина с тревогой замечала, что каждое усилие с трудом дается мужу. Альба лучше бы чувствовал себя в родном замке, там мужчина почти все время отдыхал. В последний момент девушка даже всерьез хотела отговорить мужа от столь утомительной для него поездки. Никос только отрицательно покачал головой, по обыкновению слабо улыбаясь:

— Я давно уже нигде не был, хочу посмотреть... А ведь прежде я и сам не раз принимал участие в турнирах. И редко бывал повержен. Все в нашем роду умеют обращаться с мечом, и я вовсе не исключение. Вот только сейчас ослабели руки, и голова уже не такая ясная. А истинному Рыцарю ум нужен не меньше, чем крепкие мускулы.

Никос нежно простился с Сильдой, и Марина даже отвернулась с досадой:

— «Надо будет высказать этой дуреке, чтобы не ластилась к нему у всех на виду, хотя все и так понимают, что наш-то брак лишь фиктивный. Эх, да какие тут дети! Я же не шлюха, чтобы прыгать в постель с первым встречным, мне самой будет просто противно. Ладно, съездим, мир посмотрим, себя покажем, а там, будь, что будет.»

Дорога в Райнартхолл заняла почти два дня, на ночь путники останавливались в небольшой деревушке у реки. Марина заметила, что местность, по которой они проезжали, и впрямь была довольно сильно заболочена. Хотя по краям дороги часто попадались сосновые леса и обширные доловины с разнотравьем. «Топа да болота, синий плат небес, хвойной позолотой взвенивает лес...», — от нечего делать Марина развлекала своих спутников стихами любимого поэта Сергея Есенина.

Лисса напевала простенькие крестьянские песенки, а потом девушки занялись познавательной беседой о методах воспитания малышни. Марина почерпнула немало полезных сведений о выработке самостоятельности у двухлеток, хотя вряд ли рискнула бы применить подобный опыт на своей личной практике.

— Если вся семья работает в поле, то самых маленьких приходится брать с собой, чтобы мать всегда могла покормить кроху, а уж кто постарше — оставляем дома с бабушкой. Она, правда, не может за детьми угнаться, еле ходит и почти ничего не видит, и тогда просто привязывает внучат за ножку к своей лежанке. Ничего, веревка ведь длинная, дети не потеряются, зато не свалятся в чан с водой и не опрокинут на себя квашню.

Ронсо тоже спел девушкам какую-то заунывную солдатскую балладу времен завоевания Ничейной пустоши, старый слуга с тревогой поглядывал на Хозяина, который словно прирос к седлу и категорически отказывался спуститься в повозку. Но Марина убедила Никоса, что его гордости ничего не угрожает, пока до поместья, где будет проводится встреча «землевладельцев» еще далеко. Альба, наконец, послушался и часть дороги ехал полулежа, поддерживаемый двумя парами заботливых женских рук.

— Эх, Марин... я тебе желаю от всей души, пусть тебе скорее встретится достойный мужчина, а не такая развалина, как я.

— Что я слышу?! И это говорит мне мой собственный муж? Ты верно решил сам «оторваться» на этом сборище и перепробовать всех местных красоток подряд? Лисса, не спуская с него глаз, будет что поведать Сильде!

Так, с полугрустными шутками, песенками и стихами, маленькая кавалькада, наконец, добралась до знаменитого поместья Райнбока — Главного судьи и по совместительству, любителя вина и женщин. Впрочем, появление приезжих из Тарлей почти никто не заметил. Огромная усадьба Райнартхолл была полна разнообразного сброда, по мнению Марины. Рыцари и их «обслуживающий персонал», снующие туда-сюда слуги, ржание лошадей и грубые мужские голоса...

— «И ничего особенного тут у них нет, у нас на праздновании Дня Города по вечерам на центральной площади собирается такая же разношерстная публика, главное не переборщить с выпивкой и не отстать от своих».

Оставив лошадей и повозку на попечении Ронсо, Марина отвела Никоса в тени гостевой палатки и поручила заботам Лиссы. Сама же девушка решительно отправилась изучить обстановку, узнать, где тут можно расположиться на ночлег. Внимание девушки привлекла торжественная процессия из нарядных всадников и надменных женщин. Последние тоже ехали верхом на лошадях, почти до самой земли укрытых белоснежными попонами. «Мило, но не непрактично», — резюмировала Марина и едва успела отскочить в сторону.

Прямо на нее летел отряд из нескольких конников, впереди которых находился крупный мужчина с развевающейся гривой темных волос. Он даже не посмотрел на девушку и пронесся буквально в паре метров от нее, заставив Марину зажмуриться и едва ли не упасть на землю.

— С вами все хорошо, Госпожа?

Рядом остановился еще один всадник, ехавший чуть поотдале, он быстро спешил и подошел к больше возмущенной, чем испуганной девушке.

— Я — Ансельм из Форлака, прошу простить моего Господина за такое грубое поведение, но Рыцарь Дагмар обычно приезжает одним из первых. А на сей раз у нас вышла задержка в пути, небольшая ссора с одним... вообще, Рыцарь немного не в духе и очень спешит увидеться с Милордом Райнбоком. Надеюсь, вы не очень сердитесь?

Марина внимательно рассматривала симпатичного юношу перед собой.

— «Хорошенький, но молоденький... Что-то я его в роли папочки для будущего малыша не представляю... опять же, высок, строен и видно, что не дурак, надо бы с ним подружиться».

— Мое имя Марина, ммм... то есть Леди Марин, я из Тарлей... Я недавно стала женой Никоса де Альба, вы его знаете?

— О, Белого Рыцаря знают все! Он же последний... ах, простите, Госпожа, я чуть было не сказал глупость! Я так рад, что Крепкое Сердце нашел свою половинку, кто бы что ни говорил, я верю, что Герои — бессмертны, хотя бы... ах, в памяти людей.

— Крепкое Сердце? Это вы про Никоса?

— А разве вы не знали? У него на гербе железная перчатка, сжимающая символическое сердце и оно сочится кровью, однако, его хозяин, даже умирая в муках, никогда не предаст свои идеалы — верность Королю и своему дому, своей семье. Кайро уговаривал Альбу перейти на его сторону, говорят он его даже пытал, Кайро был очень жестоким человеком, даже не поверишь, что он тоже из рода Гальбо. Я от всей души желаю вам счастья, столько, сколько вам отмерено Богами!

— Благодарю вас! — с чувством сказала Марина, едва ли не прослезившись, а про себя подумала:

— «Кажется, я начинаю понимать Сильду... В Никоса можно влюбиться раз и навсегда и его мужские способности тут совсем не причем, он для девчонки почти как Небожитель, а если он при том еще и сходит с небес и делает ей хорошо в постели... Бедная Сильда... Бедный Никос...»

— Где вас разместили, Госпожа?

— Я даже не знаю, к кому обратиться по этому вопросу! Здесь столько народу и все носятся кругами, а мой муж устал и ведь скоро стемнеет.

— Идемте, я отведу вас в замок и представлю Райнбоку, он всегда уважал Альбу, он выделит вам достойные покои!

Девушка с удовольствием оперлась на руку мужчины и последовала за ним вперед, а свою лошадь Ансельм передал оруженосцу. Пройдя через широкий двор, заставленный столами, видимо, для вечернего пира, Марина со своим спутником оказалась перед здоровенным мужчиной, один зычный голос которого далеко разносился по всему поместью:

— Куда ты несешь кресло, недоумок, оставь здесь! Так, хорошо... Эй, Гарро, принеси еще вина и специй, ты же видишь, что объявился Фрай, ему надо поскорее залить глотку! Зарток, где тебя носят черти? Подавай мясо, я не желаю здесь возиться до утра! Завтра великий день, мы собираемся нажраться до отвала! А это еще кто?

Марина заметила, что Ансельм невольно попятился под строгим взглядом хозяина Райнартхолл:

— Я рад приветствовать вас Милорд, мое имя — Ансельм, я прибыл вместе с Господином де Даркос, он мой Наставник. Да... Я прошу позволения представить вам Леди Марин — супругу Рыцаря Никоса де Альба... из Тарлей...

— Никос женился! Проклятье! Кто бы мог подумать! Как это вам удалось... Леди?

Марина уже начала закипать, да как они все смеют так рассуждать о хорошем человеке, сомневаться в его талантах, да что они могут знать о нем!

— Должна признаться, что Никосу не пришлось меня долго уговаривать. Вынуждена сказать честно, мой муж просто Лев в постели, обычно он не дает мне спать до утра и я едва выдержала его бурный темперамент в первую ночь. Такие мужчины не валяются на каждом шагу — я имею ввиду, такие страстные и нежные, это ведь просто Дар Богов — умение так угодить Даме!

Ансельм даже несколько отстранился от девушки и тотчас зарделся, а Райнбок разинул рот и вытаращил глаза, в полном изумлении глядя на Марину.

— «И чего уставился? Что я такого сказала? Или у них не принято выражаться так прямо?»

— Я приехала издалека, моя страна называется Русиланд, но я с детства мечтала о путешествиях и о... таких сильных и заботливых мужчинах, как мой Никос. Правда, за последние несколько дней любовные поединки его слегка утомили, я даже не думаю, что он будет способен участвовать в турнире, разве что на состязаниях по соблазнению красавиц, мой любезный супруг непременно бы завоевал первый приз, даже не сомневаюсь.

Где мы могли бы расположиться на ночлег, благородный Господин? Я вижу, вы тоже не лишены женского внимания, это видно по вашим глазам, вы знаете толк в любви, верно? Полагаю, девушки просто падают у ваших ног целыми толпами... «от одного только вашего запаха... фу!»

— «Я веду себя как последняя дрянь! Он еще решит, что я пытаюсь с ним флиртовать... О, нет, только не этот бор, от которого за километр воняет соленой рыбой и пивом!»

К великому удивлению Ансельма, Райнбок поклонился девушке и каким-то даже немного робким голосом пообещал отыскать самые удобные помещения, где Гости из Тарлей могут без помех наслаждаться друг другом.

И Марина не смогла удержаться от новых комментариев:

— Только пусть это будет самый укромный уголок, чтобы наши стоны удовольствия не смущали остальных обитателей замка!

Возможно, если бы Леди произнесла эти слова с томной ухмылочкой, хихикая и фальшиво краснея, да еще при этом жеманно стреляя глазками... Пожалуй, Райнбок бы решил, что перед ним вчерашняя «королева желтых лилий», так в Дэриланд называли изысканных женщин, что за высокую плату одаривают благородных мужчин своим вниманием и ласками, но Марина держалась с непоколебимым достоинством, смотрела прямо на Райнбока и была очень-очень серьезной и убедительной.

Барон кликнул слугу и велел проводить Прекрасную Даму в северное крыло замка:

— Размести их по соседству с Дагмаром, он, кажется, не знаком с Никосом, вряд ли зазовет его на пирушку или устроит ссору. Дагмар сегодня не в духе, ему нужно спокойное окружение. И Никосу следует отдохнуть... от любви и долгой дороги.

— О, какая чудесная новость! Мы будем находиться рядом!

Марина с легкой улыбкой посмотрела в сияющие глаза Ансельма.

— «Да, пожалуй, тебя мне сами Боги послали! Кажется, я на это решусь... ради всеобщего блага, причем, ты вроде бы, не болтун, не станешь кричать на каждом углу, что к тебе в кровать забралась Леди. Стыдно, конечно, но, может быть, он поймет. А, может быть, я еще передумую... Очень уж молодой парень, а если привяжется потом, будет меня преследовать, нет... вроде Ансельм не такой, я ему все объясню, и то, что Никосу надо помочь и то, что мне уже самой пора бы иметь лялечку».

Марина сама подхватила юношу под руку, следуя по коридору за провожатым, что выделил Райнбок. А сам же хозяин Райнартолла в это время задумчиво смотрел вслед изящной фигурке Марины, давая наказ другому своему человеку:

— Следи за новостями из Тарлей! Рядом с такой горячей девчонкой Никос долго не протянет, это же очевидно! Жаль будет упустить такую славную вдовушку. Думаю, я бы смог живо ее утешить, она, похоже, не из тех Дам, что долго предаются горю. Ты хорошо меня понял, Ларго? Каждая новость из Тарлей!

Приближалась ночь. С помощью Ансельма и парочки местных слуг девушки вместе с Белым Рыцарем разместились, наконец, в предоставленных им покоях. Лисса приготовила обычный целебный настой, что принимал перед сном Никос, Марина прилегла отдохнуть после ванны. Когда в окно заглянула полная луна, Лисса присела рядышком со своей хозяйкой и доверительно

зашептала:

— На вашем месте я бы не упустила такую возможность. Господин будет крепко спать до утра, да он бы и не подумал следить за вами. А этот молодой рыцарь просто красавчик! Я видела, как он входил в двери напротив, наверняка, там его спальня... Решайтесь, Леди! Когда еще выпадет такой шанс!

Марина даже вздрогнула, спустила с постели босые ноги и задумчиво стала теревить распущенные волосы, заплетая их в небрежную косу.

— Ох, Лисса... кажется, я смелая только на словах, я ведь даже не могу представить, что вот сейчас пойду и предложу себя как бутерброд, мне ужасно стыдно!

— Так, вам и не нужно себя предлагать! Вы просто пожелаете юноше доброго сна, скажете пару слов о вашем впечатлении от поместья... ммм... уж, найдете о чем с ним поговорить, вы же у нас такая умница, я просто горжусь вашим умением подбирать нужные слова. А, как вы спровадили этого гадкого Брайана из нашего Тарлей, все слуги просто молились на вас в тот день, обычно де Верта часами изводил Никоса и тот не мог ему дать достойный отпор. Моя прекрасная Леди, я в вас верю!

Марина выслушала эти признания шустрой служаночки с кислым выражением лица:

— «Ей-то хорошо... у нее есть дружок в деревне, наверно, скоро сыграют свадьбу, заведут детишек, и не надо подваливаться к чужому мужику для заведения потомства. Мне-то что делать? А если меня вообще из этого Королевства не выпустят, пока я не обзаведусь малышом, вот же наказание. Ансельм — милый, добрый, кажется, пойти, что ли, и правда, с ним поболтать перед сном...»

Марина еще пару раз тяжело вздохнула, почти с материнской любовью поглядела на спящего супруга и решилась.

— Вам даже ни к чему одевать платье, Госпожа, просто накиньте плащ прямо на сорочку, одежда у вас не слишком роскошная, вы вполне сойдете на служанку, если кто-то встретит вас в коридоре.

Всем в этой жизни управляет случай или судьба. Если бы Марина вышла чуть раньше, то непременно бы столкнулась с Ансельмом у дверей в покои Дагмара. Юноша как раз пожелал доброй ночи своему дорогому Наставнику и оставил его одного, собираясь еще немного посидеть у костров, где продолжались музыка и танцы подвыпивших посетителей Райнартхолл.

Сам же Дагмар решил отдохнуть перед завтрашним турниром, день выдался напряженным, пожалуй, немного вина и крепкий сон помогут восстановить силы. Даркос даже не стал брать себе женщину, что всегда в избытке имелись у Райнбока для развлечения самых именитых гостей.

Едва Ансельм скрылся за поворотом, как из своей комнаты вышла Марина и робко постучала в двери напротив. Не услышав ответа, девушка просто толкнулась внутрь и, молча, затаив дыхание, прошла в темное помещение.

— Что тебе нужно? — немедленно окликнул ее грубый мужской голос, который никак не мог принадлежать молодому Ансельму.

Марина растерялась и в первой мгновение даже собиралась удрать, но не смогла быстро нащупать на дверях ручку.

«Эх, да, какая мне разница, лишь бы от него не слишком плохо пахло и он не был чересчур пьян!»

— Вы просили на ночь подружку... вот я и пришла... скрасить ваше одиночество... Господин...

«Пусть думает, что я девочка на одну ночь, я получу, что мне нужно и убегу. Божечки, как мне пережить эти пятнадцать минут... надеюсь, он не будет способен на большее».

Марина прижалась спиной к двери и почти с ужасом разглядывала впечатляющий силуэт мужской фигуры на фоне более светлого окна.

— Я отказался от девицы и уже собирался спать... ладно, проходи. Тебя прислал Райнбок?

Высокий, крупный мужчина взял со стола кувшин с явным намерением из него отхлебнуть, Марина заволновалась:

— Простите, может, вы не будете сейчас напиваться... меня не привлекают пьяницы... от них маловато толку в постели!

— Чего? А ну-ка повтори! — от удивления человек даже поставил кувшин на место и направился к девушке. Однако, как будто передумал и вернулся к столу, чтобы зажечь свечи.

— Раздевайся и ложись! — в его голосе звучал приказ и Марина, поморщившись, посмотрела на мужчину. Приказы она не любила, вежливая просьба куда уж лучше.

«Если начнет вести себя, как неотесанный чурбан, придется признаться, что я тут по ошибке и вообще-то искала кое-кого приятнее и моложе».

— Простите, зачем же столько света, хватило бы и одной свечки!

— Ты много болтаешь! Тебе давно пора быть в кровати!

Марине отчего-то вдруг стало смешно и... даже жарко.

«А что я теряюсь-то? Дома Славика вечно не растормошишь, на третьем году совместной жизни он вечно уставший, самой себя удовлетворять как-то... ну, не заменит это настоящего мужчину. А тут такой экземпляр... Рыцарь все-таки, да и на вид — точно не хлюпик, вон какой амбал, наверно, хоть на что-то способен... минут десять продержится... Мне и не надо больше... наверно...!»

Девушка медленно стащила с себя плащ и начала развязывать тесемки у ворота ночной рубашки. Человек, стоящий перед ней в полумраке, внимательно следил за всеми ее действиями. Наконец, немного поколебавшись, Марина спустила сорочку с плеч и почувствовала, что начинает не на шутку возбуждаться.

«Просто какой-то стриптиз... а этот громила уставился на меня, как удав на мышку, думает, сразу проглотить или еще дать немного побегать... по комнате... Господи, да он же такой большой, он меня просто раздавит... вот я влипла... и убегать поздно... надо было раньше... эх, была — не была...»

Марина позволила мягкой ткани рубашки соскользнуть с бедер и оставшись совершенно голышом, девушка, не торопясь, проследовала к постели. Стесняться Марине было нечего... рост, правда, не высокий — метр и шестьдесят пять сантиметров, ножки зато длинные, словно точеные, тонкая талия, приятные округлые формы... Косу свою девушка перекинула на грудь и, стараясь унять нервную дрожь, осторожно растянулась на кровати.

«Бутербродик подан... извольте попробовать... Милорд! Может, у него есть хоть немного чувства юмора, может, он меня не просто «отдерет», а еще и приласкает... повеселит. Хотя, вряд ли... мрачный он какой-то, наверно, тоже устал... Да что же это такое? Почему на моем пути встречаются одни доходяги?»

Марина чуть приоткрыла один глаз и принялась, в свою очередь, наблюдать за «молчаливой скалой», что, наконец, изволил таки пошевелиться.

«Ага! Стаскивает штаны, ну, если так дело пойдет дальше, я уже совсем скоро буду свободна, быстренько помоюсь и спать... спать...»

— Ты не ответила мне... кто... тебя прислал?

Дагмар медленно приблизился и оперся на постель руками. Марина вздохнула и пробормотала, еще крепче сжимая свои колени вместе:

— Вы ведь уже сами сказали... Райнбок... — «Да делай ты свое дело и дай мне уйти, наконец, я и так чувствую себя...»

— Распусти волосы!

«С ума сойти! Он, видно, настолько устал, что уже не знает, как за меня взяться...»

Марина села и, подтянув ноги к груди, принялась расплетать косу, волнение прошло, уступая место твердой решимости поскорее отсюда сбежать. Скоро светлые волосы девушки свободно текли по спине и левому плечу. Дагмар сидел рядом, также совершенно голый и просто смотрел на все это великолепие...

— Ты служишь на кухне?

— Ммм... нет, я... приглядываю за детьми.

— Давно ты в Райнартолл?

— Почти... месяц...

— А до этого жила в деревне?

— Нет, я выросла в городе!

Марина начала испытывать раздражение. К чему все эти разговоры? Откинув с плеча свою густую гриву, девушка уже смело глянула на мужчину, что не сводил с нее глаз, сидя в полуметре от нее на кровати.

«Ах, да это же тот, что чуть меня не сбил на коне, ехал как угорелый... знакомый Ансельма! Я его еще чуть не назвала страшилищем... Да уж, не красавец точно, зато здоровьем Бог не обидел, рост и стать... все при нем. Сынок будет крепким... если дело вообще сдвинется с пустой болтовни!»

На лице Дагмара появилась насмешливое выражение:

— Похоже, я тебе не особенно нравлюсь? Вряд ли я, вообще, могу понравиться женщине... Видишь, эти шрамы? Следы от трезубца Твари... а эти... от булавы, пришедшей вскользь, иначе мне бы разможжили череп... а здесь еще и еще... смотри.

В его голосе Марина уловила что-то похожее на вызов и в то же время нотки горечи и досады.

— Ты был на войне? Ты, верно, храбро сражался и не прятался за спины соратников! Красивой должна быть женщина, а мужчине достаточно быть сильным и смелым, чтобы суметь защитить ее и детей. Отметины, полученные в бою, говорят лишь о доблести воина. Ты можешь ими гордиться.

— Сказано-то хорошо... — криво усмехнулся Рыцарь.

— Итак... ты очень красива, а я силен... Значит, я тебе все-таки не противен, женщина?

— «Он точно собирается говорить до утра!»

— Вы кажетесь мне весьма привлекательным мужчиной... и я готова служить вам... — и ведь Марина даже не лукавила, произнося сейчас эти слова. Девушке вдруг показалось, что человек перед ней вполне заслуживает хорошего отношения, по крайней мере, не трус точно, и даже то, что он не набрасывается на нее сразу, как голодное животное, а хочет немного расположить к себе, говорит лишь о его некой деликатности и чувствительности.

— «Да, я на его фоне выгляжу просто распутной девкой!»

Марине вдруг стало невероятно стыдно и захотелось сбежать, только вот отпустит ли этот... сентиментальный медведь. Может, попытаться?

— Если вы планировали просто отдохнуть, Милорд, я лучше пойду... я не хочу вам навязываться... возможно, вы устали с дороги...

— Куда это ты пойдешь? Тебе велели зайти еще к кому-то? — теперь в голосе мужчины послышалась явная злость.

— Вот уж нет! Ни к кому я больше заходить не собираюсь! — Марина попыталась спрыгнуть с постели, она всерьез собиралась схватить сорочку, закутаться в плащ и уйти.

— «Позор! Явилась к израненному вояке и разлеглась как последняя... прости Господи! Вот же дурища! Нет, никогда я больше не сотворю подобную глупость! Пусть все идет само собой...»

Однако, девушке даже не удалось покинуть это широкое ложе. Дагмар поймал ее буквально на лету и прижал к своей груди.

— С чего это ты взяла, что я устал, красавица? Я лишь хотел убедиться, что не слишком тебя пугаю. Я никогда не беру женщин силой и всегда щедро вознаграждаю за ласки. Ты же хочешь получить деньги, верно?

Такого стыда Марина не испытывала за всю свою жизнь, но она никак не могла вырваться из железных объятий мужчины, не могла удрать, как бы ей этого не хотелось.

— Ну, же обними меня!

И на этот раз, послушавшись его мягкого голоса, Марина с гулко бьющимся сердцем несмело обвила здоровенную шею мужчины, прильнув обнаженной грудью к его широкой груди, коснувшись виском небритой щеки Рыцаря. Девушка услышала его глубокий протяжный вздох и замерла. Дагмар медленно погладил большими грубыми ладонями нежную спину своей ночной гостьи.

— Какая ты гладенькая, славная... и пахнешь так хорошо... я буду бережно с тобой обращаться... не бойся.

Почему-то эти его простые слова, сказанные хрипловатым сбивчивым шепотом, снова вызвали волну желания в теле Марины.

— «И вовсе он не чурбан... даже может быть ласковым... как давно меня так не обнимали... такими сильными руками... может, у меня за всю жизнь будет только одна такая ночь с Настоящим Мужчиной — страстным и в то же время заботливым... я возьму эту ночь всю без остатка, а потом буду вспоминать... И пусть только попробует еще начать разговоры — зацелую так, что имя свое забудет!»

Но Дагмар и сам нашел ее теплые отзывчивые губы. Его поцелуй был настойчив, но не тороплив, мужчине некуда было торопиться, впереди была долгая ночь и эту женщину он, конечно, никуда не собирался отпускать... Дагмар явно растягивал удовольствие, удерживая в руках это гибкое, желанное тело. Марина уже сама поудобнее разместилась на его коленях, разведя ноги и чувствуя как реагирует на ее скользящие движения его поднышавшая плоть.

Но Дагмар не спешил расстаться с ее ртом, он действовал с расстановкой — то посасывал пухлую нижнюю губу девушки, то скользил по ней языком, то переводил все внимание на верхнюю губку, слегка прикусывая ее, все больше и больше распаяя Марину, заставляя девушку все увереннее елозить по его лишенной растительности груди, все крепче к нему прижиматься...

И вот, наконец, почувствовав, что больше не в силах сдерживать свое пламя, Дагмар уложил свой «подарок» на постель навзничь и навис сверху, опираясь на ладони. Теперь рыцарь уже жадно и быстро покрывал горячими поцелуями трепещущие плечи и груди девушки, срывая с губ Марины невольные стоны все нарастающего удовольствия. Девушка прикрыла глаза, едва успевая отвечать на его умелые ласки.

— «В жизни своей я никогда прежде так не желала мужчину, это просто какой-то водоворот... я уже себе не принадлежу... хочу чтобы он меня взял... всю, без остатка, хочу, чтобы он меня наполнил...».

Ее податливое тело плавилось словно воск в мужских руках, выгибалось навстречу, истекало соком и Дагмар не стал больше медлить, он вошел в нее одним сильным уверенным движением и погрузился до предела в ее доверчиво раскрытую глубину.

— Ах... ай!

Почувствовав внутри себя его впечатляющий размер, Марина распахнула глаза и невольно сжалась.

— Мммхх... какая же ты тесная... маленькая... я тебе сделал больно?

Марина перевела дыхание и постаралась расслабиться.

— Я, конечно, не сомневалась, что вы такой... объемный, но, вы превзошли самые смелые мои ожидания... Милорд.

Дагмар почти лег на нее сверху и тихо усмехался тяжело дыша приоткрытым ртом:

— Ты чудно говоришь, верно и впрямь горожанка! Хм... как же в тебе хорошо... такая горячая и тугая... стой! Ты же не была девственницей?

Дагмар даже приподнялся на локте, чтобы заглянуть ей в глаза, но Марина поспешила успокоить своего заботливого любовника:

— Я принимала мужчину, однако, он не идет ни в какое сравнение с вами!

И здесь девушке совершенно не пришлось прибегать к лукавству. Вряд ли кто-то из ее двух предыдущих партнеров мог похвастаться «достоинством» подобного размера. И такой же разговорчивостью во время любовных игр.

— К тому же у меня не было ничего такого... почти месяц.

Дагмар осторожно продолжил движение назад, и девушка вдруг отчего-то испугалась, что он оставит ее... опять же в силу своей деликатности и чувствительности... не желая причинять ей неудобства... «вот же, нежный громила!»

— Нет, не беспокойтесь, мне тоже... уже хорошо, я сейчас привыкну, женщины ведь созданы для того, чтобы угождать мужчине, «при этом, хорошо бы и о себе не забывать!»

— Ты и впрямь решила, что я хочу покинуть тебя! Странная ты девчонка... Даже если вся Инсекта за тобой сейчас явиться, я тебя никому не отдам!

Дагмар снова опустился на нее, прижимая к постели своим весом. Рыцарь осыпал поцелуями лицо и грудь девушки, не лишая внимания даже ее подмышки и шею, и одновременно он медленно двигался в ней, заставляя привыкнуть, приспособиться под свой немалый размер, наконец, начать

наслаждаться...

И уже через пару минут Марина чувствовала себя в совершенном Раю, плавно подаваясь навстречу каждому его движению, подстраиваясь под его ритм, она развела бедра шире и обхватила мужчину ножками, заставляя его проникать еще глубже, учащать темп. Новый сдавленный стон Дагмара и мужчина довольно ощутимо сжал ее ягодицу ладонью, заставляя их тела слиться вместе.

— Великие Боги, как же ты хороша!

Уже излившись в нее и немного успокоив дыхание, Дагмар вдруг различил в глубине своего сознания давно позабытый рокот и глухое ворчание мощного зверя. Перед глазами неожиданно поплыли воспоминания: густые заросли Гнилого леса, ядовитые испарения болота, куда он забрался, скрываясь от преследования, не желая быть разорванным на куски... и серое, землистое лицо странного существа с огромным горбом на спине и непомерно длинными руками. Дагмар знал, что не проживет и часа от ран, полученных в ночном бою, но даже тогда, стоя по колено в желтоватой вонючей жиже, он с ужасом взирал на возможно нового противника, который вдруг предложил ему помощь.

— Хватайся за сук и ползи ко мне, ты... человек!

— Сожрешь меня, не дав даже остыть! Ну, уж нет, лучше я сам сдохну в этой трясине!

— Сдохнуть всегда успеешь, я же хочу дать тебе шанс вернуться!

— Зачем тебе — твари, спасти меня?

— Я жажду наказать Кормисов! Хочу отплатить им за украденную у меня женщину, и ты мне в этом понадобишься!

— Я ведь уже не боец... разве не видишь... жизнь вытекает из меня по капле...

Дагмар обреченно глядел, как грязная вода вокруг становится красной от крови, что обильно текла из его многочисленных ран. Даже странно, что он еще держится на ногах... ему осталось недолго... и никто не упрекнет Рыцаря Черных камней в трусости.

Но там... на границе с лесом ждет его вестей свежий отряд Короля... если бы он мог их предупредить не соваться под полог леса, а ждать в долине. Твари не любят солнце, они не станут нападать до темноты... А в чаще с ними невозможно сражаться, здесь надобно самому быть зверем...

— Я дам тебе силу семерых мужчин! Ты обретешь еще больше, когда соединишься со своей парой. Доверься мне и ползи сюда. Тебе нечего терять, ты и так уже полутруп.

И Дагмар рискнул. Негоже воину помирать в болоте, когда на его краю стоит живой враг и еще остались силы вцепиться ему в глотку. Но безволосый горбун не спешил вступать в бой, он просто взвалил грузное тело умирающего рыцаря себе на спину и, на удивление легко, понес дальше в лес.

А там, странное существо опустило рыцаря перед маленьким источником, что вытекал из узкой расщелины в скале, и велело вдоволь напиться, а также омыть глубокие раны:

— Не пугайся, что вода бурая — это медвежья кровь. Наш Повелитель тоже когда-то был ранен в битве с пчелами Инсекты и оставил здесь свою печень, пропитанную ядом от их укусов. Он побрел в свое логово отращивать новую плоть, а его отравленная кровь все еще сочится из черного камня, в который превратилось его печень. Так пей же, и ты ощутишь, как возвращаются силы. Человек, хлебнувший хоть пару глотков станет воистину неуязвим!

— Ты говоришь, что это яд? Хочешь отравить меня?

— Возможно... не все ли тебе равно.

Горбун мерзко расхохотался, упершись огромными ладонями в скользкую глину:

— Не каждый человек может принять в себя дух Повелителя! Пожалуй, Он сам отбирает достойных, в ком может поселиться, не уронив своей чести. Испей же, воин! Возможно, тебе повезет! Твой выбор чересчур прост: смерть от ран, гибель от яда или... могущество Зверя и возвращение домой!

И Дагмар, не колеблясь более, зачерпнул в горсти маслянистую бурю жидкость, поднося к губам. А потом...

— ...Может, ты уже позволишь мне дышать? Ты ужасно тяжелый...

Мужчина немедленно поднялся и рухнул обратно на постель уже рядом с девушкой. В голове

раздавался гул потревоженного пчелиного роя.

— Ты разбудила Зверя во мне, а я уже было подумал, что он уснул навсегда после того, как я выбрался из леса. Значит, я тебя все-таки нашел... Ты — моя женщина! Моя Единственная, моя пара — та, которую Он для меня выбрал и я никому тебя не уступлю, чья бы ты не была сейчас.

От такого заявления Марина даже раскрыла рот и захлопала ресницами.

— «Это что он сейчас такое сказал? Какая еще пара? Нет уже... мне бы как-нибудь скорее в свой мир вернуться и желательно с малышом, ничего, воспитаем и без папочки, если они все ответственности как огня боятся. Интересно, этот такой же...»

— Позвольте мне уйти, я думаю, вы остались довольны.

— Куда это ты собралась? — вдруг рявкнул Дагмар, чувствуя, как кровь воспламенилась от жгучей ревности.

— Чья ты? Кому принадлежишь?

Марина попыталась отползти в сторону, но мужчина ухватил ее запястья и, удерживая их одной рукой над головой девушки, снова наклонился над ней, раздвигая коленом ее бедра.

— Теперь ты моя! Я выкуплю тебя у Райнбока за любые деньги, а если этот старый индюк откажется... рррах... ему несдобровать.

Теперь Марина едва дышала от страха, не в силах понять, с чего бы это вдруг спокойный с виду мужчина так расвирепел.

— Но... но, я не могу быть с вами... я... поймите, я хотела только одну ночь. Господи, мне так стыдно... у меня есть муж... простите.

Марина кусала губы, чтобы не расплакаться.

— «Ведь чувствовала же, что это сомнительное дело не кончится тихо. Теперь он, чего доброго, ославит меня, опозорит Никоса... Верта отберет Тарлей... какая же я идиотка, что явилась сюда, а еще эта маленькая Лисса подначивала... так мне и надо... Боги верно ошиблись и Никосу следовало бы послать другую девушку, чистую, добрую, а не такую похотливую дрянь, как я, а теперь-то нечего рыдать и жаловаться, что бы меня не ожидало, я это заслужила с лихвой».

Но к немалому удивлению девушки, вместо приступа новой грубости мужчина вдруг начал ее ласкать.

— Я тебя напугал, прости... сам не знаю, что со мной происходит, хотя, нет, знаю, но не ожидал, что это настигнет меня сейчас... все случилось давно, я думал, Он больше не проснется. Я даже не вспоминал о словах Горбатого Тролля... И вот теперь ты здесь, ты со мной, я тебя нашел, моя радость... что ты там болтала про мужа... Постой-ка... да ты вовсе не служанка... ты говоришь и выглядишь как Леди. Что-о? Ты благородная Дама и явилась ко мне на одну ночь?

— У меня была особая причина! — простила девушка, едва ли не в шоке от перемен в настроении недавнего нежного любовника. «Надеюсь только, что причина покажется ему достаточно уважительной... и он меня не придушит во гневе».

— Пожалуйста, отпустите меня, вы не имеете права так со мной обращаться!

— Отвечай живо, зачем ты явилась ко мне! Так... может, твой муж тебя обижает и ты хочешь от него избавиться с моей помощью? Я заберу тебя у него, вызову на поединок, если не поможет разговор... Ну, отвечай, что тебе нужно?

Марина тяжело дышала, пытаясь собраться с мыслями — человек, что сейчас надвигался на нее уже казался страшным и несдержанным.

— Поверьте, я... я увидела вас днем во дворе и поняла, что хочу провести с вами одну ночь, вы показались мне таким мужественным и... привлекательным... я захотела...

— Странный же у вас вкус, Леди! Здесь полно смазливых парней, а вы выбрали уroda!

— Но вы вовсе не урод, вы — доблестный воин, о заслугах которого знают все.

— Все... тогда назови мое имя, красавица?

«Вот я и попалась, а следовало бы врать искуснее, и вообще, зачем тратить время на оправдания?»

— Вашего имени я не знаю! И хватит на меня орать! Я пришла сюда потому, что я так захотела, черт вас возьми... вы думаете, только мужчины могут хотеть заняться любовью? Может, мой муж стар и болен, он меня уже давно не трогает, а я молода и желаю получать удовольствие, а также самой дарить кому-то радость. Что вам еще сказать?

— Твой муж ста-а-ар, ах вон оно что... — протянул Дагмар, — и тебе захотелось развлечься, пренебрегая клятвами о верности? Зачем ты вообще стала его женой, тебя отвели под венец насильно?

— Нет, мы приняли такое решение после долгого обсуждения, это брак нужен нам обоим, но по сути он является фиктивным. Мы с мужем просто друзья. Да, кстати, можно узнать ваше имя?

— Меня зовут Дагмар. Странно, что ты не удосужилась узнать это прежде, чем ко мне прийти. Что ж... я решил, что ты здесь служанка, одна из девиц Райнбока, возможно, я обращался бы с тобой несколько иначе, если бы сразу понял, кто ты... Но ведь, ночь только началась, почему ты хочешь уйти, я был с тобой слишком груб? Мы можем все начать заново... Леди...

К удивлению девушки, ее тело слишком живо отозвалось на слова мужчины:

— «А, может, второй раз-то как раз и не помешает... для закрепления результата, так сказать... для подстраховки. У меня сейчас особые дни цикла, все сходится, все должно получиться».

Однако, Марина чувствовала себя немного неловко, осознавая, как невысоко оценил Рыцарь ее моральные качества.

— Я должна вам признаться, что никогда прежде не вела себя подобным образом. Мне бы не хотелось, чтобы вы считали меня взбалмошной и развратной девицей. Это случилось как наваждение. И есть еще одна причина. Я давно мечтаю о... «стоит ли это ему говорить».

— О чем ты мечтаешь, скажи-ка мне...

Дагмар опустил набок рядом с Марной и начал ласково оглаживать ее тело своей широкой ладонью, одновременно целуя плечико девушки.

— Вы исполняете все мои мечты... Милорд.

— К чему глупые церемонии? Зови меня просто Дагмар и скажи мне свое имя.

— Это ведь не обязательно.

Дагмар приподнял лицо и сурово посмотрел в глаза Марины.

— Может, ты думаешь, что эта ночь будет последней? Я же сказал, что никому тебя не отдам, я разберусь с твоим мужем, найду способ договориться так или иначе. Ты получишь развод и я тебя заберу.

От такой неожиданной перспективы Марина сразу же села на попку и снова попыталась освободиться:

— Учтите... Дагмар, я не планирую уходить от мужа. Я его уважаю, он хороший человек, а эта наша ночь с вами будет единственной.

— Что-о? Женщина, ты в своем уме? Ты запрыгиваешь в мою постель, даришь мне ночь сладких утех, а потом лепечешь о любви к мужу? В таком случае ты — похотливая самка, исчадие Пчелиных развалин... да ты хуже...

— Не смейте меня оскорблять! Кто-кто, а только не ты — мужчина... солдат... разве такие как ты думают о верности и долге перед своими женами, когда врываются в захваченный город и прямо на улице насиляют женщин, которые не успели спрятаться, разве кого-то из вас волнует, что с ними станет потом, как они будут избавляться от ублодка в животе или все же позволят ему родиться... Какое тебе вообще до меня дело?

Я пришла сюда потому, что так мне было нужно, и клянусь — я не собираюсь повторять подобной глупости. Мне вполне хватило стыда, хотя, надо заметить, что вы хорошо со мной обращались... до некоторого момента. У меня есть своя гордость и четкие понятия о том, что хорошо, а что плохо. Да, сегодня я переступила черту — легла с мужчиной, даже не зная его имени.

Но, у меня есть на то своя причина, у меня есть цель и эта ночь должна послужить благу многих людей, возможно, спасти целое поместье. Хотите правду? Мне нужен ребенок! Мой муж не способен «делать детей», мы с ним даже не спали вместе. Я уже не особенно молода, я хочу, наконец, стать матерью... вам этого не понять... я перешагнула через стыд, потому что искать мужчину, готового стать моей половинкой, все равно, что иголку в сене... я пробовала уже не раз и

ничего не получилось... а дети — это счастье, хотя бы один.

Глаза Марины наполнились слезами, она прижала ладони к лицу и попыталась поскорее справиться с волнением.

— «Уж, теперь-то он не станет меня удерживать, все такие случайные мужчины должны бояться разговоров о возможной беременности».

Дагмар, и правда, медленно отодвинулся от девушки, задумчиво потер колючий подбородок ребром ладони.

— Так значит... ты пришла сюда за ребенком... ты выбрала меня...

От такого вывода Марина еще пуще залилась слезами, ей было невероятно совестно... никого-то она не выбирала, шла, чуть ли не наугад... правда, как дикая самка... а, может быть, ее вели Боги.

— Скажи, почему ты не хочешь уйти от мужа? Что тебя удерживает около человека, который не дарит тебе удовольствие, не может зародить в тебе дитя, зачем тебе такой муж?

И Марина, шмыгая носом, торопливо рассказала Дагмару о порядке наследования имущества в роду Альба, о жадности родственников по линии ушедшей на небеса матери своего супруга, о том, что сама Марина издавна и по воле Незримых Правителей судеб оказалась в гуще событий поместья Тарлей. Едва девушка произнесла последнее слово, Дагмар хлопнул себя по колену:

— Белый Рыцарь... Проклятье! Он уже второй год не может умереть, неизвестно сколько еще протянет... Как же тебя угораздило стать его женой... хотя, иначе бы мы не встретились, радость моя... Марин... какое прекрасное имя, в нем слышатся колокольчики, что дрожат на ветру, в нем слышится смех ребенка... я закрываю глаза и представляю, как ты родишь мне сына.

— Э-э-м... я вовсе не хочу обременять вас заботами о возможном малыше, еще даже неизвестно, получится ли у меня... В любом случае, на вас это событие никак не отразится, не беспокойтесь.

Дагмар воззрился на девушку с удивлением:

— То есть, как это не отразится? Ты будешь носить в себе мою плоть и кровь, а я окажусь не причем? Что у тебя в голове, женщина?

— Я только хотела сказать, что на вас не ляжет никакой ответственности, вы можете даже... забыть.

Марина немного замялась, она вдруг начала осознавать, что последняя фраза может привести в бешенство этого странного человека. Хотя, возможно, большинство мужчин на его месте вздохнули бы с облегчением.

— Забыть... о тебе и нашем ребенке? Да, как ты могла сказать такое?

— Но никакого ребенка же еще нет! Опомнитесь!

— Так мы должны немедленно это исправить, моя красавица!

Дагмар опустил Марину на постель и она даже не попыталась ему помешать... «собственно, за этим-то я и здесь, а потом, он насытится и отпустит меня... надеюсь».

И вот теперь-то, зная, что перед ним не простая крестьянка, а настоящая Леди рыцарь обращался с ней уже более осторожно. Со всей нежностью, на которую был способен, Дагмар поглаживал ее руки, животик, мягкие линии бедер, а Марина, снова немного осмелев, даже начала ему отвечать. Прошло не более пяти минут, как девушка совершенно забыла о побеге и вовсе потерялась во времени и пространстве, полностью отдаваясь мужчине, который уже всем своим существом принимал ее как свою единственную Избранницу. А с ее заботами и мужьями Дагмар как-нибудь разберется... уже завтра утром.

Немного устав от ласки, им даже удалось задремать, тесно прижавшись друг к другу. Марина расслабленно посапывала, устроив голову на согнутую руку Дагмара, а он же, вдыхая тонкий запах распущенных волос девушки, зарывшись лицом в эту густую русую гриву благодарил Богов за счастье, наконец-то обрести Женщину, о которой он едва ли даже мечтал. Смелую, даже чуточку дерзкую, красивую и раскованную, страстную и нежную одновременно, такую отзывчивую на все его прикосновения, щедро дарящую себя без остатка и требующую взамен лишь подобного отношения.

— Моя Марин... моя радость... моя жизнь... моя половинка...

И будто подтверждая его слова, в глубине сознания Дагмара снова послышался удовлетворенный рокот огромного свирепого Зверя, что когда-то правил Дремучими зарослями на окраине Дэриланд.

Зверя, что был готов одарить своей мощью самые смелые и отчаянные человеческие тела и души.
Зверя, чью кровь когда-то отведал Дагмар из тайного источника, дорогу к которому ведал только
уродливый Горбун Гиблого леса.

Глава 4. Мой ласковый и нежный зверь

Сегодня ты придешь ко мне, Сегодня я пойму, Зачем так странно при луне
Остаться одному. Ты остановишься, бледна, И тихо сбросишь плащ. Не так ли полная луна
Встает из темных чаш? И, околдованный луной, Окованный тобой, Я буду счастлив тишиной
И мраком, и судьбой. Так зверь безрадостных лесов, Почувявший весну,
Внимает шороху часов И смотрит на луну, Какой, и я хочу молчать,
Тоскуя и любя, С тревогой древнею встречать Мою луну, тебя...

— Разве уже рассвет... Ммм... Дагмар, я не могу оставаться здесь долго, мне давно пора идти.

Марина выскользнула из рук мужчины и он, будучи в полусне, даже не успел ее удержать. Теперь же, облокотившись на локоть, Рыцарь с сожалением наблюдал, как женщина, что подарила ему столько блаженства, торопливо натягивает на свое белое тело сорочку и кутается в плащ.

— Мы увидимся днем? Где вас разместил Райнбок?

— Дагмар, я тебя прошу... Нет, я даже настоятельно требую — не ищи меня днем! Я не хочу, чтобы о нас поползли слухи, эта встреча должна остаться в тайне. Так нужно для меня... ты понимаешь?

Марина уже хотела присесть на край постели и поцеловать на прощание мужчину, с которым ей было так удивительно хорошо, но в последний момент передумала:

— «Еще ухватит своими огромными ручищами и вовсе никуда не отпустит, а скоро проснется весь этот улей, по коридору забегают слуги, не хочу, чтобы имя де Альба трепали на каждом углу. Может, это и гадко, но раз уж так все у нас грустно получается с Никосом... хотя бы дать ему умереть под родимым кровом, да и разве с моей стороны большая жертва — провести волшебное время с таким мужчиной, как Дагмар — он же просто чудо... просто ласковый и нежный Зверь».

— Когда я тебя снова увижу?

И неожиданно для самой себя Марина выдохнула:

— Когда снова стемнеет... Я так же приду к тебе, только не запирай дверей, чтобы мне не пришлось стучать и быть один. Только у меня одно единственное условие — не вздумай искать меня до того времени, и если случайно увидишь на турнире, даже не смотри на меня долго, никто про нас знать не должен!

Марина замешкалась у дверей, накидывая на растрепанную голову капюшон:

— Это мой приказ! Ясно? Если ты все исполнишь, как я прошу, то сегодня ночью мы увидимся снова. Я тоже, признаться... этого хочу...

Когда за нечаянной гостьей тихо прикрылась дверь, Дагмар только вздохнул, усаживаясь на постели, с тоской глядя на кувшин почти полный отменного вина, Райнбок никогда не скупился на хорошую выпивку для дорогих гостей.

— Я ведь у нее даже не спросил... можно ли мне, наконец, напиться... Проклятье! Когда же снова стемнеет?! Солнце только встает и впереди такой длинный день! А, может, она вообще не женщина, а... какая-нибудь Богиня, что решила позабавиться с человеком? Что, если я больше не увижу ее, и она только посмеялась надо мной? О, все Могры Долины, я же с ума сойду, если больше ее не встречу... Мою Марин...

Дагмар сделал несколько жадных глотков из кувшина и ничком рухнул на постель. Через полчаса, измучившись сомнениями, уж не приснилась ли ему эта дивная красавица, мужчина забылся беспокойным сном. Его постель пахла Марин... в его черной гриве запутались несколько ее русых волосков... она обещала прийти к нему ночью... он уже ждет.

А если же нет — Дагмар и сам ее найдет, даже на краю земли, даже если для этого придется объехать весь Дэриланд и спросить совета у вилл Ледяных пещер Сумрачной Долины, если, конечно, Спящие Боги Локмора не снизойдут до ответа. Он отыщет Желанную даже в Другом мире. Веймар рассказывал ему о лазейках, через которые можно попасть туда. Хозяин Волчьих земель всегда был любопытен, надо бы заехать к нему после турнира, поместье Ульфенхолл как раз на пути в Черные камни.

Слуга разбудил Рыцаря ближе к обеду, впрочем Марко пытался сделать это и раньше, но в его сторону полетел тяжелый подсвечник, и оруженосец поспешил улизнуть. Однако во дворе уже вовсю трубили рога, хозяин Райнартолл созывал своих гостей подкрепиться перед началом состязаний. Дагмару следовало вместе со всеми предстать перед грозными очами Райнбока, кроме того, Судья должен был произнести некую приветственную речь, обсудить с собравшимися последние Королевские указы, выслушать претензии и вопросы местной Рыцарской элиты, собрать

жалобы. Это входило в его обязанности, а Райнбок никогда ими не пренебрегал.

Заслышав громкие мужские возгласы и бряцание оружия под окнами, Дагмар тут же вскочил с постели и с помощью слуги начал одеваться, осыпая последнего громкими проклятиями, к которым Марко, впрочем, давно уже привык.

Примерно в это же время проснулась и Марина, хотя никто ее не будил специально. Девушка еще немного понежилась на высоком ложе, протирая глаза, а потом обнаружила, что Никос одет и о чем-то тихо беседует с Лиссой, сидя в кресле у холодного камина. Не годится жене валяться в постели, когда супруг уже давно на ногах...

Марина быстренько поднялась, умылась и приступила к одеванию. Сложно описать всю гамму чувств, что сейчас бушевали в груди девушки. Запоздалый стыд и досада, легкая вина и тайное предвкушение... Мысли ее невольно возвращались к событиям прошлой ночи, к большому и суровому на вид мужчине, что оказался послушен, как малое дитя. Они непременно увидятся еще... если... если все случившееся ей не приснилось. Но чуть припухшие губы и несколько синеватых отметинок на коже от чересчур страстных поцелуев Рыцаря подтверждали полнейшую реальность всего произошедшего.

— Ты хорошо спала, милая?

Марина опустила глаза перед Никосом, придумывая подходящий ответ.

— О, я уверена, нашей Госпоже снились самые сладкие сны! — хихикнула Лисса, заправляя постель.

Марина глянула на девушку неодобрительно, но слова ее подтвердила, и Никос добавил, что он также провел очень спокойную ночь после измотавшего его небольшого путешествия.

Вскоре Лисса забрала волосы Марины в аккуратную прическу и чета де Альба вышла во двор, где уже собралась целая толпа, готовая воздать хвалу организатору сборища и вполуха или же напротив заинтересованно выслушать последние новости из столицы. Марина и ее муж уселись на отдельные места под широким навесом, по соседству с другими дамами и их служанками.

Стоит добавить, что прочие-то солидные мужчины восседали отдельно за накрытыми столами, поближе к постаменту, на котором было установлено огромное кресло для хозяина Райнартхолл вместе с подобием трибуны. Внимательно оглядевшись и оценив обстановку, Никос коснулся поцелуем руки супруги и попросил позволения оставить ее одну, чтобы самому присоединиться к «рыцарскому коллективу». Конечно, эта просьба была всего лишь проявлением галантности...

Марина вздохнула, расправила спину и принялась искоса поглядывать на нарядных соседок, которые фыркая, тут же закрылись от нее роскошными веерами.

— «Местные индюшки! Можно подумать, я жажду завести с ними знакомство, очень надо!»

И вдруг на колени девушке опустился небольшой букет цветов приятного светлофиолетового оттенка. Марина подняла удивленные глаза и увидела рядом довольного Ансельма.

— Я рад приветствовать вас, прекрасная Леди! Я сейчас поздоровался с вашим добрым супругом и Рыцарь де Альба попросил меня скрасить ваше одиночество. Вам не скучно? Могу развлечь вас беседой и даже что-нибудь спеть... Я, правда, еще только учусь угождать дамам и, возможно, у меня пока плохо получается, но...

— ... дорогу осилит идущий! — рассмеялась Марина, от души радуясь нечаянному собеседнику.

— Должна сказать прямо, что вы — очаровательный юноша и я очень рада знакомству!

Ансельм слегка покраснел и отвел взгляд в сторону, а потом вдруг мгновенно стал серьезным, приложил правую ладонь к груди и тут же направил ее вверх, будто приветствуя кого-то.

— «Наверно, у него куча знакомых дам...», — слегка загрузтила девушка, невольно проследив глазами в том направлении, куда был обращен этот жест Ансельма. И там... там у стола, в сорока метрах от навеса стоял высокий, широкоплечий мужчина с длинными волосами, частично заплетенными у лица в две тонкие косы. Марина вздрогнула, встретившись с ним взглядом и, вся трепеща, снова отвернулась к Ансельму.

— «Это же просто неприлично, что он на меня так смотрит! Неужели не понимает, что это вызовет ненужные сплетни! Вот же чудовище на мою голову!»

Марина справилась с первым волнением и немедленно одарила Дагмара ледяным взглядом, а после чего решила и вовсе не обращать на мужчину никакого внимания, занявшись разговором с милым

юношей, что сидел рядом. Однако продолжить увлекательную беседу о последней столичной моде им попросту не дали. К Ансельму подскочил какой-то несуразного вида здоровенный парень с явно перебитым носом и велел сейчас же подойти к Наставнику.

Юноша поклонился Марине и убежал, оставив девушку в некотором замешательстве, тем более, что ближайшая из соседок начала потихоньку двигаться по скамье в ее сторону с явным желанием поговорить.

— Вы прибыли издалека, Леди? Я никогда прежде вас не встречала, вы позволите узнать ваше имя?

— Леди Марин де Альба, я из Тарлей...

— Де Альба? Вы находитесь в родстве с Белым Рыцарем?

— Я недавно стала супругой Никоса.

— О, милость Богов на его плечи! Какое невероятное известие! Все думали, что Никос так и уйдет в Небесный Чертог, не оставив после себя ни жены, ни... детей. Вы верно хотели бы стать матерью?

— Мы уже давно работаем в этом направлении, могу вас заверить! Я родом из страны, где хорошо развита наука приготовления целебных эликсиров. Один из них — восстанавливающий здоровье и дарующий долголетие я привезла с собой. Ммм... по дороге на наш... э-э-э... караван напали разбойники и я чудом смогла укрыться в лесу со своим саквояжем.

Моя охрана была перебита, я долго пробиралась через лес и вышла к стенам старого замка. Никос на руках отнес меня в свои покои и... я не смогла устоять перед его обаянием. Я предложила ему все свои снадобья и свою невинность... В эту же ночь мы соединили наши тела и души! Ах, об этом верно не стоит говорить вслух, но я прежде не встречала столь деликатного и благородного человека, довольно искусного в постели. Я принадлежу ему вся без остатка и надеюсь, что скоро, ну, конечно, не очень уж скоро, а в положенный срок — подарю ему наследника.

Марина говорила быстро, горячо, убедительно... Она прижимала руки к груди и закатывала глаза, словно кающаяся монахиня. Молодая красивая женщина, к которой был обращен сей страстный монолог, смотрела на Марину с огромнейшим интересом, чуть прикрыв пышным веером свой розовый ротик.

Наконец Марина выдохлась и опустила голову, уставившись себе на колени.

«Эта курица хоть что-нибудь поняла?»

Словно в ответ на мысли Марины рядом раздался приглушенный голосок:

— Какая вы... откровенная! О, я бы хотела побеседовать с вами еще... наедине. Вы наверняка дали бы мне ценные советы. Понимаете, мой муж совсем мало обращает на меня внимания. Он был любезен всего пару месяцев после нашей свадьбы, а потом снова занялся охотой, к нам стали съезжаться гости, Морис и сам стал покидать Борнхолл и несколько дней от него даже не бывало вестей. Я так волнуюсь, что уже успела ему надоест...

Марина устало вздохнула, а что тут скажешь — мужчины они в основной своей массе одинаковы. Интересно, а Дагмар тоже бы ее стал к ней равнодушен, поселив у себя, вдоволь наигравшись.

Девушка не выдержала и снова посмотрела туда, где прежде стоял ее «сладкий сон», но Рыцари уже окружили постамент Райнбока и очень шумно что-то обсуждали, подтверждая свои слова стучанием друг о друга металлических чаш и кубков.

«Вот же дикари средневековые... хотя и в некоторых современных наших парламентах чего только не бывает, даже депутаты в двадцать первом веке дерутся в прямом эфире, чему же здесь удивляться... тоже мне — сказочный мир...»

— И ваш супруг находится в этой свалке?

Марина небрежно кивнула в сторону шумного сборища впереди.

— О да, Морис любит покричать и потолкаться. А еще любит славные пиры и внимание... хм... прочих красоток.

Женщина вовсе закрыла лицо веером и Марина поняла, что «девчонка сейчас разревется».

— Ну, о чем теперь сокрушаться? Он все-таки мужчина, не может ведь он вечно возле вашей юбки сидеть, это ему по статусу не положено! Остались одна, так найдите себе приличное занятие!

— Я не люблю вышивать, я пробовала и только исколола себе пальцы, это к тому же невероятно

скучно...

— Господи! Я же не заставляю вас сидеть за прялкой, в конце-то концов! Неужели же больше заняться нечем? Книжки читайте, рисуйте на стенах, да хоть битву при Ватерлоо... ну, то есть какую-нибудь вашу битву... может, супруг, наконец, оценит.

Начните моделировать одежду, придумайте новый фасон шляпки или веера, может, станете законодательницей новой моды и откроете в столице бутик... я бы вам даже подсказала пару деталей... Я вот, например, всегда мечтала о магазинчике детской одежды. Я очень люблю детей, так хочу уже маленького... ммм... крошка моя! Сами ляльку себе родите, кто вам не дает! Как у вас тут дело обстоит с... вообще, вы сейчас предохраняетесь? Какие-то меры принимаете или уже всюю планируете малютку?

— Это... значит, сколько раз в неделю меня посещает супруг, да?

«М-да... как же им далеко до прогресса!»

— Я только хочу сказать, что вам совершенно не нужно скучать в отсутствии мужа, пусть себе ездит по гостям, зато вернувшись домой он увидит, что вы ничуть без него не страдали, а занимались... детьми, книгами, музыкой, спортом, ремонтом, нарядами, садоводством, подругами... Много у вас подруг? Созовите их на пижамную вечеринку, устройте себе праздник, выгоните мужчин на... ну, хотя бы, на ночную охоту, а сами всласть обсудите все их достоинства и недостатки, сообща вы непременно придумаете как разнообразить свою жизнь.

Женщина широко раскрыла глаза, жадно внимая новым веяниям.

— Вы такая... такая... удивительная! Я непременно должна вас познакомить с Мирандой, она говорит что-то похожее, но у нее такой грозный супруг. Он ее никуда не пускает, держит чуть ли не под замком, хотя она даже пару раз от него убежала...

Женщина вспыхнула, как маков цвет, наклонилась к самому уху Марины и захихикала, словно вспомнив что-то весьма пикантное:

— У них очень странные отношения с Харостом. Он будто бы даже сквозь пальцы смотрит на ее проделки, позволяет ей улизнуть из замка, а потом ловит ее в лесу или на постоялом дворе и... ведет себя так, словно они совсем не знакомы. Будто бы его жена — это простая поселянка и он может брать ее, как Господин... ох, у меня даже язык не повернется все это пересказать... Миранда прислуживает ему, словно низшая прислуга, выполняет все его пожелания, даже самые... ох, непристойные. А потом...

— Что же бывает потом? — Марина давилась от смеха, искренне сожалея, что у нее нет веера под рукой, чтобы прикрыть излишне веселое лицо.

— Потом они будто бы меняются ролями! И Харост сам ведет себя, словно слуга... Миранда как-то сказала, что он разрешает ей бить себя плеткой, которой погоняют лошадей... Но я в это не верю! Видели бы вы Хароста! Он же давно не мальчишка, он очень опытный воин и никому не уступит на поединке, все это знают... и как он может позволять женщине подобное обращение... не понимаю.

Марина только покачала головой.

— Возможно, даже закаленному в боях, опытному воину хочется порой почувствовать на своей шее ярмо... из нежных женских ручек... ну, или ножек...

— Что вы говорите такое? О, Леди Марин, вы просто невероятная женщина! А кто этот милый юноша, что не спускает с вас глаз... верно знакомый Рыцаря де Даркос? Они сейчас оба смотрят сюда. Вы их знаете?

Марина с досадой прикусила нижнюю губу, кинув взгляд в сторону мужчин.

— Парня зовут Ансельм, мы вчера только познакомились, он славный... Кстати, онто как раз не против поухаживать за красивой Дамой!

— Это ведь он преподнес вам букет, я наблюдала... Какая галантность! Мой супруг не делал этого ни разу, правда, пока ухаживал за мной, дарил различные украшения, вот посмотрите, правда, очень красиво?

Марина с легкой грустью оценила великолепные серьги и кольца молодой женщины, а также парочку браслетов, инкрустированных драгоценными камнями. Верно, ее супруг очень богат и не заморачивается насчет цветочков, считая, что лучший вклад в свою женщину — это золото, хотя Марина бы предпочла... ммм... парочку розовеньких карапузов.

Девушка никогда не была завистливой, но зрелище роскошных «блестяшек» соседки заставило ее несколько приуныть. Леди должна все-таки выглядеть как Леди, внешний вид женщины всегда говорит о статусе ее супруга, жена — обложка семьи, а по виду Марины всем станет ясно, что дела в Тарлей идут не ахти, поместье может лишь прокормить своих Хозяев, тут уж не до роскоши, не до дорогих нарядов и украшений.

Пока женщины шептались под навесом о своих маленьких секретиках, Дагмар как раз с пристрастием допрашивал Ансельма насчет «интересной дамы, которой юноша притащил этот ужасный веник». И буквально через несколько минут Рыцарь Черных камней был поставлен в известность о том, что чета де Альба поселилась прямо напротив его покоев.

Помня наказания Марин о соблюдении строжайшей тайны их отношений, Дагмар изо всех сил старался не смотреть в ее сторону, однако это было нелегко. А тут еще этот мальчишка, оказывается, с ней почти дружен и может запросто подбежать для беседы, да еще подsunуть какую-то цветущую траву. Неужели, для женщин это так важно... где бы найти подходящий куст, что умудрился зацвести или дерево какое-нибудь красивое, как на беду ничего нет, чтобы подарить Марин... Что еще нравится девчонкам... Может, знает Ансельм?

— Скажи-ка мне парень, если тебе приглянулась Леди, что можно преподнести ей в дар, чтобы получить благосклонный взор?

— О, Милорд! Это такая честь быть вашим поверенным в сердечных делах, я бы мог отнести Леди записку от вашего имени... если вы позволите, я бы даже подсказал, как ее лучше написать. А насчет подарков... Дамы любят цветы...

«Проклятье! Это же ясно, как день!»

— ... и еще красивые платья и драгоценности... Любят серенады и подвиги в их честь...

«За этим-то дело не станет, уж я до вечера непременно сшибу с коней пяток самодовольных баронов, лишь бы только заслужить одну ее улыбку... моей дорогой Марин, а вот и ее болезненный муженек... С какой радостью я отправил бы его к праотцам уже сегодня, так ведь она, чего доброго, еще обидится на меня, что-то она там говорила про долг и честь, про его жалкое именище...»

Дагмар внимательно оглядел худощавого мужчину в потертом камзоле, что беседовал сейчас с Райнбоком.

«Его удача, что Марин поклялась, будто они не спят вместе... этого бы я ему не простил и плевать на все заслуги Белого рыцаря перед Королевством. Марин должна быть моей, я это понял, едва лишь к ней прикоснулся и я сделаю все, чтобы она осталась со мной. Ах, да еще же ребенок! О, благословенные небеса, у меня будет сын... ну, или сначала девчонка... ее я тоже научу скакать на коне и отвечать затрешины любому обидчику, хотя как это... кто же это в здравом уме решится обидеть дочь Дагмара де Даркос? Разве что последний безумец в Дэриланд...»

— Еще хотел бы заметить, Господин, что за стенами Райнартхолл сейчас проходит большой торг — собрались лучшие мастера и перекупщики со всей округи. Возможно, на их прилавках вы могли бы отыскать достойный подарок для Дамы вашего сердца.

— Слушай, Ансельм, ты же знаешь, я в этих побрякушках женских вовсе не разбираюсь, да и не с руки мне глазеть на всякие цепочки и кольца, еще засмеют... Возьми-ка деньги и сам что-нибудь выбери для женщины, ну... что бы могло ей прийтись ей по душе, на твое усмотрение.

— Так ведь надо же знать ее вкусы и пристрастия, хотя бы ее любимый цвет или цвет ее глаз. Опять же — молода она или уже в возрасте, девица или благородная Леди в статусе Хозяйки... здесь нельзя ошибиться, Мой Господин!

— Что ты ко мне пристал с такой ерундой? Будто мне больше нечем заняться! Она немного старше тебя и носит крохотные лепесточки в ушках, и ни одного браслета на ней я не видел... Почему я знаю, что может понравиться Марин...

— Вы сказали — Марин? Так зовут леди Тарлей... э-мм... супругу Белого рыцаря...

— Слишком много пустой болтовни, парень! Держи язык за зубами на счет этой Леди, иначе я его тебе укорочу. Я дал тебе приказ купить забавную безделицу, так иди и выполняй.

В голосе Рыцаря слышалось явное раздражение, но Ансельм был упрям, к тому же юноша хотел выполнить задание с блеском.

— Позвольте мне лишь небольшое уточнение... вы дали мне очень много денег, я могу потратить половину?

— Я дам лично тебе половину этого сверх, если Даме понравится мой подарок! Ты хорошо меня понял... знаток женских прихотей? Владел бы ты копьем так же хорошо, как языком, тебе не было бы цены на поле брани. И не смей больше заигрывать с Марин, иначе я тебе голову оторву, щенок!

Пряча улыбку, юноша низко поклонился сердитому Наставнику и побежал к воротам. Примерно через час он насилу отыскал Дагмара уже среди оруженосцев, которые готовили Хозяина к первому поединку. Лицо Ансельма светилось, юноша выгодно приобрел пару прелестных вещиц, которые несомненно порадуют Леди Марин. У молодого рыцаря даже остались золотые монеты на новый прекрасный букет и набор великолепных лент, а также на серебряные нити для длинной косы девушки.

В ответ на радостные возгласы Ансельма его Наставник только прорычал что-то маловразумительное, но юноша все-таки понял, что должен сам передать эти подарки супруге Белого Рыцаря. Странно... ну, сам, так сам. Когда Дагмар готовится к бою, женщины разом вылетают из его головы. Похоже, что так!

И вот, глашатай, разодетый словно попугай, возвестил о начале турнира Райнартхолл, и дамы из-под навеса во дворе потянулись на поле поближе к арене, где вскоре должны были начаться сами конные поединки. К великому разочарованию Дагмара, сколько он не всматривался в пестрые ряды женщин, рассеявшихся в Галерее Знати — свою дорогую Марин он так и не нашел. И не удивительно, ведь девушка вместе со своим мужем отправились обратно в покои замка — Никос чувствовал себя не слишком хорошо и предпочел вернуться в постель.

— Ты вовсе не должна сидеть возле меня, как преданная нянька. Мне достаточно заботы Лиссы... Иди лучше, погуляй, да возьми с собой этого мальчика, что помогал нам вчера заселяться в комнаты. Здесь много развлечений, музыки и всяких красивых вещей. Жаль, не могу дать тебе столько монет, чтобы ты смогла купить себе все, что пожелаешь — все, чего ты достойна на самом деле...

— Я останусь с собой и мне это вовсе не в тягость! Никогда не любила смотреть на мужские спортивные состязания, другое дело — танцы или фигурное катание. Что хорошего в том, что закованные в броню мужики будут скакать верхом на своих лошадках, пытаюсь выбить один другого из седла?

И здешняя музыка мне не по душе, слишком громко и резко, у себя я немного играла на фортепиано, представляешь, я закончила с блеском музыкальную школу. А знаешь, как мне это в детском саду пригодилось? Я была самая чудесная Снежная Королева — играющая и поющая... и вовсе не холодная злюка. Детки были так рады!

— Ты — светлый и добрый человек, Марин... У тебя все будет хорошо, вот увидишь!

— У тебя тоже... Может, у нас еще получится отыскать для тебя какое-то лекарство — противоядие? Может, найдется средство, способное поставить тебя на ноги?

Рыцарь лишь грустно покачал белокурой головой.

— Я и так потратил на эти склянки целое состояние, больше не хочу... Боги каждому отмерили свой срок, мы должны мужественно его принять!

Марина поправила покрывало, что прятало худую фигуру рыцаря и прилегла рядом, поглаживая его руку. Они долго еще беседовали о разных пустяках, а когда пришло время обеда, Лисса просто затащила в покои целую корзину всяческой снеди, что передали от Райнбока.

Хозяин Райнартхолл сообщал, что не будет беспокоить больного гостя приказами являться на все светские мероприятия, запланированные сразу же на пять дней сборища. Никос может просто отдыхать, а вот, что касается Его Леди... Райнбок уже через своих слуг недвусмысленно дал понять, что был бы очень рад видеть Марину на сегодняшнем вечернем застолье при свечах.

А после обеда в комнату к чете Альба постучал Ансельм, он приглашал Леди на прогулку у стен замка и даже за их пределами. Никос одобрительно кивнул головой и Марина в обществе милого юноши вышла во двор.

— Мне хотелось бы передать вам приветы от одного очень равнодушного к вашим чарам Рыцаря. Возможно, вам даже не известно его имя...

Но Марина несколько грубовато перебила вычурную речь юноши, специально заготовленную к этой минуте.

— Тебя прислал Дагмар? Что он хотел мне сказать? Я велела ему даже не смотреть на меня днем! А он глазел...

— Э-э-э...

Юноша искренне растерялся, на его памяти ни одна Дама не говорила так о его Господине, то есть в такой повелительной манере...

— Рыцарь де Даркос всего лишь выражает вам свое безмерное восхищение и... обожание «должно быть так, иначе с чего бы ему тратиться на чужую супругу». Примите от него в дар эти скромные украшения...

— «Все вместе они стоят даже больше моей экипировки для турнира. Эх, когда же я буду так богат, чтобы бросить к ногам возлюбленной целый ворох подобных безделиц...».

Марина слегка нахмурилась, когда юноша, усадив ее на небольшую скамью под раскидистым дубом, разложил на батистовом платке перед собой несколько драгоценных вещиц, а именно — гарнитур с изумрудами: дивной работы серьги и колье, затем пару тонких обручей на запястья и ароматную коробочку с лентами и нитями для волос.

При виде столь чудных украшений лицо девушки невольно просветлело и разгладилось, даже слегка окрасившись румянцем. Марина ведь была истинная женщина, и ей не мог не польстить мужской интерес, выраженный в столь искусных и ценных «комплиментах».

— Это все купил для меня Дагмар? Правда?

— О, несравненная леди Марин! Это истинная правда, клянусь щедрими небесами!

— Да уж... в щедрости-то им явно не откажешь... Но это, верно, стоит безумно дорого?

Ансельм ласково улыбнулся, пожимая плечами. Юноша был доволен, ведь милая госпожа несомненно была рада подаркам.

— Мой храбрый наставник богат и знатен, все в Королевстве уважают его и... даже боятся. Про Дагмара одно время ходили слухи, что он... ммм... обрел силу огромного медведя, когда умирал от ран в Гнилом лесу. Это его и спасло от неминуемой мучительной смерти.

— Да, что ты говоришь?!

Марина ухватила Ансельма за руку и потребовала, чтобы юноша немедленно рассказал ей все, абсолютно все, что он знает о Рыцаре Черных камней, от колыбели до сегодняшнего размера ноги, включая все его тайные пристрастия и вкусы. И всю подноготную легенд о медвежьей силе.

— Мне нужно знать о нем все! Это важно!

И Ансельм вынужден был подчиниться. Двое молодых людей даже не подозревали, что за их горячими диалогами пристально наблюдает со стороны пара очень заинтересованных холодных глаз.

А в это самое время на турнире доблестный рыцарь де Даркос отправлял «отдохнуть» на землю уже седьмого по счету своего противника. Воистину, сегодня воину сопутствовала удача и равных ему не было на ристалище! Но Дагмар равнодушно выслушивал восторженный рев толпы и даже позволил коню растоптать парочку одиноких роз, что все-таки заслужил от неких Дам, для которых мужская доблесть порой значила больше, чем внешняя красота.

Леди Марин не соизволила наблюдать даже за одной единственной его победой, а возможно ее не отпустил от себя супруг... может, он расхворался ни на шутку и Дагмару повезет — Никос уже этой ночью он отойдет к праотцам, вот было бы неплохо! Зачем, вообще, стоит жить мужчине который не в силах сделать свою женщину счастливой? Остается одно из двух — либо уйти в иной мир либо отпустить женщину к другому, более заботливому Хозяину... хм... то есть мужу, конечно!

Раздосадованный и немного уставший, Дагмар вернулся в свою палатку, прикрикнул на Марко, чтобы тот поспешил избавить его от панциря, порядком уже изрубленного и помятого в двух последних схватках. Соперники ведь тоже отнюдь не все были из слабаков. Например, с Харостом Косматым Дагмар окончил бой крепким рукопожатием, поскольку здоровяк из Гринсвуда даже и не думал уступать.

Мужчины долго топтались на месте, славно утомив лошадей и собственные мышцы, наконец, кинжал Хароста каким-то чудом скользнул под кольчугу Дагмара и заставил последнего дрогнуть от прикосновения острой стали. Рыцарь Черных камней не остался в долгу и от мощного удара в грудь Косматый полетел навзничь, однако тут же поднялся готовый сейчас же вновь отражать яростные атаки Дагмара. Но вдруг остановился, примирительно подняв руку...

— Ты ранен, Медведь... у тебя все плечо в крови — бой окончен! Признаю, что ты славный боец и я

счел бы за честь встать рядом с тобой во славу Гальбо, если придется вновь оборонять подступы к Королевству. Не будем зря калечить друг друга, пожмем наши лапы и выпьем мировую сегодня вечером.

— Я бы, конечно, вытянул из тебя все жилы Старый Барсук, но боюсь это не одобрит твоя красотка — жена, я слышал вы с ней живете душа в душу, к тому же и у меня тоже есть хорошие планы на сегодняшнюю ночь. Я уверен, что новые борозды на моей шкуре вряд ли одобрит Несравненная, которую я намерен любить до рассвета.

Харост оглушительно захохотал, напоследок сжимая руку Дагмара с нечеловеческой силой. Поединок был признан перенесенным на неопределенный срок, поскольку никто из соперников так и не признал себя побежденным покуда лично не проехался задом по изрытой лошадиными копытами почве арены.

Приближалось время ужина, который Дагмар провел вместе с остальными мужчинами во дворе за накрытыми столами, а Марина у себя в комнате, разделив обильные вкусные кушанья с мужем и служанкой. Наконец, в покои Альбы постучали вестники от Хозяина поместья, оповестив о том, что Леди Тарлей следует поскорее явиться в общую залу.

Судя по всему, Райнбок задумал провести славную вечеринку с танцами и музыкой, а точнее развлечения для Дам и галантных кавалеров, не слишком потрепанных в дневном турнире, а то и вовсе избежавших «суровых мужских приключений». Никос с легким сердцем остался в постели, он пояснил супруге, что обычно на такие «посиделки» собираются исключительно скучающие Леди и прыщавые юнцы, охочие до шелеста дамских юбок.

Звучит кокетливый смех, летают смелые и колкие шуточки, пахнет всевозможными ароматами — духи и пряности, сладкая ваниль и фруктовые нотки... Настоящие «взрослые» мужчины боятся таких «вечеринок» словно огня и никогда-то на них не появляются, даже соглашаясь на то, чтобы их томную супругу пару часиков забавлял какой-нибудь безусый мальчишка, который еще не настолько встал на ноги, чтобы обзавестись своей собственной... ммм... домашней Леди для индивидуального пользования.

Марину такие комментарии Никоса, конечно же, не могли очень вдохновить, но обижать, а уж тем более сердить хозяина поместья ей также не хотелось. Это могло дурно отразиться на Никосе. Девушка принарядилась, используя роскошные ленты и нити из тех, что ей так любезно преподнес Ансельм. По правде сказать, Марина сначала хотела отказаться от драгоценностей, но юноша заверил, что он если ей что-то не подойдет, пусть растолкует это Дагмару при личной встрече, а сам он всего лишь посыльный. В итоге, девушке все же пришлось забрать платок с подарками в свою комнату. И вот теперь кое-что даже весьма пригодилось.

Леди Тарлей, конечно, не стала навешивать на себя все украшения разом, тем более, что великолепный и, естественно, дорогой гарнитур с зеленоватыми камешками она искренне собиралась вернуть Дагмару.

— «Пусть даже не думает, что я жду от него каких-то подарочков, я пришла по своей воле, нечего со мной побрякушками расплачиваться! Да уж, я не такая... я жду трамвая... даже самой смешно!»

Однако устоять перед лентами и заколками девушка не смогла, еще она надела на руку один золотой браслет. Одним словом, Леди де Альба, что вошла в общую залу для приема гостей Райнартхолл выглядела скромно, но элегантно. А уж природные достоинства статной фигуры девушки не нуждались ни в каких дополнительных атрибутах. Да, Никос был прав... Несколько молодых «гладиолусов» среди юных и не очень «маргариток» и явно отцветающих «хризантем».

Посреди залы, боком к накрытому столу, опираясь о него локтем восседала на креслице представительная Леди средних лет — истинная «Роза». Вокруг своей «королевы» на стульчиках и скамеечках пониже расселась группа «незабудок». Все весело щебетали и обмахивались веерами, хотя в покоях было довольно свежо, все окна раскрыты, со двора веяло вечерней прохладой.

Марина попыталась как можно незаметней пробраться в какой-нибудь тихий уголок и пересидеть там это «собрание на городской клумбе». Но в ее сторону уже направлялась новая знакомая, с которой Марина довольно приятно пообщалась перед началом турнира.

— Рада видеть вас здесь, Леди Тарлей!

— Ия вас приветствую, Хильда из Борнхолл. Я правильно запомнила название вашего поместья?

— О, вполне! Я просто счастлива, что вы появились, а ведь могли бы до ночи просидеть у постели вашего бедного супруга. Ах, мне так жаль Никоса, мы все вам безумно сочувствуем. Я рассказала вашу историю Миранде. Она жаждет увидеть вас и лично обласкать. Идемте же, идемте, я немедленно вас представлю!

Марина сникла, отсидеться в углу явно не выйдет, придется «кудахтать» вместе с прочими кумушками. Какая скукота! Но белокурая Хильда уже спешила вперед, таща Марину за руку в буквальном смысле этого слова. Наконец, обе девушки слегка присели в почтительном поклоне перед приятной темноволосой женщиной со взглядом Софи Лорен и даже, впрямь, какой-то итальянской внешностью, как невольно подумала про себя Марина.

«А что? Хороша... и гордый стан и плечи голенькие... этакая Элен из «Войны и мир», хозяйка светского салона, лишь бы не оказалась ехидной стервой».

Но Миранда вдруг отбросила веер на колени наперсницы, что располагалась ниже и, протянув вперед обе свои белые руки, унизанные кольцами, обратилась к девушке:

— Я едва ли не с самого утра о вас слышу. Хильда только и говорит, что о прелестной избраннице Белого Рыцаря, будто бы вы остры на язык и смелы во взглядах. И ничуть не боитесь мужчин... Мне это нравится! Вы и правда такая, Леди из Тарлей?

— Надеюсь, что не разочарую! Также рада знакомству, о вас мне тоже рассказывали много хорошего и... интересного... Миранда. Могу я так запросто к вам обращаться?

— Она просто чудо!

«Королева» вынесла вердикт и ее свита, как по команде, одобрительно замахала веерами. Со всех сторон раздались приветственные возгласы в адрес Марины, девушку усадили за стол, наперебой стали предлагать разные сладости и фрукты. Выбор был столь велик и красочен, что Марина вслух отдала должное угощениям и занялась клубникой, что утопала в сливочном муссе, ах, какая же это была прелесть!

В это время одна из «цветочных дам» присела за музыкальный инструмент наподобие фортепиано и начала наигрывать легкую веселую мелодию. Вокруг Марины немедленно образовалась стайка юношей, что наперебой предлагали свои услуги в танцах, просили позволения сопровождать на завтрашних прогулках, участвовать в прочих развлечениях, но, заметив растерянность девушки, одним повелительным жестом Миранда всех разогнала.

— Вот же пристали, мальчишки, даже не дадут «почирикать» спокойно!

Марина даже замерла с ложкой у рта, «королева» вела себя довольно свободно, не особенно церемонилась с выражениями.

— Знаешь, я привыкла руководить, когда-то у меня было свое собственное маленькое кафе, но конкуренция, конкуренция... потом еще муженек сбежал с иностранкой, на мне осталась куча долгов... хоть в петлю лезь... Мамма миа! Я и полезла... кое-кто подсказал путь, только оказалась я с другой стороны... весьма удачно попала сюда. Ах, какие здесь мужчины... ммм... объединье. Взять хотя бы моего Хароста, уж какой он поначалу был необъезженный мустанг, зато сейчас... понял, наконец, преимущества женской инициативы! Я нащупала между нами некоторые точки соприкосновения...

Женщина хихикнула, озорно поглядывая по сторонам, зато спутницы вокруг нее жадно ловили каждое «королевское» слово, кое-кто из них даже приготовил крохотные блокнотики с явным намерением что-то записать на память.

В душе у Марины шевельнулось некоторое предположение, но она решила пока оставить его при себе. Внезапно двери в залу широко распахнулись и взорам присутствующих предстала странная пара: рослый, крупный мужчина с черными, распущенными по плечам волосами и миловидный юноша, чье пунцовое лицо свидетельствовало о крайнем смущении.

Марина вздрогнула и прикусила язык, интерес с спелой клубнике моментально испарился. На пороге стоял Дагмар, собственной персоной. Среди дам незамедлительно пролетел шутливо-испуганный говорок:

— Ах, какая приятная неожиданность! Видимо не все «медведи» решили игнорировать дамское общество?

— Кто этот великан? Какая громадина! Ах, ах...

— Что у него с лицом? Он пострадал в бою?

— Я слышала, рыцарь Черных камней поклялся остаться холостяком до конца своих дней!

— Уверю вас, это полная чепуха! Он недаром сегодня здесь, наверно, хочет присмотреть невесту.

— Милый! Большой...

— И очень богатый к тому же!

— Я слышала, он умеет обращаться зверем... Это слухи? О, Боги милостивые! А что, если вздумает стать медведем в первую брачную ночь? Я бы точно умерла от страха!

— Вот это мужчина! К тому же герой!

— Мои дорогие, он же просто чудовище! Вот я бы ни за какие деньги, даже за целое поместье не легла бы с таким уродом!

— Элоиза, он же не виноват...

Марина краем уха ловила шепотки всех этих пересудов и невероятно страдала. Дагмара обсуждали, словно жеребца на ярмарке — породистого, но с изъяном. Как им не стыдно!

— Цыц! Довольно...

Миранда поднялась, выпрямившись в полный рост, и Марина с удивлением обнаружила, что женщина гораздо выше и пышнее, чем казалась, сидя на стуле.

— Мы приветствуем вас, Рыцарь Дагмар и надеемся, что вы хотя бы полчаса... гм... украсите наше общество, а не сбежите, как в прошлый раз, когда нечаянно заглянули к нам вместо комнаты с петушиными боями.

Дагмар обреченно вздохнул и переглянулся со своим молодым спутником, причем Ансельм даже умудрился одобрительно подмигнуть мужчине, мол, раз уж явился, так надо действовать!

— Пожалуй, сегодня я как раз задержусь в вашем курятнике... Дело в том, что мой цыпленок ужасно робок, просто шагу не может ступить без моей поддержки, и особенно боится Дам, хотя... надо признать, что если его как следует ободрить, парень может заставить трепетать не только врагов, но и ваши юбки. Верно, я говорю, цыпленок?

С этими словами Дагмар слегка подтолкнул Ансельма вперед и юноша, блестя глазами, галантно поклонился сразу всей «клумбе», так ловко это у него получилось. В его сторону немедленно полетели комплименты:

— Какой славный мальчишка, я бы взяла его под свое крылышко!

— Брунгильда, у тебя уже есть два явных поклонника и четыре тайных, а что, если узнает муж?

— Не стоит волноваться, Хельмут занят только своими кобылами, вот у него их целый табун, я же не возмущаюсь...

Все голоса перекрыл зычный голос Миранды.

— Как ваше имя, прелестное создание? Вы уже стали Рыцарем?

Ансельм едва рот открыл для ответа, но со всех сторон полетели смех и шутки:

— Какое там... он едва выбрался из пеленок!

— Миледи, тише! Мы сами его посвятим! Юноша, не желаете ли стать Рыцарем Шелковой Подвязки?

— Нет, лучше Алых Чулков!

— Вы обижаете парня! Он же мужчина!

— Мужчины тоже порой любят алые чулки, это же очевидно...

— Конечно же — на своих Леди!

— И не обязательно на своих... Не смущайся, птенчик, иди скорей к нам, мы угостим тебя марципаном. Тебе нравятся сладости? Есть еще и желе... хочешь, я сама покормлю тебя с ложечки, открывай-ка ротик...

Бедный Ансельм, вертя головой в разные стороны, чтобы охватить жадным взором сразу весь «цветник» изо всех сил пытался говорить басом:

— Я предпочитаю мясо и вино, как и положено Рыцарю! Мое имя Ансельм, я из Форлака...

— О, дивный край! Борнхолл рядом, да мы соседи... иди же сюда, садись... Брунгильда, бросай свои шутки, парню неловко... Займись кем-нибудь другим, наконец!

Даже Дагмар не сдержал кривой усмешки среди всеобщего гомона и смеха, но глаза его уже нашли Марин и надолго задержались на ее хмуром личике. Девушка сидела у стола, и ее губы были сурово сжаты. Марин и еще с пяток дам не принимали участия в общем веселье, предпочитая держаться с достоинством. Вся кровь закипела у мужчине!

— «Схватить в охапку и унести... Пусть думают, что хотят, меня никто не остановит! Проклятье! Она же мне этого не простит из-за своего муженька — доходяги... О, небеса, как дождаться ночи, когда мы, наконец-то, останемся наедине и я смогу сжать ее в объятьях!»

Не выдержав нервного напряжения, Марина решительно поднялась и направилась в сторону массивного музыкального инструмента в углу.

— «Ну, что он уставился на меня, скоро уже все внимание обратят, этим девицам только дай повод посудачить, все косточки перемоют, с них станется... А он стоит и смотрит... ну, точно Медведь на овечку! Как же тут на этом играть... Похоже на фортепиано... нет, немного иначе... клавесин какой-то, на картинках именно такие нам показывали, для них еще Моцарт и Бах музыку сочиняли. Интересно, а я что-нибудь осилю...»

Марина провела пальчиками по клавишам, исторгнув отрывистое яркое звучание.

— «Здорово! Кажется, я смогу...»

Девушка даже не мгновение забыла о своих страхах, запросто подобрала юбку и уселась за инструмент. Скоро зала наполнилась серебристыми, блестящими звуками, которые заставили чуть стихнув самые громкие разговоры.

— «Что-то они там подозрительно притихли, неужели заслушались... вот досада, я же просто хотела немного отвлечься...»

Марина играла совсем простенькую, легкую мелодию из детского спектакля про Бременских музыкантов, адаптированную версию для детского сада. К превеликому удивлению девушки рядом с ней каким-то образом вдруг возник улыбающийся Ансельм.

— Леди Марин, может быть, вы нам еще и споете?

Марина представила, как вытянутся лица местных «бутончиков» и запела:

— Ах, ты бедная моя, трубадурочка, ну смотри как исхудала фигурочка, я заботою тебя охвачу...

— Знаешь, Ансельм, это песенка — разговор короля и его непослушной дочки, что решила сбежать из дворца вместе с бродячими музыкантами, папа — король ее отговаривает, конечно, а она ни в какую — хочу путешествовать с любимым и все дела...

— Какая романтическая история! Расскажите подробнее, Леди Марин...

— Ах, просим... просим... как это интересно... волнующе...

Вскоре вокруг Марины собралась целая компания из желающих послушать эту увлекательную и, наверняка, даже пикантную новеллу. Марина была в своей стихии... Сколько сказочек рассказала она внимательным деткам, что вот также окружали ее, сидящую на стульчике в детском саду, даже и не вспомнить.

Только Дагмар, Миранда и еще несколько солидных «матрон» остались сидеть вокруг стола на диванчиках, обтянутых бархатом и атласом. Дагмар рассеянно слушал непривычную слуху мелодию и вяло жевал какой-то засахаренный лимон. Миранда смотрела на него с насмешливой улыбкой, подперев ладонью массивный белоснежный подбородок.

— Вы же пришли сюда не случайно, Рыцарь, я полагаю, какая-то из этих «курочек» смогла таки зацепить ваше «стальное» сердце и вы не против оципать ее белые перышки. Ну... я же права? Никогда не поверю, что вы будете терпеть дамские посиделки из-за своего юнца, к тому же он, кажется, в вашей помощи совершенно не нуждается. Он-то как раз здесь себя чувствует как рыба в воде, славный парень! Видно, что из него будет толк, и в бою... и на ложе!

Дагмар сунул в рот вторую дольку лимона и скривился... даже медовый сироп не мог перебить природную горечь солнечного плода. Какая досада! При всей своей отваге и силе Рыцарь Черных камней вынужден сидеть рядом с «перезрелой тыквой» из Гринсвуда вместо того, чтобы наслаждаться вкусом очаровательной «сочной груши», какой несомненно представлялось ему дорогая Марин.

Но к некоторой радости Дагмара вечер начал переходить в более веселое направление. Дело в том, что своих «цветущих» гостей посетил сам Хозяин Райнартхолл с немногочисленной свитой из

наперсниц и постоянной охраны, которая больше свидетельствовала о его статусе, чем нужна была для защиты жизни. Райнбок с удовольствием оглядел владения и благосклонно принял тысячу признаний в любви, большая часть которых, конечно, являлась шутливым воздаянием его высокому положению.

Грузный мужчина уверенно расположился на самом роскошном диване и вскоре был окружен толпой восхищенных дам. Но вот маленькие колючие глазки Райнбока заметили мощную фигуру Рыцаря, ссутулившегося над столом.

— Дагмар! Ты здесь? Вот это чудо! Знать, скоро небеса обрушатся на землю! Что на тебя нашло?

— Я всегда был равнодушен к музыке...

Райнбок громогласно захохотал:

— И к женским прелестям!

— Мужчине трудно обходится без женщин, вынужден это признать.

Какой тут начался переполох! Замелькали веера, раздались томные вздохи:

— Кто же сумел так ранить душу непобедимого Рыцаря?

— Дагмар, всего лишь один намек...

— Она блондинка или брюнетка, откройте уже свой секрет!

Марина кусала губы, осторожно касалась чувствительных клавиш и даже не поворачивала головы в сторону шумных пересудов.

— «Ну вот зачем он тут объявился? Выставил себя дураком! Все смеются и дразнят его, как он это терпит, ради чего?»

И вдруг неожиданная короткая мысль словно обожгла ее грудь:

— «Он хотел видеть меня! Он пришел ко мне! Только ради меня он терпеливо сносит все их шуточки... Ах, Дагмар, я сторицей расплачусь с тобой за все их насмешки, я буду целовать тебя и ласкать, потому что... потому что я сама этого безумно хочу, мой...»

И сейчас же отчаянное, невыносимое желание обнять этого мужчину, увести с собой подальше от всех этих насмешливых, пренебрежительных, изучающих женских взглядов заставило Марину обернуться. На мгновение их взгляды встретились и девушка поразилась тому, какая тоска сейчас была в темных глазах Дагмара...

И время будто бы остановилось на секунду, исчезли все звуки, очертания предметов вокруг расплылись, стали нечеткими. Только мужчина со спутанными, еще не совсем просохшими после купания волосами, с лицом привычно суровым, но почему-то уже совершенно родным выделялся на фоне этого разноцветного, гудящего и подрагивающего пятна. Марина, задыхаясь опустила глаза, поднялась со стула и направилась к Райнбоку.

— Милостивый Господин! От всего сердца благодарю вас за приглашение и чудесный вечер, но я очень беспокоюсь о своем супруге, позвольте мне уже удалиться к нему.

Хозяин поместья внимательно оглядел девушку, что стояла перед ним, теребя в руках скомканный платочек.

— «В самом деле, не могу же я прямо сейчас приударить за женой умирающего Никоса, это было бы подло и недостойно...»

— Ваша доброта и забота тронули мое сердце, Леди! Конечно же, вы можете идти в отведенные вам покои, передайте вашему дражайшему супругу наши глубочайшие соб... тьфу... то есть, наши наилучшие пожелания.

Они обменялись вежливыми поклонами и Марина вернулась к столу, за которым находились Миранда и Дагмар.

— Прекрасная Госпожа Миранда, я вынуждена сейчас уйти, спасибо вам за то, что столь хорошо меня приняли и поддержали. Надеюсь, мы увидимся завтра, я уверена, нам есть о чем поговорить.

— Должна вас огорчить, моя дорогая! Уже утром мы выезжаем из Райнартхолл, моего мужа ждут неотложные дела дома...

Миранда бросила быстрый взгляд в сторону Райнбока и, понизив голос, продолжила:

— Вот-вот должна оцениться любимая сука Хароста, он собирается присутствовать на этом грандиозном событии, только ни слова этому «бочонку с вином», он будет смертельно обижен... к тому же, свой кусок славы мой муж здесь уже получил, он даже сумел пустить кровь самому Дагмару де Даркос, надеюсь вы не сильно расстроены, мой дорогой друг?

Марина с ужасом посмотрела на рыцаря:

— Вы... вы были ранены, Милорд?

Не поднимая головы, Дагмар хрипло пробормотал ей в ответ, что рана его совсем пустяковая и не стоит волнений Леди.

— Но я очень боюсь крови и всяких драк, вы меня испугали... Я хочу немедленно пойти к себе и пораньше лечь спать. Доброй ночи!

Миранда с любопытством наблюдала, как побледневшая вдруг Марина круто развернулась и почти выбежала из зала, в то время как Дагмар проводил ее пылающим взором.

«Ах, вот оно что... следовало бы догадаться раньше! Молодец, девчонка! Отхватить такого знатного жеребца при немоющем муже... настоящая удача! А рыцарь-то наш уже удила грызет, готов мчаться за своей милой, эх, мужчины, мужчины... всем вам только одно подавай... правда, порой это самое ОДНО вам нужно лишь от ОДНОЙ, но это встречается, увы, так не часто... *che peccato!*»

А потом на Дэриланд опустилась ночь... Одна женская фигурка, закутанная в плащ, проскользнула в комнату напротив собственных покоев и немедленно была подхвачена сильными мужскими руками.

— Я уже боялся, что ты не придешь, радость моя! Сердце мое истосковалось по тебе, вся душа изнылась... Никогда я прежде так не желал, чтобы солнце поскорее зашло за Ледяные хребты и наступила тьма... Ведь тогда ко мне спустится с небес моя Луна и мне будет достаточно ее света.

Девушка даже ничего могла отвечать, пока Дагмар осыпал ее личико горячими жадными поцелуями. А потом он сел на постель, держа Марину у себя на коленях.

— Покажи-ка плечо, у тебя повязка... тебе хорошо обработали рану? Тебе ее продезинфицировали, наложили мазь?

— Забудь об этой царапине, радость моя, она не мешает мне тебя любить...

— Дагмар... подожди...

— Что ты еще хочешь сказать... не надо ничего... просто будь со мной... будь моей.

— Я хотела... да, я лишь хотела... некоторые твои подарки... конечно, они чудесные, но это...

Марина чувствовала, что все слова вылетают у нее из головы, оставляя место лишь одному желанию принимать ласки этого мужчины, растворяться в его нежности. Оба они так ждали этого момента и теперь не хотели его терять.

— ... Я весь день вспоминала, какого же цвета твои глаза, думала, совсем черные, а они темно-зеленые, будто малахит, у меня дома осталась маленькая шкатулочка из нашего уральского камня.

— А твои глаза сейчас кажутся совсем синими, хотя я знаю, что они голубые, словно ясное небо, бесконечно хочу отражаться в синеве твоих глаз, любимая... Соглашайся уехать со мной, плевать на все злые языки, мы должны быть вместе!

Марина только вздыхала, поглаживая смуглое плечо мужчины:

— Я же тебе говорила, это невозможно... по крайней мере, пока...

— Пока он жив, да? Ты это хотела сказать?

— Я не могу сбежать с тобой, как последняя дрянь, пойми же меня! Я не позволю им полоскать имя Никоса в грязи, я стала его женой и останусь ею, пока не случится что-то... Ох, я и сама не знаю, но надо подождать!

— Он может дать тебе развод! Рыцарь легко может отказаться от супруги, это бывает не так уж редко и даже по взаимному согласию. Хочешь, я сам с ним поговорю? Я бываю очень убедителен, Марин, он живо от тебя откажется!

Девушка представила, как Дагмар угрожает Никосу и сердце ее сжалось от негодования и тоски.

— Даже думать не смей о таком! Мне казалось, ты меня чувствуешь, понимаешь...

— Я чувствую лишь, что не смогу жить как прежде, если тебя не будет рядом. Марин! Ты всю душу мою перевернула, ты похитила мой сон...

— Всего-то за одну ночь? Может, вас любая женщина способна свести с ума подобным образом, забравшись невзначай в постель? Ваша любовь может быть яркой и мимолетной, уверена, это уже не раз случилось в вашей жизни.

— Ты мне не веришь, радость моя? Думаешь, я пустой болтун и волокусь за любой длинной юбкой? Ни одна женщина прежде не вызывала во мне такого желания, ни одну женщину я не хотел забрать к себе в дом и видеть матерью моих детей. Ты это сделала со мной, Марин, ты разожгла во мне пламя неукротимой страсти и с каждым днем оно поднимается все выше... И Зверь во мне жаждет тебя.

— Твой медведь?

На мгновение Дагмар смутился, а потом пристально взгляделся в насмешливое лицо девушки.

— Кто-то успел тебе рассказать? Не иначе, как этот мальчишка, Ансельм, уж я его проучу...

— Право, не стоит, это прекрасная легенда, мне очень понравилось!

— Думаешь, просто сказка... а если же нет... если я и правда могу обернуться Зверем, тебя бы это от меня оттолкнуло?

Марина заметила с каким нетерпением мужчина ждал от нее ответа, ну, пусть медведем себя считает, подумаешь, ведь не поросенком же...

— Мне все в тебе нравится, я зверюшек люблю, хотя медведя по-настоящему никогда не видела, только на картинках и в телевизоре.

— ... визор — это зверинец, да?

— Ммм, понимаешь, это тоже... что-то вроде картинки, которая еще и умеет двигаться.

— Колдовство?

— Да, что-то вроде того! — рассмеялась Марина, запуская пальцы в густые волосы мужчины.

Они еще недолго разговаривали о чем-то уже совершенно не важном, пока их руки путешествовали по изгибам их тел, изучая и даря удовольствие, а потом снова наслаждались друг другом, соединяя тела и души. Уже под утро Дагмар с грустью понял, что эта удивительная женщина скоро уйдет и ему вновь останется лишь мечтать о новой ночи с ней. Вот еще один долгий поцелуй и Марина с закрытыми глазами, на ощупь хватая свой мягкий плащ.

— До новой ночи, Дагмар!

— До новой ночи, Радость моя... Свет моих очей...

Глава 5. Разлука

Однообразные мелькают
Все с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.
Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь,
И под ее атласной кожей
Бежит отравленная кровь...

Каждое новое утро Дагмар был готов встречать проклятиями — оно отбирало у него Марин. Зато теперь Рыцарь благословлял ночь, ведь тогда возлюбленная снова его навещала. Четыре последующие ночи пролетели быстро, пожалуй, даже слишком быстро для двух нетерпеливых сердец.

А в светлое время суток Дагмар намеренно пытался занять себя новыми поединками, дружескими беседами на пирушках, даже приглядел себе у мастеров новые отменные доспехи и парочку славных кинжалов из «горячей» стали Змеиных пещер. Дагмар даже выехал на охоту, уступая настойчивым просьбам Райнбока. В прежние времена парочка косуль и туша огромного кабана порядком бы потешили гордость мужчины, но сейчас голову его занимала всего-то одна мысль: «Марин скоро уедет в Тарлей... Марин скоро его покинет...»

Марина чувствовала то же самое смутное беспокойство и даже печаль. Она уже привыкла проводить темное время суток подле большого сильного мужчины, что радовался ее появлению, словно малое дитя. Хватал на руки, кружил по комнате, а после чего садил на свою постель и, освободив из складок длинного плаща ее голые ножки, осыпал поцелуями каждый пальчик. К такому, и правда, можно быстро привыкнуть... Ах...

Никогда в своей прежней жизни девушка не встречалась со столь явным обожанием в свой адрес, не выслушивала столько грубоватых, но искренних комплиментов своей внешности и прочим, несомненно многочисленным талантам. Дагмар был великолепным любовником — щедрым, нежным, неутомимым и заботливым.

Марина порой не верила своим глазам, наблюдая при свете дня издалека за его массивной фигурой. Как при столь суровом и грозном облике этот мужчина мог сохранять такую детскую непосредственность и деликатность. В одну из совместных ночей с Дагмаром — девушка, исполненная благодарности и неги за свое блаженство в его объятиях пожелала наградить своего мужчину особенными ласками, которые предназначаются обычно для самых любимых, но рыцарь ее остановил, немного смущаясь, чем окончательно растрогал Марину.

Воистину, Дагмар заставил девушку познать истинное счастье, и теперь, вблизи неминуемой разлуки, все чаще на лицо Марины набегала тень. Стремясь немного развеять грусть Леди свое общество ей ненавязчиво предлагал Ансельм и Марина была очень этому рада.

Они виделись каждый день, подолгу гуляли в обширном дворе поместья, встречались на вечерних посиделках, хотя, стоит заметить, что они стали гораздо скучнее после спешного отъезда Миранды. Причем, отсутствие «королевы» из Гринсвуда заметно сказалось на отношении к Марине большинства дам.

И только Хильда и несколько других Леди дружески улыбались при ее появлении, просили рассказать новую занимательную историю, сыграть на клавесине и даже спеть. Остальные обычно шушукались, прикрывшись веерами, напускали на себя холодный вид, если Марина проходила мимо. Девушка совершенно не обращала внимания на этих «наседок» и к ее присутствию вскоре привыкли.

Хильда даже сообщила, что пара — тройка милых Дам с удовольствием бы подсели поближе, чтобы послушать забавные сказки Марины, но не осмеливались нарушить некоторые негласные правила, что установила властная Брунгильда, взявшая на себя «королевские обязанности» в отсутствие Миранды.

В силу вполне понятных причин рыцарь Дагмар на таких вечерах больше не появлялся. К тому же Ансельму вовсе и не было нужно его наставничество в сфере, что касалась дамского общества. В тот первый памятный вечер, Ансельм выступил в роли предлога, сама Марина прекрасно это поняла и в который раз оценила «жертву», на которую пришлось тогда пойти Рыцарю ради ее голубых очей.

И вот промелькнул последний день, посвященный торжествам и гуляньям в честь завершения турнира на всеобщем рыцарском сборе, настала последняя ночь в Райнартхолл. Марина и Дагмар сидели на постели, крепко обнявшись, и девушка не могла сдержать слез.

— Не грусти, радость моя, я скоро приеду к тебе, найду какое-нибудь заделье и появлюсь в Тарлей, я тебе обещаю!

Марина улыбаясь, смахивала соленые капельки со щеки и отвечала:

— Дагмар, лучше не надо... нам лучше не встречаться целый месяц, иначе соседи что-нибудь

заподозрят.

— Проклятье! Я — Рыцарь де Даркос, должен бояться каких-то захудалых баронишек, ведь все знают, что тамошние земли заселяют одни обнищавшие засран... прости, дорогая, я вне себя! К твоему драгоценному муженьку это не относится, он хоть и беден, но его боевые заслуги помнит все королевство, он не дрогнул во время мятежа Кайро и сам пострадал, за что его Старик и ценит.

Сказать по секрету, я тут кое-что разузнал, мерзопакостный дядюшка твоего супруга — Брайан де Верта, давно мечтает наложить лапы на Тарлей и не раз обращался к самому Гальбо с прошением взять поместье под свою опеку, но всегда получал отказ, Никос- то еще жив... А теперь еще и женат! Все понимают, что твое появление здорово портит коварные планы Брайана. Хоть бы тебе самой это не повредило, Марин... И как мне прожить целый месяц в разлуке с тобой, несравненная, я же сойду с ума.

— Мы непременно увидимся... когда-нибудь еще, Дагмар, я в это верю.

На самом деле, Марина вдруг поняла, что страдает гораздо сильнее, чем сама от себя ожидала. Она предложила мужчине не видеться целый месяц, а что если за этот приличный срок он найдет себе другую «несравненную» и забудет свою «луну»... Еще пару ночей назад девушка бы лишь грустно улыбнулась при этой мысли, но вот сейчас, когда расставание было уже у порога, Марина ощутила, что привязана к этому человеку во много раз больше, чем следовало бы.

— Ты ведь даже не сказала ни разу, что я тебе нравлюсь. Я готов без устали клясться тебе в любви, но от тебя ни разу не слышал даже намека, что нужен тебе.

У Марины перехватило дыхание — как же точно он подметил, во время всех ночных встреч девушка лишь принимала его восторженное поклонение как данность, была изобретательна на ласки и ничего не стыдилась... Но, как это ни странно, Дагмар были также важны и слова. Воистину редкий мужчина. Марина заключила его лицо в свои теплые ладони и сказала с искренним чувством, подрагивающим от волнения голосом:

— Для меня ты самый лучший на свете! Самый красивый, самый дорогой! И ты мне необходим, как воздух, но я боюсь... Боюсь, что останусь для тебя лишь мимолетным ночным приключением, что в глубине души ты считаешь мой поступок дерзким и неприемлемым для настоящей Леди. Я и сама это знаю, я не планировала заводить никакой интрижки втайне от мужа, но не могла отказаться от тебя, хотела быть с тобой каждую ночь, мне было хорошо.

Мы завтра разъедемся по своим поместьям и пусть этот месяц станет проверкой для наших чувств. А если с твоей стороны они не угаснут, ты найдешь возможность меня повидать так, чтобы не вызвать ненужных разговоров и сплетен.

Дагмар же, в свою очередь, обхватил заплаканное личико девушки большими ладонями и едва ли не прорычал:

— А что если у тебя будет ребенок? Мой ребенок, понимаешь, Марин... МОЙ!

— Но ведь его еще нет, и кто знает...

Дагмар прижал голову девушку к своей широкой груди, прямо к длинному уродливому рубцу, что пересекал ее наискось:

— Послушай, как бьется сейчас мое сердце! Оно стучит для тебя, Марин, я готов полжизни отдать за то, чтобы ты со мной осталась... Это я знаю точно!

— Не надо отдавать полжизни, она нам с тобой самим еще пригодится... Дагмар... если у нас и правда любовь, расстояние и время не станут помехой. Все наладится, все разрешится к лучшему.

— Радость моя, если я буду далеко, как я смогу заботиться о тебе и нашем малыше?

Марина целовала его опечаленное, встревоженное лицо, словно прикосновения ее губ могли стереть все волнения и заботы мужчины.

— Мы непременно будем вместе, Дагмар, я верю, что наша встреча не была случайной... У богов свои планы и на наш счет... «Невероятно! Марина Симонова стала заядлой боголюбкой, только бы мне это зачлось...»

И девушка грустно улыбалась сквозь слезы, глядя поверх плеча Дагмара куда-то в темные занавеси потолка, словно желая, и впрямь, разглядеть над собой внимательные и непременно участливые взоры загадочных «небожителей», что одной волей своей так переплели судьбы двух миров.

— «Милые боги Дэриланд! Помогите нам, ради чистой любви, ради рождения детей и успокоения

Никоса, он тоже заслуживает счастья...»

Марина чуточку сомневалась, но совершенно напрасно. Боги слышат и видят все, но порой обидно медлят с ответом, даже самые милосердные... Кто же поймет их... они все-таки Боги... Люди могут лишь терпеливо ждать.

Наступило утро и час прощания. Марина убежала к себе, оставив Дагмара заливать горе добрым вином из личных запасов Райнбока. До самого отъезда из Райнартхолл леди Тарлей и Рыцарь Черных камней больше не обмолвились ни единым словом. И лишь несколько торопливых, печальных взглядов свидетельствовали о той душевной муке, что затаилась внутри каждого из них.

Никосу нездоровилось и в этот раз он даже не пытался ехать верхом, а сразу был размещен в повозке. Лисса даже шепотом предупредила Марину, что безутешная Сильда, оставшаяся в Тарлей, будет винить ее в том, что эта поездка ускорила неизбежную развязку. Но ведь Никос сам настоял на путешествии... Обратная дорога заняла больше времени и была куда как хлопотней, ближайшие постоянные дворы оказались переполнены мастеровым людом, так же разъезжающимся с торгов.

Старый Ронсо привычно ночевал в конюшне, а Марина и Лисса улеглись на полу, оставив Никосу единственную в комнатухе узенькую кровать. На ней мог разместиться всего один человек и после долгих переговоров все пришли к выводу, что это может быть только Никос.

Тарлей встретил хозяев хлопаньем ворот, каким-то чудом еще не слетевших с петель, да карканьем птиц, что подозрительно напоминали Марине обычных серых ворон. Запустение и нищета... худая рыжая кошка грелась на пустыре в углу широкого двора, да возле курятника бродила чудом уцелевшая курица. После пышных покоев и обильных трапез Райнартхолл, после звона хрусталя и красок дамских туалетов темные комнаты замка в Тарлей показались Марине особенно унылыми и мрачными кельями.

Это срочно нужно было исправить! Долой хандру! Марина поужинала без особого аппетита, да притом еще в одиночестве, ибо Никос также уединился со своей исстрадавшейся по нему фавориткой, и начала составлять список дел на завтрашний день:

1. Устроить генеральную уборку жилых помещений, особенно комнаты Никоса и самой Марины, слуги как хотят... могут и дальше жить в пыли и паутине.
2. Вытрясти всякое старье из всяких сундуков и ларей, отыскать полезные и красивые вещи, почистить и расставить на виду.
3. Сделать перестановку мебели... хоть какую-нибудь перестановку, хоть какой-нибудь мебели в этом паноптикуме!
4. Поговорить с Сильдой, она, кажется, дует на меня, хотя я ни капли не домогалась до своего собственного мужа и с его стороны не видела посягательств, мне и так было чем заняться по ночами.

После этой фразы Марина вспомнила неистовые ласки Дагмара и мигом ощутила, как сладкая истомы охватила тело.

— «Он же меня просто заколдовал, как я теперь буду проводить ночи без его рук, без его губ, без его... хм... размечталась... Дагмар, может, уже и забыл обо мне за эти два дня... Нет, он не такой... Я ему верю... И жду, уже прямо сейчас жду, хотя мы договорились не видеться целый месяц! Так, надо заняться делами... счета какие-нибудь проверить, оценить запасы в кладовой, ох, про сладости верно придется забыть... хотя Лисса обещала завтра купить ягод в поселке».

Дни бежали за днями, список Марины пополнялся новыми планами по благоустройству замка. Девушка несколько раз успела побывать в двух деревушках, что находились недалеко от поместья. Перезнакомилась с поселянами, особенно с женщинами постарше, выяснила, как в округе обстоят дела в плане материнства и детства, а конкретно, где найти повитуху в случае острой надобности.

Изучила местные способы кормления младенцев и ухода за новорожденными. Лично брала деревенских малышей на свои беленькие ручки и тетешкалась с ними, развлекала пятилеток песенками, а подросткам предложила несколько общеизвестных в далекой Русландии игр, то бишь «Ручеек», «Глухой телефон», «У медведя во бору», «Гуси-лебеди», «Цепи кованные», «Чертик и красочки». Молодежь была в полном восторге...

Таким образом, к исходу месяца вся округа Тарлей лелеяла надежду, что не пройдет и года как прелестная Леди де Альба подарит Белому Рыцарю законного наследника и укрепит его права на владение поместьем. Кое-кому эти слухи явно пришлись не по нутру, кое-кто даже отдал специальные распоряжения на этот счет...

А рыцарь Черных камней уже вторую неделю не находил себе места. Какое там забыть... он и дня не

мог прожить, чтобы не вспомнить милую нежную девушку, что однажды ночью прикоснулась к его телу и проникла в душу. Дагмар созывал друзей на славную пирушку, устраивал охоту, которая длилась едва ли не сутками...

Что скрывать, пару раз он пробовал утолить свою тоску, тиская пригожих служанок, но перед глазами немедленно вставали строгие голубые очи Несравненной, рыцарю тут же чудился ее повелительный голос, запрещающий сильно напиваться и «лазить на всяких там девиц». Дагмар прогонял незадачливых наложниц и разгонял тоску, пуская коня бешеным галопом мимо испуганных сельчан, что трудились на его полях и луговинах.

А тут еще появился Ансельм и среди прочей пустой болтовни поведал, будто бы в Тарлей дела идут на лад — Молодая Хозяйка, если доверять слухам, всюю вьет семейное гнездышко, готовясь в положенный срок стать любящей матерью своего младенца. Никос совсем плох и едва встает с постели, при нем постоянно находится хорошенькая сиделка, но Леди Марин не до того, она всюю кроит пеленки и уже заказала местному бондарю колыбель с родовыми символами де Альба.

— Нет же, такому не бывать! Мой сын не будет и дня лежать в такой колыбели! Мой сын должен расти под гербом де Даркос! Я немедленно еду в Тарлей!

Но поездку пришлось отложить на несколько дней, поскольку, тем же вечером прибыл посыльный из столицы с известием об ухудшении здоровья Короля и возможном переходе власти в надушенные руки жеманного Холле. Эти новости, кажется, всерьез взбудоражили округу и Дагмар, скрепя сердце, принял решение созвать на совет дружественных баронов, верных щиту Гальбо.

Одним из первых в поместье прибыл Веймар де Лостан — Хозяин Ульфенхолл. Хорошенько обсудив государственные дела и возможность нового переворота, Дагмар излил другу душу относительно и своей личной жизни.

— Я хочу видеть мою Леди! И боюсь, что уже ей не нужен... Она получила все, что хотела, зачем ей такой урод, как я. Никос хоть и одной ногой в могиле, так еще довольно смазлив, а когда он умрет, Марин вполне может выбрать себе другого мужа. Клянусь честью, он тоже не задержится на этой земле...

— Похоже, вам и впрямь следует поскорее увидеться, дабы развеять твои сомнения... Хотя, о чем тут долго думать женщине! Такого знатного «медведя» больше не сыскать в Дэриланд! И не беда, что у него потрепанная шкура... Моя Катрин недавно сказала Торму, что за одного битого двух не битых дают!

— По пути в Тарлей я загляну к вам, мне уже не терпится посмотреть на девицу, что прибрала тебя к рукам, Старый Волк!

— Может, это я ее...хм... прибрал... Сказать по правде, Катрин немного сопротивлялась, умоляла отпустить ее домой, но я поставил условие... точнее, мой Зверь... И, кажется, все довольны! Я выеду завтра на заре, мое сердце уже рвется к Желанной...

— Добро! Я провожу гостей и появлюсь в Ульфенхолл! Готовь угощение...

Дагмар сдержал слово и уже через пару дней навестил соседа, где был, наконец, представлен его невесте. Леди Катарина рыцарю Черных камней показалась немного манерной и слишком уж изысканней. Его дорогая Марин держалась гораздо проще...

Его дорогая Марин держалась гораздо проще, была раскована и остра на язычок. Ах, уж ее язычок... Дагмар даже застонал, сгорая от желания поскорее попасть в Тарлей и обнять возлюбленную.

— «Почему я не родился Крылатой Тварью, ведь тогда я мог бы расправить крылья и полететь к моей дорогой Марин! Что толку от медвежьей силы, если радость моя так далеко...»

Только на завтра к вечеру при благоприятной погоде и хороших дорогах де Даркос сможет увидеть, наконец, жалкую усадьбу Белого Рыцаря, расположиться там на ночлег на правах гостя, передать Хозяйке приветы и подарки от Леди Волчьих земель, а также искреннее желание Катарины познакомиться поближе с Леди Тарлей. В эту ночь, что Дагмар провел в Ульфенхолл, рыцарь торопил утро и благословлял первые солнечные лучи, что оповещали о скорейшем отъезде.

Глава 6. Темный дар Инсектерры

Луна плывет, как круглый щит
Давно убитого героя,
А сердце ноет и стучит,
Уныло чуя роковое...

Чем меньше верст оставалось до земель Белого рыцаря, тем сумрачней становилось на душе у Дагмара. Кажется, в самом воздухе витала тревога и предчувствие беды. Даркос загнал уже вторую лошади, вырвался далеко вперед от своего небольшого отряда и сейчас ехал один по раскошенной глинистой дороге. Это было чистым безумием...

Одинокого путника подстерегало множество опасностей именно на этом пути в отдаленное поместье, где правили слабые руки Никоса. В округе ходили слухи о шайках лесных бродяг, которым ничего не стоило лишить путешественника жизни даже за пару медных монет. Но Дагмар даже не думал о возможности нападения, надеясь на выносливость своего коня и свои боевые навыки.

Уже начало смеркаться, когда вдаль показались постройки Тарлей. Как и Марин, рыцарь де Даркос весьма критически оглядел осыпающиеся крепостные стены, готовые рухнуть уже при малейшем натиске, покосившиеся ворота, неспособные пережить даже хороший пинок крепкого воина. Безлюдные дворы, пустые конюшни...

— «Вот уж и впрямь — голодранец! Только и может гордиться именем и прежней доблестью. О чем только думает Король, давно бы уже приставил к Никосу добропорядочного смотрителя за имением. И моя драгоценная Марин должна обитать в этой развалюхе! Изумруд в навозе... Хотя у них тут и навоза-то доброго не сыщешь... О, все Могры Долины! Я должен поскорее вытащить Марин из этой богадельни!»

— Эй! Есть кто живой в этом склепе! Сюда!

Заскрипели тяжелые двери и на пороге старого замка показалась служанка. Девушка медленно вышла вперед, а рядом, опираясь на крепкую руку девушки, еле переставляя ноги, ковылял сам Никос де Альба.

— Ваше имя Дагмар и вы из Черных камней? Я не имел чести быть вам представленным, но ваше появление очень кстати... Однако, могу я узнать, что бы вас сюда не привело. Моя жена после полдника отправилась в лес собирать травы с двумя слугами. Уже темнеет, а Леди еще не вернулась. Мы беспокоимся.

Никос задыхался и верная Сильда помогла ему опуститься на огромное бревно, почерневшее от времени, неизвестно кем и откуда привезенное и брошенное у входа в замок.

Дагмар бросил поводья и в два прыжка оказался рядом, глаза его загорелись злобой.

— Что ты сказал? Марин пропала, и ты до сих пор никого не отправил на ее поиски? Сидишь тут, как тухлявый пенек и ничего не предпринимаешь? А если с ней что-то случилось, если ей нужна помощь? Как ты, вообще, мог ее отпустить одну?

Никос уронил белую голову и глухо попытался объяснить, что с Марин невозможно спорить и если она задумала куда-то идти, то ее не удержишь, кроме того, при ней Ронса и Лисса, да и поблизости от замка не водятся хищники или разбойники. Некого грабить, не на кого охотиться, сюда не забредают ни крупная дичь, ни денежные торговцы.

Дагмар только зарычал в ответ, едва сдерживая желание как следует встряхнуть этого никудышного человека. Но следовало торопиться, пока еще не опустилась темная ночь, Марин нужно было тотчас вернуть домой. Рыцарь с жалостью погладил по шее измученного долгой дорогой коня, хорошо бы его напоить, дать отдых, но пусть подождет еще немного, Хозяин только найдет свою женщину и привезет ее в безопасное место.

Мужчина взобрался на коня и тотчас направился в сторону ближайшего леса, где, по словам Никоса, должна была находиться Леди и ее спутники. Чумазы мальчишка, что прислуживал на кухне, взялся проводить рыцаря и сначала бежал впереди, но Дагмар ухватил его за пояс и посадил впереди себя.

— Показывай дорогу, сучок костлявый!

Выехав перед лесом на широкое поле, сплошь заросшее рожью напололам с сорняками, Рыцарь остановился и ссадил мальчугана с коня.

— Ты ничего не слышишь?

— Нет, Господин! Ничего...

— Кажется, воняет кровью... и кто-то стонет... Проклятье!

Уже через пару минут Дагмар склонился над старым конюхом, что сопровождал Марину во всех ее повседневных прогулках. Ронсо был жестоко избит и мог лишь слабо стонать, чтобы позвать на помощь. Однако, помогать ему рыцарь отнюдь не спешил...

— Где женщины? Где твоя Леди? Отвечай скорее, старик или я отправлю тебя к праотцам сейчас же!

— Их забрали... четверо... четверо мужчин с закрытыми лицами, они их увели в лес... я не смог... простите...

Дагмару все стало понятно и ум его заполонила дикая ярость.

Марин утащили в лес разбойники, они несомненно знают, что с Белого рыцаря не взять даже мало-мальского выкупа за супругу, и хотят лишь поразвлечься над миловидными девицами, что попались под руку. Проклятье! Где же искать их, как же успеть...

Дагмар оставил своего коня пастись на поле, велел мальчишке приглядеть за бедным стариком, хоть как-то облегчить его раны, а сам побежал к лесу, над которым уже поднималась Спелая луна. Но едва лишь мужчина оказался под густым пологом елей, как в его сердце начало закрадываться отчаяние... Куда бежать? Где искать следы похитителей? Дагмар метался из стороны в сторону, понимая, что может блуждать по окрестностям до самого рассвета, но так и не выйдет на след.

— Марин! Радость моя, где же ты... что с тобой?

Это была величайшая мука! Воспаленное воображение мужчины живо рисовало одну страшную картину за другой — его Несравненную тащат куда-то по этому бурелому, с нее сдирают одежду, над ней насмеваются... О, Боги! А я даже не могу прийти на помощь, не могу позвать ее, ведь тогда бродяги могут и вовсе затаиться, ударить Марин, заткнуть ей рот. О, Боги... как же мне успеть!

В темноте Дагмар налетел на ствол могучего дерева и так приложился к нему лбом, что из глаз едва ли не посыпались искры, рыцарь упал на колени, обнял ствол лесного исполина почти у самой земли и вдруг почувствовал, что вместе с тупой болью в теле появляется какое-то новое... нет, даже скорее давно забытое ощущение. Неимоверный прилив сил и мощи, что заставляет вытягиваться руки, изгибаться спину, менять человеческий облик на звериный... Дагмар физически страдал от таких метаморфоз, но в самых потаенных глубинах сознания, что все еще принадлежали мужчине, вдруг родилось ликование и первобытный восторг.

Да, я это могу! Я — это Он... Повелитель и Господин ночного леса, одного вида которого боятся все его прочие обитатели, от одного тихого ворчания которого прячутся в свои норы и гнезда, ибо я воистину бесстрашен и непобедим!

Я знаю все лесные тропы, я вижу во мраке, я за много миль чувствую даже каплю крови из легкой царапины на нежном женском плече. Теперь я найду свою Избранницу и в клочья разорву ее обидчиков, насладившись их воплями. Я уже иду за тобой, Марин!

А Марина Симонова в это время из всех сил старалась окончательно не пасть духом, сжимая дрожащее тело Лиссы, что беззвучно рыдала, обняв ее колени.

— Ах, моя бедная Госпожа, мы пропали. Они продадут нас тварям, это же ясно. Здесь неподалеку за Мизерни проходят караванные пути в Инсектерру, а в Гиблом лесу за молодую красивую женщину можно получить золото и другие ценности. Нам конец... О, я не переживу, если меня станет мучить чудовище!

Я и своему-то Михану лишь недавно позволила... все, что он хотел. Бабушка сказала, что это нехорошо, так долго дразнить такого славного парня, что он может найти себе более сговорчивую подружку. А Михан трудолюбивый и добрый, я не хотела его терять. Бабушка дала мне травы, чтобы... ммм... дети появились не сразу. И что же... после моего жениха я должна буду стать игрушкой для какого-то мерзкого гада, уж, лучше умереть.

— Я бы так не убивался, милая девушка, и в Гиблом Лесу можно выжить, если подстроиться под его законы, стать его частью.

Марина бросила недовольный взгляд в угол клетушки, куда их бесцеремонно втолкнули незнакомцы. Там сидел невысокий щупленький человек, сжимая между худых колен маленькую домбру.

— Сами и подстраивайтесь под законы джунглей... Тоже мне, советчик нашелся! Лучше придумай, как нам удрать отсюда!

— Вряд ли я вам чем-то помогу, Леди... Я ведь никакой не воин, я всего лишь бедный певец, сам не знаю, зачем я понадобился этим людям. Какой с меня прок?

— Возможно, в Гиблом лесу тоже есть ценители музыки!

Марина не удержалась от ехидства, продолжая успокаивать плачущую служанку. Менестрель грустно вздохнул:

— Вас, может, и освободят, вы-то Леди... за вами может кто-то приехать, какой-нибудь храбрый Рыцарь. Вы имеете мужа?

— Вряд ли Никос найдет меня здесь, нас же больше часа куда-то вели от дороги, а сейчас уже ночь. Он конечно будет меня искать, пошлет кого-нибудь из деревни, да что толку? Сам-то еле ходит... ох, надо было мне дома сидеть, а не по округе шататься. Что теперь будет... надо же так вляпаться!

Марина старалась сохранять спокойствие, но у нее получалось плохо, да тут еще вдобавок напал какой-то странный голод и подступила тошнота. Девушка принялась лихорадочно вспоминать, когда у нее в последний раз были особые женские дни и вдруг сообразила, что все сроки «чудесного» ежемесячного события давно пропущены. Это могло значить только одно... Но сейчас даже эта новость ничуть не обрадовала Марину, неизвестно еще, чем ночь закончится.

Внезапно в той части хижины, где находились их похитители раздались громкие крики, а потом грохот падающих бочек. Марина осторожно отодвинула Лиссу и подкралась к запертой двери. Кажется, в комнате с очагом сейчас происходила жестокая драка, но девушку смутили странные звуки, похожие на звериное рычание.

— «Час от часу не легче, а если сюда ворвались лесные хищники, растерзают этих бандитов и примутся за нас... Вот же ужас!»

Не скрывая страха, Марина оглянулась на своих соседей по несчастью, сквозь дверные щели в закуток пробивался рассеянный свет, но фигуры певца и служанки виделись смутно. Мужчина бормотал под нос какие-то молитвы, девушка даже различала отдельные слова:

— Бог Жив и Пресветлая Живина, Хранительницы мира на земле, защитите и помогите нам, избавьте от всяких тварей и выведите из мрака...

В полном смятении Марина вернулась в свой угол, села на охапку старой соломы и зажала руками уши. Шум борьбы через стену вскоре стих и пленники, затаив дыхание, слышали как Некто волочит по полу какие-то тяжелые вещи, словно мешки с песком, впрочем, не стоило долго думать, что это могли быть за мешки... Лисса дрожала, как молоденькая осинка, прижавшись боком к Марине. Даже певец стих и только учащенное дыхание выдавало его присутствие в дальнем, самом темном углу клетушки.

А потом наступила пугающая тишина... Но вот послышался плеск воды и вскоре раздался треск разрывающейся ткани. На некоторое время все звуки снова смолкли, но уже через несколько минут двери к пленникам отворились и на пороге показалась массивная мужская фигура. Станный, каркающий голос произнес всего одну фразу:

— Марин... Где ты, Марин?

Девушка подскочила с подстилки и кинулась вперед, уже не сдерживая слез:

— Дагмар! Господи, ты здесь, Дагмар! Это чудо!

Но мужчина протянул руку вперед, словно не позволяя Марине дотронуться до себя:

— Я в крови, я хотел... хотел убить их быстро, но... они пытались сражаться, тебе не следует это видеть...

— Тебя ранили? Дагмар, тебе нужна помощь?

Рыцарь даже рассмеялся в ответ на ее слова. Маленькая, храбрая женщина сейчас так заботилась о нем, а еще недавно, наверняка, плакала от страха за свою судьбу.

— Со мной все хорошо, это чужая кровь, но у меня нет одежды, пришлось взять штаны одного из них... какая гадость... Прости мой вид, Марин!

Девушка подошла ближе к свету и только сейчас разглядела, что Дагмар и правда был полуголый, лишь только в широких штанах, что сидели на нем, признаться, скверно.

— Я здесь не одна, со мной еще двое несчастных...

К дверям тут же подошел менестрель и подрагивающим голосом начал витиевато благодарить доблестного рыцаря за спасение своей ничтожной жизни. Лисса едва могла говорить и только глуповато смеялась, постоянно икая.

В комнате, куда наконец вышли пленники царил полный разгром и Дагмар поспешил вывести девушек и певца в лес. Марина краем глаза заметила пятна крови на полу и стенах, а также придавленные столбом тела своих похитителей. Новый приступ тошноты скрутил желудок...

— У них тут пара лошадей в овраге, мы ими воспользуемся, я запомнил дорогу. Тебе плохо, Марин?

Дагмар успел подхватить девушку на руки и дальше уже сам понес ее в сторону широкой ложбины. Марина закрыла глаза и прижалась щекой к голой груди мужчины. Дагмар сейчас пах кровью, железом и почему-то свалявшейся шерстью...

— Скажи, там был зверь?

— Там был... я...

И девушка ни о чем больше не спрашивала до самого поместья Тарлей. Это была непростая и печальная дорога. У кромки леса, на поле Дагмар подобрал избитого Ронсо, но, увидев, что Госпожа жива и невредима, старый конюх заметно приободрился и даже с помощью рыцаря смог взобраться на вторую лошадь, поскольку едва мог идти.

У расшатанных ворот поместья собралась небольшая толпа крестьян с зажженными факелами, люди заметно волновались, громко обсуждая — идти ли сейчас на поиски или все-таки подождать до утра. Тут же в полной боевой готовности находился и отряд Дагмара, что прибыл гораздо позже своего Господина и теперь воины из Черных камней размышляли, в каком порядке следует прочесывать лес в поисках своего Предводителя.

Появление Леди Тарлей, ее спасителя и помятых, но счастливых слуг вызвало множество восторженных криков. Дагмар даже с удовольствием подумал, что теперь имеет полное право задержаться здесь подольше, если уж Марин категорически не захочет завтра же покинуть это неуютное местечко. Как бы не хотелось влюбленным остаться наедине, но рыцарю пришлось передать Леди на руки счастливых служанок, а самому заняться мытьем и переодеванием.

Хотя, прежде того, Дагмару пришлось пережить одну крайне неловкую сцену, когда Никос де Альба всерьез собирался преклонить перед ним колени за спасение своей дорогой супруги. Никогда в жизни своей де Даркос не испытывал подобного стыда... Помчавшись в лес за Марин, Дагмар менее всего хотел помочь Белому рыцарю, а думал лишь о своих интересах, о возвращении своей женщины.

Почти до самого рассвета маленький старый Тарлей гудел, словно пчелиный улей. Марина кое-как приняла ванну с еле теплой водичкой, хорошенько поужинала в основном кушаньями, что привез с собой де Даркос. По достоинству оценила «вкусняшки», что передали ей от Леди Катарины из Ульфенхолл.

— «Судя по всему, милая женщина, надо будет с ней встретиться и поболтать... в перспективе...»

Бедному Ронсо перевязали раны, смазали ссадины целебными мазями на травах, а после пары стаканов хорошего вина, что привезли с собой люди Дагмара, верный конюх и вовсе безмятежно захрапел.

Было чем заняться и старому Сарлему, что служил при Никосе поваром. Прежде мужчина был тот еще вояка и теперь, разгладив усы, с удовольствием пустился в воспоминания о былых походах. Спутники Дагмара слушали его с интересом — Сарлем лишился глаза еще в одну из первых битв за Ничейную землю, воистину достойны уважения его подвиги.

Сильда по обыкновению своему больше хлопотала около Никоса. Проведав мужа перед сном, Марина с душевной болью вынуждена была признать, что Белому рыцарю осталось недолго. Да он и сам это прекрасно понимал, был давно к этому готов.

— Я сразу понял, что он приехал к тебе. Возможно, вам лучше вернуться вместе в Черные камни. Я отпущу тебя, Марин. Я сделаю все, как лучше для тебя, слышишь...

Девушка погладила высохшую, слабую ладонь Никоса.

— У меня, кажется, будет ребенок... Может, все это и некрасиво, но... пусть лучше все думают, что он твой. Пусть никто даже не пытается отнять твой дом. А если этот Верта будет надоедать, мы пожалуемся Королю. Я тебя не брошу, даже не думай. Может, я и непутевая немного, слишком импульсивная, и глупости делаю и говорю, но я не дрянь. Я тебя не оставлю!

Марина поцеловала мужа в прохладный лоб и удалилась из комнаты под одобрителные вздохи Сильды, успев про себя подумать про сужанку:

— «Хорошо, что она так ему верна... хорошо, что умеет любить так преданно и безнадежно... хоть в этом Никосу повезло».

Остаток ночи девушка провела в холодной постели своей мрачной комнаты. Марина вспоминала события этого тревожного вечера и безумной ночи, думала о Дагмаре и надеялась, что хотя бы завтра им хотя бы немножечко удастся побыть наедине. Он так был ей нужен сейчас... Но, конечно, не мог прийти, будучи в окружении стольких глаз. Говорить ли ему о том, что огонь их страсти в Райнартхолл дал начало новой жизни...

Марина погладила свой теплый ровный животик и смахнула слезы со щек:

— Больше никаких неприятностей, мой маленький. Теперь мамочка будет осторожна и ни за что не попадет в беду. Потому, что я теперь не одна, со мной ты — мое чудо, мое счастье... Я люблю тебя, кроха моя, расти, живи и ничего не бойся. Твой папа сильный и смелый, он всегда сможет нас защитить... Я очень-очень люблю твоего папу... А он, кажется, любит меня и скоро о тебе узнает.

Слезы все текли и текли, но теперь Марина даже не пыталась их остановить, потому что это были совсем другие, хорошие слезы...

Новый день для девушки и ряда гостей начался ближе к обеду. В первый раз за последние пару лет в Тарлей было столь шумно и многолюдно. Дагмар распорядился купить в соседней деревне провизии — парочку баранов и дюжину гусей, ведь его свиту, что состояла сплошь из крепких мужчин, требовалось хорошо кормить.

Уладив вопросы с провиантом для челяди и позаботившись о должном уходе за лошадьми, Дагмар пришел засвидетельствовать свое почтение и хозяевам поместья. Марина находилась при Никосе, когда служанка объявила, что с ними хочет поговорить рыцарь. Нелегкая это была встреча...

Альба сидел на своей постели смертельно бледный, опираясь на высокие подушки, тихим голосом он снова поблагодарил Дагмара за отказанную великую услугу и еще тише выразил надежду, что «храбрый и благородный де Даркос и впредь не оставит Леди Марин без помощи и защиты». Девушка опустила глаза, кусая губы, а Дагмар прямо заявил, что готов немедленно увезти ее с собой. И ведь Никос не собирался этому препятствовать, но Марин по-прежнему упрямо твердила, что останется при муже. Впервые Дагмар чувствовал свое полное бессилие что-то изменить...

— Могу я предложить Леди Тарлей прогулку у стен замка?

— Я с радостью принимаю ваше приглашение.

Но их беседа прошла на повышенных тонах и прогулка вскоре завершилась. Кругом находились люди, а рыцарю и девушке хотелось только обняться и просто помолчать, так они гораздо быстрее бы поняли друг друга. Оставалось ждать ночи... И в эту ночь им удалось побыть наедине.

— Как же я скучал по тебе, радость моя!

— Я тоже... Дагмар, не настаивай, не рви мне душу и Никоса не мучай, ему тоже все это нелегко, я останусь здесь, сама не знаю как надолго, но так сейчас будет лучше.

— Почему ты отказываешься от золота?

— Ты заказал нам много всякой еды и уже расплатился, этого хватит на пару месяцев. А потом... ты же приедешь еще?

— Конечно, прекраснейшая! Вот только погуляю на свадьбе Волка и его избранницы и сразу вернусь к тебе. Мое сердце уже в твоих руках, мое место рядом с тобой, Марин. Я хочу тебя спросить... почему ты ничего не говоришь мне о нашей малютке? Почему скрываешь? Вся округа полнится слухами, и меня жутко раздражают разговоры о том, что Никос станет отцом. Скажи правду, ты ждешь ребенка?

— Кажется, да... но, если ты сомневаешься, что он твой...

Дагмар едва не завопил на весь замок, но Марин вовремя прикрыла ему рот ладошкой.

— Тише, ты... медведь! Уже все улеглись, тебе нужно, чтобы в моей спальне появилась толпа?

— Я люблю тебя, женщина! Я люблю тебя всей душой! У меня будет сын...

— Эка невидаль! При желании ты бы давным давно наплодил кучу детишек и я даже не сомневаюсь, что где-то в поселке близ твоего поместья уже бегают парочка черноволосых мальчишек. Может, у

тебя уже есть сын и в чем-то испытывает нужду...

Марина вдруг зашмыгала носом и уткнулась в плечо Дагмара. Отчего-то девушке стало невыносимо больно представить, что рыцарь уже делил ложе со многими женщинами и они вполне могли произвести на свет потомство.

Дагмар на мгновение опешил, а потом неуверенно произнес:

— Тебе не стоит волноваться на этот счет, любимая... Мои крестьяне живут в сытости и довольстве, никому и в голову не придет упрекать меня в том, что я обрюхатил девицу и бросил в нищете. К тому же... нет, нет у меня никаких детей, те женщины умели этого избежать, я уверен... Все, даже не стоит об этом говорить, Марин... Я клянусь тебе, что расставшись с тобой на месяц я даже... почти не прикасался ни к одной юбке!

— Почти?

Марина даже засмеялась, вытирая пару случайных слезинок.

— С тех пор как я узнал тебя, для меня есть лишь ты и другой не будет, я клянусь Марин. Зачем мне другая, если ты даришь мне такое счастье, если ты продлишь меня в нашем малыше, чего мне еще желать, любимая... Дай, я поглажу твой животик, может, он меня уже услышит... Там моя малютка...

— Дагмар, ему только месяц, он совсем крохотный и вообще, это может быть девчонка!

— Ничего, мы сразу же сделаем и второго... У нас хорошо получается... Ложись — ка поудобней... Тебе будет хорошо вот так?

— Осторожно, Дагмар, теперь со мной следует бережно обращаться...

— Я понимаю, любимая, просто мне уже сейчас хочется быть поближе к моему малышу... и ведь это даже возможно...

Они и заснули, обнявшись, не желая расставаться даже во сне. Довольные, счастливые, утомленные ласками и взаимной нежностью. А на рассвете следующего дня Дагмар начал собираться в обратный путь. Марина долго-долго стояла на уступе самой высокой башенки Тарлей, провожая воспаленными глазами небольшой конный отряд, во главе которого ехал ее любимый мужчина, отец ее будущего малыша.

— Жду тебя через три недели, Дагмар... и каждый день мне будет казаться годом...

— Я договорюсь с Рокси, он ваш сосед и тоже едва сводит концы с концами, но у него хотя бы есть люди и лошади. Если тебе срочно нужна будет помощь, дай знать в Эйрокс, пошли туда хотя бы своего поваренка, он ловкий мальчишка. Рокси затем отправит весть для меня и я вскоре прибуду к вам. Сердце мое разрывается, когда я думаю, что оставляю тебя здесь одну. Заклинаю всеми Богами, не покидай усадьбу, не приближайся к лесу, береги нашу малютку. Вы нужны мне как воздух, как солнце — я буду жить для вас, только не попадай снова в беду.

— Я буду осторожна, Дагмар, обещаю...

Глава 7. Тучи над Тарлей

В том замке высоком никто не живет, Лишь я его гордый король, Да ночью спускается с диких высот Жестокий, насмешливый тролль. На дальнем утесе, труслив и смешон, Он держит коварную речь, Но чувствует, что меч для него припасен, Не знающий жалости меч...

Брайан де Берта готов был рвать и метать, чем он, собственно, и занимался сейчас в своих богато обставленных покоях.

— Пусть Небо обрушится на эту дрянную девчонку! Откуда только ее принесли твари на мою голову? Я ждал этого момента пять лет, Никос издохнет со дня на день и вот теперь у его жены скоро вырастет живот и эта чужестранка станет претендовать на Тарлей. Неслыханно! Я должен отдать Тарлей блуднице и ее выродку, ведь все прекрасно знают, что Альба не способен стать отцом.

О безумец! Он еще пожалеет, что притащил в дом эту шлюху... Гарей, что за шум внизу, кто там еще явился?

— Мой Господин! В холле ожидает Храмовник Кантар, ему предложили освежиться с дороги, но он требует вас.

— Кантар уже здесь? Прекрасно! Скажи, я сейчас буду! И вели запрягать лошадей! Мы выезжаем... Ну, ты же едешь со мной, Алонсо?

Тот, к кому сейчас обратился Брайан, представлял собой высокого седовласого мужчину, весьма мощного телосложения и благообразной внешности.

— А ты уверен, что нужно ехать именно сейчас и именно нам одним? Не лучше ли вынести это темное дело на Всеобщее рассмотрение, обратиться к Райнбоку?

— Старый пьяница благоволит Никосу, считает его едва ли не героем, а что такого совершил Никос? Всего лишь не успел удрать, когда сторонники Кайро захватили дворец, всего лишь не смог умереть достойно, прикрывая отступление Гальбо, был захвачен и не склонил головы перед Герцогом. И в этом его заслуга?

Алонсо задумчиво теребил маленькую бородку, хмуро поглядывая на импульсивного собеседника.

— По-моему, так Белый Рыцарь достоин уважения. Ты ослеплен старой ненавистью, а не пора ли сложить мечи и примириться с тем, что в вас течет общая кровь, он все-таки твой племянник, Брайан, и это нельзя так вот запросто сбросить с весов.

— Уж, я бы выцедил из Никоса благородную чистую кровь Верта — всю до единой капли! Его нищий отец соблазнил Исабель, мою возлюбленную несчастную сестру, а что он мог ей предложить... Исабель умерла, и скоро отправится к праотцам ее жалкий сынок. Тарлей должен принадлежать мне в качестве компенсации за все годы унижения и стыда. И никакая дерзкая иноземка, что умудрилась зачать ребенка от первого встречного прохвоста не сможет мне в этом помешать. Слово Брайана де Верта!

— Ты, конечно, мой друг и я давно знаю тебя, но... Что ты собираешься делать?

— Я хочу опозорить эту девку, а заодно и ее муженька-рогоносца, он знал, на что идет, он прикрывает ее грехи. А я выведу их плутовство на чистую воду и пусть все королевство знает, что за ничтожество этот Белый Рыцарь, раз подложил свою законную супругу под этого...

— Но, возможно, это всего лишь слухи, Брайан! Как бы тебе самому не приобрести дурной славы сплетника.

— Я уверен в своих словах, мои люди не раз видели их вместе, они ворковали, словно голубки, юнец дарил ей подарки, а она рассыпалась в любезности. Никос — калека, не способный зачать младенца, а его жена понесла сразу же после турнира в Райнартхолл. Все сходится, Алонсо! И мы заставим эту ведьму признаться! Эй, Гарей, лошади готовы?

— Да, мой Господин!

— Передай Кантару мои извинения, мы уже выезжаем! Я рассчитываю на тебя Алонсо, ты нужен мне как свидетель, учти, я не хочу, чтобы меня обвинили в грязном убийстве. Мы втроем уже представляем собой Судебную лигу. С нами едет священнослужитель, я — рыцарь почетного ордена и ты — уважаемый всеми землевладелец и прежде служил в Королевской Гвардии. Наше решение некому будет оспорить, мы все сделаем быстро.

— Я, конечно, поеду с тобой, Брайан, но, клянусь честью, это дело мне не по душе... Никос при

смерти, его жена беззащитна, а мы налетим, как стая стервятников... Подумай еще, хорошо ли это будет?

— Девчонка нарушила священные узы брака и спуталась с Демонами! Разве это не недостаточная причина для разбирательства и сурового наказания? Кантар с превеликой радостью поддержал идею выставить мерзавку у позорного столба, а потом плетью изгнать из Королевства. Пусть убирается в Забытые деревни на границе с Ничейной землей. Там самое место для изгоев и отщепенцев, уродов и калек, для блудниц и сумасшедших... Не обязательно даже лишать ее жизни, если уж ты так боишься испачкаться в крови... вот уж не знал, что Алонсо де Рилль такой неженка...

— Никто не может упрекнуть меня в трусости и малодушии, но я никогда не подниму руку на женщину, тем более ожидающую младенца. И при чем тут демоны? Ты ведь сам сказал, что девица связалась с молодым рыцарем, к чему лгать о проклятых душах... Зачем впутывать Храмовников, они и так хватаются за любой повод, чтобы устроить показательные казни во славу своей власти.

И вообще, по большому-то счету, это дело Никоса, с кем спит его жена. Пусть следит за ней сам, а то и участвует в подобных развлечениях. Кое-где это даже приветствуется, воистину, наш мир погряз в разврате и лжи. Никто не бережет семью... Однако, прилично ли мне, почтенному человеку перетрясать чужое грязное белье? Тобой движет только расчет, Брайан, признай это!

Не прошло и часа, как группа всадников во главе с Брайаном де Верта уже поднимала пыль по дороге, что вела в Тарлей.

А в поместье Белого Рыцаря все шло своим чередом. Прошло ровно две недели с отъезда Дагмара, но Марина старалась не предаваться грусти, а мыслить лишь в позитивном ключе. И в самом деле, она сейчас словно в санатории отдыхает, на природе, на чистом воздухе. Сладко спит, кушает здоровые натуральные продукты. Идеальные условия для будущей мамочки.

Досадно, конечно, что пришлось отменить долгие прогулки вдаль от стен поместья, но и в замке найдется чем заняться, а в дальнем углу широкой ограды вполне можно разбить небольшой цветник. Марина даже немного жалела, что отправила спасенного вместе с ней менестреля вместе с Дагмаром в Ульфенхолл.

— Должна же я хоть чем-то отблагодарить Леди Катарину за ее внимание и подарки. Лойди славно поет и умеет рассказывать всякие шутки, пусть повеселит девушку.

Самочувствие у Марины было отличным, но уже не оставалось никаких сомнений, что Госпожа находится в интересном положении. Лисса теперь не отходила от нее ни на шаг, и даже подозрительная Сильда растрогалась и вела себя словно любящая тетушка, рассказывала о своих многочисленных родственниках в окрестных поселках и куче непоседливых, но нежно любимых племянников. Дни шли за днями спокойно и размеренно, но вот однажды послышался приближающийся громовой топот лошадиных копыт и в ворота Тарлей буквально влетел небольшой отряд вооруженных мужчин.

— Я — Младший Храмовник Кантар из Олберви. Со мной Рыцарь де Верта и Господин Алонсо де Рилль, бывший Знаменосец Королевской Гвардии. Мы хотим видеть Хозяев этого проклятого поместья. Где они сейчас?

Перепуганная Сильда опрометью кинулась в дом, даже забыв поприветствовать столь высоких гостей. Но трое мужчин, не дожидаясь приглашения, уверенно прошли внутрь замка и бесцеремонно расположились на единственном диване и потрепанных стульях. Вскоре к ним вышла сама Леди Тарлей.

— Я рада приветствовать наших... посетителей и прошу простить, если не воздаю вам должных знаков уважения. Я не так давно в Дэриланд и еще не различаю всех чинов и статусов. Позвольте просто поблагодарить за визит и предложить вам разделить с нами обед. Хотя, я полагаю, вы приехали не из чувства голода, а для важной беседы. Не так ли, дорогой родственник?

Брайан высокомерно улыбнулся, вздернув вверх острую бородку, пусть сейчас говорит кто-то другой. Кантар смерил девушку холодным изучающим взглядом и, почти не разжимая губ, сурово заметил:

— Мне говорили, что ваша дерзость превосходит ваши понятия о приличии. Теперь я в этом вполне убежден. Впрочем, вы совершенно правы, мы приехали для того, чтобы убедиться в том, что Древний и некогда благородный род Белых Рыцарей принял на себя пятно несмываемого позора.

— О каком позоре вы говорите?

Обернувшись, Марина с тревогой наблюдала, как Никос спускается с лестницы, опираясь на плечо Сильды и толстую клюку. При появлении истинного хозяина Тарлей старый Алонсо немедленно

поднялся для церемонного поклона.

— Рад видеть вас на ногах, храбрый де Альба. Но нас и впрямь привел сюда довольно печальный повод. Дело в том, что о вашей скоропалительной женитьбе ходят всевозможные слухи и мы посчитали своей задачей выяснить, насколько они основательны.

При этом заявлении де Верта даже поморщился брезгливо. Он ничего не собирался выяснять, и так очевидно, что эта волоокая дрянь нагуляла живот на стороне. Хотя, да, хороша... и в уме ей явно не откажешь. Если бы вдруг забитая жена Брайдана неожиданно отошла к праотца вслед за Никосом, то Верта мог бы даже оставить девицу в Тарлей вместе со своим вырожденком. Только при условии покорности и полного послушания с ее стороны, конечно... Уж, так она хороша и, наверняка, избирательна в постели...

— Вы — Леди Неизвестно Откуда, обвиняетесь в том, что околдовали рыцаря де Альба и обманом стали его женой. Вы обвиняетесь в нарушении вековых устоев брака и сожительстве с посторонним мужчиной, от которого сейчас ждете ребенка. Вам есть что сказать в свое оправдание? Можете вы сейчас поклясться жизнью и здоровьем своего еще нерожденного дитя, что были верны супругу и не делили ложе с чужим человеком? Отвечайте же... Леди!

У Марины замерло сердце. Все взгляды сейчас были обращены на нее и все ждали ее ответа. Но что ей сказать, когда этот, судя по всему, местный инквизитор так ловко повернул вопрос, как же выкрутится...

— Марин — моя законная жена и носит моего законного ребенка, я не позволю вам унижать эту женщину! Мое слово еще что-то значит в стенах этого дома!

Никос тяжело перевел дыхание, на лбу мужчины выступила испарина, в глазах потемнело.

— Вам следует присесть, рыцарь, вы нездоровы.

Алонсо подошел ближе, чтобы поддержать Никоса, но тот пренебрежительным жестом отвел его руку.

— Я просил тебя только об одном, Брайдан... Я тебя даже умолял... Дай мне дожить этот год в Тарлей и, как завещано предками, умереть под гербом Альба в своей постели. Но ты нетерпелив... И Боги накажут тебя за эту спешку, вот увидишь.

Кантар подскочил с места и закутавшись в свое черное долгополое одеяние проверещал:

— Женщина молчит! Не признать ли нам ее молчание за ответ... Мне не требуется более доказательств ее вины — она и так очевидна. И властью данной мне Огненным Храмом, я признаю эту женщину мерзкой ведьмой и блудницей! Также я торжественно заявляю, что лишь тяжкие страдания помогут обрести свет и покой ее заплутавшей душе.

От такой речи Марин чуть не села на ступеньку лестницы, возле которой продолжала стоять.

— «Ничего себе... еще костерочек здесь прямо во дворе разложите и поджарьте меня, как новогоднюю утку. Ничего себе, времена и нравы... вот тебе и сказочка... вот тебе и Дэриланд...»

— Не слишком ли вы торопитесь с приговором, Храмовник?

Головы всех присутствующих немедленно повернулись к порогу. Там, у открытой настежь двери, стоял высокий худощавый мужчина в заношенной одежде, с объемной сумой через правое плечо. Волосы мужчины были, наверное, когда-то совершенно белыми, но сейчас имели неряшливый желтоватый оттенок, спускаясь грязными прядями до самых плеч.

Кантар скорчил кислую физиономию и проворчал уныло:

— Если ты пришел просить подавание, то жди у ворот, нищий... Кто позволил тебе заходить в дом? Хотя это гнездо разврата даже нельзя называть домом, Боги верно давно оставили его, а на их место явились демоны похоти и бесстыдства. Прочь, оборванец! Когда разберемся с потаскухой, получишь пару медных монет во имя спасения ее души.

— Нет, это возмутительно! Это махровое средневековье какое-то, уму непостижимо! Да за что же вы хотите меня наказать? С чего вы взяли, что я погрязла в пороке? Мы с Никосом любим друг друга, мы живем дружно и никому не мешаем, чего вы к нам привязались, как осы на мед слетелись? Нужен Тарлей? Так вы его получите, я вам обещаю. Если с Никосом случится несчастье, я не буду претендовать ни на какие права, я тотчас уеду, если мой муж...

Глаза Марины наполнились слезами, она стала такая чувствительная в последнее время, такая ранимая. Но сейчас от нее требуется быть особенно сильной, надо постоять за себя и за Никоса,

нельзя раскисать. Неожиданно, на сторону Марины встал один из приезжих. Тот самый пожилой степенный на вид мужчина, что вежливо обратился к Никосу, предлагая ему руку для того, чтобы спуститься с лестницы.

— Возможно, нам, и вправду, не следует торопиться с обвинениями. Почему бы не сесть за стол и не подписать соглашение, которое было бы выгодно всем. Брайан претендует на поместье, но пока жив его законный владелец не стоит заявлять какие-то права. Леди только что сказала, что в случае печальной кончины своего супруга обязуется покинуть его дом, в таком случае, я не вижу причин поднимать шум и устраивать казни. Дело можно уладить и без лишнего дыма...

Но тут подал голос никому не известный бродяга:

— А я думал, это шутки... Никос, ты и правда станешь отцом? Я за тебя рад.

Брайану де Верта желчь бросилась в лицо, какая неслыханная наглость. Этот проходимец не только не собирается покидать холл замка, но ведет себя словно долгожданный гость, основательно располагаясь для отдыха.

— Убирайся вон, нечестивец, пока тебя не вытолкали мои люди! — зашипел Кантар.

— С каких это пор, интересно, хозяев выгоняют из своего жилища незваные гости, хотел бы я знать? Сейчас разве война и Тарлей захвачен врагами? Неужели за те долгие годы, что я был в Гиблом лесу, сменились законы Королевства и вернулись дни, когда Храмовникам было позволено все? Странно, Гальбо заверил меня в обратном...

— Что ты несешь, убогий?

Мужчина неопределенного возраста поудобнее расположился на высоком стуле, что стоял прямо у порога и сбросил тяжелую суму на пол.

— Я несу свиток с печатью Короля о назначении меня Смотрителем Тарлей и Опекуном его нынешнего хозяина по праву кровной родственной связи. Мое имя — Элизар де Альба, я — родной брат ныне покойного Сальмо де Альба и таким образом прихожусь... хах... бедному Никосу еще одним дядюшкой.

И клянусь всеми тварями Инсекты, я-то уж точно не собираюсь подыхать! Более того, я имею надежду даже поставить на ноги моего дорогого племянника, вернуть поместью Тарлей надлежащий вид и уважение всей округи. У меня достаточно для этого золота и милости Короля.

Я привез Гальбо знатное лекарство из самого сердца Инсекты и теперь дни нашего монарха продлятся на радость благодарным подданным. Да хранят Боги Короля и его маленького сына, ну и безутешную Королеву заодно, она все еще дуется, так кто ж виноват, что эта женщина умела производить на свет только писклявых девчонок? Если мужчина хочет сына и вдобавок сидит на троне, ему простят даже кухарку в постели.

Яркая эмоциональная речь незнакомца была встречена гробовым молчанием, но Брайан опомнился первым.

— Заявляю, что все сказанное тобой ложь и бред умалишенного! Элизар давно уже признан умершим и был оплакан Сальмо и моей бедной сестрой. И ты — наглый самозванец смеешь назваться его именем? Я отрежу твой поганый язык и брошу его голодным псам...

— Господин... это... и правда вы?

Из каморки под лестницей выбрался старый Ронсо. Его многочисленные ушибы и раны уже не мешали конюху выходить во двор и долго сидеть на солнцепеке, сетуя на людскую злобу и несправедливость. Неужели теперь Ронсо послана радость перед своей кончиной лицемерить прежнего Господина, что был младшим братом Храброго Сальмо.

— Э-э... да ты как я погляжу, тоже еще топчешь мою землю, старая развалина, что же так запустил некогда знатные конюшни? Не грусти... скоро я заведу здесь отличный выезд и тебе хватит работы, приглядывай пока помощника половчее, одному будет тяжело!

— Мой Господин... я так виноват... я считал вас пропавшим...

Ронсо добрел, наконец, до дверей, у которых расположился новый гость, и рухнул перед ним на колени. Марин облегченно вздохнула, поглядывая на Никосу, а тот вдруг, схватившись за сердце, прошептал:

— Дядя Лизаре... я помню вас... я был совсем юн, но вижу как сейчас — вы учили меня ездить верхом, вы всегда любили лошадей... дядя Лизаре, это и вправду вы!

Но тут случилось нечто совершенно непредвиденное... Раздался нечеловеческий вопль взбешенного Брайана, понявшего, что Тарлей уже навсегда ускользает из его рук и де Верта с обнаженным мечом кинулся в сторону обнявшихся супругов. Марин успела только негромко ахнуть и закрыть глаза, пытаясь крепче ухватиться за Никоса, а тот выпрямился, загораживая жену.

Храмовник попятился назад, Алонсо хотел было вцепиться в край взметнувшегося перед ним черного плаща, но его руки ухватили лишь воздух. И только один человек оказался быстрее разъяренного рыцаря. Элизар мгновенно вскочил на ноги и резко распрямил правую руку в сторону нападавшего. Брайан замер с поднятым мечом, а потом выронил оружие и попробовал зажать рукой кровоточащую рану на шее, из которой торчала рукоять маленького кинжала. Что-то негромко булькнуло в горле мужчины, а потом он плашмя свалился на пол, едва не повалив самого Никоса, что стоял в полтора метра от него.

У Марины все поплыло перед глазами и она просто села на широкую ступень лестницы, обхватив руками голову. Возле госпожи тут же захлопотала Лисса, а Никос сделал несколько неуверенных шагов вперед и оперся руками о стол.

— Я всегда знал, что он плохой человек, но поднять руку на женщину, что ждет ребенка и на своего родного племянника... Пусть Боги решат его участь там, а я... не могу даже слов найти...

Алонсо медленно подошел к распростертому на полу человеку и вскоре заверил присутствующих, что Брайан де Верта мертв. Храмовник Кантар сжал мясистые губы в одну линию, свел руки перед грудью и обхватил одной ладонью сжатый кулак второй руки.

— В этом доме только что произошло убийство! И я готов это свидетельствовать даже перед Королем!

— Хоть перед самой Бессмертной Живиной, мне то что с того... — мрачно проговорил Элизар, приблизившись к умершему и вынимая орудие кары из неподвижного тела.

— Здесь множество свидетелей того, как этот Бешеный Лис хотел зарезать Хозяина Тарлей или его беременную супругу. А вы... привезли этого мерзавца сюда, а значит, вполне могли быть сообщниками возможного злодеяния!

— Наше дело еще не завершено, мы не решили, как нам поступить с этой падшей женщиной...

— Как вы меня уже достали, ребята!

Марина подняла голову и шумно выдохнула воздух из груди:

— Хорошо, я сознаюсь... Никос не причастен к тому, что у меня будет ребенок. Но мужу своему я никогда не лгала, мы с самого начала обговорили все условия нашей женитьбы, брак сразу же был фиктивным, ну... то есть не совсем настоящим. А малыш нужен был мне для простого женского счастья и для того, чтобы отстал этот... вот этот самый.

Марина пренебрежительно кивнула в сторону лежащего ничком мужчины, которого Алонсо уже полностью накрыл плащом.

— Ия хочу вам сказать еще кое что: если вы попытаете меня обидеть, хоть кто-нибудь, вам точно не поздоровится! Надеюсь, слуги уже отправили посыльного к соседу в Эйрокс и тот передаст весть дальше кому следует. Не пройдет и пяти дней как Дагмар будет здесь и оторвет голову любому, кто посмеет...

— Дагмар... — задумчиво произнес Алонсо, потирая колючий подбородок.

— Рыцарь Дагмар? Кха... кха... — храмовник едва мог справиться с приступом неожиданного кашля.

— Этот Брайан мне подло солгал! И его заслуженно постигло суровое возмездие... Я искренне надеялся, что в появлении младенца замешаны Темные Силы... какие-нибудь демоны и злые духи, но у меня нет ни малейшего желания ссориться с Рыцарем Черных камней. Я приношу вам свои извинения Леди и с вашего позволения немедленно покидаю ваш дом... кха... кха... гхм...

Марин с улыбкой наблюдала, как грузный мужчина в длинном одеянии тяжело перевалился за порог и тут же исчез из вида. Теперь же внимание на себя обратил Алонсо де Рилль. Он вежливо поклонился девушке и с достоинством произнес:

— Я искренне рад, что вы нашли в себе силы и мужество открыться нам, дорогая Леди. Я также несколько понимаю и серьезные мотивы ваших поступков. Позвольте мне лишь узнать, как относится сам Рыцарь де Даркос к своему будущему отцовству и прилично ли вам по-прежнему считаться супругой достойного Никоса...

— Дагмар давно все знает и готов забрать меня к себе в любой момент, я думаю, мы это вскоре обсудим.

Никос опустил на диван и вытянул вперед свои длинные худые ноги, вид у Белого Рыцаря был самый что ни на есть довольный.

— О чем долго говорить... Я немедленно готов отказаться от своей сумасбродной жены и признать ее совершенно свободной женщиной. Да будет так! Я сказал свое слово!

— Поздравляю вас, Леди, теперь вы вольны выбрать себе супруга по душе! Эй, Ронсо, помоги-ка мне вытащить во двор эту тушу, нам еще предстоит говорить с его людьми, надеюсь, они возьмут золото в качестве компенсации и не будут устраивать тяжбу...

Марина с беспокойством переводила взгляд с деятельного Элизара на улыбающегося Никоса:

— Что означают ваши слова, господа? Как я должна их понимать?

— Вы только что получили развод, дорогая Леди! Для этого супругу нужно лишь произнести при свидетелях несколько громких слов. И мы все только что их услышали... Эй, племянник, не смей умирать прямо сейчас! Я закончу с твоим вторым дядюшкой и приготовлю доброе снадобье для тебя, оно способно оживить даже мертвеца, но у меня нет никакой охоты пробовать его на этом исчадь Тьмы.

Ронсо и Элизар потащили тело Браяна ближе к выходу, а расторопная Лисса уже начала замывать пол. Марина немедленно отвернулась, с трудом подавляя приступ тошноты, но вскоре звуки чьих-то сдавленных рыданий заставили девушку снова обратить внимание на середину холла. Теперь у ног Никоса сидела верная Сильда, обильно орошая слезами дрожащие руки своего Господина.

— Не плачь, солнце мое, не плачь... Если чудо возможно и я снова смогу стать хоть немного прежним, то лишь ты одна будешь мне дорога как самое ценное сокровище. Ибо я не хочу другой жены кроме тебя, моя белая голубка.

Алонсо грустно вздохнул и смущенно стал намекать на то, что не худо было бы уже промочить глотки после такого тяжелого дня. Элизар, оказывается, привез с собой пару кувшинчиков отменного пива и вскоре бессменный повар Тарлей — одноглазый Сарлем объявил, что готов угостить всех поздним обедом или даже лучше сказать ранним ужином.

Марин ушла к себе, сославшись на усталость и желание просто побыть одной, а новоприобретенные родственники и добродушный гость еще долго-долго воздавали должное хмельному напитку и жареном гусю. Разговоры затянулись до темноты... И ведь было о чем...

Глава 8. В кругу друзей

Прекрасно в нас влюбленное вино И добрый хлеб, что в печь для нас садится, И женщина, которую дано, Сперва измучившись, нам после насладиться...

— Как же вам удалось выжить, мой господин?

Ронсо сидел поодаль, мочил в кружке с пивом свои длинные усы и едва ли не со слезами умиления смотрел на вернувшегося хозяина. Элизар был бодр и весел, но порой морщился и хватался за колено, или поглаживал бок, там где плохо срослись переломанные когда-то ребра.

— Моя история похожа на сказку... Но явно не для малышей, уж очень много в ней жутковатых моментов, а порой настолько гадких и унижительных. Меня спасло то, что королева кормисов принесла потомство и приготовилась заснуть, а ее подданные желали любыми способами оттянуть время ее «сладкого беспамятства», ведь оно длится годами, и кормисам придется искать себе новую правительницу, иначе их ждет беда.

Меня притащили в их логово для забавы Ее величества, а вдруг мне удастся ее немного развлечь и она передумает засыпать? Я бился как раненый лев, я же знал, что в случае поражения меня сожрут заживо, но оказалось, это не более чем слухи...

Кормисы не едят людей, они любят их мучать... всего лишь. И только мужчин, потому что своих женщин у них нет и в помине и каждая человеческая женщина ценится ими на вес золота. Их королева когда-то была дочерью зажиточного горожанина, ее украли по дороге в деревню и продали в Гиблый лес. Мы почти подружились с ней, однако она мало что помнит о прежней жизни.

Но Мелисса меня спасла, приказала одному фавориту вывести меня из лабиринта и проводить к Архану. Приказы королевы может отменить только Всеобщий совет воинов, даже ее заступничество не помогло бы, пришлось действовать тайно.

Я прожил у «паука» восемь лет, многому научился, хотя не раз бывал бит и едва не помер от его яда. Однако теперь стал тверже скал и выносливее молодого осла. Вот только старые раны часто дают о себе знать... Прежде чем забавляться со мной Мелиссе, пришлось долго меня лечить, но это ее отвлекало и никто не вмешивался.

Мы провели вместе пару чудесных месяцев, а когда Она поняла, что не в силах противостоять сну, то помогла сбежать, ведь меня ожидала неминуемая гибель. От меня бы избавились как от бесполезной игрушки, едва лишь Мелисса закрыла глаза на ложе, впадая в спячку. Я даже успел ее полюбить, хотя она и так купалась в любви и обожании. О, быть королевой кормисов — великий труд! Вся их колония состоит из крепких мужчин, которые готовы отдать жизнь за ночь с королевой. Но этого и не требуется... Задача Мелиссы была дарить свои милости каждому... вы не ослышались, каждому... Воистину, она воспринимала бремя своей власти с невероятным терпением, хотя признавалась, что первое время испытывала острое желание просто выспаться...

— Бедная женщина! Но, разве кормисы похожи на людей, я слышал они отвратительные уроды?

— Тоже слухи... как и о хваленой непобедимости. Все дело, конечно, в их числе и боевой выучке. Они тренируются с малолетства, и очень быстро растут. Один на один кормис может и не выстоять против нашего опытного воина, хотя... Нужно признать, сражаться они умеют. Гиблый лес таит много опасностей и ведь он их дом.

Нет, кормисы не уроды. Они выглядят совершенно как люди, только повыше ростом, да кожа их тверже и имеет буро-красный оттенок. Они ходят едва ли не голышом и наносят на тело рисунки для устрашения, а так же раскрашивают лицо, отсюда и сказки о тварях. Конечно, когда на тебя летит полуголоое безволосое существо с горящими глазами и острым копьём в руках, можно увидеть в нем демона Низшего мира.

Но видели бы вы, как они пресмыкались перед Мелиссой... Как она капризничала, выбирая себе нового фаворита на ночь, только представьте себе: одна маленькая женщина и сотни голодных мужчин, жаждущих ее внимания. Конечно, члены Совета были в приоритете, но и они вынуждены были уступать право любви ради обычного солдата... Без ласки Королевы они просто не выживут, достаточно даже простого прикосновения, но соединение с женщиной дает им новые силы.

— Мерзкие нравы царят в этих лесах... Куда как правильнее было бы Одному Королю в расцвете сил иметь в распоряжении сотни на все готовых красоток!

Элизар громко расхохотался, снова придерживая рукой бок, и даже сдержанный Никос улыбнулся шутке Алонсо. Потом мужчины выпили за успокоение души столь бездарно погибшего Брайана, и Алонсо загрузил.

— Я знал его с юности, он всегда был несдержан и пылок. Хотел большего, самого лучшего, был невероятно жаден и плевал на чувства других. Но я уважал его за отвагу и приверженность старым традициям. Правда, Брайан тиранил жену, но я не лезу в семейные дела, я и сюда-то ехал лишь для того, чтобы не позволить свершиться преступлению, но вот не смог это предотвратить.

— Выпьем за мир в этом доме, за возвращение Хозяина, за долгую жизнь... Пей же, племянник, тебе надо набраться сил, кто знает, может, в скором времени ты достаточно окрепнешь, чтобы и в самом деле продолжить род Альба. Я-то уже слишком стар для подобного...

Произнося эти слова, Элизар внимательно наблюдал за хорошенькой юной служанкой, что расторопно подносила новые кушанья расщедрившегося Сарлема. Лисса краснела и прятала глаза, но ее бурно вздымающаяся грудь и лукавая улыбка дарили мужчине некоторую надежду.

— А та Королева была красива?

— Ты во сто крат лучше ее, голубка... Ты бела, словно водяная лилия, что расцветает во мраке ночи, разливая вокруг свое благоухание. Ты нежна и пуглива, словно дикая серна, пришедшая на водопой и пусть минуют ее хищные взоры... Твое дыхание — мед, твой глаза — подземные озера...

Белые Рыцари всегда умели угодить Даме... особенно языком. Для начала.

Разговоры утихли лишь за полночь. Примерно в это же время, наконец, забылась тревожным сном и сама Марина. Она беспокоилась о своем малыше, пыталась забыть разыгравшуюся перед ней безобразную сцену с нападением Брайана. Но в то же время в душу девушку постепенно снисходил покой.

Все секреты раскрыты, все скелеты вынуты из шкафов, даже бедный Никос вполне может поправиться благодаря целебным снадобьям доброго дядюшки, что верно был послан Богами в самый нужный момент. Все будет хорошо... Скоро приедет Дагмар и заберет ее в свой дом, но вот что будет дальше? Придется навсегда стать жительницей этой удивительной, но чужой страны, забыть о родных в Другом мире... Эти вопросы немного смущали Марину, но она решительно отогнала их прочь.

Несколько последующих дней прошли в приятных хлопотах. Элизар оказался человеком дела и не мог усидеть на месте, не смотря на уже солидный возраст и некоторые боевые отметины, что напоминали о себе, хотя мужчина и пользовался особыми лекарственными составами из Гиблого леса.

В первую очередь Элизар задумал провести некоторые ремонтные работы внутри замка, поскольку не нашел для себя подходящей жилой комнаты. Далее по плану шло обустройство конюшен и скоро в Тарлей закипела работа. Со всех окрестных деревень были созваны кузнецы и плотники, да и прямо сказать — все свободные мужские руки, что умеют обращаться с топором и лопатой. Элизар обещал хорошо расплатиться с рабочими. Прямо во дворе перед замком была развернута строительная площадка.

Марина со смешанными чувствами наблюдала за суетой в еще недавно тишайшем поместье. С одной стороны девушку угнетали шум и толкотня вокруг, но с другой... через пару месяцев Тарлей будет не узнать. В эти дни бразды правления поместьем уверенно перешли в руки Элизара, но он вовсе не хотел угнетать ее нынешнего Хозяина. Таким славным дядькой Никос мог только гордиться, а Марина могла спокойно оставить бывшего мужа и строить собственный семейный очаг.

— Знаешь, Никос, а ведь я чуточку струхнула, когда ты сказал, что отказываешься от меня, я думала, ты рассердился и хочешь поскорее сбить меня с рук.

— Что ты, дорогая! Напротив, я лишь хотел избавить тебя саму от такой унылой ноши, как я... Вы с Дагмаром созданы друг для друга, вы очень красивая и достойная пара. Если бы не все эти затеи с переустройством, если бы не вся эта неразбериха в доме, я бы сам отвел тебя в Храм и передал Дагмару.

— Вот уж нет! Что бы сказал на это тот славный старичок, что нас поженил? Получается, я меняю мужей чаще чем перчатки, так не годится! Но я рада, что ты меня не выгнал после развода, а позволяешь обитать в твоём доме.

— В моем убогом гнезде, которое я не променяю на королевский дворец. Марин... Стены Тарлей помнят зов рога первого Белого Рыцаря, что в одиночку сразил Крылатую Тварь, желавшую похитить его невесту. Но, кажется семейный склеп еще не готов принять мое брненное тело, настоя Элизара творят чудеса, я словно заново родился и как младенец учусь ходить. Но я чувствую, что скоро начну бегать, Марин!

Ты принесла в мой дом счастье, девушка из Другого мира, ты озарила тьму моей души и исцелила раны сердца...

— Довольно, довольно, мужчина или я не выдержу и растаю... Дагмар и Сильда мне того не простят, а ты же мне всегда нравился, мой дорогой Никос...

— Предлагаешь возобновить наш брак? Право, стоит подумать...

— Ах, ты негодник! Едва смог немного окрепнуть, как уже готов приударить за каждой юбкой в округе, даже не взирая на ее беременность... Смотри, нажалуюсь твоей Голубке, она живо тебя приструнит!

— Сильда была со мной в самое тяжелое время, она выстрадала наше счастье и я никогда не оставлю ее. Но ты права, с ее мнением нужно считаться, думаю, ты не удивишься если вскоре она станет новой Леди Тарлей?

— Вы оба заслуживаете счастье, Никос. Да будет так!

Дагмар приехал рано утром на шестой день после того как Никос обрел потерянного родственника. Рыцарь ехал в сопровождении всего троих спутников, оставив позади отряд своих людей и большой свадебный выезд из Ульфенхолл.

— Я получил известие от тебя прямо во время пира и хотел ехать немедленно, но Веймар уговорил переждать ночь и отправиться на рассвете всем вместе. Катрин давно мечтает увидеть тебя, она вовсе не такая зануда, как мне показалось вначале.

На свадьбе она здорово танцевала и пела, и даже заигрывала со мной из-за чего ее Волк чуть меня не покусал. Они безумно любят друг друга и забавляются словно малые дети, но им не затмить нашу с тобой любовь, Марин. Моя радость, мое сокровище... Как там поживает мой отпрыск, еще не научился говорить? Могу поспорить, его первое слово будет «отец»!

— До его первых слов должно пройти полтора года, не меньше, чудовище ты мое, необразованное!

— Наконец-то этот белобрысый святоша додумался тебя отпустить! Я слышал, он уже не собирается к праотцам, ну и славно... Никос не плохой парень, ведь это по его милости мы встретились и обрели друг друга, радость моя... Ну, веди же меня скорей в спальню или я возьму свое прямо на этих досках...

— Я тебе еще не супруга, не пытайся командовать! К тому же, я тебя нисколько не боюсь, хоть ты и Грозный Медведь! Скажи, ты и правда это можешь? Я все еще верю с трудом... это больно... тяжело... превращаться в настоящего Зверя? Может, когда-нибудь я смогла бы увидеть тебя таким... Ух, даже перехватило дыхание... это так необыкновенно...

— Когда-нибудь я тебе покажу... Где можно помыться с дороги? От меня воняет лошадьми...

— Идем, ванна готова для меня, но так и быть, я ее уступаю самому прекрасному Медведю в Королевстве! Хочешь, я помою тебя сама?

— Сочту за честь, леди Черных камней!

— Мы ведь еще не муж и жена...

— Ты уже давно Единственная в моем сердце... и скоро станешь Хозяйкой всего, что у меня есть. Я люблю тебя и сделаю все, чтобы ты и малыш были счастливы.

Гости из Волчьих земель появились в Тарлей ровно через день после приезда Дагмара. Барон де Лостан никогда не любил спешку, да и зачем ему было торопиться... Все самое ценное уже было при нем — его Желанная, Избранница его Зверя. Но Катюша воистину сгорала от любопытства! Ни гордое звание Супруги, ни громкие титулы не изменили ее природной скромности и доброты, не остудили пылкий ум и веселый нрав.

Катя даже немного волновалась при встречах, но Марина оказалась такой простой и открытой девушкой, что между ними сразу же возникло взаимопонимание. А когда во время доверительной беседы выяснилось, что они еще и землячки, радости девчонок не было предела. Правда, один раз на белое личико Марины набежала легкая тень...

— Скажи, а ты не боишься, что придется остаться здесь навсегда или ты уже с этим смирилась?

Катя хитро улыбнулась, успевая наблюдать в оконце за мужем, что, заложив руки за спину, вел сейчас во дворе какую-то чинную беседу с Никосом. Кажется, мужчины обсуждали некоторые рационализаторские предложения новоиспеченного Альбы, что вернулся из гибельной Инсекты.

— А вот мне обещали показать лазейку обратно! Правда, если я выполню некоторые условия дорогого мужа, но думаю, за этим дело не станет, при его-то упорстве и моей настойчивости.

— Так значит, способ вернуться в наш мир все-таки существует, Катя, ты меня успокоила просто! Это же отличная новость... какое счастье, что мы с тобой встретились, а то я уже начинала переживать о родителях...

— Тебе сейчас нельзя грустить, а может быть, мне тоже теперь нельзя, что-то задерживаются мои «особые дни»... Думаю скоро тоже обрадовать Веймара добрыми вестями, он давно мечтает о малышах. Знаешь, скажу тебе прямо, я недавно поняла одну вещь — если долго общаешься с Волком и даже делишь с ним ложе, ну... когда он, конечно, человек, ты меня поняла...

Ну, так вот... Я заметила, что и сама становлюсь немножечко более... ммм... дикой и откровенной в своих желаниях... Ты не замечала за собой такого? Веймар кое-что рассказывал мне о твоём Дагмаре... бр-р, я бы точно струсила, если бы меня решил облизать такой большой и страшный Медведище... как ты только его терпишь.

— Даже не знаю... — Марин картинно зевнула, прикрыв ротик ладошкой, — он хоть и Медведь, но такой нежный и ласковый... такой послушный и неумолимый в любви.

— Что ж... видимо нам с тобой здорово повезло, подружка! Не каждая леди может взять себе в мужа нежного хищника Дэриланд.

— Надеюсь, нежные хищники тоже благодарят судьбу за своих избранниц.

— Я в этом не сомневаюсь, Катюш!

Девушки не сомневались, а мудрые боги, что с первых времен хранили эту дивную страну, знали наверняка — в поместьях Ульфенхолл, Тарлей и Черные камни отныне будут царить только мир и любовь, будут слышны звонкие детские голоса, песни счастливых женщин и смех довольных мужчин. И да будет так!

Примечания

Ошибка в цитате: в маленькой трагедии Пушкина звучит: «Все говорят: нет **правды** на земле, но правды нет и выше...» — *Прим. верстальщика.*